

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
Центр коллективного пользования «Военная история России»

Центр по изучению Сталинградской битвы
ФГУБК «Государственный историко-мемориальный
музей-заповедник "Сталинградская битва"»

ГКУВО «Центр документации новейшей истории
Волгоградской области»

ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области»

Волгоградское региональное отделение
Академии военных наук РФ

Волгоградское региональное отделение
Российского военно-исторического общества

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

Материалы

*III Международной научной конференции,
посвященной 160-летию окончания
Крымской войны 1853—1856 гг.*

Волгоград, 23 — 24 сентября 2016 года

В 2 частях

Часть 1

Волгоград 2016

УДК 94(470+571):355.48

ББК 63.3(2)-68

В63

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (отв. редактор);

д-р ист. наук, проф. *О. Ю. Редькина* (зам. отв. редактора);

канд. ист. наук, доц. *О. А. Гоманенко* (отв. секретарь);

д-р экон. наук, проф. *М. М. Загоруйко*;

канд. ист. наук, доц. *А. В. Луночкин*;

канд. ист. наук, доц. *Т. В. Нелин*;

д-р филос. наук, проф. *В. Н. Гуляихин*;

д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов*;

д-р ист. наук, проф. *М. А. Балабанова*;

А. В. Васин; *Л. И. Будченко*; *А. И. Коломыткин*

Военная история России: проблемы, поиски, решения [Текст] : материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг., Волгоград, 23–24 сент. 2016 г. В 2 ч. Ч. 1 / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 376 с. ISBN 978-5-9669-1582-7 (ч. 1)

ISBN 978-5-9669-1581-0

Сборник содержит материалы докладов, представленных участниками III Международной научной конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 годов. Конференция проводилась в Волгоградском государственном университете 23–24 сентября 2016 года.

УДК 94(470+571):355.48

ББК 63.3(2)-68

ISBN 978-5-9669-1582-7 (ч. 1)

ISBN 978-5-9669-1581-0

© Авторы статей, 2016

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2016

© Оформление. Издательство Волгоградского государственного университета, 2016

ВОЕННОЕ ДЕЛО В ДРЕВНОСТИ

УДК 94(470)01
ББК 63.3(2)2-9

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ И ГРАБИТЕЛЬСКИЕ НАБЕГИ САРМАТОВ И АЛАН ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Балабанова Мария Афанасьевна

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой археологии, зарубежной истории и туризма
Волгоградского государственного университета
mary_balabanova@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется информация античных письменных источников о военном деле, а также тактике ведения боя и грабительских набегов сарматов и алан. Как свидетельствуют авторы, данная группа кочевников участвовала как в военных операциях в качестве союзников и наемников, так и совершала набеги на оседлые народы в целях наживы. Достаточно большой блок древнеримских источников, описывающая жизнь и деяния римских императоров, указывают на то, что им часто приходилось отвлекаться от более широкомасштабных операций для укрепления своих границ, которые нарушали сарматы и аланы. Кроме того, в источниках содержится информация о вооружении, военном деле и тактике ведения боевых операций сарматами и аланами.

Ключевые слова: сарматы, кочевники, грабительские набеги, боевой экстаз, копье.

Военное дело являлось одним из важных элементов культуры кочевых народов степной Евразии. Оно обеспечивало им перевес над оседлым населением и позволяло получать дополнительные материальные блага, необходимые при кочевом ведении хозяйства. Как показывают письменные источники, война и грабежи были их постоянным занятием, а общество максимально к нему приспособилось. По информации, связанной с греко-римской историей и событиями, произошедшими в Дунайском и Кавказском регионах, можно определить, в каких военных операциях и грабительских набегах сарматы и аланы участвовали и какова была их тактика.

Прежде всего следует отметить, что сарматы и аланы осуществляли военные операции и грабительские набеги на отдаленные расстояния, подальше от территории своих кочевий. Чаще всего в античных и кавказских источниках содержатся данные о военных операциях аланов и сарматов на территории Армении и Передней Азии или на территории придунайских провинций Римской империи [16, XVIII, с. 4; 15, VII, с. 4; 31, VI, с. 33]. Так, группа аланов известная как танаиты «...в разбоях и охотах доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой» [3, XXXI, с. 2, 21]. Сарматы в качестве наемников выступают в союзе с иберами против армян. Сарматские «летучие отряды» племенных союзов роксоланов и языгов, а также аланы совершают налеты на придунайские провинции [31, I, с. 79; 40, VI, с. 8; 8, с. 4 и др.].

В ходе военных конфликтов сарматы не выступали отдельной военно-политической силой, поэтому они упоминались наряду с другими этносами и оставили не слишком большой отпечаток в истории военного дела римлян. Чаще всего античные источники описывают грабительские набеги сарматов и аланов на римские провинции в союзе с отрядами других народов, главным образом германских. Довольно большое место занимает описание военных событий, в которых сарматские и аланские воины выступают в качестве наемников. Внизу дается перечень военных событий, в которых участвовали сарматы и аланы на протяжении всей их письменной истории, оказавшись в поле зрения античных авторов.

Митридатовы войны. В войне, которая датируется концом II в. до н. э., против войска Митридата VI Евпатора во главе с полководцем Диофантом в союзе со скифами Палака выступили роксаланы под предводительством царя Тасия [30, VII, с. 3, 17]. Скифо-роксаланское войско насчитывало 50 000 против вооруженной фаланги Диофанта, насчитывающей 6 000 воинов. Союзническое войско полностью было разбито фалангой Диофанта.

Первая Митридатова война с римлянами 89–84 гг. до н. э. В союзе с Митридатом VI Евпатором выступают разные сарматские воины, и «воины племени царских языгов» [4; 15; 19; 57; 69; 24, XXXVIII, с. 3, 5]. Другая информация свидетельствует о том, что передовой отряд Митридата состоял из ста савроматских всадников. Очевидно, во второй (81–83 гг. до н. э.) и третьей Митридатовых войнах с римлянами (75–65 гг. до н. э.) также участвовали савроматские и сарматские наемники.

Военные события во время правления Боспором Фарнаком. Очевидно, речь идет о событиях 47 г. до н. э., в которых на стороне Фарнака выступал царь сираков Абеак, выставивший 20 000 всадников, царь аорсов Спадин – 200 000, а верхние аорсы еще больше [30, XI, V, с. 8].

10–11 гг. до н. э. (???) Дакийская и сарматская война [38]. За победу над сарматами и другими племенами в 12 г. был отпразднован триумф Тиберия.

20–30-е гг. При императоре Тиберии Мезия неоднократно опустошалась даками и сарматами [28, III, с. 41].

35 г. По Иосифу Флавию поход каких-то скифов на Армению [16, XVIII, с. 4, 96–100]. Эти же события фигурируют у Тацита [32, VI, с. 33]: сарматы-наемники, «...скептухи которых, приняв подарки с обеих сторон... отправились на помощь к той и другой стороне».

События 48–54 гг. Борьба Митридата VII (?) за боспорский престол. С ним в альянсе выступал царь сираков Зорсин со своим войском против его брата Котиса, поддерживаемого Римом и аорсами во главе с царем Эвноном [32, XII, с. 15–18].

50-е гг. при императоре Клавдии. Междоусобная война царя свебов Ванния за престол. Армия Ванния состояла из конницы сарматского племени языгов [32, XII, с. 29].

68 г. (?) *Грабительский поход в Мезию* «скифов, которые зовутся сарматами» [15, VII, с. 4, 3]. Возможно, отражение тех же самых событий получили отклик у Тацита [История, I, с. 2]: «...племена сарматов и свебов объединяются против нас...».

68 г. Роксоланы изрубили две римские когорты. В 69 г. окрыленные прошлогодним успехом вторглись в количестве 9 000 всадников на территорию Мезии, но были перебиты, а проконсул Мезии Марк Апоний был удостоен триумфальной статуи [31, I, с. 79; III, с. 46].

68–69 г. Римляне предложили языгам участвовать в гражданской войне. Для этого нужно было привести с собой людей и конницу, которая «...одна лишь и составляет подлинную силу сарматов», но, опасаясь последствий, отказались от помощи [31, III, с. 5].

72 г. Поход аланов в Мидию и Армению [15, VII, с. 7, 4; 2, V].

89 и 92 гг. Войны Домициана со свебами и сарматами [28, с. 6; 14, VII, с. 23, 4; 10, LXVII, с. 5]. Поход на Дунай в 89 г. оказался неудачным, легион императора вместе с полководцем был истреблен. За победу над сарматами в 92 г. Домициан поднес Юпитеру Капитолийскому лишь символ победы – лавровый венок.

102–107 гг. Будучи еще претором, Адриан был послан в Паннонию в качестве преторского легата для подавления сарматов. За успешную операцию император Траян сделал его консулом [40, III, с. 9; V, с. 2; VI, с. 6]. В это же время сарматы в качестве союзников даков участвуют в Дакийских войнах [22, X, с. 74].

117 г. Восстание сарматов роксоланов. С царем роксоланским, который жаловался на уменьшение дани, после разбора дела император Адриан заключил мир [40, VI, с. 8].

118–119 гг. Военные операции императора Адриана в целях обороны границ провинций, в том числе и против сарматов [40, VI, с. 6].

135 г. Поход аланов в Переднюю Азию для участия в войне против албанов и мидян в союзе с иберийским царем Фарасманом II [4].

157 г. (?) Император Антонин Пий «часто обуздывал поднимавшихся войной аланов» и оказал поддержку городу Ольвии [41, с. 5].

167–180 гг. Маркоманские и сарматские войны [14, VIII, с. 13, 1]. Видимо в это же время вспомогательный отряд римлян без вельможи предводителя войска Авидия Кассия перебил на бе-

регах Дуная 3 000 сарматов, застигнутых врасплох, и вернулся с огромной добычей [8, с. 4]. Народы, населявшие территорию от Иллирика и Галлии, «составили заговор», который подавил Марк Аврелий. В числе народов названы роксоланы, аланы и просто сарматы [42, XXII, с. 1]. В 173–175 гг. император Марк Аврелий воевал с сарматами. Зимой 174–175 г. произошла битва римлян и языгов на льду Дуная. Разбитые языги бежали за Дунай. В 175 г. был заключен мирный договор с языгами, «...так как они оказались очень полезными для него (Марка Аврелия), то он сложил многие наложенные на них обязательства... и позволил им сношаться с роксоланами через Дакию всякий раз, когда ее правитель дозволит им это» [10, LXXI, с. 19; LXXIII, с. 3]. По условиям мирного договора языги выдали римлянам 100 000 пленных, а аланы 15 000. Языги поставили на службу в римские легионы 8 000 конницы, из которых 5 500 были отправлены служить в Британию. В 175 г. Марк Аврелий после победы над сарматами принял титул *Sarmaticus Maximus*. У Марка Аврелия было запланировано создать провинции Маркоманию и Сарматия, но другие события отвлекли его от выполнения плана, а затем он умер.

180–192 гг. Во время правления императора Комода римский гарнизон в Мезии неоднократно отражал нашествия скифов и сарматов [39, VI, с. 1].

234 г. (?) Клодий Максим в качестве легата Далмации разбил сарматов [43, V].

260 г. Регилиан не раз выступал против сарматов, но был умерщвлен по совету роксоланов [33, X. Регилиан].

270 г. *Сарматская война*. Аврелиан разгромил вторгшихся в Иллирику сарматов, за что получил титул Сарматский [35; 6; 18; 30; 33]. В триумфе Аврелиана в процессии шли с завязанными руками и в национальных одеждах с дарами, в том числе аланы, роксоланы и просто сарматы. Среди пленных были и женщины, которые в мужском убранстве сражались с римлянами, надпись гласила, что они происходят из рода амазонок. Как сообщает Флавий Вописк Сиракузянин, сам Аврелиан во время Сарматской войны «...в один день убил 48 неприятелей, а в разные весьма многие дни – более 950».

276–279 гг. Легкая победа Проба над сарматами в Иллирике, после очередного их набега [37, с. 16].

280–282 гг. Очередная сарматская война и борьба Проба и Кара с сарматами. В этой войне убили 16 000 сарматов и взяли в плен 20 000 обоего пола [37, с. 16; 36, с. 9].

294 г. Война с сарматами и карпами, германскими племенами [20].

301–302 гг. Галерий Максимиан и Диоклетиан вели одну за другой войны вместе и поодиночке «...и победили сарматов и поселили в римских пределах огромные массы пленных из этих народов» [7, с. 2; 14, IX, с. 25, 2]. Будущий император Константин, участвуя в конном походе против сарматов, «схватил за волосы свирепого варвара и привел его к ногам императора Галерия».

В 322 году «савроматы» под предводительством царя Равсимода выступили против императора Константина [11, II, с. 21].

332 г. Междоусобная война сарматов-господ с рабами. Война эта довольно подробно описана Аммианом Марцеллином [3, XVII, с. 13; XIX, с. 11] и Евсевием [13, кн. IV, с. 6; 7; 6; 30]. После поражения сарматы благородного происхождения запросили помощи у императора Константина, он принял более 300 000 человек обоего пола и поселил их во Фракии, Скифии, Македонии и Италии [3, XVII, с. 12–13].

332 г. Император Константин выступил на стороне сарматов после запроса о помощи в конфликте с готами [27, XVIII, с. 5–12].

355–358 гг. Император Констанций II отражает набеги сарматов и квадов, проведя успешную карательную экспедицию. После победы над сарматами Констанций II дал им в цари Зизаиса, «человека вполне подходящего, как выяснилось на деле» [29, XLII, с. 20; 3, XVII, с. 12, 20; 13, с. 4; 13, с. 30].

357–358 гг. «Август Констанций вынуждает пограничных сарматов-рабов, произведя большое избиение их, выселиться из своих пределов и обращается с речью к солдатам» [3, XVII, с. 13].

374–375 гг. После вероломного убийства царя квадов Габиния дуксом Марцеллианом сарматы с квадами отправили гра-

бительские отряды через Дунай и перебили много местных жителей, а оставшихся в живых вместе с награбленным скотом увели в плен [3, XXIX, с. 5–8]. Операция была осуществлена внезапно во время жатвы, когда местное население было занято в уборочной страде и не смогло отразить набег.

375–376 гг. Истребление аланов, скифов сарматов и готов гуннами [12, фр. 42; 34, XI; 3, XXXI, с. 2, 12].

378–381 гг. Децим Магн Авсоний упоминает о военных действиях Грациана в дунайских провинциях против аламанов, аланов, сарматов и готов [1, II, 26 с. (1), 10]. При переходе на правый берег Дуная в районе Кастра-Мартис, на отряд Грациана неожиданно напал отряд аланов [3, XXXI, с. 11, 6].

378 г. Битва под Адрианополем, завершившаяся победой аланов и остроготов [3, XXXI, с. 12, 17; 13, с. 1–17].

По Лукану сарматы и мосхи вели продолжительную войну. Он же аланов называет вечно воинственными или более поэтично «...загрубелых от вечного Марса» [18, III, с. 270; VIII, с. 220–225].

Для IV–V вв., видимо, были характерны и междоусобные войны, что нашло отражение в цитате: «Хунны восстали на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов» [2, X, XXI; 9].

Лукиан Самосатский описывает военный конфликт скифов с савроматами [19, с. 38–40]. У него же имеется информация об еще одном столкновении скифов с боспорианами, которые выступили в союзе с аланами и сарматами [19, с. 54].

Анализируя античные письменные источники, можно выделить тактику ведения боевых операций и грабительских набегов, представив их следующим образом:

1) набегии сарматами и аланами осуществлялись преимущественно небольшими конными отрядами, но при этом создавалась видимость массовости: «...у этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны» и «сарматы – наиболее поднаторевшее в грабежах племя» [3, XVII, с. 12, 2; XVI, с. 10, 20];

2) сарматы и аланы включались в римские легионы в качестве наемников, воюя за определенную плату [15, V, 4.3, 7.1–4; 32, VI, с. 33–35 и др.];

3) аланы и сарматы в военных событиях выступали в качестве союзников той или иной стороны;

4) очень часто в набегах сарматы и аланы по возможности избегали сражения с армией противника и использовали «скифскую тактику» избегания – «убегающие побеждают» [9, IV, с. 120];

5) при принуждении сарматы и аланы старались дать одно генеральное сражение;

6) другая тактика, тоже широко используемая скифами, парфянами и другими ираноязычными народами, которой пользовались и сарматы, это «стрельба из лука назад, притворяясь бегущими» [17, IV, с. 8, 62];

7) для сарматских воинов свойственно было вступать в рукопашный бой. Стараясь не допустить, чтобы их осыпали стрелами, они предупреждали эту ситуацию, видимо, продавливанием строя и рукопашной схваткой [32, VI, с. 35];

8) сарматы и аланы в боевых операциях выступали как легковооруженная и тяжеловооруженная конница;

9) снаряжением сарматского катафрактария были копья и «...длиннейший меч, который сарматы держат обеими руками» [31, I, с. 79];

10) воины-катафрактарии в процессе ведения боев выработали и особые боевые порядки, тактические приемы, атакуя неприятеля тесно сомкнутым строем;

11) излюбленный прием атаки аланских катафрактариев – выступление клином [6; 16, с. 6], но известен и линейный строй [23, XXV];

12) «азиатским» методом ведения боя и обычных грабительских набегов было использование сарматами и аланами аркана, который ловко набрасывали на врага и стягивали его с лошади, если это был всадник [15, VIII, с. 7, 4; 21, I, XXI, с. 5; 2, V; 3, XXXI, с. 2, 9]. Подобный захват врагов использовали даже воинственные сарматские-яксаматские женщины. Они затягивали аркан на шею врага до удушья [25, I, с. 114]. Аланы обладали тактикой «...сражаться издали и способностью убежать». Для этого они использовали аркан, которым опутывали врага, после затягивания петли [2, V];

13) римские императоры платили ежегодную дань народам, жившим в приграничных с римскими провинциями районах, в том числе и сарматам, с которыми проще было расплатиться и на время оградить себя от грабительских набегов, чем постоянно держать в напряжении легионы, дислоцированные в Мезии, Иллирике и других провинциях и постоянно увеличивать их численность [13, IV, с. 1; 26, XI, с. 5–6; XXIII, с. 6].

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что римляне не считали сарматов и аланов серьезными противниками, но так как они очень часто их отвлекали от более глобальных военных операций своими грабительскими набегами на придунайские провинции, приходилось с ними считаться.

Почти все авторы античности этнической характеристикой сарматов и аланов называют их воинственность. Основную военную силу сарматов и аланов первых веков нашей эры составляет конница. Их «летучие отряды» осуществляют набеги на мирных жителей не только римских провинций, но и на племена, соседствующие с ними и в какой-то определенный момент выступающие их союзниками против римских легионов. Особое место в источниках занимает информация о тяжеловооруженных воинах-катафрактариях. Их отряды формировались из знатных сарматов и аланов, которые в основном и совершали набеги.

Список литературы

1. Авсоний. Эпиграммы / Авсоний // Поздняя латинская поэзия ; пер. с латинского Ю. Шульца. – М. : Художественная литература, 1982. – С. 174–188.
2. Амвросий. Объяснение евангелия от Луки / Амвросий // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. – 1949. – № 4 (30). – С. 233.
3. Аммиан Марцеллин. Римская история / Аммиан Марцелин ; пер. и коммент. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. – СПб. : Алетейя, 1996. – 268 с.
4. Аппиан. Римские войны / Аппиан ; пер. и коммент. С. П. Кондратьева. – СПб. : Алетейя, 1994. – 781 с.

5. Арриан. Диспозиция против аланов / Арриан ; пер., коммент. и вступ. ст. А. К. Нефедкина // Арриан. Тактическое искусство. – СПб., 2010. – С. 195–261.
6. Арриан. Тактическое искусство / Арриан ; пер., коммент. и вступ. ст. А. К. Нефедкина. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор–История, 2010. – 286 с.
7. Валезианский аноним. Род императора Константина / Валезианский аноним // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. – 1949. – № 3 (29). – С. 269.
8. Вулкаций Галликан. Авидий Кассий / Вулкаций Галликан // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана ; пер. С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 55–62.
9. Геродот. История / Геродот ; пер. Г. А. Стратановского. – М. : АСТ МОСКВА, 2007. – 700 с.
10. Дион Кассий Коккеан. Римская история. Кн. LXIV–LXXX / Дион Кассий Коккеан ; пер. А. В. Махлюка, К. В. Маркова, Н. В. Савицкой, [и др.]. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор история, 2011. – 456 с.
11. Зосим. Новая история / Зосим // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. – 1947. – № 4 (26). – С. 274–288.
12. Евнапий. Продолжение истории Дексиппа / Евнапий // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. – 1948. – № 3 (25). – С. 272–275.
13. Евсевий. Жизнь блаженного василевса Константина / Евсевий ; отв. ред. А. А. Калинин; коммент. А. А. Калинина. – Изд. 2-е. – М. : Labaum, 1998. – 352 с.
14. Евтропий. Бrevиарий от основания Города / Евтропий ; пер. с латинского Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной. – СПб. : Алетейя, 2001. – 305 с.
15. Иосиф Флавий. Иудейская война / Иосиф Флавий ; пер. Я. Л. Чертка. – СПб. : Ореда, 1991. – 529 с.
16. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. Кн. 13–20. О древности иудейского народа (Против Апиона) / Иосиф Флавий. – М. : АСТ; Ладомир, 2003. – 612 с.
17. Климент Александрийский. Строматы / Климент Александрийский. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/4. – Загл. с экрана.

18. Лукан Марк Анней. Фарсалия или поэма о гражданской войне / Лукан Марк Анней ; пер. с латинского Л. Е. Остроумова. – М. : Науч.-издат. центр «Ладомир» – «Наука», 1993. – 348 с.
19. Лукиан из Самосаты. Токсарид или дружба / Лукиан из Самосаты // Избранная проза : пер. с древнегреч., сост., вступ. ст. И. Нахова. – М. : Правда, 1991. – С. 126–156.
20. Неизвестный автор. Панегирик, сказанный кесарю Констанцию / Неизвестный автор. – ВДИ. – 1949. – № 3 (29). – С. 253.
21. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1. Кн. I–IV / Павсаний ; пер. С. П. Кондратьева. – СПб. : Алетейя, 1996. – 336 с.
22. Плиний Младший. Письма / Плиний Младший ; пер. М. Е. Сергеевко (кн. I–VI, X), А. И. Доватура (кн. VII–IX), В. С. Соколова («Панегирик Траяну»). – М. : Наука, 1983. – 408 с.
23. Плутарх. Римские вопросы / Плутарх // Застольные беседы. Дополнения. – Л. : Наука, 1990. – С. 180–222.
24. Помпей Трог. Введения к Филипповским историям Помпея Трога / Помпей Трог // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. – 1949. – № 1 (27). – С. 246–256.
25. Помпоний Мела. Метоположении земли / Помпоний Мела ; пер. С. К. Апта // Античная география. – М. : Географгиз, 1953. – 376 с.
26. Прокопий Кесарийский. Тайная История / Прокопий Кесарийский ; пер. с латинского С. П. Кондратьева. – М. : Веста, 1991. – 96 с.
27. Публилий Оптатиан. Порфирий / Публилий Оптатиан // Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – ВДИ. – 1949. – № 3 (29). – С. 269–270.
28. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Светоний ; пер. и коммент. М. Л. Гаспарова. – М. : Правда, 1988. – 339 с.
29. Секст Аврелий Виктор. О цезарях / Секст Аврелий Виктор // Римские историки IV в. – М. : Российская политическая энциклопедия, 1997. – С. 77–123.
30. Страбон. География : в 17 кн. / Страбон ; пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Стратановского. – М. : Ладомир, 1994. – 944 с.
31. Тацит Публий Корнелий. История / Тацит Публий Корнелий // Анналы. Малые произведения. История : пер. с латинского. – М. : АСТ ; Ладомир, 2003. – С. 523–764.
32. Тацит Публий Корнелий. Анналы / Тацит Публий Корнелий // Анналы. Малые произведения. История. – М. : АСТ ; Ладомир, 2003. – С. 5–423.

33. Трибеллий Поллион. Тридцать тиранов. Регилиан / Трибеллий Поллион ; пер. С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана. – М. : Наука, 1992. – С. 242–243.
34. Филосторгий. Сокращения «Церковной истории» / Филосторгий // Церковные историки IV–V вв. – М. : Росспэн, 2007. – С. 187–262.
35. Флавий Вописк Сиракузянин. Божественный Аврелиан / Флавий Вописк Сиракузянин // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 266–289.
36. Флавий Вописк Сиракузянин. Кар, Нумерин и Карин / Флавий Вописк Сиракузянин // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 318–325.
37. Флавий Вописк Сиракузянин. Проб / Флавий Вописк Сиракузянин // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 298–310.
38. Флор Луций Аней. Две книги эпитом Римской истории обо всех войнах за семьсот лет / Флор Луций Аней // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 167 с.
39. Элий Лампридий. Каммод Антонин / Элий Лампридий // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 62–72.
40. Элий Спартиан. Адриан. Жизнеописание Адриана / Элий Спартиан // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 6–21.
41. Юлий Капитолин. Антонин Пий / Юлий Капитолин // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 26–32.
42. Юлий Капитолин. Жизнеописание Марка Антонина Философа / Юлий Капитолин // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 33–48.
43. Юлий Капитолин. Максим и Бальбин / Юлий Капитолин // Властелины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклети-

ана / перевод С. Н. Кондратьева ; под ред. А. И. Доватура. – М. : Наука, 1992. – С. 214–222.

**MILITARY OPERATIONS AND FORAYS SARMAT
AND ALAN ACCORDING
TO ANCIENT WRITTEN SOURCE**

Balabanova Maria Afanasyevna

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head of the Department of Archaeology, History and foreign tourism
Volgograd State University
mary_balabanova@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 600062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the information of ancient written sources on military affairs and combat tactics and predatory attacks of Sarmatians and Alans. As the authors show, this group of nomads participated in military operations as allies and mercenaries, and raided the sedentary people for profit. Sufficiently large block of Roman sources describing the life and deeds of Roman emperors indicate that they often had to be distracted from the more large-scale operations to strengthen its borders, which violated the Sarmatians and Alans. In addition, the sources contains information about weapons, military tactics and Sarmatians and Alans combat operations.

Key words: Sarmatians, nomadic, predatory raids, combat ecstasy spear.

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Азе)3

БОЕВЫЕ ТРАВМЫ И СКАЛЬПИРОВАНИЕ У ПЛЕМЕН КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Кириченко Дмитрий Александрович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института археологии и этнографии
Национальной академии наук Азербайджана
dmakirichenko@mail.ru
просп. Г. Джавида, 115, AZ 1143 г. Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье рассматриваются палеоантропологические материалы катакомбной культуры Азербайджана. Катакомбная культура Азербайджана датируется I–VII вв. н. э. Археологически ее связывают с появлением на территории Азербайджана племен сармато-аланского круга. Были исследованы палеоантропологические материалы из катакомбных погребений Мингечаура и Шеки. На искусственно деформированном черепе из Мингечаура на правой теменной кости имеются следы от проникающего ранения. Можно предположить, что раненому была сделана попытка оказания медицинской помощи в виде трепанации, однако она закончилась смертью пациента. На черепе отмечены также патологии в виде: *Os incaе* и *Os incisurae sagitalis*.

На искусственно деформированном черепе из Шеки на правой теменной кости имеются следы возможного скальпирования. Скальпирование было произведено металлическим предметом. Данные палеоантропологические находки являются пока единственными свидетельствами боевых травм и скальпирования в эпоху античности на территории Азербайджана.

Ключевые слова: Азербайджан, катакомбная культура, сарматы, скальпирование, травмы, патологии, трепанации.

Археологи относят катакомбную культуру Азербайджана к племенам сармато-аланского круга и датируют I–VII вв. н. э. [5]. Сарматы вошли в мировую историю как воинственный народ. В статье предпринята попытка осветить новые палеоантрополо-

гические материалы катакомбной культуры Азербайджана, на которых имеются следы боевых столкновений тех далеких времен. К боевому травматизму у сарматских племен обратились в первую очередь российские антропологи Д.Г. Рохлин, М.А. Балабанова, Е.Ф. Батиева, А.П. Бужилова, Е.В. Перерва [12; 1; 2; 4; 9]. Травмы у сарматов были как зажившие, так и с летальным исходом. В основном превалировали рубленные раны [1, с. 16].

Автором данной статьи был исследован искусственно деформированный череп (см. рис. 1) из катакомбного погребения Мингечаура, который хранится в Археологическом фонде Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана¹. Сохранность черепа плохая, присутствует лишь черепная коробка, лицевая часть полностью отсутствует. На правой теменной кости имеется след от проникающего ранения. Вероятно, оружием в данном случае послужил металлический предмет, который сломал кость. Возможно, раненому была оказана медицинская помощь в виде попытки проведения лечебной трепанации, приведшая к смерти пациента, так как следы заживления кости отсутствуют. Медицинские трепанации известны среди сарматских племен Евразии, они встречаются на территории Венгрии, Подонья, Казахстана [12; 6; 7]. Из патологий на черепе из катакомбного погребения Мингечаура следует отметить *Os incae* и *Os incisurae sagitalis*.

В Археологическом музее г. Шеки хранится искусственно деформированный череп (см. рис. 2) из разрушенного катакомбного погребения². Череп плохой сохранности, имеется лишь черепная коробка, лицевой отдел отсутствует.

На правой теменной кости были обнаружены следы возможно скальпирования (в виде насечек), произведенного металлическим предметом. На данном черепе присутствуют следы вероятной символической трепанации, выполненной методом прорезывания.

¹ Выражаю свою благодарность сотрудникам Археологического фонда Института археологии и этнографии за возможность исследовать палеоантропологический материал.

² Выражаю свою признательность сотрудникам Археологического музея г. Шеки за возможность исследовать палеоантропологический материал.

Рис. 1. Искусственно деформированный череп из Мингечаура

Рис. 2. Искусственно деформированный череп со следами скальпирования и символической трепанации из Шеки

Символическая трепанация встречалась у сарматов Венгрии и Подонья [6; 11]. Скальпирование представляет собой удаление кожи вместе с волосами с головы живого или умершего человека. Полную сводку о скальпировании на Евразийском континенте опубликовала М.Б. Медникова [8]. Первое письменное упоминание о скальпировании у кочевников мы встречаем у Геродота, относительно этой традиции у скифов. Что же касается скальпирования у других кочевых племен, то мы встречаем его у населения скифского и гунно-сарматского времени Тувы, Алтая и Казахстана [13; 3]. Случаи скальпирования у сарматов были описаны Е.В. Перервой на материалах могильника близ хутора Новый с территории Подонья. Им было исследовано 4 черепа со следами скальпирования, относящиеся к раннесарматскому времени. Три черепа принадлежали мужчинам, а один череп – женщине [9, с. 60–61].

Приведенные выше палеоантропологические материалы катакомбной культуры Азербайджана свидетельствуют о том, что по боевым травмам, скальпированию и трепанациям сармато-аланы Азербайджана были в одном ряду с остальными сармато-аланскими племенами Евразии.

Палеоантропологические находки из Мингечаура и Шеки являются пока единственными свидетельствами о боевых травмах и скальпировании в эпоху античности на территории Азербайджана.

Список литературы

1. Балабанова, М. А. Отражение боевых повреждений на костях человека (по материалам погребений сарматского времени) / М. А. Балабанова // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 13–25.
2. Батиева, Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время / Е. Ф. Батиева // Антропология на пороге III тысячелетия. – Т. 1. – М. : Старый сад, 2003. – С. 250–267.

3. Бейсенов, А. З. Население Центрального Казахстана в I тыс. до н. э. / А. З. Бейсенов, А. О. Исмагулова, Е. П. Китов, А. О. Китова. – Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. – 188 с.
4. Бужилова, А. П. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский-I) / А. П. Бужилова, И. С. Каменецкий // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. – 2004. – № 3. – С. 208–213.
5. Гошгарлы, Г. О. Типология погребальных памятников античного периода на территории Азербайджана / Г. О. Гошгарлы. – Баку : Елм, 2012. – 248 с.
6. Кириченко, Д. А. О случаях трепанации у сарматских племен Евразии / Д. А. Кириченко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – № 2 (33) (в печати).
7. Китов, Е. П. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке / Е. П. Китов, А. М. Мамедов. – Астана : Издат. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. – 352 с.
8. Медникова, М. Б. Скальпирование на Евразийском континенте / М. Б. Медникова // Российская Археология. – 2000. – № 3. – С. 59–68.
9. Перерва, Е. В. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV–I до н. э. с территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона / Е. В. Перерва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 5 (35). – С. 59–72.
10. Перерва, Е. В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона / Е. В. Перерва. – Волгоград : Изд-во ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2011. – 499 с.
11. Перерва, Е. В. Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) / Е. В. Перерва // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. – 2012. – № 2. – С. 123–133.
12. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох нормальные и патологические изменения) / Д. Г. Рохлин. – М. ; Л. : Наука, 1960. – 302 с.
13. Murphy E., Gokhman I., Chistov Y. and Barkova L Prehistoric Old World Scalping: New Cases from the Cemetery of Aymyrlyg, South Siberia / E. Murphy, I. Gokhman, Y. Chistov and L. Barkova // American Journal of Archaeology. – 2002. – Vol. 106, No.1 (Jan.). – P. 1–10.

FIGHTING TRAUMAS AND SCALPING AT TRIBES OF CATACOMB CULTURE OF AZERBAIJAN

Kirichenko Dmitriy Aleksandrovich

PhD, Senior Scientific Worker
Institute of Archaeology and Ethnography
Azerbaijan National Academy of Sciences
AZ 1143, Azerbaijan, Baku, H. Javid Avenue, 115
dmakirichenko@mail.ru

Abstract. In previous article are discuss paleoanthropological materials of Catacomb culture of Azerbaijan. Catacomb culture of Azerbaijan is dated I–VII centuries AB. It's belonged to by archaeological data to come to Azerbaijan of Sarmatians – Alanians tribes. In paper have been studied paleoanthropological materials from Mingechaur and Sheki. Artificial deformed skull from Mingechaur has trace of penetrated wound on wright parental bone. Perhaps, here we can think, that was attempted to medical help of mounded human as trepanation, but operation finished of patient death. Mingechaur skull has two pathologies: Os incae and Os incisurae sagitalis. Artificial deformed skull from Sheki has traces of probably scalping. Scalping have been made by metallic object. These paleoanthropological materials are single, which are said to us about fighting traumas and scalping in Antic times in Azerbaijan yet.

Key words: Azerbaijan, Catacomb culture, Sarmatians, scalping, traumas, pathologies, trepanation.

УДК94(470).01:355.422

ББК 63.3(2)2-9

СЛУЧАИ БОЕВОГО ТРАВМАТИЗМА У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НИЖНЕГО ДОНА¹

Перерва Евгений Владимирович

Кандидат исторических наук,
начальник научно-организационного отдела
Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
perervafox@mail.ru
ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Травматические повреждения, обнаруженные на костных останках людей, являются великолепным источником информации о степени агрессивности и воинственности древних народов. Представленная работа дает возможность оценить степень распространения боевых ранений у сарматских кочевников I – второй половины II вв. н. э. Выявленные травмы позволили охарактеризовать средних сарматов как воинов, которые обладали не только хорошим знанием военного дела, но также владели и навыками полевой медицины.

Ключевые слова: средние сарматы, кочевники, травмы, повреждения, череп, посткраниальный скелет.

Наряду с классическими методами антропологии палеопатологические исследования в нашей стране набирают все большую популярность. Одним из наиболее интересных аспектов изучения костных останков древних народов является выявление степени и характера их травматизма. Ряд исследователей указывает, что травмы костей скелета являются наиболее характерными маркерами военной жизни и трудовой деятельности человека [10; 12; 14; 17; 23; 26; 27]. Профессор С. Мербс рассматривает травматические состояния в широком аспекте человеческого поведения, обра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-01-00063.

щая внимание, прежде всего, на обстоятельства при которых были получены травмы, как они повлияли на жизнь человека и популяции впоследствии, а также оценивает степень развития медицинских знаний в группе [24, с. 161–189]. Д. Ортнер и В. Путчар считают, что причиной травматизма в древних популяциях могут быть следующие факторы: война, насилие внутри семьи, деятельность людей во время сбора урожая или охоты, преднамеренное и непреднамеренное нанесение увечий в процессе ритуальных действий, а также физиологические факторы, которые могли приводить к переломам костей, например старческий остеопороз [25].

Анализ археологического материала и письменных источников рисует сарматов южнорусских и приуральских степей как военизированных, а в некоторых случаях крайне агрессивных кочевников раннего железного века.

У античных авторов сарматы и аланы описываются как кровавые варвары, профессиональные войны, часто живущие добычей и участвующие в регулярных военных походах (Иосиф Флавий, Луций Анней Сенека). Доказательства высокого военного искусства у кочевников раннего железного века имеются также в письменных источниках (Иосиф Флавий Плиний Старший, Корнелий Тацит, Аммиан Марцеллин). Конечно, все эти описания не могли не найти подтверждений на археологических и антропологических материалах.

Именно поэтому одним из набирающих популярность направлений исследования костных останков сарматов IV века до н. э. – IV века н. э. является изучение характера и степени их травматизма.

До настоящего времени тем или иным образом проблемам травм, агрессии и военизованности сарматского общества по данным антропологии свое внимание уделяли такие исследователи, как Д.Г. Рохлин (1960), М.А. Балабанова (1997; 2001), А.П. Бужилова (2005, 2005), Е.Ф. Батиева (2003), Соколова (2004), Е.В. Перерва (2002, 2013), Д.А. Кириченко (2013).

Работы исследователей показывают, что на костных останках сарматов достаточно часто встречаются различного рода травматические дефекты, которые можно охарактеризовать как насильственные боевые повреждения, бытовые травмы, случайные повреждения.

В данной работе представлена попытка описания боевых травм кочевников среднесарматского времени. Для изучения были доступны костные останки 171 индивида, происходящие из подкурганых захоронений I – второй половины II в. н. э. Костяки в различной степени сохранности. У 155 индивидов для исследования были доступны кости черепа и нижней челюсти, а у 104 сохранились кости верхних и нижних конечностей, таза, позвонки, кости туловища. В процессе изучения костных останков применялась методика фиксации палеопатологических признаков, разработанная А.П. Бужиловой [4]. Статистический анализ проводился с использованием параметрических и непараметрических методов с помощью специально созданной для этой цели автоматизированной системы (на базе программ BorlandC++ Builder 6 и Microsoft Excel XP). В отдельных случаях использовался метод рентгенологической диагностики аппаратом Medics-P-AMIKO2.

Степень травматизма у населения в суммарной выборке среднесарматского времени учитывалась по частоте встречаемости повреждений на черепе и костях посткраниального скелета. Травмы черепа были разделены на повреждения свода черепа (рубленые раны и компрессионные переломы – «вмятины») и лицевого скелета (переломы носа, травмы верхней и нижней челюсти, переломы коронок).

К лицевым повреждениям были отнесены переломы носовых костей, травмы верхней и нижней челюсти, дополнительно учитывались случаи переломов коронок зубов и преждевременная их утрата с последующей облитерацией альвеолы, которые вполне могут являться результатом травматических повреждений.

Травмы костей посткраниального скелета: переломы трубчатых, плоских костей скелета и позвоночника, а также проникающие ранения с сохранением предмета в костной ткани. При фиксации переломов учитываются следующие позиции: одиночный перелом (просматривается линия повреждения целостности костной ткани вне зависимости от характера плоскости излома – поперечный полный и неполный); множественные переломы (больше двух травм у одного индивида); повреждения оружием,

от ударов тупым предметом до повреждений режущим оружием. При фиксации дефектов на костях скелета, в особенности на длинных костях верхних и нижних конечностей, учитывались локализация травмы и ее последствия. Наряду с переломами как результат травматических повреждений обычно учитываются вывихи и экзостозы.

Одна из характерных особенностей средних сарматов Нижнего Поволжья и Дона – это женский травматизм (см. таблицу). Всего было зафиксировано 7 случаев различного рода повреждений в женской выборке.

**Степень травматизма
в серии среднесарматского времени**

Локализация повреждений	Суммарная группа			Мужчины			Женщины		
	<i>S</i>	<i>N</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%	<i>S</i>	<i>n</i>	%
Лицевые травмы	137	6	4,4	77	5	6	60	1	1,6
Свод черепа	137	8	6	77	3	4	60	5	8
Посткраниальный скелет	90	12	13	53	11	21	37	1	3

Один случай травмы носа у молодой женщины из погребения 1 кургана 86 могильника Новый. Одно повреждение было выявлено на костях посткраниального скелета – это компрессионный перелом 2-го поясничного позвонка у молодой женщины 20–25 лет из погребения 1 кургана 6 могильника Зензиватка. Травма носа молодой женщины, вероятно, является следствием бытового травматизма, а перелом позвонка последствием несчастного случая.

Особняком стоит повреждение, которое выявлено у женщины 30–35 лет из погребения 3 кургана 45 могильника Перегрузное I. На черепной коробке, на правой теменной кости, а также в области сагиттального шва выявлены дефекты, которые интерпретируются как трепанации черепа (см. рис. 1). Макроскопический и рентгенологический анализ дефектов дают возможность предположить, что они не являлись следствием терапевтической операции, а вероятнее всего проводились посмертно в ритуальных целях [14, с. 123–133].

Рис. 1. Полная и неполная трепанация сверлильного типа на черепе женщины 30–35 лет из погребения 3 кургана 45 могильника Перегрузное I

У пожилой женщины из погребения 15 кургана 8 могильника Аксай обнаружено, что часть височной кости, а именно ее теменной край, отсутствует. Края слома кости ровные и застарелые. Дефект, скорее всего, был получен непосредственно перед смертью и стал результатом удара тяжелого предмета с острым краем (мечом), следствием чего явился откол верхней части височной кости и образование отверстия длиной 40 мм и шириной 25 мм. Форма дефекта прямоугольная. Следов заживления или репарационного процесса не обнаружено (рис. 2).

У женщины 35–40 лет из погребения 3 кургана 7 могильника Маляевка-V обнаружены серьезные повреждения свода черепа. На правой теменной кости зафиксирован целый комплекс дефектов (рис. 3). Первое ранение наблюдается в области затылочного угла кости в 15 мм от сагиттального шва. Повреждение овальной формы размером 15 × 10 мм по типу вмятины длинной осью ориентировано в поперечном черепу направлении. Ранение имеет благоприятный исход. Следующий дефект локализуется в задней ниж-

ней части затылочной кости несколько выше сосцевидного угла. Ранение также по типу компрессионного перелома свода черепа, но уже более обширное, размером 35×35 мм, имеет четкую округлую форму. Стенки ранения округлые и облитерированные. На внутренней поверхности черепа наблюдается незначительная выпуклость на месте дефекта. Одновременно с этим от передней части дефекта отходит полностью заросшая линия разлома. Длина трещины первоначально, вероятнее всего, была несколько больше, чем отмеченная нами, около 50 мм, по направлению к венечному шву.

Рис. 2. Следы ранения на черепе женщины из погребения 15 кургана 8 могильника Аксай-I

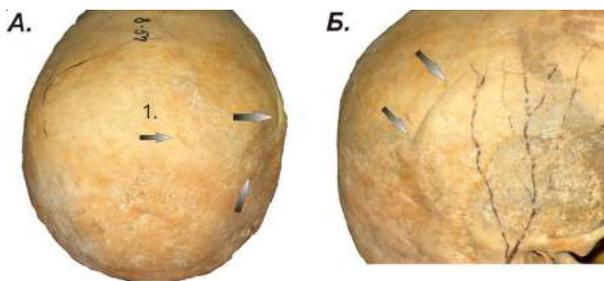

Рис. 3. Комплекс травм на черепе женщины из погребения 3 кургана 7 могильника Маляевка V:

А – вид сзади; Б – вид сбоку

Как известно, трещины и переломы образуются от сильных ударов по голове тупым предметом. Если на череп действует орудие с ограниченной поверхностью, то образуются так называемые вмятины и дырчатые переломы, в той или иной степени отражающие форму ударяющей поверхности. Последствием данных повреждений чаще всего является смерть [18, с. 188]. В нашем случае наблюдается благоприятный исход от полученной травмы. Причиной возникновения дефекта № 1, скорее всего, был удар тяжелым тупым предметом, узким в сечении. Второй же дефект мог произойти и в результате удара тупым предметом, имеющим в сечении значительную по площади поверхность поражения.

На черепной коробке молодой женщины из погребения 1 кургана 1 могильника Ольховка I также зафиксирован комплекс повреждений. Первый обнаружен на левой части лобной кости – в области лобного угла выявлен дефект линзовидной формы без следов прободения в полость черепа. Размер повреждения 40 × 14 мм. Дефектом затронута верхняя компакта и внутренний губчатый слой кости. В 13 мм правее от выявленной травмы обнаружен второй дефект костной пластины. Повреждение, проникающее, шириной 15 мм и в длину 17 мм. Следов воспалительного процесса не обнаружено. Ранения были получены в результате ударов спереди тяжелым рубящим предметом непосредственно перед смертью индивида.

Таким образом, в женской выборке средних сарматов выявлен ряд насильственных ранений, нанесенные боевым оружием – рубящим или дробящим. Большинство повреждений зафиксировано у женщин детородного возраста. Причину этому стоит искать в крайней военизованности сарматского общества, где военным делом могли заниматься не только мужчины, но и женщины. Нередки в погребениях среднесарматских женщин и предметы вооружения. Так, например, в погребении из кургана 1 могильника Ольховка (на черепе женщины из данного погребения были обнаружены два рубленных повреждения) найден железный топор. Достаточно часто женщины-воительницы упоминаются в письменных источниках. Таким образом, палеоантропологичес-

кий материал еще раз красноречиво свидетельствует в пользу предположения, сделанного А.М. Хазановым, который еще в 1971 г. высказал мнение, что войско сарматов было в виде народ-войско [21, с. 66].

Что же касается мужчин, то травмы, зафиксированные у них, достаточно многочисленны и разнообразны по типу и локализации, в отличие от женщин. Наиболее часто встречаемые повреждения – это травмы верхних и нижних конечностей, других частей тела, например, позвоночника. В основном это простые переломы, которые можно охарактеризовать как несчастные случаи, в то же время был выявлен и ряд насильственных, боевых ранений.

На левой лопатке мужчины 35–45 лет из погребения 1 кургана 51 могильника Перегрузное I на внешней ее поверхности в нижней части выявлена травма со следами заживления, размером 20 × 30 мм. Вероятно, ранение имело проникающий характер. Дефект имеет округлую форму с наличием замыкающей костной пластины на дне, со следами воспалительного процесса и образованием костной мозоли. Еще одно травматическое повреждение было зафиксировано на левой тазовой кости в области подвздошного гребня (см. рис. 4). Травма возникла в результате проникновения инородного тела – наконечника стрелы, который застрял в кости. Наблюдается развитие гиперостоза вокруг инородного тела со следами воспалительного процесса. На рентгенограмме тазовой кости зафиксировано разрушение подвздошной кости в результате посмертного воздействия внешней среды. Вертлужная впадина целая, без следов костных разрастаний. В нижней ветви лонной кости имеется инородное тело металлической плотности размером 18 × 8 мм. Вероятнее всего, наконечник стрелы, втулочной формы. Вокруг ранения имеется полость с ободком склероза, ограничивающая место инородного тела в кости по типу «инкапсуляции».

Особое внимание привлекает к себе погребение 2 кургана 52 могильника Перегрузное I. У мужчины 45–50 лет из данного захоронения обнаружен комплекс травм. Первая – это полный перелом левой ключицы на месте акромиального конца кости. Вторая травма имеет особый интерес. Локализовано повреждение в области левого локтевого сустава. Кости предплечья и кисти от-

сутствуют. На нижнем эпифизе левой плечевой кости выявлены нейротрофические изменения, истончение надкостницы, частичное разрушение эпифизарной части и суставной поверхности, что может быть следствием развития воспалительного процесса в результате преднамеренного удаления костей предплечья (рис. 5). Определить причину ампутации конечности еще предстоит.

Рис. 4. Следы ранения вместе с обломанным наконечником стрелы в тазовой кости мужчины (35–45 лет) из погребения 1 кургана № 51

Рис. 5. Следы ампутации предплечья на плечевой кости. В области дистального эпифиза наблюдаются признаки воспалительного процесса

Достаточно часто у среднесарматских мужчин встречаются травмы черепа, в основном это повреждения лицевого отдела черепа: носовых костей, верхней и нижней челюстей; травмы костей носа, которые характеризуются деформацией.

Ранений костей свода черепа выявлено только 3. У мужчины из могильника Перегрузное I из погребения 2 кургана 28, возраст которого 55–65 лет, на левой теменной кости в области теменного бугра, у лямбдовидного шва, зафиксировано повреждение по типу овальной вмятины. Длина дефекта 51 мм, ширина

11 мм. Стенки ранения скошены внутрь, но прободения в полость черепа не наблюдается. В центре компрессионного перелома отмечается неровная костная поверхность, покрытая порозом. Повреждение, вероятно, было получено в результате нанесения ударов сзади тяжелым предметом.

На лобной кости мужчины из погребения 2 кургана 9 могильника Соленое Займище-III в 6 мм от височной линии зафиксирован костный дефект по типу вмятины округлой формы (рис. 6). Размер повреждения 35×25 мм. Следов прободения в полость черепа не отмечено. Края дефекта сглаженные и облитерированные. Дно дефекта неровное, волнообразное, покрыто порозом и слоями новообразованной костной ткани. Вероятнее всего, ранение было получено в результате удара тяжелым предметом. Сложно сказать, каким типом оружия было нанесено повреждение. Благоприятный же исход ранения, вероятно, обусловлен применением защитного вооружения, которое у сарматов, как отмечают археологи, состояло из кожаного шлема и панциря [21, 58–63].

Рис. 6. Следы компрессионного перелома на левой половине лобной кости у мужчины из погребения 2 кургана 9 могильника Соленое Займище – III

У мужчины, возраст которого 50–55 лет, из погребения 2 кургана 74 при исследовании черепа погребенного были зафиксированы полностью зажившие следы перелома костей свода и осно-

вания черепа (см. рис. 7). Линия перелома фиксируется на левой теменной кости в 20 мм от сагиттального края и идет к затылочной кости через антропологическую точку «Lambda», проходя через всю площадь затылочной кости, в нескольких сантиметрах от левого теменного края. Линия разлома заканчивается в области левого мышцелкового канала затылочной кости. Трещина ориентирована в сагиттальном направлении. Общая длина разлома 195 мм. На теменной кости в наивысшей точке разлома наблюдается еще одна трещина, которая имеет несколько меньший размер – 31 мм – и иное направление – фронтальное (поперечное). Как уже было сказано, перелом имеет благоприятный исход. Хотя, по мнению судебных медиков, в подавляющем большинстве случаев обширные трещины черепа при его сдавливании приводят к кровоизлияниям и повреждению мозга [18, с. 188; 20, с. 144–145]. В данном случае отмечается полное зарастание следов разлома, но оно не идеально. В месте перелома кости сошлись на различной высоте. В особенности это заметно на теменной кости, в области верхней выйной линии – различия в высоте сглаживаются и место разлома просматривается несколько хуже. Скорее всего, это можно объяснить эластичностью черепной коробки в целом и способностью костей черепа сокращаться после повреждения [18, с. 190–191]. Судя по характеру расположения повреждения, оно было получено в результате сдавления черепной коробки с двух сторон. Наличие на теменной кости трещин, идущих в двух противоположных направлениях, указывает на то, что основная сила давления шла сверху с правой стороны. Дополнительно к этому необходимо отметить, что у этого же мужчины был зафиксирован перелом левой локтевой кости. Травма локализуется в нижней части диафиза кости в области расположения дистального латерального гребня. Перелом полный. Травма также имеет благоприятный исход. Как нам кажется, оба повреждения – и перелом костей свода черепа, и локтевой кости – были получены одновременно, в результате несчастного случая, например, падения с коня или с большой высоты, или в результате механического воздействия на черепную коробку значительного по величине объекта. Хотя в погребении мужчины и было обнаружено вооружение в

виде стрел, нельзя определенно сказать, что полученные травмы явились последствием военного столкновения.

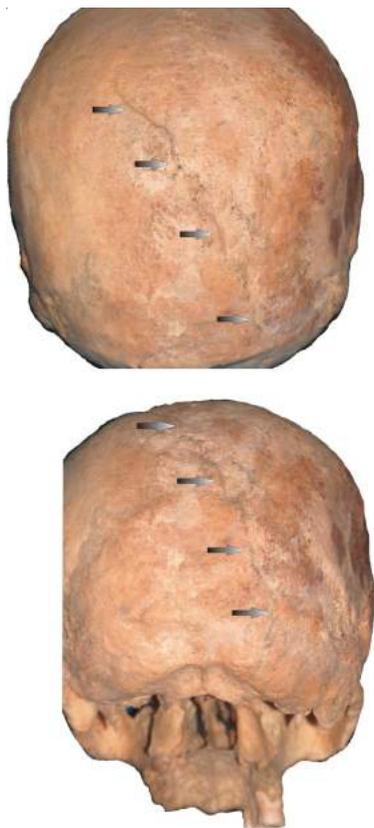

Рис. 7. Следы зажившего перелома костей свода и основания черепа с признаками полного заживления. Мужчина 50–55 лет, погребение 2 курган 74 могильник Новый (Ростовская область)

Подводя итоги приведенным случаям боевого травматизма на костных останках средних сарматов, можно сделать следующие выводы:

1. Зафиксировано незначительное количество ранений с летальным исходом. В основном, все повреждения носят прижизненный характер и имеют благоприятный исход, что, вероятно,

говорит об использовании высококачественного защитного вооружения.

2. Кочевники среднесарматского времени отличаются не только знанием военного дела. Вероятно, они имели хорошие навыки полевой медицины, о чем свидетельствуют залеченные ранения и проведенные хирургические операции (ампутация и трепанация).

3. Большинство повреждений было отмечено у мужского зрелого населения в возрасте 35–50 лет. Выявленные травмы, скорее всего, были получены в молодости, задолго до смерти. Вероятно, большая частота встречаемости дефектов насильственного и случайного характера на костях зрелых индивидов свидетельствует о том, что наиболее мобильная молодая часть населения среднесарматских племен, участвуя в военных операциях, погибала на стороне и редко попадала на родовые кладбища.

4. Боевые ранения на костных останках детей в среднесарматское время не обнаружены. Совсем иная ситуация с женщинами-кочевниками I–II вв. н. э. Их характерной чертой является высокий процент боевых ранений. Это доказывает участие женщин в боевых походах или столкновениях наряду с мужчинами в среднесарматское время.

5. Таким образом, у кочевников I – второй половины II в. н. э. военное дело являлось одним из основных занятий, что подтверждается это не только письменными и археологическими данными, но и анализом антропологического материала.

Список литературы

1. Балабанова, М. А. Краниология сарматского населения оставившего курганные группы Абганеровского могильника / М. А. Балабанова, О. М. Цыганова // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Волгоград, 1997. – Вып. 2. – С. 267–286.

2. Балабанова, М. А. Социальная реконструкция поздних сарматов на основе анализа патологии, демографии и краниологии / М. А. Балабанова // Третья Кубанская археологическая конференция (Тез. докл. Междунар. археологической конф.). – Краснодар ; Анапа, 2001. – С. 3–7.

3. Батиева, Е. Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время / Е. Ф. Батиева // Антропология на пороге III тысячелетия : материалы конф. в 2 т. – Отв. ред. Т. И. Алексеева. – М. : Старый сад, 2004. – С. 250–267.

4. Бужилова, А. П. Древнее население (палеопатологические исследования) / А. П. Бужилова. – М. : Изд-во ИА РАН-РГНФ, 1995. – 198 с.

5. Бужилова, А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / А. П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – Вып. 1. – М., 1998. [Б. и.] – С. 87–147.

6. Бужилова, А. П. Сарматы и боевые столкновения (анализ черепных травм на примере материалов из могильника Сагванский–I) / А. П. Бужилова, И. С. Каменецкий // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии : сб. ст. – Вып. 3. – М. : Изд-во ИА РАН, 2004. – С. 208–213.

7. Бужилова, А. П. Homo sariens: История болезни / А. П. Бужилова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.

8. Кириченко, Д. А. Сарматы Венгрии по данным антропологии / Д. А. Кириченко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 3 (22). – С. 103–112.

9. Корнелий Тацит. История / Тацит Корнелий ; пер. и коммент. Г. С. Кнабе. – Л. : Наука, 1969. – Т. II. – 370 с.

10. Мамонова, Н. Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н. э.) / Н. Н. Мамонова // Российская археология. – 1997. – № 4. – С. 108–121.

11. Марцеллин Аммиан. Римская история / Аммиан Марцеллин. – СПб. : Алетейя, 1994. – 559 с.

12. Наран, Б. Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника / Б. Наран, Д. Тумен // Российская археология. – 1997. – № 4. – С. 122–129.

13. Перерва, Е. В. Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая / Е. В. Перерва // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. – М. : Изд-во ИА РАН, 2002. – Вып. 1–2. – С. 141–152.

14. Перерва, Е. В. Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Перегрузное I) / Е. В. Перерва // Вестник МГУ. Сер. 23: Антропология. – М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова. – № 2. – 2012. – С. 123–133.

15. Перерва, Е. В. Травматические повреждения средневекового населения Водянского городища (по антропологическим материалам христианского некрополя) / Е. В. Перерва // Научно-методичес-

кий электронный журнал-концепт. – Киров : Изд-во Межрегионального центра инновационных технологий в образовании. – № 11. – 2013. – С. 111–115.

16. Плиний Старший. Естественная история / Плиний Старший // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. – Ростов н/Д : Русская энциклопедия, 1991. – С. 226.

17. Рохлин, Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения) / Д. Г. Рохлин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 303 с.

18. Смолянинов, В. М. Судебная медицина / В. М. Смолянинов, К. М. Татиев, В. Ф. Черваков. – М. : Медгиз, 1959. – 368 с.

19. Соколова, М. А. Образ жизни и гормональные нарушения на примере сарматских племен / М. А. Соколова // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. – М., 2004. – С. 188–190.

20. Судебная медицина: учеб. / под ред. Ю. И. Пиголкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ГЭОТАР=Медиа, 2012. – 496 с.

21. Хазанов, А. М. Очерки военного дела у сарматов / А. М. Хазанов. – М. : Наука, 1971. – 169 с.

22. Флавий Иосиф. Иудейская война / Иосиф Флавий. – СПб. : Орел, 1991. – 529 с.

23. Янкаускас, Р. К. К антропологии средневекового города (на литовских палеоантропологических материалах) / Р. К. Янкаускас // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. – М., 1993.

24. Merbs C.F. Trauma / C.F. Merbs // Iscan MY, KA, editors. Reconstruction of life from the skeleton. – New York: Alan R. Liss, 1989. – P. 161–189.

25. Ortner D.J., Putschar W.G. Identification of pathological conditions in human skeletal remains / D.J. Ortner, W.G. Putschar // Smithsonian contributions anthropological, no 28. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1981.

26. Roberts C.A. Trauma and Its Treatment in British Antiquity. Submitted for the degree of Doctor of Philosophy / C.A. Roberts. – Bradford, 1988. – 343 p.

27. Rodriguez-Martin C., Gonzales A.R., Gonzales F.E. Cranial injuries in the Guanche population of Tenerife (Canary Islands) / C. Rodriguez-Martin, A.R. Gonzales, F.E. Gonzales // Biological Anthropology and the study of Ancient Egypt, ed. W.V. Davis & R. Walker. – British Museum Press, 1993. – P. 130–135.

**ON THE CASES OF COMBAT INJURIES
TO BONE REMAINS OF THE MIDDLE SARMATIANS
OF THE LATE 2ND CENTURY AD
FROM THE LOWER VOLGA
AND THE LOWER DON REGION**

Pererva Evgeniy Vladimirovich

Candidate of Sciences (History),
Head of Scientific and Organizational Department,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
perervafox@mail.ru
Gagarina St., 8, 400015 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Traumatic injuries to the bone remains of people are a great source of information on the degree of aggressiveness and militancy of ancient peoples. The current paper presents the assessment of the extent of war wounds of the Sarmatian Nomads of the late 2nd century AD. The revealed injuries allowed to characterize the middle Samarians as soldiers who had not only a good knowledge of military affairs, but also possessed the skills of the military field medicine.

Key words: the middle Samarians, the nomads, injuries, damages, skull, postcranial skeleton.

ВОЕННОЕ ДЕЛО В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

УДК 94(470)“17”:347.61
ББК 63.3(2)45-7

СЕМЬЯ В ЖИЗНИ РУССКОГО ПОЛКОВНИКА XVII ВЕКА

Богатырев Арсений Владимирович

Кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры теологии, философии, истории
Поволжского православного института
им. Святителя Алексия, митрополита Московского
sob1676@yandex.ru
ул. Юбилейная, 59, 445028 г. Тольятти, Российская Федерация

Аннотация. Представлена попытка на архивном материале, с применением достижений семейной психологии, изучить отношение к семье и семейным ценностям русского полковника XVII в. В.М. Тяпкина. Показывается влияние внешних факторов на модель семейного поведения военного человека, выясняется, что семейная проблематика находит самое разное отражение в его жизни и трудах. Также в тексте статьи впервые полностью публикуется значимый источник XVII столетия.

Ключевые слова: полковник В.М. Тяпкин, его сын И.В. Тяпкин, семейная жизнь, польский король Ян III Собеский, королевич Якуб Собеский.

Ныне, когда во главу угла вновь ставятся семейные отношения, а главной ценностью провозглашается семья, особую актуальность приобретает семейная история. Крепкая семья – это залог успеха государства. Основываясь на архивных данных, мы

предлагаем рассмотреть пример одной подобной семьи – московского стрелецкого полковника (головы) Василия Михайловича Тяпкина, первого русского резидента (дипломатического представителя) в Речи Посполитой (1673–1677).

Семья занимала в жизни «стрельца» важное место, семейные вопросы тревожили его в мыслях и, таким образом, оказывали влияние на деятельность «военного мужа». Исследуя государственные свершения стрелецкого головы, мы не можем игнорировать этот аспект его биографии, хотя до сих пор в историографии данному вопросу не уделялось должного внимания.

Еще М.В. Ломоносов в связи с волнениями стрельцов вспоминал сына Тяпкина – Ивана [14, с. 152]. В сочинении А.Н. Попова, полностью посвященном посольству «служилого», семья резидента затрагивается лишь косвенно [17, с. 255–256]. Имя Ивана Тяпкина замечаем на страницах фундаментальной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева и в труде В.О. Ключевского [9, с. 174; 28, с. 505–506].

В советский период деятельностью головы интересовались, но только у Н.П. Ковальского и Э.Д. Днепровца вновь мелькает семейная жизнь начальника, правда в основном в виде повторений уже известных сведений [5, с. 66; 10, с. 163]. Этим и исчерпываются данные о семье Тяпкина.

Как уже отмечалось, Тяпкин был человеком военным. Влияло ли это на его поведение? Новейшие исследования показывают, что сильная, подавляющая фигура отца-военного в целом негативно воспринимается детьми, создает тревожную обстановку [11]. Однако в изучаемый период (XVII в.) подобное было почти нормой, вряд ли отпрыски Василия Михайловича как-то по-особому реагировали.

В работе С.А. Локтаевой подчеркивается, что в семьях военнослужащих фиксируется тревожность из-за боязни потери кормильца, исполняющего службу в сложных условиях [13]. Были проанализированы материалы XX–XXI вв., но заявленный тезис применим и к семье Тяпкина, воевавшего и подвергавшегося опасностям (осада города Львова, нападения криминальных элементов [23, л. 141] и пр.).

Как испытавший превратности войны, Тяпкин не был равнодушен к людским страданиям, явно негативно относился к насилию и агрессии. Поступок врага, Ибрагим-паши, разрушившего город Подгайцы, он назвал «страшным и немилосердным» [21, л. 478 об. – 479].

Будучи военным, защитником Родины, голова оставался патриотом, продолжал служить России в «горячих точках», в «гладных и небезопасных местах краев полских» [21, л. 511]. Интересует его подвиг брата польского короля Яна III Собеского («управлял» Речью Посполитой в 1674–1696 гг.), Марка, решившего «жертву за отчизну принести» [22, л. 34].

Находясь среди враждебного окружения, полковник успевал передавать в Москву «шифровки»: «...О том впредь великому государю... будет известно...» [25, л. 17 об.]. «...Служу... якоже... истинное христианское сумнение душ[е] моей и сердцу повелевает...» [25, л. 20], – признается Василий Михайлович. Тяпкин старательно и честно выполнял свою работу, вдохновляя младшее поколение.

Представления «служилого» о поведении, в том числе в семейном кругу, определенным образом отличались от еще сохранившихся привычек XVII века. Не знаем мы случаев, чтобы стрелецкий голова, в отличие от некоторых современников [15, с. 37], поднял на кого-либо руку. Хотя имелось мнение, что отец обязан применять силу к своему сыну и тем самым спасти его душу [7, с. 51]. Голову сложно представить и «поучающим» жену [7, с. 77].

К женщинам «стрелец» относился сдержанно, признавая роль «слабого пола» в политике, отзываясь о дамах (например, о королеве-вдове Элеоноре) с уважением [2]. Рукоприкладство в отношении женщин он считал постыдным, негативно воспринял «беззакония», которые «чинили... [солдаты] с невольницами...» [21, л. 497 об.]. Об отряде «бравого» Рябиньского Тяпкин с горечью писал: «...Насилства женскому полу починил[и]...» [25, л. 3–3 об.]. И это человек, в какой-то мере, несомненно, впитавший правила Домостроя – книги, упомянутой среди «образцов» гендерного неравенства [6, с. 53]. Правда, нужно помнить, что к концу XVII в.

отдельные госпожи (как Т.И. Голицына) уже довольно активно утверждали свой «независимый» статус [18, с. 126].

В донесениях проявляются чувства Тяпкина к особой представительнице «женского племени», к матери – «матке» [23, л. 67, 67 об.], вообще родителям. Добродетельный человек, по его мнению, должен почитать предков [25, л. 135 об.]. Поднимал голова и проблему семейной родословной, именуя испанского «королевица» – «ложя неучтиваго сыном» [22, л. 83 об.].

Служба полковника подразумевала частые отъезды, долгое отсутствие, когда домочадцы пребывали в бедственном положении. Тяпкин переживал: «...баба моя бедная с ребятами в великом сиротстве и убожестве скитаецца...» [22, л. 54]. Для русского семьянина отсутствие благополучия близких было немалой трагедией [7, с. 6]. Как глава дома, он отвечал за свое потомство перед грозным судьей – Богом [7, с. 48]. Правда, иной раз кажется, что московский полковник пользуется «семейным положением», стараясь разжалобить начальство, выпросить денег [25, л. 134–135 об.].

Отношения Тяпкина с супругой трудно восстановить. Жену полковник никак не именует, ограничиваясь лишь намеками (например, «женишка» и т. д.). Хотя он, безусловно, по-своему любил «женушку», скучал по ней, перечисляя участвовавших в мероприятиях чужих пани [21, л. 267–267 об.].

Семейные будни «служилого» не были безоблачными. С точки зрения взаимоотношений Тяпкина с женой важна описанная им ссора Яна III с его супругой Марией Казимирой. Передавая событие, стрелецкий голова как бы пропускает его через себя, рассказывает о происшествии в понятных ему фразах и выражениях [21, л. 498–501 об.]. Описание тем более интересно, что приписанное Собескому поведение во многом ему несвойственно – нежно любивший Марию король не мог грубыми словами довести ее до слез [21, л. 501 об.] (!) Скорее, в сравнении любимой с «бабой» [21, л. 500 об.] присутствует что-то московское, нежели «королевское».

Непростым является вопрос о наследниках Тяпкина. В своих документах полковник обмолвился, что у него были «ребята», но их

количество и пол – неясны. Можно догадаться, что по традиции семья была многодетной. Определенные сведения есть только об одном сыне «стрельца» – Иване, о чьем удачном выступлении перед Яном III сохранился отцовский отзыв [21, л. 414 об. – 417].

Оговоримся, что для Тяпкина понятие «сын» имело не только житейские «очертания», но и отчасти содержало сакральный смысл: матери уподобляет он Христианскую Церковь, ее последователей сравнивает с детьми, «сынами Церкви Божией», «верными Божиими сынами Святыя Церкви» [21, л. 496].

Вернемся к Ивану. Службу начинал он жильцом, в этом качестве, как увидим далее, сопровождал «отче» в Польше. Там «младший» становится гонцом Тяпкина-старшего, связывая Москву и Варшаву [28, с. 505].

Голова позиционировал себя заботливым отцом, помогал сыну устроиться в будущем, выводил его «в свет», «молодец» участвует в почетном эскорте на «знатных» аудиенциях [21, л. 36 об.].

Данная модель поведения не была уникальна. Царь Алексей Михайлович также старался «подсобить» отпрыску Федору, которого предлагали сделать польским королем [21, л. 26 об.]. «...Его царское величество изволил... [бы] прислать на Королевство Польское королевичем сына своего...», – отписывал полковник московскому начальству [21, л. 95 об. – 96].

Примером для полковника мог послужить и Ян III, всячески поддерживавший первенца Якова. Государь стремился выдвинуть его в качестве наследника, представить народу. На коронации «сам королевское величество с... сыном... Якубом сидели в одной корете...» [21, л. 771 об.].

Вот и голова стремился свести Ивана с нужными людьми, рассказать о его успехах, показать таланты «мальца» важным господам – начальнику Посольского приказа Артемену Матвееву, тому же Яну III и т. д. О встрече с последним читаем: «...И... жаловал королевское величество к руке сына ево, резидентова, Ивана Тяпкина...» [21, л. 407 об.].

Похоже, в этих заботах «служилый» копировал также и своего родителя, которого, как следует из «отчества», звали Михаи-

лом. О возможном отце «стрельца» имеются документы, находим в них некоего М. Тяпкина, его владения, которые он прочил сыну Василию [3, с. 26].

Не забывал голова и о других родственниках. Вероятно, у него самого была сестра (Настасья), ей пожертвовал отданные отцом земли [3, с. 26]. Информирова о неудачах поляков, Тяпкин вспоминает «брата» военачальника [21, л. 453]. О сановном Михале Радзивилле полковник пишет, что «сестра за ним родная королю, которая... была... за князем Острожским...» [22, л. 44 об.].

«Стрельца» занимало семейное древо Яна III, он пользуется довольно специфическим наименованием родства «швагер» (польск. *Szwagier*, брат жены), встречающимся нечасто [20]. Попадает у него и слово «шурин», так Тяпкин называет одного из близких монарха, объясняя: «...Шурин Сабежского, а сестра Сабежского за ним...» [23, л. 49].

Более старшее поколение также уважаемо полковником, упомянувшим отправленным в Москву письмом дедов и прадедов короля, названного «внуком отечества», «усугубившим дедовскую славу» [22, л. 33 об.].

Зачастую человек обращает внимание на то, что созвучно его настроениям и идеям. Голова не получал постоянных инструкций из Посольского приказа [25, л. 138–139 об.], был более свободен в выборе тем для докладов. Картины семейной жизни Яна III, заботы о сыне Якубе находили отклик в сердце Тяпкина, соответствовали его образу мыслей.

Явно одобрительно отзывается «стрелец» о действиях короля-отца, ради благополучия отпрыска передавшего ему «маетности» – Яворовское староство, которое «прочит сыну своему и желает... чтоб сына ево учинили старостою Яворовским...» [24, л. 111 об.].

Тяпкина-отца не смутило, что государь нарушает закон («...по праву повинен в короне быть шляхтич[у] старостою 16 лет...» [24, л. 111 об. – 112]) (!) Главное, он обеспечил потомство: «...королевское величество... противные гласы успокояет... и староства все... за сыном ево...» [24, л. 112].

Психологами подмечено: образ заботливого отца благотворно влияет на сыновей, способствуя маскулинности [8]. В заботе и

внимании проявлялись очевидные чувства полковника. И хотя «средневековый» тип воспитания не требовал безусловной любви к ребенку, пример Тяпкина говорит об обратном. Мы видим, скорее, социализирующий стиль воспитания, отец готовил «молодца» к самостоятельной жизни, давал ему необходимые навыки [8].

Поведение Тяпкина, выказывавшего обеспокоенность, участие во «взрачивании» Ивана крайне важно, так как в процессе формирования личностных качеств ценен пример родителей, отца-воспитателя [19, с. 51].

Подталкивая «чадо» к взрослой жизни, «стрелец» считал обязательным хорошее образование. Этого требовал и домострой, в учении и в разуме наставляя воспитывать детей [7, с. 48–49]. Взяв сына в Польшу, Тяпкин направил его в местную «школу». Иван, похоже, добился успехов и смог подготовить для Яна III хорошую речь на польско-латинском языке. Проявилась наследственность – Василий Михайлович сам владел искусством красноречия [21, л. 476–478], по достоинству оценил мастерство сына.

Кстати, семейная психология констатирует значимость любовью похвалы: среди функций семьи как раз и выделяют эмоциональную компоненту, связанную с потребностью в симпатии, уважении и пр. [26].

В некоторых аспектах стремления Тяпкина кажутся необычными, его сын не вписывался в приводимое в «Домострое» поучение молодым людям Василия Кесарийского: «Мало вещати, множае разумевати...» [7, с. 53]. Да и получить в то время «высшее» образование было непросто, редко кто сумел этого добиться [12, с. 8–9]. Иван стал одним из таких исключений.

О «школьных» успехах «молодшего» полковник доложил не письмом, а включил подробное описание «экзамена» у короля в статейный список (отчет), с которым знакомился сам государь (!) Сюжет упоминается часто [29, с. 298; 16, с. 105, 135], его следует привести полностью (тем более что это делается впервые, цитирование историками не вполне точно): «...Отпускаючи к великому государю, его царскому величеству к Москве... сына своего жильца Ивана Тяпкина [столник и полковник Василей Михайлович], объявлял ево королевскому величеству сам и бил челом, чтоб

сыну ево пожаловал королевское величество, велел дать пристава, провожатых до границы

Сын его особливе благодарил его королевскому величеству за его государское жалованье, за хлеб и соль, и за науку школьную, которую употреблял, будучи в его государстве. И говорил речь по латине, довольно приплетаючи с полским языком, как тому обычай наук школьных надлежит, так явственно и изобразительно орацию [выступление] свою его королевскому величеству предложил, еже ни в малом речении [не запнулся]... скончивши тогда орацию, поклонился к самым ногам его королевского величества.

Наяснейший монарх полский, его королевское величество милостиво и благодарно орацию выслуша[л], и против поклону его сня[л] с себя шапку, и дал ему, Ивану, поцеловать свою государскую руку.

А молвил

Дай Господи Боже, дабы еси счастливо путь свой препроводил и радости на пресветлейшем маестате [престоле] великого государя своего, его царского величества сподобился видеть, а пристав и провожатые будут ему готовы

Ему ж, Ивану, пожаловал королевское величество, прислал чрез ближнего своего человека скарбного писаря господина ксендза Берница на дорогу 100 золотых червонных, да бархату краснова портище 12 (15 ?) аршин» [21, л. 414 об. – 417].

Полковник возлагал на Ивана определенные надежды. Разглядев в нем способности, из всех своих детей именно его он выдвинул на дипломатическую службу. Так и сам «стрелец» начинал карьеру при Алексее Михайловиче – царе, весьма требовательном к работе [1, с. 474; 30, с. 396]. Не менее жестким был начальник Тяпкина, глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокин [1, с. 417], препоручивший полковнику ответственную «должность» резидента.

По всей видимости, расчеты Тяпкина-отца оправдались: Ивана заметили, он был при деле в правление Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и в регентство Софьи. В период одного из стрелецких бунтов Иван выполнял важное задание в Москве, наблюдая за действиями стрельцов [14]. Так сын стал для полковника утешением [27, с. 86].

«Потомок» не остался в долгу перед отцом, вовремя сообщая родителю о знаковых событиях, предупреждая о планах начальства [25, л. 134].

Семейный фактор занимал в жизни Тяпкина заметное место. С позиции Д. Фридмена, голова выполнял в семье (по крайней мере, по отношению к Ивану) несколько функций: забота о близких, защита от внешних негативных воздействий, создание предпосылок для развития ребенка [4].

Если использовать «шкалу» В. Сатир, семья Тяпкина не была полностью «здоровой», нет равноправия в воспитании детей [4], полковник явно тяготел к «любимчику» Ивану. Однако тесные семейные узы, терпение главы семьи, его самоотверженность, понимание долга, рвение о благополучии домочадцев позволяют рассматривать эту «ячейку общества» как поучительный пример будущим поколениям.

Список литературы

1. Андреев, И. Л. Алексей Михайлович / И. Л. Андреев. – М. : Мол. гвардия, 2006. – 638 с.
2. Богатырев, А. В. Библиотека страстей / А. В. Богатырев // Библиотечное дело. – 2015. – № 13. – С. 21–24.
3. Воронцовы – два века в истории России. – Вып. 5. – СПб. : С.-Петерб. Центр ист. идей, 2000. – 151 с.
4. Гуркина, С. В. Особенности семейного воспитания в современном мире [Электронный ресурс] / С. В. Гуркина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://human.snau-ka.ru/2015/11/13182>. – Загл. с экрана.
5. Днепров, Э. Д. Очерки истории школы и педагогической мысли / Э. Д. Днепров. – М. : Педагогика, 1989. – 480 с.
6. Домашнее насилие в отношении женщин. – М. : МАКС-Пресс, 2003. – 172 с.
7. Домострой. По рукописям Императорской Публичной библиотеки. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1867. – IV, 196 с.
8. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений [Электронный ресурс] / О. А. Карабанова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://psychlib.ru/inc/ab-sid.php?absid=17779>. – Загл. с экрана.

9. Ключевский, В. О. Русская история. Полный курс лекций. – Кн. 2 / В. О. Ключевский. – М. : Олма-Пресс, 2004. – 831 с.
10. Ковальский, Н. П. Деятельность русской дипломатии в 70–90-х гг. XVII в. / Н. П. Ковальский // Из истории местного края. – Днепропетровск : ДГУ, 1968. – С. 158–176.
11. Костяк, Т. В. Психологические особенности детско-родительских отношений в семьях военнослужащих [Электронный ресурс] / Т. В. Костяк, И. А. Федонина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://psystudy.ru>. – Загл. с экрана.
12. Кулябко, Е. С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук / Е. С. Кулябко. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 216 с.
13. Локтаева, С. А. Специфика проявления личностных свойств детей в семьях профессиональных военнослужащих [Электронный ресурс] : дис. ... канд. психол. наук / С. А. Локтаева. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.disserscat.com/.../osobennosti-stanovleniya-i-razvitiya-semi-voenno. – Загл. с экрана.
14. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. – Т. 6 / М. В. Ломоносов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1952. – 697 с.
15. Любавский, М. К. Русская история XVII–XVIII вв. / М. К. Любавский. – СПб. : Лань, 2002. – 576 с.
16. Николаев, С. И. От Кохановского до Мицкевича / С. И. Николаев. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 268 с.
17. Попов, А. Н. Русское посольство в Польше / А. Н. Попов. – СПб. : Тип. Мор. кадет. корпуса, 1854. – VIII, 287 с.
18. Пушкарева, Н. Л. Частная жизнь русской женщины / Н. Л. Пушкарева. – М. : Ладомир, 1997. – 330 с.
19. Равкин, З. И. Воспитание детей в семье / З. И. Равкин. – М. : Учпедгиз, 1959. – 432 с.
20. Робинсон, М. А. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого [Электронный ресурс] / М. А. Робинсон, Л. И. Сазонова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/robinson-sazonova-88.htm>. – Загл. с экрана.
21. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). – Ф. 79 (Сношения России с Польшей). – Д. 161а.
22. РГАДА. – Ф. 79. – Д. 163.
23. РГАДА. – Ф. 79. – Д. 164.
24. РГАДА. – Ф. 79. – Д. 178.
25. РГАДА. – Ф. 79. – Д. 182.

26. Рудакова, А. Ю. Комплект методик для психологической диагностики семей [Электронный ресурс] / А. Ю. Рудакова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: crms-smol.ru/спец-mp/80-kmpdmsnop. – Загл. с экрана.
27. Смирнов, В. И. Учитель и книга / В. И. Смирнов. – М. : Логос, 2002. – 478 с.
28. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. – Кн. 3, т. 6 / С. М. Соловьев. – М. : Соцэкгиз, 1960. – 815 с.
29. Шмурло, Е. Ф. Курс русской истории. – Т. 3 / Е. Ф. Шмурло. – СПб. : Алетейя, 1999. – 434 с.
30. Эскин, Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. / Ю. М. Эскин. – М. : Квадрига, 2009. – 514 с.

FAMILY IS IN LIFE OF THE RUSSIAN COLONEL OF XVII CENTURY

Bogatyrev Arseniy Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences,
Senior Teacher of Department of Theology, Philosophy, History,
Volga Orthodox Institute of Saint Alexis, Metropolitan of Moscow
sob1676@yandex.ru
Anniversary St., 59, 445028 Tolyatti, Russian Federation

Abstract. An attempt is undertaken on the archived material, with the use of achievements of family psychology, to study attitude toward family and family values of the Russian colonel of the XVII century Vasiliy Tyapkin.

Key words: Vasiliy Tyapkin, Ivan Tyapkin, family life, Jan III Sobieski, Jakub Sobieski.

УДК 94(470+571)“1812”

ББК 63.3(2)521.1-686

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ОТСТУПЛЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ПО МЕМУАРАМ УЧАСТНИКОВ

Верченкова Виктория Владимировна

Студентка института истории, международных отношений
и социальных технологий

Волгоградского государственного университета

vika_verchenkova@mail.ru

просп. Университетский 100, 400062 г. Волгоград,

Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается положение французов при отступлении во время Отечественной войны 1812 года. Приводятся данные мемуаров участников. Показаны условия отступления армии, на строения участников и способы выживания.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., французы, Наполеон, отступление, армия.

После боев под Малоярославцем и селом Красное начался последний этап отступления «Великой армии» Наполеона. До этого момента французы все еще сохраняли надежду на удачный исход кампании, на то, что все скоро прекратится. Но на этом этапе началась деморализация участников из-за предыдущих сражений.

Цель данной работы – выявить подробности положения французов при отступлении армии в 1812 году.

Солдаты уже были равнодушны к своим соотечественникам, которые простирали к ним руки, так как думали, что их ожидает та же участь. Они сами признавали, что в них уже не осталось ничего человеческого, а только эгоизм. Если во время ночевки поблизости находилась церковь, то старались обустроиться именно там. В результате чего происходили многочисленные столкновения между союзниками. Так как армия Наполеона была многонациональной, то в этих условиях нередко были конфликты. Так, например, про-

изошло столкновение между итальянцами, немцами и французами за право заночевать в церкви, вплоть до поднятия оружия друг на друга [1, с. 221]. Но все равно солдаты оказывали взаимопомощь: несли вещи тех, кто уже не мог идти, брали друг друга под руки и т. п. Таким образом, примеры человеколюбия можно встретить, но они меньше по своей численности. Были моменты, когда оставшиеся французы находили прибежища в хижинах, так как их вид вызывал сострадание, там они находили еду и ночлег.

Отступление для солдат было очень утомительным, так как началась оттепель – всюду стояла вода и туман, а к ночи наступил мороз, в результате гололедицы солдаты не могли устоять на ногах. Несмотря на это Наполеон шел пешком вместе со своей армией. Стоит отметить, что рассказ о «генерале морозе» является лишь легендой. Во время отступления армии стояла оттепель, поэтому препятствием для солдат являлась вода и грязь, что затрудняло продвижение. Мороз наступал только ночью, некоторые запасались шубами. Но свою роль еще играл и северный ветер. Некоторые участники похода сами признавали, что природа человека одинаковая – он в течении года привыкает к разным атмосферным явлениям. Французы пытались подбадривать друг друга, говоря о том, что жаркие пустыни Египетского похода еще больше заставляли страдать, чем сейчас. В «топливе» не было недостатка – французы разжигали костры и таким образом пытались себя согреть, хоть не всегда у них это получалось из-за ветра и снега (еще один метод согревания – помещать ноги или руки в золу). Главная причина чувствительности к морозу – отсутствие запасов и, как следствие, обессиливание.

Французы признавали, что во всем происходящем с ними виноваты они сами. Генералы винили Наполеона в ослеплении, говоря о том, что только новобранец мог пробыть столько времени в Москве [2, с. 199]. Его винили в невнимательности к вере русских людей. По одним из мемуаров, Наполеона обвиняют в том, что из неуважения французов к церкви русские решили, что они посягают на их веру, и поэтому особенно ожесточились [3, с. 557].

Но такие разговоры велись, когда вокруг никого не было. Скорее всего, либо боялись расправы, либо на жалобы ни у кого не оставалось сил. Во время переправы через Березину солдаты шли без ропота и

готовились бороться по мере сил, если кто-либо воспрепятствует им. Также присутствие Наполеона внушало им доверие, что он снова им поможет. Таким образом, вера в императора не уменьшалась даже во время отступления. Для них он все еще оставался великим гением, в чьих победах они уверены. Доказывая свою преданность не только Наполеону, но и генералам, офицеры выполняли такие задания, как, например, перейти реку Воль, чтобы подать пример мужественности остальным (причем вода доходила им до груди, и они пробирались между льдинами). В тот день было потеряно много артиллерии, ее бросали, так как она мешала переправе. Этот эпизод войны настолько впечатлил участников, что его описывали многие.

Сами переходы утомляли армию. Солдаты выходили ранним утром, шли до поздней ночи, однако несмотря на это им удавалось преодолевать небольшие расстояния. В результате часто солдаты отставали от своих корпусов. В армии был беспорядок, так как уже было нельзя найти свой полк. Некоторые солдаты бродили ночью в поисках своего полка. В итоге они ложились спать слишком поздно, а просыпались уже среди русских, попадая таким образом в плен. Также, чтобы не попасть в плен, многие предпочитали бродить по лесам, надеясь настигнуть свой полк.

Чтобы не умереть от голода и жажды, солдаты ели конину, мертвую птицу, крупу, которую могли найти в деревнях, сухари, а пили нередко замерзшую кровь коней, растаявший снег. Для ночлега искали приспособления, чтобы не спать на морозной земле. Это могли быть крыши домов, телеги и т. п.

Среди немцев распространилась эпидемия, и они умирали в большом количестве, пытаясь найти место, где бы их никто не беспокоил. Выжившие немцы хотели вернуться в Баварию. Позже, перейдя Неман, они осуществили это, и никто им не мог воспрепятствовать, так как ни у кого не было сил, а полиции было недостаточно в арьергарде армии.

Из-за того, что не было сил идти, по дороге выбрасывалось большое количество вещей, которые вывозили из Москвы. Французы вынуждены были убивать своих лошадей, чтобы те не страдали от жажды или голода. Конфликты возникали из-за деморализации армии – некоторые солдаты снимали одежду с едва живых, что для многих

было варварством, в результате происходили столкновения. Такие же случаи были с кражей. Никто из слабых не был уверен, что более сильные не отнимут у них либо еду, либо одежду. Для свидетелей таких моментов это было унижением самого статуса человека как разумного существа.

Таким образом, на последнем этапе армия пребывала в состоянии деморализации. Люди пытались любыми способами сохранить себе жизнь. Эта сторона войны является одной из самых неприятных для истории человечества, отсюда вытекают многочисленные выводы. Ставя перед собой цели, мало кто задумывается о цене и последствиях.

Список литературы

1. Отступление наполеоновской армии. Из воспоминаний сержанта Бургоня // Русский вестник. – Т. 256. – М., 1898. – С. 195–235.
2. Отступление наполеоновской армии. Из воспоминаний сержанта Бургоня // Русский вестник. – Т. 257. – М., 1898. – С. 198–219.
3. Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : [сборник] : в 3 ч. / сост.: А. М. Васютинский, А. К. Дживелегов, С. П. Мельгунов. – М., 2012. – 736 с.

THE LAST STAGE OF THE RETREAT OF THE FRENCH DURING THE PATRIOTIC WAR OF 1812 ON THE MEMOIRS OF PARTICIPANTS

Verchenkova Viktoria Vladimirovna

Student, Institute of History,
International Relations and Social Technologies
Volgograd State University
vika_verchenkova@mail.ru
Prosp. University 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article shows the position of the French in retreat during the War of 1812. There are the data memoirs of participants. It includes the conditions of the retreat of the army, the mood of the participants and methods of surviving.

Key words: Patriotic War of 1812, the French, Napoleon, the retreat, the army.

УДК 94(470+571):355.23

ББК 63.3(2)-7

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ С ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ РУССКОЙ АРМИИ

Гребенкин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент,
соискатель ученой степени доктора исторических наук
кафедры истории России
Орловского государственного университета
angrebyonkin@mail.ru
ул. Комсомольская, д. 95, 302026 г. Орел, Российская Федерация

Аннотация. В статье дан анализ взаимосвязи традиций отечественных военно-учебных заведений с военно-культурными традициями русской армии. Автор приходит к выводу, что эта взаимосвязь носила сложный, неоднозначный характер. Официальные традиции военно-учебных заведений были практически идентичны официальным традициям армии. Достаточно тесной была связь культурных традиций военной школы и армии. Однако многие неофициальные традиции, широко распространенные в военной школе (например, «цук»), не имели аналогов в армии.

Ключевые слова: традиция, военная культура, военно-учебное заведение, армия, Российская империя.

Традиции отечественных военно-учебных заведений как феномен военной культуры имели сложную взаимосвязь с военно-культурными традициями, присущими русской армии.

Не будучи изолированными от армии, российские военно-учебные заведения испытывали воздействие тех военно-культурных традиций, которые являются общими для армии в целом. Такие официальные традиции, как проведение парадов и иных торжественных церемоний, почитание знамени, отдавание воинской чести, правила ношения военной формы и знаков различия, обес-

печивали и внешнее, и внутреннее единение военно-учебных заведений с армией. Форма кадет и юнкеров претерпевала те же изменения, что и армейская форма. Правила воинского чинопочитания, действовавшие в военно-учебном ведомстве, были составной частью правил чинопочитания, принятых в армии, причем последние распространялись не только на юнкеров, находившихся на действительной службе, но и на кадет. Так, приказ по военному ведомству от 10 декабря 1905 г. № 786 о взаимном приветствии нижних чинов был сразу же объявлен для точного исполнения в кадетских корпусах [10, л. 27].

Юбилеи военно-учебных заведений рассматривались как праздники, общие для всего ведомства, в торжественных мероприятиях принимали неизменное участие выпускники. В высочайшем рескрипте Николая II великому князю Алексею Александровичу по случаю юбилея Морского корпуса говорилось: «Двухсотлетняя годовщина основания Навигацкой школы... является праздником всего флота и той тесно сплоченной морской семьи, которая с такой любовью относится к заведению, где ее представители преемственно усваивали себе, вместе со специальными знаниями, беззаветную преданность к Царю и Родине, любовь к морю, выдержку в перенесении трудов и лишений и отвагу в борьбе с опасностью» [7, с. 213–214]. Установленный в 1903 г. общий для всей армии день поминовения павших на поле боя (Дмитровская суббота) отмечался и в военно-учебных заведениях. Кадеты и юнкера должны были знать о подвигах своих старших товарищей и чтить их память.

Большое внимание уделялось сохранению памяти и о частях войск, и о военно-учебных заведениях. Написание исторических очерков военно-учебных заведений началось одновременно с написанием полковых историй, причем у истоков обоих историографических направлений стоял один и тот же человек – А.В. Висковатов.

Много общего было у военно-культурных традиций, связанных с учебно-воспитательным процессом. И в войсках, и в военно-учебных заведениях в основе воспитания всегда лежали такие понятия, как самодержавность, православие и патриотизм. Отношение к образованию и воспитанию войск в целом определяло задачи учебно-воспитательной работы в военно-учебных заведе-

ниях. Стремление к распространению знаний в армии, поощрение университетского образования офицеров во 2-й половине XVIII в., повышение их в чинах за успехи в науках органически сочеталось с концепцией воспитания «новой породы людей». Тяга офицеров к книге, к науке была достаточно сильной вплоть до Отечественной войны 1812 г., и тогда же в 1-м кадетском корпусе окончательно угасли просветительские традиции, заложенные И.И. Бецким и его последователями. В XIX в. подготовка будущих офицеров, как и подготовка войск, испытывала на себе влияние борьбы русской и прусской национальных школ. Плац-парадная и репрессивная традиции, доминировавшие в армии в конце XVIII – 1-й половине XIX в., привели к появлению «офицеров, удовлетворяющих всем своим прихотям, наполняющих весь город суровостью и криком своим, готовых за мнимую обиду мстить смертью, но в самом деле бессовестных и в поле против неприятельских батарей весьма смиренных» [2, с. 6]. Когда обскурантизм и розги были положены в основу системы образования и воспитания кадет, точно таким же продуктом репрессивной политики в корпусах стали «закалы». После производства в офицеры невежественные кадеты лишь усугубляли ситуацию в армии, становясь гонителями просвещения и науки: «...занимающегося наукой офицера обыкновенно называли “ученый”, прилагая это название преимущественно в тех случаях, когда ему случалось сделать какой-нибудь промах» [12, с. 154]. Даже в артиллерии, считавшейся «ученым» родом войск, выпускники офицерских классов Артиллерийского училища могли быть встречены следующей фразой: «Прошу вас, господа, выкинуть из головы премудрости, которым вас учили; помните, что голова вам дана для того, чтобы носить каску, а не для того, чтоб рассуждать» [6, с. 546].

Рецидивы парадомании и муштры, впоследствии периодически происходившие в военном ведомстве (например, при П.С. Ванновском), негативно сказывались и на военно-учебных заведениях. Служившие в корпусах офицеры часто переносили на своих подопечных вынесенные из строя худшие методы работы с солдатами, обращались с ними грубо и пренебрежительно, стремились прилюдно унижить. Культ грубой силы усваивался воспи-

танниками и становился основой взаимоотношений между ними. В дальнейшем, уже после выпуска, воспитанные под розгами кадеты широко практиковали репрессии по отношению к своим подчиненным и следовали привычной им со школьной скамьи рутине. В итоге «жизнь в гарнизонах во многом походила на жизнь в корпусе: то же однообразие, тот же распорядок дня, та же иерархия, только, в отличие от корпуса, бывший воспитанник, став офицером, не подвергался телесным наказаниям, а получал право сам командовать другими людьми» [1, с. 183].

Возрождение суворовской военной традиции в подготовке войск, большая заслуга в котором принадлежала М.И. Драгомирову, не замедлило отразиться на учебно-воспитательной работе в военных гимназиях и военных училищах, которая встала на прочную научную основу и приобрела бульшую практическую направленность. В мероприятиях, направленных на укрепление патриотизма в армии в начале XX в., после русско-японской войны были широко задействованы и военно-учебные заведения: кадеты и юнкера были неизменными участниками всех праздничных торжеств; в военно-учебных заведениях, как и в строевых частях, стали активно формироваться музеи.

Учебно-воспитательные традиции, сложившиеся в ходе обучения личного состава армии, проецировались на военно-учебные заведения, ибо воспитатели в подавляющем большинстве случаев приходили из строя. Главное управление военно-учебных заведений подчинялось военному министру, поэтому указания и распоряжения по учебным и воспитательным вопросам, адресованные войскам, как правило, касались и военно-учебных заведений (в первую очередь военных и юнкерских училищ).

Религиозное воспитание неизменно являлось основой духовно-нравственного воспитания как солдат, так и будущих офицеров. При этом всегда демонстрировалось уважительное отношение к тем, кто исповедовал католицизм, протестантизм, ислам. Неправославным нижним чинам, как и кадетам, предоставлялись отпуска в дни их религиозных праздников, чтобы служебные обязанности не мешали им следовать обязательным для верующих предписаниям, посещать богослужения и т. п. [8, л. 1–1 об.]

Военно-профессиональная подготовка будущих офицеров основывалась на изучении боевых традиций русской армии. Так, преподавание военной истории, в соответствии с «Инструкцией по учебной части для военных училищ», должно было являться «правдивым изображением доблести и заслуг народной русской армии перед своим отечеством – Россией» [5, с. 60]. Любовь к Родине, готовность к самопожертвованию, чувство товарищества, железная дисциплина и стойкость – все эти лучшие традиции русского воинства выступали в качестве принципов воспитания кадет и юнкеров. В военных и юнкерских училищах весь уклад жизни был максимально приближен к армейским условиям. Однако непосредственная, живая связь между военной школой и армией так и не была установлена: «...между казармой и школьной скамьей юнкера плотина, которую необходимо уничтожить. Школа и армия не идут рука об руку: первая опаздывает и никогда не в курсе современных требований, предъявляемых бытом и службой войск, которые прогрессируют с головокружительной быстротой, школа же движется по пути усовершенствования медленно, часто останавливаясь и оставаясь в положении покоя» [3, с. 62–63].

Много общего было между культурными традициями армии и военно-учебных заведений. Традиция театрального творчества, особенно сильная в 1-м кадетском корпусе, распространялась благодаря выпускникам в войсках. В Лейб-гвардии Измайловском полку, офицерский корпус которого на треть состоял из выпускников 1-го кадетского корпуса, начиная с 1884 г. по инициативе великого князя Константина Константиновича устраивались «Измайловские досуги» – литературно-музыкально-драматические вечера. Подобным же образом устанавливалась взаимосвязь между развитием музыкальной и танцевальной культуры в военно-учебных заведениях и строевых частях, а также уровнем культуры чтения. Высококультурный офицер, вышедший из корпуса и училища с навыками, позволяющими поставить спектакль или организовать и обучить хор, являлся хорошим наставником и воспитателем для своих подчиненных, ибо театральные постановки и пение «поднимают человека над уровнем ежедневного однообразия – службы и действуют на его внутренний мир, облагораживая и развивая его» [13, с. 14].

Налицо случаи заимствования и неофициальной культуры, в частности фольклора. Так, кадетский «Журавель» возник как подражание армейскому «Журавлю» [4, л. 1]. Однако значительная часть неофициальных традиций (например, шуточные церемонии, шванц-парады, традиционное начальство) не заимствовались из армии, где их не было, а «рождались в порывах беззаботной молодости» [9, с. 182]. Не имел аналогов в армии и «цук», являвшийся исключительной принадлежностью военно-учебных заведений.

Достаточно тесной была взаимосвязь военно-культурных традиций корпусов и училищ с традициями русского офицерства. Подготавливая своих питомцев к офицерской карьере, военно-учебные заведения неизменно находились в сфере влияния традиций, присущих офицерскому корпусу. Кроме того, родители-офицеры и прочие родственники еще до поступления мальчика в корпус оказывали колоссальное влияние на формирование его личности. Поэтому представление о чести офицерского мундира было близко и понятно кадетам и юнкерам как будущим офицерам. Нормы корпоративной этики, существовавшей в воинских частях, разделялись юнкерами и кадетами старших классов. Офицерское товарищество, являвшееся важнейшей духовной скрепой русского офицерского корпуса, было основано на лучших принципах кадетского и юнкерского товарищества – семейственности, взаимопомощи, готовности пострадать за товарища, разделении служебных и товарищеских отношений. Выпускники одного и того же заведения считались товарищами, даже если не были знакомы; питомцы 1-го кадетского и Пажеского корпусов, а также Павловского военного училища должны были обращаться друг к другу на «ты», невзирая на разницу в возрасте и служебном положении. Грубое нарушение принципов доброго товарищества юнкером могло повлечь за собой превращение его в изгоя, которого не принимал ни один дорожающий своей репутацией полк.

Негативные неофициальные традиции, свойственные офицерам (презрение к штатским, традиция кутежей), нашли поддержку и среди определенной части учащихся военно-учебных заведений. Особенно рьяное стремление подражать старшим товарищам демонстрировали юнкера кавалерийских училищ. Антагонизм, который был присущ представителями разных родов оружия, гос-

подствовал и в военно-учебных заведениях. Пренебрежительное отношение артиллеристов и инженеров к пехотинцам, вражда между ними и кавалеристами, бросавшаяся в глаза рознь между армией и флотом, обособленное положение гвардии – все это находило аналоги во взаимоотношениях между юнкерами различных военных училищ и пажами. В свою очередь, вражда между юнкерами, пажами и гардемаринами подогревала рознь между представителями разных родов оружия [11, с. 26].

Таким образом, взаимосвязь традиций отечественной военной школы и русской армии выглядела следующим образом. Официальные традиции военно-учебных заведений были неотъемлемой частью официальных традиций, существовавших в армии. Достаточно тесная связь была между культурными, образовательными и воспитательными традициями, которые испытывали на себе одновременное и одинаковое воздействие колебаний правительственного курса и изменений социокультурных параметров общества. Неофициальные традиции армии и военной школы были генетически связаны, однако далеко не все неофициальные традиции военной школы (к примеру, «цук») имели аналог в армии.

Список литературы

1. Аурова, Н. Н. Атмосфера и быт в кадетских корпусах в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Н. Н. Аурова // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 182–194.
2. Ветеран. О нравственном образовании военных людей // Военный журнал. – 1811. – Кн. 18. – С. 4–14.
3. Галкин, М. Новый путь современного офицера // М. Галкин. – СПб., 1907. – 143 с.
4. Журавель. Издание первое // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 260. – Оп. 1. – Д. 18 (неопубл.).
5. Инструкция по учебной части и программы для преподавания учебных предметов в военных училищах. – СПб. : Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. округа, 1883. – 210 с.
6. Исторические анекдоты / сообщ. М. Соколовский // Михайловец. – 1906. – № 8. – С. 546–547.

7. Кротков, А. С. Морской кадетский корпус : Краткий исторический очерк / А. С. Кротков. – СПб., 1901. – 228 с.
8. О том, чтобы буйство перед фронтом должно быть укрощаемо властью старшего под командой // РГВИА. – Ф. 318. – Оп. 1. – Д. 523.
9. О цуке // Незабываемое прошлое Славной Южной Школы. 1865–1965 : Исторический очерк Елизаветградского кавалерийского училища с воспоминаниями питомцев школы ко дню основания училища / под ред. С. Н. Ряснянского. – Нью-Йорк, 1965. – С. 182–189.
10. По приказам Орловского Бахтина кадетского корпуса за 1906/07 учебный год // РГВИА. – Ф. 725. – Оп. 52. – Д. 470 (неопубл.).
11. Режепо, П. Офицерский вопрос / П. Режепо. – СПб., 1909. – 35 с.
12. Традиции офицеров русской армии / под ред. И. И. Басика [и др.]. – М. : Жуковский, 2004. – 320 с.
13. Эффер, фон. Германской службы майор. Офицер-воспитатель / фон Эффер ; пер. П. Светланова. – Варшава : Воен. книгоизд-во «Офицерская жизнь», 1912. – 16 с.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN TRADITIONS
OF RUSSIAN MILITARY SCHOOLS AND TRADITIONS
OF MILITARY CULTURE OF RUSSIAN ARMY**

Grebenkin Alexey Nicolaevich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Applicant for the Academic Degree of Historical Sciences,
Department of Russian History,
Orel State University
angrebyonkin@mail.ru
Komsomol'skaja St., 95, 302026 Orel, Russian Federation

Abstract. This article gives the analysis of relationship between traditions of Russian military schools and traditions of military culture of Russian Army. Author comes to conclusion that this relationship had the complex, contradictory character. Official traditions of military schools were practically identical to official traditions of army. The relation of cultural traditions of military school and army was quite close. But many unofficial traditions which were widely spread in military schools (such as “tsuk”) didn't have analogues in army.

Key words: tradition, military culture, military school, army, Russian Empire.

УДК 94(470+571):341.32

ББК 63.3(2)5,1

ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ БОЯ ИРРЕГУЛЯРНОЙ КОННИЦЫ РУССКОЙ АРМИИ В XVII–XX ВЕКАХ

Иванюк Сергей Александрович

Кандидат исторических наук,
заместитель заведующего отделом «Мемориально-исторический музей»
ФГБУК «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник
“Сталинградская битва”»
ivasik-s@yandex.ru
ул. Гоголя, 10, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. История военных конфликтов России неразрывно связана с историей ее иррегулярной конницы. В состав иррегулярных войск русской армии в разные периоды отечественной истории входили воинские отряды казачества, а также этнические группы воинственных народов, состоящие на службе у российского правительства. По своей способности ведения боя, комплектованию, прохождению военной службы и обмундированию такие отряды значительно отличались от регулярных войск. Самобытные воинские традиции иррегулярной конницы, ее тактические приемы и навыки широко использовались русским командованием в военных конфликтах XVII–XX веков.

Ключевые слова: иррегулярная конница, разведка, малая война, засада, налет.

Традиционно считается, что в мировой военной истории отряды иррегулярной конницы стали играть заметную роль с периода Тридцатилетней войны (1618–1648) в Европе. Но для русской армии использование таких войск стало традиционным задолго до начала XVII в. и получило в последующие столетия широкое развитие для вооруженных сил страны в целом [14, с. 380].

В состав иррегулярных войск русской армии в разные периоды отечественной истории входили воинские отряды казачества (донского, терского, уральского, малороссийского и др.), а также

этнические группы воинственных народов, состоящие на службе у российского правительства (калмыки, башкиры, татары, кавказские горцы). В отличие от регулярных войск такие отряды не имели стабильной организации и по своей способности ведения боя, комплектованию, прохождению военной службы и обмундированию значительно отличались от регулярных войск, так как имели свои воинские традиции, сами обеспечивали себя вооружением, обмундированием, снаряжением и лошадьми.

Казалось бы, что с началом эпохи военных конфликтов Нового времени и переходом к линейной тактике применение иррегулярной конницы в крупных открытых сражениях станет нецелесообразным, но тем не менее навыки ведения малой (партизанской) войны такими отрядами напротив стали востребованными с новой силой. Подразделения русской иррегулярной (легкой) кавалерии, которые позаимствовали у кочевников способность сражаться как в конном, так и в пешем строю, могли успешно действовать на широких пространствах. Чаще всего такие отряды высокоманевренной конницы передавались основным частям регулярной армии для выполнения специфических и характерных именно для нее военных мероприятий: разведки и наблюдения, сторожевой службы, засад, налетов и набегов (рейдов) по тылам противника, а также в преследовании отступающего врага.

Набравшись опыта в проведении опустошительных набегов на южных рубежах Российского государства, они научились разорять занятые противником территории и уничтожать его небольшие отряды, при этом быстро перемещаясь с одного важного участка на другой. Поэтому для ведения разведки и выполнения диверсионных действий на театре войны иррегулярная кавалерия становилась просто незаменимой. Так, император Александр I в грамоте, пожалованной Войску Донскому, прямо указывал на их успехи в несении разведывательной службы: «Врожденная бдительность донских воинов ограждала спокойствие нашей армии и главнокомандующему служила вместо дремлющего ока» [3].

Ряд тактических приемов, выработанных иррегулярной конницей в боях, как с армиями восточных народов, так и европейс-

ких государств, оставались неизменными на протяжении нескольких столетий и при этом не теряли своей актуальности. То есть боевые навыки не ограничивались рамками «модернизации» в военном искусстве. Напротив, в противостоянии с противником использовались самобытные «дедовские» традиции «пользе своей опытами утвержденные», что закреплялось и даже поощрялось высшим командованием [11, с. 570].

Для того чтобы понять успешность ведения боя иррегулярной конницей, необходимо быть хорошо знакомым с их тактическими приемами. Самыми распространенными среди них являлись следующие: кавалерийские атаки – «лава», «крыло», «воронья стая» и др.; засадная операция («вентерь»); налеты на объекты противника – тыловой обоз, сторожевой разъезд, квартирный район и др.; разведывательно-диверсионный рейд по вражеской территории.

Кавалерийские атаки

Одним из основных способов кавалерийской атаки иррегулярных войск была так называемая лава, которая сопровождалась традиционным продолжительным гиканьем, действовавшим на врага еще и психологически [10; 12, с. 324–325]. В казачьей «лаве» отряд занимал позиции в длинном разомкнутом двухлинейном строю с уступами для охватывания флангов и захода в тыл атакуемым подразделениям. Сотни лавы атаковали противника на полном скаку, при этом стараясь перейти от сомкнутого строя к рассыпному – вправо и влево, с целью охватить фланги вражеского построения [12, с. 213–214]. «Лава», как волны, накатывалась на противника, пока он, утомленный и расстроенный, не отступал [5, с. 208–209; 10].

Во время применения тактического приема «крыло» правый или левый фланг атакующего отряда вытягивался вперед, пытаясь обогнуть противника с флангов и зайти в тыл. Во время масштабного сражения с использованием «крыла» иррегулярная конница могла обогнуть один из флангов противника и проникнуть в его тыл и своими действиями внести разрушительное

смятение в ряды врага и лишить его тыловой поддержки на поле боя [1, с. 55].

Тактический прием «хоровод» («карусель») использовался для нанесения максимального урона противнику без перехода с ним в непосредственное соприкосновение, то есть в дистанционном бою. Для этого кольцо конных стрелков (луки, дротики или ружья) вытягивалось вдоль строя противника и, постоянно двигаясь, вело огонь по врагу. «Хоровод» являлся весьма эффективным построением, которое позволяло вести массированный огонь по противнику с максимально близкого расстояния – вбок-вперед и вбок-назад [4, с. 157]. Такой оригинальный строй позволял обеспечить непрерывный огонь, который приводил к большим потерям среди атакуемых войск. Кроме массированного навесного огня «хоровод» мог использоваться и для воздействия на врага с целью увлечь его на преследование, чтобы в итоге заманить в засаду. При неожиданной же контратаке вражеской конницы составлявшие «хоровод» наездники, пользуясь преимуществом в скорости, могли повернуть коней и уйти от противника, направляя при этом огонь в преследователей.

Еще одним способом атаки иррегулярных войск был обстрел позиций противника небольшими отрядами конницы. У кочевников такая атака называлась «воронья стая», которую сравнивали с клюющей жертву стаей птиц. Небольшие группы (4–5 человек) приближались с разных направлений к противнику и вели обстрел его строя, попеременно накатываясь, как волны, и отступая [8, с. 10]. «Воронья стая» особенно была успешна при давлении на воинские части противника на марше. Неожиданно напав на колонны вражеских военнослужащих, легкие отряды кавалерии после короткой атаки откатывались назад, чтобы через некоторое время налететь вновь. Такие атаки, вроде бы незначительные для больших скоплений вражеской армии, имели стратегическое значение. Под давлением иррегулярных войск противник терял время на марше, замедлялся, уставал и становился ослабленным морально и физически, находясь в постоянном состоянии тревог и ожиданий. В своей работе о действиях донского казачества в период Семилетней войны К.К. Абаза дал

точное описание таких «вороньих» атак на марширующие колонны войск: «...донцы... окружили прусские колонны и проводжали их на марше степным обычаем: наездничали, задирали; налетая в одиночку, стреляли из пистолетов или просто кружились перед фронтом» [1, с. 54].

Широко использовался командованием русской армии при подготовке к решающей фазе сражений тактический навык иррегулярной конницы, называемый «завеса». Во время такой атаки мобильные отряды совершали, на первый взгляд, хаотичное движение на виду у построения готовящейся к битве неприятельской армии. Создавая такую «завесу», они давали возможность под ее прикрытием беспрепятственно и скрытно от противника перемещать и маневрировать основными частями регулярной русской армии на полях сражений.

Еще одним свойством казачьей конницы являлась способность быстрой смены боевого построения во время атаки, благодаря чему удавалось ввести войска противника в замешательство. Военный теоретик М. Драгомиров так говорил об этой характерной особенности ведения боя казачеством: «...не знаешь, как против них действовать; развернешь линию – они мгновенно соберутся в колонну и прорвут линию; хочешь атаковать их колонною – они быстро развертываются и охватывают ее со всех сторон» [5, с. 209]. В других случаях иррегулярная конница могла непосредственно перед столкновением рядов поворачивать свои силы направо и налево, пропуская противника сквозь себя, направляя удар своих крыльев на его фланги и тыл [8, с. 300].

Иррегулярные отряды никогда не атаковали врага, находящегося в плотном строю, ведь такая войсковая операция для них была обречена на неудачу. Именно поэтому они только тревожили короткими налетами неприятельский строй, выжидая удобного случая, чтобы нанести удар или увлечь в удачно расставленную ловушку. Преднамеренно подставляя свой тыл, иррегулярная кавалерия увлекала за собой противника и вынуждала его терять при преследовании сплоченность рядов, лишая при этом регулярную кавалерию ее главного преимущества.

Засадная операция

Засады в зависимости от места, способа действий и применяемого боевого порядка подразделялись на односторонние или двухсторонние, которые в свою очередь могли быть встречные, параллельные или круговые. Встречные засады, как правило, были неподвижными. Они устраивались на пути следования значительных сил противника с целью их сдерживания и нападения на авангардные подразделения. Параллельные засады проводились отрядами, которые следовали за противником вдоль оси его движения, против боевого охранения, тыловых и боковых походных застав, а также разведчиков врага. Круговая засада проводилась по определенной схеме, при которой засадный отряд состоял из нескольких небольших отрядов и в ожидании противника располагался по периметру заранее выбранной территории. Один из них проводил фланговую атаку, завязывал бой и отступал, увлекая за собой противника. При преследовании отступающего отряда противник выходил на позиции второго и третьего засадного отряда, попадая под кинжальный огонь со всех направлений [2, с. 76–77].

Одним из самых распространенных способов проведения засады иррегулярной конницы был тактический прием «вентерь», имеющий следующие характеристики. Передовой отряд, вступивший в соприкосновение с противником, обращался в притворное бегство. Враги предпринимали за ним преследование, а отступающий отряд увлекал их за собой на заранее подготовленную засаду. Когда позади врага оказывались позиции засады, войска, укрытые в ней, должны были выступить и ударить врагам в тыл. В это время и бегущий отряд поворачивал назад и принимал боевой порядок так, чтобы враги оказались посередине. Таким образом слабая группа обманным маневром заманивала противника, чтобы подставить под удар скрытые в засаде главные силы [11; 9, с. 73].

Налет

Налеты представляли собой внезапное нападение на слабо охраняемые объекты противника с целью их захвата или уничто-

жения. Основными объектами для таких диверсионных атак становились неприятельские сторожевые разъезды, один или несколько вражеских постов, квартирные районы и тыловые базы противника, обозы и сборщики провианта для армии врага (фуражиры). Главными составляющими в налете были неожиданность и быстрота. Соответственно, основными предпосылками к проведению налета были следующие обстоятельства: полученные точные сведения о местоположении, боевых качествах и моральном состоянии неприятеля; скрытое приближение к объекту нападения; быстрота атаки и организованного отступления в случае контра-таки противника.

Как правило, разведывательно-диверсионный отряд во время проведения таких диверсионных акций делился на три части: 1-я отправлялась в тыл, чтобы отрезать противнику путь к отступлению, 2-я атаковала, а 3-я (резервная) забирала пленных и поддерживала ту или иную часть отряда [3, с. 10].

Рейд (набег)

Для тотального нарушения (разрушения) коммуникаций противника иррегулярными войсками применялись комплексные диверсионные операции – рейды, или набег (от фр. – *coup de main*), то есть продвижение отрядов на вражескую территорию и нанесение там серии атак с целью подрыва слаженной системы обеспечения врага. При этом целью рейда никогда не было стремление захватить и контролировать охваченные военной операцией территории. Уничтожив тыловые объекты противника, разведывательно-диверсионные отряды покидали охваченное набегом пространство и уходили на дружественные территории или отступали к позициям своей армии [7].

В заключение стоит отметить, что отличительной чертой иррегулярных войск было отсутствие правильной военной организации. Устроены они были разнообразно по своим особым положениям, резко отличающимся от правил, установленных для регулярных войск. Характерные различия между иррегулярными и

регулярными войсками русской армии даны в следующей характеристике, составленной в конце XIX в.: «Русская армия состоит из войск регулярных и иррегулярных, из которых первые устраиваются сообразно с современным состоянием военного искусства и составляют главнейшую массу; вторые-же, хоть и уступают первым по своему строевому устройству, но для некоторых родов военной службы оказываются еще более полезными, чем регулярные» [6, с. 35].

Из указанной характеристики иррегулярных войск вытекают два существенных обстоятельства, дающие возможность понять общую специфику ее способностей в ведении боевых действий. Во-первых, выделение того обстоятельства, что иррегулярные войска успешно могут быть использованы «для некоторых родов военной службы», является основным определяющим фактором применения этого рода войск в период ведения масштабных военных действий. «Службу», в которой иррегулярные отряды были просто не заменимы на театре военных действий, можно определить одним термином – малая (партизанская) война, со всеми сопутствующими ей элементами.

Во-вторых, сделанный акцент на том, что регулярные войска «устраиваются сообразно с современным состоянием военного искусства», говорит о том, что для иррегулярных отрядов допускались отступления от общих правил в поведении на поле боя и войсковых операциях, которые складывались на том или ином отрезке исторической эпохи. Это и стало одним из основных отличий от регулярных войск, присутствовавших в традициях ведения боя иррегулярными подразделениями.

Список литературы

1. Абаза, К. К. Казаки: Донцы, уральцы, кубанцы, терцы : Очерки из истории и стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении для чтения в войсках, семье и школе / К. К. Абаза. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : В. Березовский, 1899. – 368 с.

2. Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе: мировой опыт и современность / под общ. ред. А. А. Шкирко. – М. : Изд-во Главного Командования ВВ МВД России, 1997. – 194 с.
3. Вуич, И. В. Малая война / И. В. Вуич. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1850. – 274 с.
4. Горелик, М. В. Степной бой (Из истории военного дела татаро-монголов) / М. В. Горелик // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск : Полиграф, 1990. – С. 155–160.
5. Драгомиров, М. И. Учебник тактики / М. И. Драгомиров. – СПб. : Тип. В.С. Балашова, 1879. – 459 с.
6. Зайцев, И. М. Курс военной администрации / И. М. Зайцев. – Вып. 1. – М. : Тип. С. Орлова, 1867. – 190 с.
7. Иванюк, С. А. Разведывательно-диверсионный рейд в истории военного искусства русской армии / С. А. Иванюк // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отеч. войне, Волгоград, 25–26 сент. 2015 года. – Ч. 2. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – С. 136–151.
8. Леер, Г. А. Прикладная тактика / Г. А. Леер ; изд. при содействии Николаевск. акад. Ген. штаба. – Вып. 1. – СПб., 1877. – 485 с.
9. Лобов, В. Н. Военная хитрость / В. Н. Лобов. – М. : Моск. воен.-ист. о-во ; Логос, 2001. – 472 с.
10. Наставление и устав для действий казачьих частей лавою : Проект. – СПб. : Тип. Пентковского, 1894. – 30 с.
11. Полковая инструкция для Донского войска // Пузанов, В. В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка / В. В. Пузанов. – Саратов : Типо-Литогр. П. С. Феокритова, 1913. – Прил. I. – С. 561–598.
12. Правила для состава построений и движений в войсках казачьих и ирегулярных из мусульман. – СПб. : Тип. Департамента Военных Поселений, 1849. – 390 с.
13. Соловьев, Д. Н. Участие казаков в регулярных войсках России в дореформенный период / Д. Н. Соловьев, В. А. Чернухин // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – Вып. 1, т. 4. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С. 116–122.
14. Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Г. А. Леера. – Т. III. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1888. – 584 с.

COMBAT TACTICS IRREGULARS RUSSIAN ARMY
IN XVII–XX CENTURIES

Ivaniyk Sergey Aleksandrovich

Candidate of Historical Sciences,
Deputy Head of “Memorial and Historical Museum”
FGBUK “The State Historical and Memorial Museum
“Battle of Stalingrad”
ivasik-s@yandex.ru
Gogol St., 10, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The history of Russian wars are inextricably linked with the history of its irregular cavalry. The structure of the irregular troops of the Russian army in different periods of Russian history were the Cossack military units, as well as ethnic groups warlike peoples in the service of the Russian government. In his fighting abilities, acquisition, perform military service and outfit these groups were significantly different from regular troops. The identity of the military tradition of irregular cavalry, its tactics and skills were widely used in the Russian command of the military conflicts of XVII–XX centuries.

Key words: irregulars, intelligence, small war, ambush, raid.

УДК 94(470+571)“1877/1878”

ББК 63.3(2)522-68

**«ЧТО СТАНЕТ С РУССКИМ НАРОДОМ
ДАЖЕ В СЛУЧАЕ УДАЧИ
ГРАНДИОЗНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ?» (К ВОПРОСУ
ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА
К РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.)**

Кочуков Сергей Анатольевич

Доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России и археологии
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
kochukovsgu1974@yandex.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению реакции деятелей общественного движения на русско-турецкую войну 1877–1878 годов. В центре внимания автора оценки и мнения тех представителей русского общества, которые были принципиальными противниками прямого военного вмешательства России в дела балканских славян. Их позиция представлена на примере взглядов Л.Н. Толстого, К.Д. Кавелина, М.П. Драгоманова и демонстрирует неоднозначность восприятия в русском обществе идеи об освободительной миссии России на Балканах.

Ключевые слова: общественное движение, Балканский полуостров, русская литература, славянский вопрос, война, армия

Ни для кого не является откровением, что Русско-турецкая война 1877–1878 гг. чрезвычайно сплотила русское общество. Начиная с Отечественной войны 1812 г. общественная сила России не добивалась такого единения, как перед войной с Турцией. Войну хотели и желали буквально все, начиная от представителей правящей элиты и заканчивая простым обывателем.

Вопрос, который до сих пор относится к разряду дискуссионных: «Почему же русское общество оказалась так восприимчиво к Русско-турецкой войне 1877–1878 годов?». Остановиться

лишь на том мнении, что русские и болгары – братья по вере и что у них общие языковые корни и культура, – значит не сказать ничего. Интересные факторы, которые поддерживали войну, со стороны русского общественного движения приводит в своем исследовании историк В. Богучарский:

1. Сочувствие освободительному движению среди основной массы русского народа.
2. Сочувствие тому же освободительному движению русского образованного общества.
3. Желание освободить славян со стороны верховной власти России – Александра II [1, с. 181].

Однако нет необходимости сбрасывать со счетов такой важный в данном отношении фактор, как «привычка». Действительно, Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. предшествовало девять вооруженных столкновений с Османской Портой, в результате чего у русского общества выработалась своеобразная реакция на войну с Турцией. Именно с Турцией, потому что ни Русско-японская война 1904–1905 гг., ни Первая мировая война не вызвали тех реакций, которые произошли в 1877 году. Такого количества войн, как с Османской империей, Россия не вела ни с одной из стран. Непосредственные участники этих столкновений «преподавали» русскому обществу «уроки политической истории и географии», которые, безусловно, не пропали бесследно.

В. Богучарский так ловко подвел русское общество к проблеме необходимости войны, что в отечественной историографии утвердилось мнение, что противников военного столкновения с Османской империей не было. Во всех фундаментальных исследованиях по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. встречаются одни только ярые поборники либо исторической миссии России на Балканском полуострове, либо сторонники корыстных целей [5], но все без исключения выступали за свержение турецкого ига на Балканском полуострове.

Между тем противники войны, безусловно, есть, но они в отечественной историографии плавно переключались в разряд сторонников активного разрешения русско-турецкого конфликта.

Кого же можно к ним отнести? Это в первую очередь русские солдаты и офицерство в невысоких армейских чинах. Именно они вынесли основную тяжесть войны. Но, как правило, низшее и среднее звено русской армии приходило к отрицанию войны уже в ходе боев. Что же касается «ярких представителей русского общества», то здесь главным противником военного разрешения являлся Л.Н. Толстой.

В академическом издании «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» Лев Николаевич отнесен авторским коллективом в число поборников войны: «В защиту болгарского народа выступили выдающиеся русские ученые, писатели, художники – Д.И. Менделеев... Л.Н. Толстой...» [11, с. 18]. Также относили Толстого в разряд сторонников войны В.А. Золотарев [5, с. 184, 333], Ф.Т. Константинов [8, с. 35], Н.И. Цимбаев [14, с. 182]. На чем же базируются такие утверждения исследователей? Вероятнее всего, историки берут за основу высказывания Софьи Андреевны Толстой.

Действительно, в газете «Новое время» за 1910 г. помещено интервью с вдовой писателя, которая заявила корреспонденту о воинственной позиции Л.Н. Толстого: «Вы, вероятно, не знаете, ведь Лев Николаевич хотел идти в ряды армии в турецкую войну: “Вся Россия там, и я должен идти”... Каких только трудов стоило уговорить его, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России» [10, с. 1–2]. Подобное заявление С.А. Толстой объяснить можно просто. Дело в том, что популярность Льва Николаевича после его смерти была очень высока, и, безусловно, Софья Андреевна поддерживала и развивала своеобразный культ мужа. Идеализация и непогрешимость Льва Толстого, по ее мнению, должна проявляться во всем, в том числе и по вопросу Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Не мог же Лев Николаевич выбиваться из общей канвы культурных деятелей России. И вероятнее всего, ряд отечественных исследователей считали подобные высказывания вдовы писателя истиной.

Тем не менее проблема русско-турецкой войны Л.Н. Толстым была поставлена чрезвычайно остро. Неприятие войны и насилия как главной ее составляющей заметно у писателя еще в «Севастопольских рассказах». Особенно это показательно во

время описания бомбардировки осажденного города [13, с. 21]. Что же касается Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., то к ней писатель обращался в романе «Анна Каренина». Из произведения видно, что Л.Н. Толстой знал о настроении русского общества, очевидна и его реакция на военные действия на Балканском полуострове. В «Анне Карениной» есть совершенно точное указание на ситуацию в стране в период восточного кризиса. Л.Н. Толстой писал по этому поводу: «...в это время ни о чем другом не говорили, как о славянском вопросе и сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу славян. Балы, концерты, обеды спичи, дамские наряды, пиво, трактиры – все свидетельствовало о сочувствии к славянам» [12, с. 815]. Вероятнее всего, это «сочувствие к славянам» и побудило большинство исследователей отнести Л.Н. Толстого в стан сторонников балканских славян. Писатель был не столько против самой войны, сколько выступал ярким противником своеобразной популистской кампании, которая достигла в России небывалых масштабов, а также тех проходимцев-авантюристов, которые наводнили театр военных действий. Лев Николаевич отмечал: «...славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятий... много было людей, с корыстными, тщеславными целями, занимавшихся этим делом... газеты печатали много ненужного и преувеличенного, с одной целью – обратить на себя внимание и перекричать других... при этом общем подъеме общества выскочили вперед и кричали громче других все неудавшиеся и обиженные: главнокомандующие без армий, министры без министерств, журналисты без журналов, начальники партий без партизан» [12, с. 815].

Более жесткую позицию, чем Л.Н. Толстой, по отношению к русско-турецкой войне занимал К.Д. Кавелин. Он, в отличие от большинства представителей русского общества, не уделял большого внимания идеям всеславянства и освобождению Балканского полуострова от власти турок. Для Константина Дмитриевича более важны были сугубо внутренние проблемы России, чем чрезвычайно затратная в экономическом и людском

плане война с Османской империей. Действительно, экономическое состояние России было не из лучших, и употребление значительного количества финансов на борьбу с Портой загоняло Россию в жесткие тиски экономии. В своем письме К.К. Гроту К.Д. Кавелин четко объяснил свою позицию по отношению к русско-турецкой войне: «Вы меня спрашиваете, что я думаю о турецких делах? Сижу в своей норе и негодую на легкомыслие и безобразие русского общества. В деревнях нищета, анархия, дичь, невежество – невообразимые, а мы делаем сборы в пользу балканских славян! Вместо того чтобы заняться у себя дома и собирать деньги на пользу своих голодающих голяков, черт нас дергает отдавать свои силы и свои деньги балканским славянам – словно у нас все так благополучно, что дома делать нечего и есть избытки, которые мы можем употребить на пользу страждущего мира» [6, с. 381]. На момент написания данного письма Кавелин находился в деревне и воочию наблюдал за внутренним положением страны. Безусловно, Константин Дмитриевич был совершенно не знаком с военной составляющей России на данный момент, но он мог сравнивать и делать определенные выводы, главным образом, потому, что именно деревня поставляла ту основную часть пушечного мяса, которое ляжет на фронтах войны с Турцией. Более того, именно те «крикуны», которые толкают русское общество к войне с Османской империей, в первую очередь Аксаков, Мещерский, окажутся в стороне и их роль сведется лишь к статичному наблюдению. По этому поводу Кавелин заявлял: «Жизнь в деревне, которую я веду по летам, занимаясь своим хозяйством, очень поучительна. Тут вы видите русскую жизнь без прикрас, без театральной обстановки, во всей ее печальной, подчас ужасающей правде. Невежество – поголовное, бедность – ужасающая, дичь – невообразимая... Как смешны и жалки кажутся отсюда разглагольствования наших газет и журналов – вы не поверите? Это какое-то самоублажение гордости людей, живущих в свое удовольствие и совершенно незнакомых с действительностью, положением, нуждами и интересами наших масс. Теперь муссируют турецкий вопрос и эффектные события Балканского полуострова, потому что

совершенно незнакомы с неэффективной, но крайне печальной русской действительностью и конечно потому еще, что гораздо лучше устроить литературное чтение, спектакль или вечер в пользу герцеговинцев, чем основать и поддерживать в добром порядке одну сельскую школу или один сельский банк» [6, с. 381–382].

Противником войны с Оттоманской Портой выступил и историк М.П. Драгоманов. Он был известен в первую очередь как фольклорист и публицист. В отношении «Балканского вопроса» в 1876 г. Драгомановым была написана работа «Турки внутренние и внешние» [4]. По всей видимости, Михаила Петровича побудили написать эту работу события апреля 1876 г., когда в Болгарии вспыхнуло антитурецкое восстание. Безусловно, М.П. Драгоманов не мог спокойно наблюдать за ситуацией на Балканах, но и открыто призывать русское общество к борьбе с Османской империей он не торопился. Позиция Михаила Петровича отличалась и от официальной петербургской, и от радикально-аксаковской.

В первую очередь М.П. Драгоманов выступил как оппонент И.С. Аксакова, который организовал «Московский славянский благотворительный комитет». Михаил Петрович показал себя активным противником самой идеи отправки русских добровольцев на Балканский полуостров уже в 1876 году. Протестуя против грубого и бестактного поведения многих наших добровольцев в Сербии, М.П. Драгоманов писал в то же время еще в 1876 г. такие строки: «...наших добровольцев не следует смешивать всех в одну кучу. Были между ними и такие, которые искренно и сознательно шли сложить свои кости за народную свободу, многие из них говорили, как тургеневская Елена, – “что делать в России?” Затем честно и искренно шли крестьяне и значительная часть солдат. Эти шли “пострадать за веру” и защитить “честной крест”» [4, с. 62].

По отношению к проблеме освобождения славянских народов и, соответственно, противодействия Турции М.П. Драгоманов был сторонником «партии Ф.М. Достоевского». Дело в том, что в 70-х гг. XIX в. четко определились две крайние позиции в отношении предстоящей войны. С одной стороны, «партия Ф.М. Достоевского», считавшая, что Российская империя выполняет особую историческую миссию, заключающуюся в сплю-

чении вокруг нее славянских народов на основе православия. Неспроста, поддавшись общему азарту, Ф.М. Достоевский заявлял: «На войну! Мы всех сильнее!» [2, с. 94]. С другой стороны, «партия И.С. Тургенева». Иван Сергеевич, в частности, отрицал значение религиозного фактора, полагая, что целью войны является не защита православия, а освобождение славян.

В чем же главные причины такой оппозиции по отношению к военно-радикальным взглядам И.С. Аксакова, М.Г. Черняева и др.? М.П. Драгоманов полагал, что большая часть русского общества подвержена своего рода «балканским освободительным иллюзиям». Если в России на будущих волонтеров смотрели как на освободителей славян и борцов за истинную веру и эта идея всячески внушалась им, то по прибытию на место боевых действий все оказалось не так, как в агитационных речах Аксакова [9, с. 119–123]. М.П. Драгоманов не двусмысленно ставил в своей работе вопрос об осторожности в деле «святой борьбы»: «...искреннего сочувствия и доверия между свободными политическими партиями в этих странах (имеется в виду Сербия, Греция, Босния, Болгария. – С. К.) и русскими политическими людьми быть не может вследствие разницы начал, на которых держится государственная жизнь России – с одной стороны, и Сербии, Болгарии и Греции – с другой. Напротив, между ними всегда будет недоверие» [4, с. 12–13]. Подобные заявления не могли расположить русское общество к идеям М.П. Драгоманова. Здесь необходимо хотя бы вспомнить, какие гневные высказывания в адрес Турции лились из уст представителей русского общества.

Наконец, М.П. Драгоманов выступает против официальной позиции российского правительства, которое стоит на принципах, что славянский вопрос на Балканах это внутреннее дело России. Он ставит вопрос о границах произвола самодержавной бюрократии (так называемые турецкие порядки в России) и о международных плодах этого внутреннего произвола: «Турецкие порядки в России в течение всего XIX века были лучшею опорой турецкого господства в Константинополе» [3, с. 249]. Опорой и оправданием, вчера и сегодня. До и после Севастопольского поражения Петербург не желал замечать, насколько он способствует тому,

чтобы «существование Турции и луна на св. Софии обеспечены были надолго» [3, с. 240].

М.П. Драгоманов подошел к проблеме войны на Балканах более детально, чем простой очевидец. Если основная масса русских волонтеров, как, например, Д.А. Клеменц, открыто призывали к столкновению с Турцией («на пароходе и на железной дороге только и слышал, что нельзя оставлять славян на съедение туркам» [7, с. 2]), то Михаил Петрович в своих заявлениях был более аккуратен [4, с. 10].

М.П. Драгоманов впервые в отечественной исторической науке сравнивает Российскую империю и Турцию. Михаил Петрович, безусловно, считал, что Османская империя – главный противник России на Балканском полуострове и в Малой Азии. Но наряду с этим он полагал, что внутренняя жизнь России не лучше турецкой, скорее – наоборот. Исследователь отмечал: «Конечно, многое в Турции гораздо резче, – на то она и Турция. Но зато в Турции есть воля хоть переходить из одной гяурской секты в другую, а кроме того, даже г-н Катков насчитал не очень давно в Турции больше народных школ, чем в России, а вы сами сознавались, что розничная продажа газет в Константинополе вольнее, чем в Петербурге» [4, с. 10]. Главная задача России в данный момент, по мнению М.П. Драгоманова, проведение «действительных» реформ в стране. И только решив их можно начинать войну с Турцией, освобождать «несчастливых» братьев-славян. Именно бюрократов внутри России, весь косный чиновничий аппарат М.П. Драгоманов понимал как «внутренних турок», которые гораздо опаснее, чем турки этнические. Михаил Дмитриевич отмечал: «Государство, в котором под видом самодержавия господствует своеволие чиновников, в котором даже в податной системе существуют сословные привилегии, в котором господствует система насильственного обрусения всех невеликорусских элементов, полицейская охрана господствующей церкви и нет самой элементарной личной неприкосновенности... такое государство не может ревностно служить делу свободы и самоуправления славянских и неславянских племен даже под Турцией» [4, с. 11].

Однако подобные заявления Л.Н. Толстого, К.Д. Кавелина и М.П. Драгоманова буквально тонули в той массе выступлений в поддержку войны с Турцией, которые характеризуют ситуацию 1877 года.

Список литературы

1. Богучарский, В. Русское освободительное движение и война за освобождение Болгарии / В. Богучарский // Современник. – 1911. – № 3. – С. 134–197.
2. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 25 / Ф. М. Достоевский. – Л. : Правда, 1983. – 646 с.
3. Драгоманов, М. П. Вибране / М. П. Драгоманов. – Київ : Либець, 1991. – 354 с.
4. Драгоманов, М. П. Турки внутренние и внешние / М. П. Драгоманов. – Женева : Марс, 1902. – 357 с.
5. Золотарев, В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса / В. А. Золотарев. – М. : Animi Fortitudo, 2005. – 568 с.
6. Кавелин, К. Д. Письмо к К.К. Грогу от 18/VIII 1876 г. / К. Д. Кавелин // Русская старина. – 1899. – № 2. – С. 376–382.
7. Клеменц, Д. А. Из прошлого / Д. А. Клеменц // Русские ведомости. – 1910. – № 232. – С. 1–3.
8. Константинов, Ф. Т. Дружба, испытанная временем / Ф. Т. Константинов. – М. : Мысль, 1978. – 354 с.
9. Кочуков, С. А. Русский доброволец на Балканах в 1876 году (Письмо офицера Белевского полка Э.В. Гофману) / С. А. Кочуков // Славянский сборник / ред. А. Н. Галямичев. – Вып. 8. – Саратов : ИЦ «Наука», 2010. – 232 с.
10. Новое время. – 1910. – № 12482.
11. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – М. : Воениздат, 1977. – 263 с.
12. Толстой, Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – Кишинев : Лумина, 1975. – 864 с.
13. Толстой, Л. Н. Повести и рассказы / Л. Н. Толстой. – Куйбышев : Куйбыш. кн. изд-во, 1986. – 386 с.
14. Цимбаев, Н. И. Освобождение Болгарии и русское общество / Н. И. Цимбаев // Россия и освобождение Болгарии / под ред. И. А. Федосова. – М. : Наука, 1982. – 188 с.

**"WHAT WILL BECOME OF RUSSIAN PEOPLE
EVEN IN THE EVENT OF A BIG DEAL?"
(ON THE RUSSIAN SOCIETY WITH REGARD
TO RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877–1878)**

Kochukov Sergey Anatolyevich

Doctor of Historical Sciences, Professor
of Russian History and Archaeology
of the Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky
kochukovsgu1974@yandex.ru
Astrakhan St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The paper studies the reaction of social movement activists in the Russian-Turkish war of 1877–1878. The author focuses on the evaluation and opinion of those members of Russian society, who were principled opponents of Russia's military intervention in the affairs of the Balkan Slavs. Their position is shown in the example of the views of L.N. Tolstoy, K.D. Ravelin, M.P. Drahomanov and demonstrates the ambiguity of perception in the Russian society the idea of the liberation mission of Russia in the Balkans.

Key words: social movement, Balkan Peninsula, Russian literature, Slavic question, war, army.

УДК 94(4)375/1492+7.04

ББК 63. 3(0)4-9

СВЯТЫЕ ВОИНЫ В ИКОНОГРАФИИ МОНАСТЫРЯ ХОРЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВИЗАНТИИ

Кузнецова Яна Игоревна

Учитель истории и обществознания

МОУ «Гимназия № 6»

dipsada@mail.ru

ул. Изобильная, 16, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В рамках данной статьи поднимается проблема о необходимости подробного изучения ярчайшего примера в византийской иконографии – изображений святых воинов на примере храма монастыря Хоры в Константинополе. Сделаны выводы о роли изображений святых воинов в рамках социально-политических реалий Византии на протяжении исторического развития. Предпринята попытка рассмотреть и выделить общие черты фресковых изображений воинов Хоры, которые находятся в южном притворе храма. Эти особенности прослежены в одежде, наличии военных атрибутов, обильном использовании световой техники, манере исполнения фигур и ликов святых.

Ключевые слова: византийское искусство, иконография, святые воины.

Храм монастыря Хоры – выдающийся памятник религиозной живописи Византии XIV в., который притягивает внимание исследователей на протяжении уже многих десятилетий. Однако в рамках данной статьи мы обратимся к еще малоизученному сюжету пространства монастыря – иконографии святых воинов в контексте церковно-политической ситуации в Византии. Но прежде обратимся к истории возникновения подобных изображений.

Почитание святых воинов в Византии началось не позже V в., однако рассматривались они, скорее, в качестве мучеников-про-

поведников, стойко отстаивавших свою веру в столкновении с «неверным царем». Ранние редакции житий святых всячески подчеркивают именно мученические подвиги воинов. Естественно предположить, что подобное представление о святых культивировалось духовенством, особенно в те годы, когда на окраинах Византии еще не затухла борьба с остатками язычества [7, с. 195]. Такие воины-мученики предстают безбородыми юношами атлетического телосложения в длинных свободных хитонах и плащах. Изображения военных доспехов, оружия в руках появляются во времена македонской династии (867–1056). Причиной этого новшества являются глубокие изменения в социальном строе империи. В ранневизантийский период в правлении доминирует гражданский элемент, и поэтому святые воины показаны в роскошных одеяниях высокопоставленных придворных лиц. Во время македонского правления государство милитаризуется. Расправившись в 872 г. с движением павликиан, византийские императоры встали на путь внутренней реакции и энергичной военной экспансии. В результате побед, одержанных византийским войском, границы империи отныне простирались на севере от Дуная до Антиохии и Сирии, на юге – от захваченной Армении до отвоеванной южной Италии. Почти все императоры были выдающимися полководцами и лично предводительствовали армией, что объясняет особо тесные связи между василевсом и военной знатью. Военные входят в высшие сферы общества, они почитаются за героические подвиги в битвах, а иногда завоевывают славу мучеников. Недаром еще император Никифор Фока требовал от патриарха, чтобы церковь почитала павших на поле боя воинов наравне с мучениками, причисленными к лику святых [2, с. 83]. Так появилась настоятельная потребность в святых покровителях для императора и его многочисленных военачальников. А в греческой надписи на триптихе из слоновой кости X в. в Палаццо Венеция в Риме дается уже иное, гораздо более воинственное истолкование миссии мучеников. В применении к Феодору Тирону, Евстафию, Прокопию и Арефе, также представленных в виде мучеников, говорится следующее: «Господь, породивший этих четырех мучеников, победоносно изгоняет с их помощью вра-

гов» [1]. Таким образом, византийское общество переносит в данном случае на мучеников черты воителей, успешно сражающихся с врагами. Вслед за этим с конца IX–X в. в византийской иконографии широкое распространение получают образы «святых воинов», призванные оказывать покровительство императору и его приближенным [7, с. 199] в нескончаемых войнах, которые государство вело на протяжении многих веков своего существования. Согласно существующему в X в. иконографическому типу воины изображаются во весь рост или по пояс в соответствующем одеянии: хламида, короткая туника или железный панцирь, высокие сапоги. Их вооружение составляют лук, копье, колчан со стрелами, меч, щит и шлем. Этот иконографический тип чаще всего используется в храмовой декорации, где для них был отведен нижний регистр росписи, а также на иконах и в миниатюрах рукописей [1].

Таким образом, военная аристократия, «создавшая» своих святых по образу своему и подобию, не только перенесла на них все воинские атрибуты, но и сделала этих святых своими союзниками и патронами. Известно, что Никифор Фока взывал к помощи святых воинов в начале битвы и что их изображения украшали воинские знамена. Василий II Болгаробоец изображен на миниатюре Псалтири XI в. в окружении шести икон святых воинов, этим художник стремился подчеркнуть значение той помощи, которая была оказана с их стороны императору, благодаря чему последний одержал победу над болгарами. Особую популярность среди святых воинов приобрел Георгий, сделавшись излюбленным покровителем тех византийских императоров, которые особо прославились своими военными подвигами. Его изображения прочно утвердились на монетах Комнинов, начиная от Алексея I и кончая Исааком II. Образ Георгия переходит и на монеты Палеологов (например, Андроника II). В последний раз мы встречаем его на монете Давида Комнина (1459–1461), безуспешно пытавшегося из Трапезунда атаковать Мехмеда II. Очень часто изображение Георгия попадает и на византийских печатях, что последний раз доказывает популярность этого святого в высших кругах византийского общества [1].

Однако после смерти Василия II (1025) наблюдается быстрый спад воинского духа, начинается длинная цепь военных неудач и территориальных потерь. Центральное правительство уменьшает расходы на армию и сокращает ее численность. Армия теряет свое исключительное положение. И уже с конца XII в. иконография святых воинов, попав в народную среду, стала насыщаться новым идейным содержанием, что привело к решительной демократизации образов, которые постепенно превратились в покровителей и защитников всего народа [1]. На этой волне поэзия акритов X–XV вв. оказала большое влияние на развитие иконографии святых воинов и на усиление их популярности среди простых людей. Физическая сила, доблесть, отвага, военное искусство, а также высокий дух и благородство являются идеалами мира героев. Таким образом, «святые воины» в византийском изобразительном искусстве находят близкую параллель в эпическом образе защитника родины, воспетого в народной поэме под именем Дигениса Акрита [11, с. 256].

К началу XIV в. ситуация в стране обострилась и Византия оказалась на грани выживания, что стимулировало почитание святых воинов как покровителей в связи с действиями крестоносцев и турок-осман. Обновленный образ воина, борющегося со злом и несправедливостью, освободителя и покровителя, как символ надежды и силы, набирает свои обороты. Так, в богослужебных текстах XIV в. в чине проскомидии (по уставу Филофея Коккина, 1344–1347) после пророков и апостолов в перечислении мучеников первыми вспоминаются св. воины Георгий, Димитрий и Феодор Тирон [3, с. 689]. Теперь не только столичная знать, но и угнетаемый и притесняемый народ связывал с образами святых воинов представление о своих покровителях и защитниках, так как в изгнании врагов за пределы государства было заинтересовано все население. Византийская литература этого времени горячо пропагандирует идею борьбы за родину, где патриотизм был окрашен в религиозные тона. В силу этих причин святые воины приобрели в Византии большую популярность среди широких народных масс [1, с. 296–298]. Естественно, что в это время значительное место воинской теме отводится в монументальной росписи храмов [3, с. 689].

Так, один из выдающихся памятников византийской живописи XIV в. – храм монастыря Хоры в Константинополе, а сегодня мечеть и музей Кахрие Джамии в Стамбуле, хранит в себе внушительную программу изображений святых воинов, как фресковых, так и мозаичных. Иконографическая программа монастыря довольно широко изучена российскими и зарубежными исследователями. Среди них можно назвать таких авторов, как Н.П. Кондаков [5], Ф.И. Шмит [13; 14], В.Д. Лихачева [9], В.Н. Лазарев [6], О.С. Попова [10], О. Демус [16], К. Ферстель [17], Дж.П. Рихтер [20], Р. Оустерхут [19], С. Корди [18], П.А. Андервуд [21] и др. Однако внимание авторов привлекают прежде всего сюжетные композиции, связанные с образом Богородицы и Христа, в то время как изображения отдельных святых, в том числе воинов, в историографии изучены мало. Поэтому мы постараемся обозначить эту проблему, обращаясь к примерам фресковой иконографии святых воинов в рамках данной работы.

Нужно отметить, что долгое время своего существования Хора была загородным монастырем. При Феодосии город разросся, и монастырь оказался уже в черте города, на окраине. Но когда в XI в. резиденция императоров переносится во Влахерны, Хора оказывается в ближайшем соседстве с дворцом, в богатой аристократической части города, а монастырь становится местом отдыха для всех, кто ждал аудиенции в царском дворце. Всеми работами по украшению монастыря в начале XIV в. руководил главный советник императора Феодор Метохит (1270–1332) [21, р. 19]. Еще при жизни он решил, что монастырь Хора должен будет стать местом его погребения, что частично объясняет программу росписей южной часовни.

Фресками выполнен весь южный притвор храма около 1313–1320 гг. [21, р. 16–22], для которых, в сравнении с мозаичными пространствами, характерно усложнение тематики. В конхе апсиды представлены сцены «Сошествие во ад» и «Страшный суд», ниже идет регистр с фигурами святителей. На южной нижней части арки дана фигура Богородицы в рост, прижимающей к щеке Младенца, сидящего на ее руках. Следующей фигурой после Богородицы является изображение Св. Георгия, за ним следуют

фигуры Дмитрия Солунского, Феодора Тирона, Феодора Стратилата, Меркурия Кесарийского и других воинов. На противоположной стене также встречаем изображения воинов: Евстафия Плакиды, Артемия Антиохийского и др. Впоследствии случилось так, что Метохит, лишенный должности и будучи в опале, действительно скончался в облагодетельствованной им обители в 1332 году [13, с. 43]. Таким образом, некоторые исследователи справедливо называют эту часть храма усыпальницей, в связи с тем что сохранились сведения о некогда захороненных там представителях знатных людей. Свидетельствует об этом и плохо сохранившаяся фреска с изображением фамильного портрета покойных людей в нише южной стены (4 лица, во весь рост, в богатых светских костюмах, без нимбов) и две мраморные арки, которые стали киворием над могилами, вделанные друг напротив друга в стены как раз под изображениями святых воинов. Над одной из арок сохранилась надпись: «Сколько бы тут кто ни собрал рукоплесканий, всех покойников превзойдет погребенный здесь Торникий, трижды храбрейший и великий конюший...» [14, с. 141–142]. Однако арки были сделаны тогда, когда стены уже были покрыты росписями, так как часть фресок пострадала от этой перестройки и была закрыта мрамором арок. Таким образом, возможное стремление призвать святых воинов к предстательству и защите умерших, которые были погребены под их изображениями, было делом более позднего времени, уже после того, как сложилась иконографическая программа притвора (вероятно, конец XIV в.) [13, с. 94].

Теперь мы попытаемся выявить общие черты иконографии святых воинов Хоры:

1. Все воины изображены в полный рост в одном регистре с Богородицей и святителями (Григорием Богословом, Кириллом Александрийским и др.), одного роста с ними, что должно свидетельствовать о высшей степени благодати, которой удостоились святые за свои подвиги. И действительно, если мы обратимся к житиям святых воинов [15, р. 103–109], то увидим, что все они были мучениками за веру и, несмотря на свою принадлежность к военной стезе (а некоторые из них были военачальниками), отка-

зались от земных почестей и смиренно приняли мученическую кончину, исповедуя Христа во времена жестоких гонений.

2. Высокие, стройные фигуры воинов необычайно величественны, очень динамичны и воинствующе настроены, почти все изображены в доспехах и с оружием в руках. Вероятно, это было вызвано необходимостью воздействия на византийское общество через укрепление воинского духа, веры и надежды на победный исход в борьбе с завоевателями империи. Однако это не только дань исторической достоверности, которая требовала милитаризации византийского общества: любой христианин по их примеру должен облечься в доспехи добродетели, чтобы бороться с грехом. В Новом Завете из посланий апостола Павла читаем: «Мы же будучи сынами света трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды и спасения» [1 Фесс. 5:8].

3. Общим для всех воинов является и наличие красного цвета, которым выполнена какая-либо деталь в облачениях святых. С одной стороны, это символ огня: огненной Божественной Природы открывшейся еще Моисею в кусте Неопалимой Купины; пламенной веры мучеников; обожженной человеческой природы (то есть соединенной с огнем Божества). С другой стороны, красный символизирует священную кровь, пролитую мучениками за Христа [12]. Таким образом, воины-мученики изображены победившими смерть, что вполне соответствует настроению всего притвора храма Хоры с центральными композициями «Страшного суда» и «Воскресения».

4. Несмотря на всю статью и мощь, которую демонстрируют фигуры, как бы готовые в любой момент начать поединок с силами зла, лица воинов одновременно спокойны, печальны и серьезны [7]. Даже в тех случаях, когда святой изображается в качестве воина в полном вооружении, в его печальных глазах сквозит выражение мученика, пострадавшего за веру, проповедника, призывающего паству следовать своему примеру [1, с. 299].

5. Особое внимание стоит обратить на средства художественной выразительности, с помощью которых передана святость изображенных на фресках Хоры. На лицах, руках, ногах,

шее воинов активно используются пробела – «блики» с постепенным высветлением основного тона. Таким образом, живописец добивается рельефности и создает впечатление светозарности всех изображаемых фигур [5, с. 78–79]. Нимбы воинов выполнены цветом, имитирующим сияющее золото, что иллюстрирует слова Евангелия: «...праведники воссияют, как солнце» [Мф. 13:43]. Доспехи воинов и некоторые элементы одежды также имеют вид переливающегося, будто на солнце, золота. Известно, что золото играет важнейшую роль в православном искусстве. Оно не имитирует свет и цвет, а излучает, являет его, через золото говорит сам Божественный Свет [8, с. 104–105]. В связи с этим весь иконографический облик воинов как бы проникнут божественным свечением, притом что фигуры исполнены на очень темном, почти черном фоне, что характерно для всех фресок притвора. Таким образом, получалось отчетливое сопоставление светлых и темных участков росписи, которое, вероятно, должно было напоминать о действительном разделении мира.

Если проводить параллели и искать источники изображений святых воинов монастыря Хоры, то подобные фрески встречаем в Сербии – в монастыре Сопочаны (церковь Святой Троицы XIII в.) и монастыре Дечаны (храм Вознесения Господня XIV в.); в Салониках (церковь Святого Андрея XIV в.). Но самое сильное сходство демонстрируют росписи афонского храма Протата в Карее, выполненные в 1290–1310 гг. солунским живописцем Мануилом Панселином. Те же высокие стройные фигуры, изображенные в рост, богатые одежды, наличие красного цвета и оружие в руках. Таким образом, мы видим, что у изображений святых воинов монастыря Хоры конечно же были свои, уже выработанные образцы. Однако при сопоставлении видны некоторые яркие отличительные особенности изображений столичной живописи: черты лица воинов тоньше и мельче, выражение – мягче; вместо сухой, линейной проработки дается тонкая моделировка, базирующаяся на свободных мазках; блики не образуют линейные орнаментальные узоры, а располагаются в виде непринужденно брошенных мазков либо коротких параллельных штрихов, что дает больший

эффект свечения, фигуры динамичнее, образы в целом наполнены большей выразительностью [6].

Таким образом, с древних времен образ святых воинов постепенно эволюционировал, приобретал новые черты и менял свое значение. Статус святого воина был очень высок, представлял собой продукт социальной действительности и коллективных потребностей, отвечал интересам правящего класса и настроениям общества в целом. Политическая ситуация, близость к императорскому дворцу и городским стенам – все это способствовало укреплению идеологической подоплеки изображений воинов, которые были призваны защищать столицу от врагов. Спокойствие, бесстрашие и сила, которую демонстрировали они, должны были укрепить жителей империи, даровать надежду и веру в победу. Под влиянием палеологовской эпохи в изображении воинов передано чувство лирического вдохновения с помощью свободы и гибкости ритмических чередований фигур, разнообразия оттенков цветовой гаммы [10, с. 381], что усиливало задуманный эффект. Вместе с тем образы притягивают необыкновенной красотой исполнения и редкой человеческой доступностью внутреннего содержания. В ликах усматривается глубокая духовность, которая подкрепляется обилием световой символики, делающей образы воинов светозарными, что, возможно, стало отображением набирающих силу идей исихазма о божественном свете.

Таким образом, иконография святых воинов в пространстве константинопольского храма монастыря Хоры – это ярчайший пример подобных сюжетов, сохранившихся в религиозной живописи Византии XIV в., соединивший в себе культурный, религиозный, политический и богословский компоненты эпохи.

Список литературы

1. Алпатов, И. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы института русской литературы. – Т. 12. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 292–318.
2. Диль, Ш. Основные проблемы византийской истории / Ш. Диль. – М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1947. – 187 с.

3. Жарикова, Т. А. Георгий. Иконография / Т. А. Жарикова // Православная энциклопедия. – Т. 10. – М. : Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2005. – С. 665–692.
4. Кондаков, Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя / Н. П. Кондаков. – М. : Индрик, 2006. – 424 с.
5. Кондаков, Н. П. Русская икона / Н. П. Кондаков. – Т. IV, ч. 2. – М. : Культ.-просвет. фонд им. С. Столярова, 2004. – 220 с.
6. Лазарев, В. Н. История византийской живописи / В. Н. Лазарев. – М. : Искусство, 1986. – 194 с.
7. Лазарев, Н. В. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник. – Т. 6. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – С. 186–222.
8. Лепахин, В. В. Икона и иконичность / В. В. Лепахин. – СПб. : Оптина Пустынь, 2002. – 400 с.
9. Лихачева, В. Д. Изобразительное искусство Византии в эпоху Палеологов / В. Д. Лихачева // Культура Византии. XIII – первая половина XV в. – М. : Наука, 1991. – С. 447–483.
10. Попова, О. С. Пути византийского искусства / О. С. Попова. – М. : Гамма-Пресс, 2013. – 460 с.
11. Тихонравов, Н. С. Девгениево Деяние / Н. С. Тихонравов // Сочинения. Древнерусская литература. – Т. 1. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. – С. 256–273.
12. Турцова, Н. М. Образы и символы / Н. М. Турцова // Великомученик Георгий Победоносец. – СПб. : Метропресс, 2013. – С. 29–30.
13. Шмит, Ф. И. Кахрие – Джамии / Ф. И. Шмит // Известия Русского Археологического института в Константинополе. – Т. XI. – София : Държавна печатница, 1906. – 317 с.
14. Шмит, Ф. И. Мозаики и фрески Кахрие – джами // Известия Русского археологического института в Константинополе. – Т. VIII. – София : Държавна печатница, 1903. – С. 119–152
15. Delehaye, H. Les légendes grecques des saints militaires / H. Delehaye. – Paris : Librairie Alphonse Picard et fils, 1909. – 270 p.
16. Demus, O. The Style of Kariye Djami and Its Place in the Development of Paleologan Art / O. Demus // The Kariye Djami. – Vol. 4 : Studies in the Art of the Kariye Djami and its Intellectual Background. – N. Y. : Bollingen Foundation, 1966. – P. 4–60.
17. Förstel, C. Metochites and his Books between the Chora and the Renaissance / C. Förstel // The Kariye Camii Reconsidered. – Istanbul : Istanbul Research Institut, 2011. – P. 241–266.

18. Kordi, S. The Chora parekklesion as a space of becoming / S. Kordi. – Leeds : The University of Leeds and Sotiria Kordi, 2014. – 313 p.
19. Ousterhout, R. The Virgin of the Chora: the Image and its Contexts / R. Ousterhout // The Sacred Image. East and West. – Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1995. – P. 91–109.
20. Richter, J. P. Abendländische Malerei und Plastik im Orient / J. P. Richter // Zeitschrift für Bildende Kunst, XIII. – Leipzig : Seemann, 1878. – S. 205–206.
21. Underwood, P. A. The Karie Djami / P. A. Underwood. – Vol. 1 : Historikal Introduction and Description of the Mosaics and Frescoes. – Princeton : Princeton University Press, 1966. – 197 p.

THE MONASTERY CHURCH OF HORA. ICONOGRAPHY OF THE HOLY WARRIORS

Kuznetsova Iana Igorevna

Teacher of History and Social Science
Gymnasium № 6
dipsada@mail.ru
Abundant St., 16, 400026 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article raises the problem of the need for a detailed study of the bright example of Byzantine iconography images of holy warriors of the temple of the Chora monastery in Constantinople. The conclusions about the role of images of holy warriors under the Byzantine social and political realities for historical development. The author tried to review and identify common features of the fresco images of warriors which are in the south vestibule of the church. These features are traced in the clothes, the existence of military attributes, the abundant use of light technics, the manner of representation of the figures and faces of the saints.

Key words: Byzantine art, iconography, holy warriors.

УДК 94(470.45)“1914/1918”

ББК 63.3(2Р-4Вор)534-68

ПРЕССА ЦАРИЦЫНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Луночкин Андрей Валентинович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры России
Волгоградского государственного университета
avlunochkin@mail.ru
просп. Университетский 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Карагодина Оксана Александровна

Ассистент кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
karagodina@volsu.ru
просп. Университетский 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается положение и деятельность периодических изданий г. Царицына Саратовской губернии в 1914–1917 годах. Приводятся данные о составе редакций, тираже. Показаны отношения редакций с цензурой и администрацией.

Ключевые слова: Первая мировая война, Царицын, газеты, журналы, гражданское общество

Средства массовой информации являются важной составляющей современного гражданского общества. В дореволюционной России при отсутствии политических свобод периодическая печать, особенно в провинции, была вообще едва ли не единственной легальной формой выражения общественного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-13-34004 а(р) и Администрации Волгоградской области по проекту «Гражданское общество Царицына в период Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.)».

мнения. Ее значение для изучения гражданского общества трудно переоценить.

Расцвет журналистики в уездном Царицыне относится к периоду революции 1905–1907 годов. В первой половине 1906 г. после смягчения цензурного законодательства и в условиях общественного подъема в городе выходило сразу пять газет самой разной политической ориентации – от консервативного «Царицынского листка Союза 17 октября» до левой «Царицынской жизни». Но к лету 1914 г. большинство из них прекратило существование по разным причинам, экономическим или цензурным. Буквально накануне войны, 15 июня 1914 г., закрылось выходившее с 1912 г. умеренно-социалистическое «Царицынское слово», издававшееся журналистом В.В. Шатовым. В результате в июле 1914 г. в Царицыне остались всего две большие ежедневные общественно-политические газеты.

Флагманом царицынской журналистики заслуженно считался «Царицынский вестник». Газета выходила с 1897 г., но ее издатель и редактор Евграф Дмитриевич Жигмановский стоял еще за кулисами издания первой газеты в городе – «Волжско-Донского листка» в 1885–1897 годах. Во время революции 1905–1907 гг. «Царицынский вестник» несколько раз приостанавливался властями за неблагонадежность, выходил под разными названиями – «Царицынский голос», «Царицынская молва», «Царицынский путь». Редакция была семейным предприятием, над выпуском газеты работали и супруга Жигмановского Елизавета Георгиевна, и его сын Сергей. С 1909 г. Жигмановские выпускали также в качестве приложения к «Царицынскому вестнику» юмористический журнал «Смех». Его успех оказался невелик, несмотря на заявленную еженедельную периодичность, в 1913 г. вышло всего два номера.

С началом Балканского кризиса и Первой мировой войны редакция заняла ярко выраженную патриотическую позицию. Считая войну оборонительной и справедливой, журналисты взяли весьма воинственный тон. С первых дней войны на страницах «Царицынского вестника» преобладали материалы шовинистического характера. Резкий антигерманизм, нападки на немцев, в том

числе российских, присутствовали едва ли не в каждом номере газеты в материалах любого жанра – от фельетонов до хроникальных заметок. Стремясь подчеркнуть свою верноподданность, издатель Е. Д. Жигмановский всюду напоминал о своем казачьем происхождении. Редакция «Царицынского вестника» отправляла от своего имени поздравительные телеграммы в Ставку и организовывала молебны в городском соборе по случаю побед русского оружия [7, № 4658, 6 авг.]. На страницах газеты постоянно и очень подробно освещалась благотворительная деятельность царицан для армии, например поездка делегации городской думы на Юго-Западный фронт. Свою корреспонденцию из действующей армии регулярно присылали мобилизованные сотрудники газеты. Один из них, прапорщик Т.И. Козьмин, был ранен на Юго-Западном фронте [7, № 5187, 11 июня]. Еще один ставший офицером журналист – М.К. Мулин в конце 1916 г. попал в немецкий плен [7, № 5342, 25 дек.].

Патриотическая тематика стала спасением для юмористического приложения к «Царицынскому вестнику». Журнал переполнился карикатурами и шутками над воинственностью немцев: «Германцы попадут в историю, но из географии будут вычеркнуты» [6, № 43]. Героизм русских солдат и мощь собственной армии раздувались до былинных размеров:

Ехал казак, подбоченясь, под Краков,
Видит – три роты идут австрияков;
Гаркнул он громко, трахнул копьем,
Всех австрияков забрал он живьем [6, № 45].

В основном это были перепечатки из столичных юмористических изданий – «Нового Сатирикона», «Будильника» и пр. Ура-патриотические материалы привлекли читателей, тираж «Смеха» в августе 1914 г. достиг 10 тысяч экземпляров, снова удалось наладить еженедельный график выхода; 1914 г. стал самым лучшим для приложения. Однако в связи с поражениями русской армии в следующем году юмор стал неактуальным. С апреля 1915 г. журнал не выходил до конца года. В 1916 г. редакция попыталась продолжить издание, но регу-

лярного выхода добиться так и не удалось. За весь год вышло только 9 номеров.

С 1 декабря 1913 г. в Царицыне начала выходить ежедневная «политическая, общественная и литературная» газета «Волго-Донской край». Хотя официальным издателем числился мещанин В.Е. Лошкарев, а редактором отставной чиновник А.Н. Соловьев, газету основала группа единомышленников во главе с братьями Вячеславом и Михаилом Баланиными, и фактически «Волго-Донской край» был акционерным предприятием с паевым капиталом. Пайщиками, кроме указанных лиц, были также Ф.А. Виноградов и журналист Петр Васильевич Гвоздев, близкий к эсерам. По сообщению Департамента полиции именно Гвоздев стал настоящим руководителем газеты, придав ей «левое тенденциозное направление». «Волго-Донской край» печатался в собственной типографии Баланиных, оснащенной по последнему слову техники. Это позволило публиковать рисунки-карикатуры и даже фотографии. Издание отличалось большим количеством информации не только местного, но и столичного происхождения, имелась постоянная рубрика «В Петербурге» с аналитическими материалами «от нашего корреспондента». Газета быстро стала популярной, ее тираж поднялся до 3 тыс. экземпляров, что для уездного города было довольно большим результатом [5, л. 3]. Вокруг «Волго-Донского края» объединились все оппозиционно настроенные деятели города. По донесению агента охранки в редакции постоянно работали более 15 сотрудников, включая члена III Государственной думы, народного социалиста Н.С. Розанова [3, л. 10].

С началом политического кризиса на Балканах «Волго-Донской край» занимал последовательную антивоенную позицию, что приводило к столкновениям с цензурой. Так, за статью «Ближний Восток», где осуждалось нагнетание обстановки на Балканах, редактор газеты А.Н. Соловьев был оштрафован на 500 рублей. На следующий день после получения известий о начале войны в статье «За неделю» С.К. Минин выразил точку зрения социал-демократов: «Беспрестанные вооружения сделались непосильными для народов, а между тем конца им не предвидится. Будет ли, однако, лучше после войны? Для народных масс – нет. Если они

стонут сейчас под бременем вооружений, то тогда будут стонать от разорения, от новых налогов, от всеобщей разрухи, расстройств всей хозяйственной жизни. Народ, на плечи которого падает вся тяжесть войны, чувствует и понимает это, и потому широкие массы боятся войны и ненавидят ее» [1, № 182, 20 июля]. Несмотря на отсутствие радикальных высказываний, статья в цензурном ведомстве была оценена как «глубоко возмутительная». Главное управление по делам печати предписало саратовскому губернатору кн. Ширинскому-Шихматову: «Если что-либо подобное повторится, приостановить газету» [5, л. 9]. Редактор А.Н. Соловьев был арестован 26 июля 1914 г. и приговорен к трехмесячному заключению. Руководство газеты перешло к П.В. Гвоздеву, но ненадолго. Антивоенные статьи продолжали появляться, к тому же С.К. Минин оказался в числе организаторов большой политической демонстрации в Царицыне. По закону о «чрезвычайной охране» 28 июля П.В. Гвоздев был арестован, на следующий день в тюрьму был препровожден и С.К. Минин. Затем в административном порядке С.К. Минин был сослан в Енисейскую губернию, П.В. Гвоздеву воспрещено проживание в Саратовской губернии [2, л. 27]. «Волго-Донской край» не выходил по 4 августа, когда в должности редактора был утвержден издатель В.П. Баланин. С 23 октября 1914 г. редакторами числились М.П. Баланин и М. Снетков. С июля 1915 г. редактором опять остался один М.П. Баланин.

В годы Первой мировой войны Царицын, как удаленный уездный город, стал местом ссылки для политически неблагонадежных лиц, находившихся здесь под гласным надзором полиции. Большинство из них придерживались левых взглядов и принимали активное участие в работе «Волго-Донского края». Это были социал-демократы Д.В. Полуян, писавший под псевдонимом «Верин» и исполнявший обязанности секретаря редакции; сосланный из Николаева И.Г. Альтшуллер. Высланный из Петрограда журналист В.И. Изюмский (уроженец Царицына, выходец из астраханских казаков), также разделявший социал-демократические взгляды, стал фактическим редактором газеты. По сведениям охранки редакция «Волго-Донского края» стала «явочным пунк-

том для административно высылаемых, где они... находят себе занятие» [4, л. 72]. На всем протяжении 1916 г. журналисты «Волго-Донского края» вели постоянную полемическую борьбу по самым различным вопросам с гласными городской думы и особенно с городским головой и членом Государственной думы В.В. Кленовым. Газета оставалась лидером среди читательской аудитории Царицына.

Для большего охвата читательской аудитории редакция «Волго-Донского края» предприняла необычный ход. С 25 августа 1914 г. она стала выпускать еженедельную газету «Волго-Донская копейка». Редактором-издателем числился все тот же В.П. Баланин, и фактически это была облегченная версия «Волго-Донского края». Формат газеты был вдвое меньше, цена действительно составляла одну копейку. Материалы были рассчитаны на публику из простого народа – больше хроники, броский язык фельетонов. Газета пользовалась популярностью благодаря своей небольшой цене. Несмотря на все трудности и рост цен военного периода, она регулярно выходила до 1917 года.

Популярность журналистов «Волго-Донского края» и «Волго-Донской копейки» позволила им занять видное место в общественной жизни города после Февральской революции. В.П. Баланин вошел во «Временный исполнительный комитет», руководивший городом в первые дни революции, И.Г. Альтшуллер возглавил «Союз деятелей печати», а Д.В. Полуян стал председателем городского комитета партии меньшевиков.

Список литературы

1. Волго-Донской край. 1914–1916.
2. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 363.
3. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 367.
4. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 436.
5. РГИА. – Ф. 776. – Оп. 21. – Ч. II. – Д. 211.
6. Смех. 1914–1916.
7. Царицынский вестник. 1914–1916.

THE PRESS OF TSARITSYN
DURING THE YEARS OF WORLD WAR I

Lunochkin Andrei Valentinovich

Candidate of Science (History), Associate Professor,
Department of Russian History,
Volgograd State University
avlunochkin@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Karagodina Oksana Aleksandrovna

Assistant, Department of Social Work and Pedagogics
Volgograd State University
karagodina@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In article situation and activity of periodicals of Tsaritsyn of the Saratov province in 1914–1917 is considered. Data on structure of editions, circulation are provided. The attitudes of editions with censorship and administration are shown.

Key words: World War I, Tsaritsyn, newspapers, journalists, civil society.

УДК 94“1321/1328”:355.093

ББК 63.3(0)4-9

**ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ
ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЙСК
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1321–1328 гг.:
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ**

Лысиков Павел Иванович

Аспирант кафедры археологии, зарубежной истории и туризма
Волгоградского государственного университета
blademaster18@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Цель настоящего исследования заключается в выяснении специфики формирования высшего командного состава византийских войск в годы гражданской войны между двумя Андрониками (1321–1328). Были отмечены следующие специфические черты: верховными командующими армиями обеих противостоящих сторон являлись императоры, полагавшиеся на умение и опыт своих военачальников; родственные связи играли важную роль в достижении представителями аристократии высокого положения в военно-административной структуре, а в период усобицы открылась возможность для его улучшения; большое число военных титулов к указанному времени утратило свое техническое значение, а чины, ранее не имевшие никакого отношения к армии, оказались включены в военную иерархию.

Ключевые слова: Византийская империя, гражданская война 1321–1328 гг., Андроник II, Андроник III, военная аристократия, военная титулатура, военная организация.

Настоящее изыскание посвящено исследованию управленческой структуры вооруженных сил Византии в период гражданской войны 1321–1328 гг., которая на данный момент, на наш взгляд, изучена недостаточно. Наша цель заключается в выявлении специфических особенностей формирования высшего командного состава византийских войск в годы усобицы посредством его ре-

конструкции. Мы рассмотрим вопросы, связанные с выяснением структуры системы управления вооруженными силами двух Андроников, степени влияния родственных связей на процесс организации управления войсками в период гражданской войны и специфики титулатуры командного состава армий императоров.

Высшая командная роль в управленческой структуре византийской армии 1321–1328 гг. принадлежала, как и прежде [1, с. 37], императору. Последний мог сосредоточиться как на определении общих направлений военных кампаний, не вмешиваясь в управление армией напрямую (Андроник II), так и осуществлять непосредственное командование войском на поле боя, что отмечено на примере его внука Андроника III.

В отсутствие прямого управления войсками со стороны императора, тот в большинстве случаев делегировал функции верховного командования одному из своих близких родственников. В ходе гражданской войны в руководстве вооруженными силами старого императора принимали участие два его сына – деспоты Константин и Дмитрий Палеологи. Впрочем, согласно сообщениям Кантакузина и Григоры, они руководили не всей армией старого двора, а лишь ее частью, а именно войском, дислоцировавшимся в Македонии [3, с. 272–273, 313; 15, р. 260–261]. Константинопольское же войско, участвовавшее в кампаниях во Фракии и в обороне столицы, находилось под управлением мегадуки (μεγάς δούξ) Сиргианна Палеолога, двоюродного племянника Андроника II [3, с. 272; 18, р. 351, 354], а затем, в ходе третьей кампании, ею руководил племянник старого императора Константин Асень, титул которого не указан [3, с. 317–318; 11, р. 181–182].

Отметим, что значение обеих частей войска Андроника II менялось в зависимости от театра военных действий. К примеру, во время второго этапа войны они велись, главным образом, во Фракии, следовательно константинопольское войско во главе с Сиргианном, вероятно, даже превосходило македонское по своим функциям и значению, чего нельзя сказать про третью кампанию, в которой положение вещей было кардинально иным. Впрочем, реконструкция соподчинения одного войска другому не представляется возможной, так как источники не заключают в себе дан-

ные на этот счет. Более того, та незначительная информация, которую они могут предоставить, свидетельствует о том, что никакой связи друг с другом обе части византийской армии не имели, так как действовали всегда разрозненно, а подчинялись напрямую императору. Сиргианн был совершенно независим от Константина. Отсюда следует сделать вывод о том, что верховное командование в годы междоусобицы со стороны старого двора осуществлял сам император, несмотря на то, что он непосредственно не участвовал в походах.

Что касается мятежного войска, император, то есть Андроник III, практически на всем протяжении войны осуществлял верховное командование лично. При нем в ближайшем окружении всегда находились великий домestik Иоанн Кантакузин, связанный с правящим домом посредством своей жены, приходившейся Андронику II внучатой племянницей [20, № 10973], и протостратор Феодор Синадин, еще один двоюродный племянник старого государя [14, S. 136, 139; 20, № 27120]. По всей видимости, они (особенно первый) оказывали на молодого государя большое влияние. Отметим, что в период гражданской войны значительно возросла роль военного совета, коллегиального органа управления войском, традиционного для византийской армейской управленческой структуры [2, с. 110–113; 6, с. 152]. Это связано с тем, что молодой Андроник, судя по всему, не был самостоятелен в принятии важных решений во время военных кампаний и во всем полагался на своих более опытных в военном деле сторонников.

Если во время первой кампании во главе армии мятежников стоял Сиргианн, подчинявшийся напрямую только молодому государю [3, с. 244], то в ходе второго и третьего этапов усобицы своими войсками руководил сам император. В отличие от Кантакузина, Синадин не находился при Андронике III постоянно. Во второй [3, с. 273] и третьей кампаниях [3, с. 313; 11, р. 164] он, полностью подотчетный императору-мятежнику, командовал частью армии с поручением препятствовать действиям константинопольского войска.

Во время третьего этапа войны, после покорения Македонии, Андроник, отправляясь во Фракию, чтобы соединиться с вой-

сками Синадина, оставляет «стратигом запада» (τῆς ἐσπέρας στρατηγός) (простое обозначение, не является титулом) своего двоюродного брата по линии матери, уроженца Кипра, Ги де Лузиньяна [10, S. 47; 15, p. 288]. Последний обозначен как *сир* (Συρούην υτὲ Λεζιάνο) [15, p. 288], что являлось стандартным определением высокопоставленных латинян в Византии, осуществлявшимся в знак особого уважения [8, p. 347]. Титул этого военачальника не указан.

Придя к власти, Михаил VIII Палеолог (1259–1282) стремился упрочить положение новой династии на троне путем скрепления брачными узами членов своей семьи с представителями крупнейших аристократических фамилий. Помимо этого император проводил практику пожалования высоких титулов подданным благородного происхождения, которые получили своеобразную монополию на обладание некоторыми из них [12, p. 107–108; 17, p. 145], что особо ценилось в аристократической среде [5, с. 226]. На примере гражданской войны мы можем наблюдать результаты подобной политики в отношении военной титулатуры. Отец Сиргианна, также Сиргианн (Сицисхан), носил титул великого доместика [9, p. 138, 146 (tab.); 13, p. 412; 20, № 27233], а его сын был сначала пинкерном [3, с. 226–227], а затем мегадукой. Отец Феодора Синадина Иоанн был облечен достоинством великого стратопедарха [14, S. 134–135, 139 (Taf. II); 20, № 27125], а его младший сын носил титул протостратора. У нас отсутствует какая-либо информация об отце Кантакузина, кроме того, что он в конце XIII в. занимал должность наместника Мореи [11, p. 44, 50; 19, p. 17]. Тем не менее следует предположить, что он носил достаточно высокий чин, поскольку был родом из одной из самых влиятельных семей поздневизантийского периода. Его сыну же был пожалован высший военный титул в империи [16, p. 257–258].

С другой стороны, отметим, что три главных мятежника получили столь высокие титулы во многом благодаря своей деятельности, а не знатности рода. К примеру, Кантакузин до войны был облечен относительно скромным достоинством великого папия [3, с. 229] и лишь в годы усобицы стал великим доместиком и получил контроль над армией. Псевдо-Кодин утверждает

ет, что Кантакузин значительно повысил авторитет титула великого доместика относительно его прежнего статуса [21, р. 135–136], хотя в «Историях» будущий император затемняет свою роль в годы первой гражданской войны в империи [16, р. 242–244]. Сиргианн продвинулся по чиновной лестнице, сделавшись мегадукой лишь после того, как он перешел на сторону старого императора [3, с. 270]. Несмотря на тот факт, что Кантакузин с самого начала называет Синадина протостратором [15, р. 37], Григора при первом появлении этого аристократа на политической арене обозначает его как доместика царского стола [3, с. 229–230]. По нашему мнению, лишь после победы мятежников в первой кампании Андроник III сделал Синадина протостратором, что соответствовало его положению как одного из высших командующих мятежной армии. Итак, гражданская война предоставила тем представителям аристократии, которые были не удовлетворены своим положением в империи, возможность его значительного улучшения.

В нарративных источниках упоминаются еще несколько командующих, носящих разные титулы. В самом начале первой кампании, сразу после бегства молодого Андроника в Адрианополь, старый император вызывает к себе великого стратопедарха Мануила Тагариса, с которым советуется относительно дальнейших действий против его внука [15, р. 91]. Таким образом, Тагарис представлен как главнокомандующий войсками империи или, по крайней мере, как один из высших командующих, хотя в дальнейшем повествовании ни разу более не упоминается. Этот военачальник приходился правящему императору зятем, будучи женатым на племяннице Андроника II Феодоре Асанине [15, р. 91; 20, № 27400]. Еще один великий стратопедарх – (Андроник) Палеолог – отмечается среди прочих военачальников, собравшихся на совет перед началом первой кампании [15, р. 100]; здесь он представлен, вероятно, как руководитель отдельного подразделения. В дальнейшем он занимал пост стратига небольшой фемы Стенимаха и Цепены [7, р. 196]. Таким образом, титул великого стратопедарха отмечал скорее близость к правящей фамилии, нежели положение в военной иерархии.

В ходе третьей кампании Македонская армия старого императора под командованием деспота Дмитрия Палеолога включала в себя также других командиров, а именно: племянников Андроника II, протовестиария Андроника Палеолога [20, № 21428] и Михаила Асеня [20, № 1514] (назван без указания титула), Исаака Рауля (также без обозначения титула [15, р. 273]) и эпарха Мономаха [3, с. 313; 15, р. 260–261]. Отметим, что титул эпарха упомянут в одном ряду с намного более высокими по рангу титулами протовестиария и деспота. Более того, все вышеупомянутые звания функционально не были связаны с военным делом до потери своего технического значения. Согласимся с мнением В.А. Золотовского, что в связи с изменением условий во внешне- и внутривосточном положении империи многие чины включались в военную систему путем их пожалований различным представителям военной аристократии и, главным образом, родственникам правящего императора. Положение титула в дворцовой иерархии при этом не имело никакого значения [1, с. 37]. На этом же основании в качестве начальника (ἄρχων) стражи константинопольских стен упомянут Фока Марулис в чине доместика императорского стола (ὁ τῆς βασιλικῆς τραπέζης δομέστικός) [15, р. 255], а крепостью Зихна в Македонии управляет великий папия Алексей Цамблакон, которому молодой император в ходе третьей кампании оставляет часть войск во время похода на Фессалонику [11, р. 169; 15, р. 262].

Наряду с основными командующими армией Андроника III в сочинении Кантакузина упоминаются и другие военачальники. Направляясь в Касторию в ходе третьей кампании, молодой император отправляет 2 тыс. всадников к Охриду во главе с деспотом мисов Войсилом, великим друнгарием Вриением, а также великим этериархом Экзотрохом [15, р. 277]. Отметим, что два чина, некогда имевших техническое значение начальников дворцовой стражи и следующих друг за другом в придворной иерархии титулов, упоминаются здесь без какой-либо привязки к караульной службе, а лишь в смысле обычных военных командиров, действующих отдельно от императора или великого доместика и находящихся, судя по всему, в непосредственном подчи-

нении деспота Войсилу. Помимо протостратора Феодора Синадина, упомянут также его брат Иоанн (в тексте – Иоанн Палеолог), облеченный достоинством великого коноставла [15, р. 133]. Техническое значение титула, которое формулируется у Псевдо-Кодина как ἡ κεφαλὴ τῶν ῥογατόρων φράγγων [4, с. 199; 21, р. 175], судя по всему, было утрачено в данный период времени, поскольку во главе наемных латинян в составе армии Андроника III ранее указывался кавалларий Перрино де Пиньоло (φραμλέριν τεμπλιόλ) [15, р. 100].

Этот факт еще раз доказывает, что большое число титулов в первой четверти XIV столетия являлось лишь данью придворной церемониальной традиции, не неся в себе никакого технического смысла и не связывая их носителя исполнением некогда прилагавшихся к чину обязанностей. Титулатура стала инструментом отличия среди представителей византийской аристократии; самыми высокими титулами награждались члены семей, имевших отношение к правящему дому, или собственно члены правящей династии.

Высшее военное командование формировалось из людей, связанных в какой-либо степени узами родства с императорской фамилией. Зачастую это служило причиной тому, что во главе армии находились люди, не доказавшие свою храбрость, не обладавшие боевым опытом и военной выучкой, а бездарные военачальники, получившие высокую должность благодаря своему титулу, который, в свою очередь, они приобрели благодаря родственным связям с императором. Кроме того, в условиях войны внутри государства личная преданность императору ценилась больше, нежели военные заслуги. Вполне вероятно, это в конечном итоге стало фактором, обеспечившим поражение Андроника II в войне против своего внука ввиду отсутствия во главе войск старого двора соответствующих военачальников. Отметим также, что в условиях внутреннего конфликта сложная система военного управления была нарушена разделением аристократии, формирующей командный состав, на две противоборствующие стороны и большая часть талантливых командиров оказалась в мятежном лагере.

Таким образом, обозначим основные особенности формирования высшего командного состава византийских войск в период гражданской войны 1321–1328 гг.:

– верховными командующими армиями обеих противоборствующих сторон являлись императоры. Андроник II полностью полагался на умения своих полководцев, оставив за собой лишь функции общего контроля, определения направлений боевых действий и принятия окончательных решений по военным вопросам. Андроник III же принимал непосредственное участие в боевых столкновениях с противником, но также во многом доверял опыту своих военачальников, вынося ключевые решения на военный совет;

– родственные связи с правящим домом обеспечивали высокое положение в военной иерархии отдельным представителям аристократических фамилий. Кроме того, гражданская война открыла путь к его дальнейшему улучшению;

– большое число титулов, которыми отмечены военачальники, ко времени междоусобицы утратило свое техническое значение, превратившись лишь в знак отличия представителей дворцовой иерархии, а чины, не имевшие ранее никакого отношения к армии, оказались включены в военно-административную структуру.

Список литературы

1. Золотовский, В. А. Высший командный состав византийской армии раннепалеологовского периода / В. А. Золотовский // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4 : История. Регионоведение. Междунар. отношения. – 2009. – № 1. – С. 35–45.
2. Лев VI Мудрый. Тактика Льва / Лев VI Мудрый ; изд. подгот. В. В. Кучма ; отв. ред. Н. Д. Барабанов. – СПб. : Алетей, 2012. – 368 с.
3. Никифор Григора. История ромеев. В 3 т. Т. 1. Книги I–XI / Никифор Григора ; пер. Р. В. Яшунского ; вступ. ст. Л. Герда. – СПб. : Свое изд-во, 2013. – 438, [42] с.
4. Поляковская, М. А. Византийская чиновная лестница в эпоху Палеологов / М. А. Поляковская // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 193–212.

5. Поляковская, М. А. Поздневизантийская придворная элита в зеркале церемониала / М. А. Поляковская // АДСВ. – 2008. – Вып. 38. – С. 226–236.
6. Стратегикон Маврикия / изд. подгот. В. В. Кучма. – СПб. : Алетейя, 2004. – 256 с.
7. Asdracha, C. Les Rhodopes au XIVe siècle. Histoire administrative et prosopographie / C. Asdracha // REB. – 1976. – Т. 34. – P. 175–209.
8. Bartusis, M. C. The kavallarioi of Byzantium / M. C. Bartusis // Speculum. – 1988. – Vol. 63, nr. 2. – P. 343–350.
9. Binon, St. A propos d'un prostagma inédit d'Andronic III Paléologue / St. Binon // BZ. – 1938. – Vol. 38. – P. 133–155, 377–407.
10. Bosch, U. V. Kaiser Andronikos III. Palaiologos : Versuch einer Darstellung der byzantinischen Geschichte in den Jahren 1321–1341 / U. V. Bosch. – Amsterdam : Verlag Adolf M. Hakkert, 1965. – xi, 216, [11] S.
11. Cantacuzene. L'histoire des empereurs Androniques / Cantacuzene ; trad. de Cousin. – Paris : Damien Foucault, Imprimer & Libraire ordinaire du Roi, 1685. – 344 p.
12. Charanis, P. On the social structure and economic organization of the Byzantine empire in the 13th century and later / P. Charanis // BSl. – 1951. – № 12. – P. 94–153.
13. Guiland, R. Recherches sur les institutions byzantines / R. Guiland. – Bd. I. – Berlin : Akademie-Verlag ; Amsterdam : Adolf M. Hakkert, 1967. – xvi, 607 p.
14. Hannick, Chr. Die Synadenoi / Chr. Hannick, C. Schmalzbauer // JÖB. – 1976. – Bd. 25. – S. 125–161.
15. Ioannes Cantacuzenus eximperatoris. Historiarum libri IV. – Vol. I / Ioannes Cantacuzenus ; ed. L. Schopen. – Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1828. – xxxvi, 560 p.
16. Kyriakidis, S. The role of the megas domestikos in the late Byzantine army (1204–1453) / S. Kyriakidis // BSl. – 2008. – № 66, iss. 1–2. – P. 241–258.
17. Laiou, A. E. The byzantine aristocracy in the Palaeologan period : A story of arrested development / A. E. Laiou // Viator. – 1973. – № 4. – P. 131–151.
18. Nicephorus, Gr. Byzantina Historia. Vol. I / Gr. Nicephorus ; ed. L. Schopen. – Bonnae : Impensis Ed. Weberi, 1829. – 568 p.
19. Nicol, D. M. The reluctant emperor : A biography of John Cantacuzene, Byzantine emperor and monk, c. 1295–1383 / D. M. Nicol. – N. Y. : Cambridge University Press, 1996. – xi, 203, [10] p.
20. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit [Electronic resource] / hrsg.: E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer [et al.]. – Wien : Verlag ger

Osterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2001. – 1 electronic optical disk (CD-ROM).

21. Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Pseudo-Kodinos ; introd., texte et trad. par Jean Verpeaux. – Paris : Éd. du Centre National de la Recherche Scientifique, 1966. – 420 p.

**THE SUPREME COMMAND
OF THE BYZANTINE ARMIES
DURING THE CIVIL WAR (1321–1328):
ON THE SPECIFICITY OF ITS ORGANIZATION**

Lysikov Pavel Ivanovich

Post-Graduate Student, Department of Archaeology,
Foreign History and Tourism,
Volgograd State University
blademaster18@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The goal of the present research work is to find out the specificity of the supreme command organization during the Byzantine civil war between the two Andronikoi Palaiologoi (1321–1328). The following features have been specified: the supreme commanders of both opposing forces were the emperors who relied on skill and experience of their generals; kinship plays an important role in achievement of a high position within the military-administrative structure by members of aristocracy, and a possibility to improve their status was opened for some aristocrats at the time of the conflict; a large number of military titles have lost its technical value by the indicated date, and the titles previously unrelated to the army were included in the military hierarchy.

Key words: the Byzantine Empire, the civil war 1321–1328, Andronikos II, Andronikos III, military aristocracy, military titles, military organization.

УДК 94(495).02+736.3

ББК ТЗ(0)4-9

ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА¹

Мохов Антон Сергеевич

Доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Уральского федерального университета
gkb2004@yandex.ru
ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена критике концепции «классической» фемной системы, которая была сформулирована в начале XX в. Ф.И. Успенским и Дж.Б. Бьюри. Сторонники этой концепции считают, что все византийские фемы имели унифицированную административно-территориальную структуру, а также одинаковые военные и гражданские органы управления. По мнению автора статьи, «классическую» структуру имели только четыре восточных провинции: Анатолик, Армениак, Фракисий и Опсикий. Организационная структура остальных фем отличались от них в значительной степени. Контингенты пограничных провинций состояли в основном из регулярных войск. Кроме того, в этих фемах создавались особые административные единицы: клисуры, дукаты и катепанаты.

Ключевые слова: Византия, византийская армия, военная реформа, клисура, дукат, катепанат.

В историографии время с середины VII до середины X в. принято называть периодом «фемного строя». Обозначить более точные временные рамки не представляется возможным, так как

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027 («Византийская армия в VIII–XI вв.: организационные структуры, командный состав, повседневная жизнь»).

единой концепции развития византийской военно-административной системы до настоящего времени не выработано. Начало этого периода связывают с образованием первых фем на территории Малой Азии, а его завершение – с военной реформой императоров Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия.

Следует отметить, что в исследовательской литературе XIX – первой половины XX в. целенаправленно создавался образ «классической» фемы. Ф.И. Успенский, Г. Гельцер, Дж.Б. Бьюри, Г.А. Острогорский и др. византилисты стремились доказать, что со второй половины IX в. фема представляла собой хорошо организованный военный отряд, укомплектованный необходимым числом архонтов и рядовых стратиотов. Созданная к этому времени система организации и комплектования позволяла в короткий срок мобилизовать военные ресурсы фемы и приступить к выполнению боевой задачи. Важную роль в поддержании боеспособности провинциальных ополчений играли должностные лица гражданской администрации (протонотари, хартулари), которые занимались снабжением и материальным обеспечением фемных войск [9, с. 158–167, 187–193; 12, р. 39–47; 13, р. 2–24].

В 1898 г. Ф.И. Успенским был опубликован небольшой текст, происходивший из Иерусалимской патриаршей библиотеки, который в современной историографии принято называть «Тактиконом Успенского» [8, с. 98–137]. В этом уникальном источнике зафиксирована структура византийской армии и провинциальной администрации, которая сложилась к началу правления Михаила III (842/843). В тексте тактика упоминаются стратиги 20 фем; их место в военной иерархии империи зависело, в первую очередь, от численности воинских контингентов провинции. Наиболее высокое положение занимали стратиги фем Анатолик, Армениак, Фракисий и Опсикий, в подчинении которых находилось от 8 до 12 тыс. воинов [17, р. 280–284].

По сути, «Тактикон Успенского» отражает итоги длительных военно-административных преобразований, проходивших в Византии с середины VII века. Ко времени составления данного документа малоазийские фемы существовали уже более 150 лет. В первой половине VIII – начале IX в. от них неоднократно от-

делялись значительные территории, на которых формировались новые фемы: Кивирреоты, Вукелларий, Оптиматы, Пафлагония. Разделение «старых» фем Малой Азии было вызвано как внутривнутриполитическими причинами (мятежи стратигов), так и изменением военно-политической ситуации. Например, создание фемы Кивирреотов потребовалось для обороны южного побережья Малой Азии от арабских нападений с моря [5, с. 128–129; 7, с. 145–146].

Введение в научный оборот новых сфрагистических, агиографических и эпиграфических источников позволяет утверждать, что созданному в историографии образу «классической» фемы из 20 провинций, перечисленных в «Тактиконе Успенского», соответствуют только четыре: Анатолик, Армениак, Фракисий и Опсикий. Организационные структуры остальных фем, как западных так и восточных, в значительной степени отличалась от этого искусственно созданного «образца». В частности, в «Тактиконе Успенского», помимо стратигов и турмархов, упоминаются должностные лица, командовавшие небольшими территориальными единицами: клисурами, катепанатами и дукатами.

В правление императоров Аморийской династии Византия сумела преодолеть последствия внутривнутриполитического кризиса последней четверти VIII – первой четверти IX века. Одновременно с этим вооруженные силы империи оправались от поражений в войнах с болгарами и арабами. В 840–850-е гг. императорская армия уже располагала людскими и материальными ресурсами, достаточными для проведения военных операций на нескольких направлениях. Активизация внешней политики, в свою очередь, потребовала от отдельных компонентов «фемной системы» определенного универсализма, способности вести как оборонительные, так и наступательные действия. В связи с этим возрастает роль «малых» военно-административных единиц, входивших в состав пограничных провинций.

Следует отметить, что большинство микроструктурных элементов «фемной системы», упомянутых в «Тактиконе Успенского», имели давнюю историю. Например, первое упоминание клисур (κλεισούρα, «горный проход, ущелье»), как важного элемента

обороны границ империи, относится к 667 году [16, р. 348]. В последующее время клисуры неоднократно упоминаются в источниках в связи с боевыми действиями против арабов [16, р. 368, 371, 455; 18, S. 39–40]. Однако эти сведения не позволяют утверждать, что во второй половине VII – VIII в. на арабо-византийской границе существовали укрепленные пункты с постоянными гарнизонами, которые защищали дороги, проходившие через горные перевалы. Судя по данным источников, первоначально оборона клисур была организована по-другому: из состава фемных контингентов ежегодно выделялись кавалерийские отряды, которые патрулировали приграничную область [10, с. 76–85].

Как отдельные военно-административные единицы в составе восточных фем клисурархии появились позже. До начала IX в. единственной клисурой на Востоке, существование которой подтверждается письменными и сфрагистическими источниками, являлась Селевкия [18, S. 111]. Опубликовано более десятка мольдовулов клисурархов Селевкии. Специальное внимание следует обратить на две печати первой половиной IX в., принадлежавшие клисурарху Евстафию и отражающие разные этапы его карьеры [20, р. 1074, нг. 1899; р. 1075–1076, нг. 1902].

Значение Селевкии для обороны восточных провинций Византии было очень велико. Падение этой крепости открывало арабам доступ во внутренние районы фемы Кивирреотов, беззащитными оставались также многие южные области Малой Азии. Арабские авторы IX в. утверждали, что гарнизон Селевкии состоял из 500 конных и 5 тыс. пеших воинов во главе с патриkiem. Первоначально клисурарх Селевкии подчинялся стратигу Кивирреотов, но в 927 г. император Роман I Лакапин распорядился создать здесь новую фему [5, с. 139; 15, р. 55.6, 247.15].

Помимо фемного ополчения Кивирреотов и регулярных гарнизонов крепостей, приморский район от Селевкии до Атталии обороняли мардаиты (мардаїтай) – одно из самых боеспособных моноэтнических формирований византийской армии. Они составляли отдельную тагму под командованием катепана. Известно также, что мардаиты регулярно совершали опустошительные набеги на арабскую территорию. Свидетельства об этом

содержатся, в частности, в «Житии св. Антония Нового» [2; 19, №. 534].

Следует отметить, что статус катепанов (κατεπάνω, «глава, главенствующий») в военной иерархии Византии остается дискуссионным. Большинство исследователей считают, что в VIII – первой половине X в. катепаны командовали контингентами локальных районов, населенных представителями одной этнической группы [13, p. 54; 19, №. 11575]. Исключение составляет катепан Пафлагонии, который находился в подчинении у стратега Пафлагонии и командовал флотом этой фемы [10, с. 74–76].

Наибольшие разногласия среди исследователей вызвал вопрос о том, мог ли катепан в IX – первой половине X в. командовать значительными военными силами. В сочинении «Об управлении империей» Константин Багрянородный писал: «Да будет известно, что мастромилис означает на ромейском языке катепан войска» [1, с. 104]. Некоторые византинисты посчитали это сравнение анахронизмом (μαστρομίλης = magister militum = πατρίκιος). По нашему мнению, вопрос был решен после публикации печати IX с легендой: «Богоматерь, помоги своему рабу <...> дуке Калабрии и катепану богохранимого войска Сицилии» [20, p. 1426, nr. 2650].

Еще одним микроструктурным элементом византийской «фемной системы» являлись дукаты. В «Тактиконе Успенского» упоминаются только дуки Халдии и Калабрии [15, p. 53.4, 57.14]. Однако по данным других источников известно, что на восточных границах Византии в 840-е гг. были созданы дукаты Харсианон и Колония [10, с. 85–87].

В современной историографии преобладает мнение, что перелом в длительном военном противостоянии между Византией и арабами произошел в последние годы правления императора Феофила и в начале царствования Михаила III. Этому способствовала политическая децентрализация Халифата, которая усугубилась тяжелым финансовым кризисом. В итоге арабские войска покинули Каппадокию и прекратили набеги на внутренние районы Малой Азии. Византия воспользовалась ослаблением своего противника. Императорские войска захватили крепость Харсианон,

восстановили контроль над Каппадокией, а также разорили пограничные арабские территории в Киликии и Месопотамии [5, с. 141, 234–235; 14, р. 17–18].

В официальных исторических хрониках не сохранились подробности формирования византийской военно-административной системы в областях Харсианона, Колонии и Никополя. Документальные источники только фиксировали состояние военно-территориальных структур на тот или иной момент времени. Например, в «Тактиконе Успенского» не упоминается стратиг Каппадокии. Однако в этом же тексте, несколькими строками ниже, перечислены турмархи Каппадокии и клисурарх Харсианона [15, р. 48 et n. 24, 55.5.21; 20, р. 1400, nr. 2599].

Свидетельства об установлении византийской власти в этих районах сохранились в агиографических сочинениях «Житие св. Евдокима» и «Сказания о 42 Аморийских мучениках» [3; 4].

Крепость Харсианон (совр. Akdağmadeni, Акдагмадени) занимала стратегически важное положение на границе фем Каппадокия и Армениак. По распоряжению императора Феофила сюда был отправлен отряд регулярных войск под командованием императорского спафария Евдокима (Εὐδόκιμος ὁ Μέγας). Обосновавшись на новом месте, подчинив своей власти местных архонтов, Евдоким создал в Харсианоне дукат. После его смерти в Харсианоне была сформирована клисура, подчиненная стратигу Армениака. Наконец, в 873 г. была создана фема Харсианон. Примечательно, что первым ее стратигом был назначен прославленный военачальник Никифор Фока Старший [6; 19, Nr. 1640].

В регионе, расположенном восточнее Харсианона, власть империи была слабой, каких-либо устойчивых военно-административных структур не существовало. По данным агиографических источников известно, что в 838–842 гг. гарнизонами крепостей Колония (совр. Şebinkarahisar, Шебинкарахисар) и Никополь (совр. Suşehri, Сушехри) командовал Каллист Мелиссин (Κάλλιστος ὁ Μελισσεινός) [11, р. 146–147, 153–154]. Примечательно, что *cursus honorum* Каллиста Мелиссина и Евдокима Мегаса (св. Евдокима) во многом совпадают. Каллист был императорским спафарием, служил комитом в «богохранимой» тагме схол. Попад в неми-

лость к василевсу, он, тем не менее, получил титул протоспафария и отправился на Восток управлять областью Колонии. В агиографических текстах Каллист назван «турмарх и дука», то есть одновременно он являлся командиром отряда регулярных войск (δοῦξ, дука) и возглавлял турму фемы Армениак. В 842 г. Каллист Мелиссин был захвачен павликианами и выдан арабам. В плену он присоединился к византийским военачальникам, попавшим в руки мусульман после взятия Амория в 838 году. Вместе с ними он принял мученическую смерть 6 марта 845 года. Впоследствии Каллист Мелиссин был канонизирован среди 42 Аморейских мучеников [3, с. 290–291; 19, №. 3606].

Подводя итоги, обозначим основные тенденции развития «фемной системы» во второй половине IX – первой половине X века. В первую очередь следует упомянуть о *количественных изменениях*. Число фем постепенно увеличивалось, а с середины IX в. вся территория Византии была разделена на фемы. Впоследствии во вновь присоединенных к империи областях также создавались фемные структуры.

Помимо количественных, для «фемной системы» были характерны *качественные изменения*. Со времени правления Михаила III провинциальные военные структуры стали усложняться. Происходило формирование новых фем, отрядов регулярных войск, временных или постоянных военно-территориальных единиц (клизуры, катепанаты, дукаты). В итоге достаточно просто организованная система трансформировалась в разветвленную и громоздкую, состоящую из множества плохо связанных между собой элементов.

Тем не менее в развитии византийских вооруженных сил второй половины IX – первой половины X в. следует выделить две основные тенденции. Первая из них характерна для «старых» малоазийских и балканских фем. Иррегулярные ополчения этих провинций приходили в упадок по мере формирования структур гражданского управления. Жесткий бюрократический контроль вынуждал стратиотов уклоняться от военной повинности или переходить на службу в регулярные войска. В Малой Азии данный процесс занял длительное время. Для балканских провинций (Фракия, Элла-

да, Пелопоннес, Фессалоника, Македония), напротив, было характерно быстрое развитие структур гражданского управления и деградация военных институтов, что крайне негативно проявилось во время войн с болгарским царем Симеоном [5, с. 143–144].

Одновременно со снижением боеспособности и численности ополчений «старых» фем Малой Азии военный потенциал новых административно-территориальных единиц на Востоке увеличивался. Значительная часть бывших клисур, дукатов и катепанатов были реорганизованы в фемы. Отметим также, что большую часть контингентов Харсианона, Колонии, Каппадокии, Ликанда, Халдии составляли регулярные войска. О структурах гражданского управления на этих территориях в источниках почти не упоминается.

Следует констатировать, что к середине X в. разнонаправленное развитие военно-административных структур стало угрожать целостности империи. На фоне блестящих военных побед, которые одерживали стратеги восточных фем, политическое окружение Константина VII (913–959) начало готовить «военную реформу» с целью упрощения и унификации организационной структуры императорской армии.

Список литературы

1. Багрянородный, К. Об управлении империей : [текст] / К. Багрянородный ; пер., коммент., под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1991. – 496 с.
2. Бартикян, Р. М. Разрешение проблемы мардаитов / Р. М. Бартикян // Вестн. обществ. наук. – Ереван : Изд. АН Арм. ССР, 1983. – № 2. – С. 67–77.
3. Васильевский, В. Г. Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / В. Г. Васильевский, П. В. Никитин // Зап. имп. Акад. наук по ист.-филол. отд. – СПб. : Тип. имп. Акад. наук, 1905. – Т. 7, № 2. – 305 с.
4. Лопарев, Х. М. Житие св. Евдокима / Х. М. Лопарев // Известия Русского Археологического института в Константинополе. – София : Държавна печатница, 1908. – Т. 13. – С. 152–252.
5. Мохов, А. С. Византийская армия в середине VIII – середине IX в.: развитие военно-административных структур / А. С. Мохов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – 278 с.

6. Мохов, А. С. «Житие св. Евдокима Праведного» как источник по военно-административной истории Византии IX в. / А. С. Мохов // *Sacrum et Profanum* III. Небесные патроны и земные служители культа : сб. науч. тр. – Севастополь : Максим, 2007. – С. 137–146.

7. Мохов, А. С. Мятеж Артавазда и начальный этап военной реформы Константина V (40-е гг. VIII в.) / А. С. Мохов // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Вып. 43. – С. 134–151.

8. Успенский, Ф. И. Византийская табель о рангах / Ф. И. Успенский // *Известия Русского Археологического института в Константинополе*. – София : Държавна печатница, 1898. – Т. 3. – С. 98–137.

9. Успенский, Ф. И. Военное устройство Византийской империи / Ф. И. Успенский // *Известия Русского Археологического института в Константинополе*. – София : Държавна печатница, 1900. – Т. 6. – С. 154–207.

10. Ферлуга, J. Ниже војно-административне јединице тематског уређења (VII–X в.) / J. Ферлуга // *Зборник радова Византолошког института*. – Београд : Научно дело, 1953. – Т. 2. – С. 61–98.

11. Bryer, A. The Byzantine monuments and topography of the Pontos / A. Bryer, D. Winfield. – Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985. – Vol. 1. – 394 p.

12. Bury, J. B. The imperial administrative system in the ninth century; with a revised text of the Kletorologion of Philotheos / J. B. Bury. – L. : H. Frowde, 1911. – 179 p.

13. Glykatzzi-Ahrweiler, H. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IXe – XIe siècles / H. Glykatzzi-Ahrweiler // *Bulletin de correspondance hellénique*. – Athènes : Ecole française d'Athènes, 1960. – Vol. 84. – P. 1–111.

14. Kennedy, H. The Decline and Fall of the First Muslim Empire / H. Kennedy // *Der Islam*. – Berlin : W. De Gruyter, 2004. – Bd. 81. – P. 3–30.

15. Oikonomidès, N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles : [introd., texte, trad. et comment.] / N. Oikonomidès. – Paris : Éd. du Centre nat. de la rech. sci., 1972. – 403 p.

16. Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. – Leipzig : B.G. Teubner, 1883. – Vol. 1. – 511 p.

17. Treadgold, W. T. Notes on the numbers and organization of the ninth-century Byzantine army / W. T. Treadgold // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. – Durham : Duke University Press, 1980. – Vol. 21. – P. 269–288.

18. Winkelmann, F. Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Faktoren und Tendenzen ihrer Entwicklung / F. Winkelmann. – Berlin : Akad.-Verl., 1985. – 152 S.

19. Winkelmann, F. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / F. Winkelmann, R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, I. Rochow u. a. – Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1998–2002. – 7 Bd.

20. Zacos, G. Byzantine lead seals / G. Zacos, A. Veglery. – Basel : J.J. Augustin, 1972. – Vol. 1., part 2. – 1436 p.

**EVOLUTION OF BYZANTINE
MILITARY-ADMINISTRATIVE SYSTEM,
THE SECOND HALF OF 9th –
THE FIRST HALF OF 10th CENTURY**

Mokhov Anton Sergeevich

Doctor of Sciences (History), Docent,
Professor at the Department of Ancient and Medieval History,
Ural Federal University
rkb2004@yandex.ru
Mira St., 19, 620002 Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to criticism of conception “classical” theme system. It was based to Theodor Uspensky and John Bagnell Bury the beginning of 20th century. Supporters of this theory underlined that all byzantine “classical” theme had unified military-administrative system and standardized military and civil command units. According by author, “classical” organizational structure had only four eastern provinces: Anatolikon, Armeniakon, Thrakesion, Opsikion. The organization of other themes was different against them. Generally, the contingents of boundary provinces consisted of regular armed forces. Besides, special administrative units were formed in these themes: kleisoura, doukaton, katepanate.

Key words: Byzantium, byzantine army, military reform, kleisoura, doukaton, katepanate.

УДК 94(470+571)“19”

ББК 63.3(2)52-7

**ВОЙНА И ТУРЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В XIX в.
В ВОСПРИЯТИИ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
«РУССКИЙ ВЕСТНИК»**

Трегубова Марина Сергеевна

Специалист по УМР кафедры археологии, зарубежной истории и туризма
Волгоградского государственного университета
marina_tregubova@mail.ru
ул. Рутковского 6, 400034 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье дано представление русских дипломатов, публицистов и путешественников о войне и турецком обществе в XIX веке. Приведены некоторые позиции турецкого правительства относительно вопросов военных столкновений и дипломатических соглашений. Представлены особенности характера и мировоззрения турецкого общества, его мнение о превосходстве над остальными народами. Раскрыт образ и наклонности главы империи. Показана роль личности султана как главы светской и духовной жизни общества.

Ключевые слова: Османская империя, журнал «Русский вестник», турецкое общество, политика, война, разногласия, султан, государство.

Османская империя со времен средневековья считается подлинно военной державой. Несмотря на свои взлеты и падения, она оставалась в центре европейской политики XIX века. Турция является давним соседом России и в то же время ее главным политическим соперником на мировой арене, что, в свою очередь, разжигало новые столкновения и войны.

Причины и последствия таких конфликтов пытались проанализировать в своих трудах и заметках русские дипломаты, ученые и путешественники. Главным источником по данной теме являются публикации в одном из влиятельных журналов второй половины XIX в. – «Русском вестнике». На его страницах в разные годы были напечатаны статьи о дипломатических решениях двух стран, мнение турецкого общества относительно своего ме-

ста в мире, а также особенности разрешений споров по вопросам войны и мира.

Интерес со стороны русских ученых и путешественников к Османской империи был обусловлен тем, что в течение всего XIX века отношения между двумя странами переходили из одной стадии в другую. В одно десятилетие наблюдался мир, в другое же происходили разного рода разногласия.

Одной из ключевых тем, к которым в своих статьях обращаются ученые и публицисты, были вопросы, связанные с дипломатическими действиями. О позициях турецкой стороны относительно мирных соглашений сообщает юрист В. А. Ульяницкий. Автор сообщает о неспособности турок прибегать к мирным урегулированиям каких-либо разногласий. Автор характеризует Турцию как государство, построенное на насилии. Так, Коран позволял туркам лишь временный перерыв, иногда перемирие в борьбе с неверными. Автор приводит доводы, что для турок характерным было избегать заключения с христианскими государствами обоюдных обязательств трактатов, которые они нарушали при первой же возможности. В ответ и европейские державы столь же неприязненно относились к Турции [7, с. 289].

Дипломат В. С. Неклюдов, изучая проблемы войны 1877–1878 гг., приводит схожее мнение о позиции турецкой стороны по вопросам послевоенных соглашений. Так, Тройственный союз и все европейские державы, с видимым единодушием, тщетно старались выпросить у Порты пресечения кровопролития. Турки в ответ игнорировали данные требования и были как будто предоставлены сами себе. Советы Европы для них замолкли, советники разъехались, и турецкое правительство праздновало избавление от непрощенных друзей и покровителей [6, с. 444].

Английский автор пишет о нежелании Турции сдерживать свои обещания на примере политики в отношении немусульманского населения. По его словам, Порта мало исполняла свои обещания, как пятьдесят лет тому назад, так и сейчас. Ни в уголовных, ни в гражданских турецких судах свидетельства христиан на не принимались [1, с. 79].

Интересное замечание приводит публицист Н.В. Щербань, указывая, что в Крымскую кампанию турки громогласно заявляли, что англичане, французы и сардинцы воюют за них по приказанию Блистательной Порты [10].

Писатель Н.В. Щербань повествует об отказе Турции «идти в ногу» с Европой. Так, турки по своей природе, попавшие на европейский концерт и ознакомившиеся с европейскими идеями и обстановкой, под влиянием материальной цивилизации могли лишь в некоторой степени скопировать внешние признаки и приемы. Но принять духовную культуру и идти по пути обновления они не в состоянии. Автор ссылается на мнение английских дипломатов о склонности к европеизации турок, говоря, что все усилия ввести в эту страну прогресс похожи на старания обелить негра [10, с. 344].

В свою очередь, западные государства по любому вопросу выставляли Османской империи ультиматумы. Высокая Порта при наличии множества внешних проблем старалась осваивать политику равновесия сил. На эту тему имеется статья турецкого чиновника, который высказывался, что с конца прошлого столетия русская политика поставила Турцию почти в вассальные к себе отношения, навязывая ей такие трактаты, которые служат для нее смертным приговором. На его взгляд, возмутительно было видеть, что одна из прекраснейших стран земного шара дошла до такого унижения, что султан сделался слугою русского правительства. Автор призывал к необходимости воспрепятствовать распадению империи и избавить Европу от целого ряда войн [4, с. 12]. Однако автор не уточняет, о каких именно мероприятиях идет речь.

Подобное мнение об ущемлении прав Турции дипломатическими мерами России содержится в статье историка и публициста П.К. Щербальского. В ней говорится, что если бы России было предоставлено право покровительства над христианами, то это было бы явным «унижением» власти султана [9, с. 165].

Из данных эпизодов следует вывод о том, что Османское государство в вопросах внешней политики зачастую не исполняло обязанности, обусловленные принятыми договорами. Особое влияние не только в этом вопросе, но и во многих других играли религиозные принципы. Основанием для такого рода дипломатических от-

ношений был институт фетв, к которому и обращались султаны. Почти во все периоды османской истории правители использовали его. Это своего рода правовая позиция или решение по какому-либо общественному, политическому или правому вопросу, выносимое главным духовным деятелем государства [2, с. 168].

Не только такого рода разрешения играли существенную роль в отстаивании своих политических требований, но вера в превосходство мусульманской нации над всеми остальными. Нередко это было толчками к очередным войнам, что, в свою очередь, приводило к кризисным явлениям в обществе.

По замечанию авторов «Русского вестника», турецкое население отождествляло себя с особой нацией. Во многом это объясняется влиянием религии на все сферы жизни и деятельности человека. По замечанию турецкого автора майора Османа-Бея, закон Магомета имеет существенный недостаток, он направлен больше на земные интересы, чем на духовные и нравственные, ибо Коран есть гражданский кодекс, политическое завещание и руководство [5, с. 216].

Н.В. Щербань характеризует турецкое общество как несправных варваров. Публицист отмечает, что у турок нет понятия о чести и о времени, двух необходимых условиях развития человеческих обществ. Турок не знает, что такое человеческое достоинство и личная честь. Единственной политикой турецкого народа из столетия в столетие была война, а внутренними приемами управления – яд, виселица и палка [10]. Автор приводит мнение, что сами турки убеждены, что их государство высшее государство в мире, которому подчинены все прочие европейские и иные державы. К примеру, турецкий простолудин, вопреки всем преподанным урокам истории, серьезно думал, что европейские монархи – вассалы султана, от него получившие в дар престолы. И каждый турок осознает, что европейцы стоят выше него по развитию науки, изворотливости, богатству, предприимчивости и даже могуществу, следовательно, европеец, по крайней мере, равен турку [10, с. 344].

Данные представления объясняются возобладавшем во второй половине XIX в. в политической и культурной жизни Османс-

кой империи панисламизмом, который был враждебен европеизации и в целом направлен против нее. В официальной печати и во многих османских сочинениях повторялись тезисы о добровольном переходе покоренных народов под власть мусульман, о роли мусульманской цивилизации в развитии науки и технологий, о безусловном превосходстве турецкой культуры [8, с. 184].

Новой волной превосходства и сплочения против всего мира послужила брошюра, изданная в 1875 г. под заглавием «Объединение ислама». В ней говорилось об исламе как об источнике всякого образования и знания, вне его – невежество и варварство, все мусульмане должны ополчиться на неверных христиан. Брошюра была расхвалена в стамбульской печати и разошлась по населению в сотнях тысяч экземпляров [10]. Это объясняется окончательным оформлением идеологии османизма как концепции равенства подданных различного вероисповедания, но единой политической системы. При этом главным противоречием идеологии османизма оставалось несоответствие обоснованных ею реформ традиционным нормам ислама, поскольку шариат не предусматривал равенства мусульман с христианами [8, с. 186].

Несмотря на степень изученности и развитие двусторонних отношений между двумя империями, у большей части читающей русской публики сформировалось представление о турецком обществе как об особом чуждом Европе явлении, для которого характерны либо дикость, либо варварство [3, с. 83].

Особое внимание в заметках авторов «Русского вестника» уделяется главе государства – султану. В его руках сосредоточивалась власть светская и религиозная. Воинственные и агрессивные наклонности падишахов раскрывает публицист Н.В. Щербань, который отмечает, что султаны могли только разрушать, но не созидать. Это объяснялось тем, что султан не только государь, но вместе с тем и глава церкви, и религиозная власть его приравнивалась к власти Римского папы. Именно поэтому он был обязан сохранить во всей чистоте догматы магометанства, которые составляли преграды развитию духа, культуры и даже материальным улучшениям [10, с. 350].

Образ и мощь султана влияли на умы народа. В нем видели надежду на возрождение мусульманского могущества и религиозной сплоченности, а вместе с тем и изменения в обществе. Верховная власть султана в империи представлялась русским ученым и дипломатам чем-то средневековым и ужасным. Так, к примеру, один из титулов султана величал его как «гункиар», то есть «палач, душитель» [10]. Что, в свою очередь, объясняет особенные военные наклонности падишаха. Примером этому может служить султан Абдул Хамид II, который претендовал на признание своей неограниченной власти халифа не только в пределах Османской империи, но и стремился к главенству в мусульманском мире в целом [8, с. 185].

Несмотря на смену политической обстановки, судя по выходу публикаций можно утверждать, что интерес к Турции постоянно рос. Возможно от того, в какой период времени каждый из авторов опубликовал свои заметки, зависит их содержание и освещение определенных деталей из жизни этого государства. Следует отметить, что часть публикаций показывает Османскую империю как державу, не склонную к компромиссам или уступкам. Представление о турецком обществе как о варварском и жестоким было обусловлено несколькими русско-турецкими войнами. Большая часть авторов, несмотря на сложности и дипломатические разногласия, видели уникальность и неповторимый колорит этой восточной страны.

Список литературы

1. Дентон. Христиане в Турции / Дентон // Русский Вестник. – 1864. – № 50.
2. История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 т. / под ред. Э. Ихсаноглу. – М. : Вост. лит., 2006.
3. Касумов, Х. А. Осмысление восточных обществ: Российский опыт первой половины XIX века / Х. А. Касумов, И. С. Федосеева-Кузуджюглу // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – № 17.
4. К истории восточного вопроса // Русский Вестник. – 1877. – № 127.

5. Майор Осман-Бей. Кто будет султаном после Абдул-Азаза? Вопрос и о престолонаследии в Турции / Майор Осман-Бей // Русский Вестник. – 1874. – № 112.
6. Неклюдов, В. С. Дела на Востоке / В. С. Неклюдов // Русский Вестник. – 1877. – № 127.
7. Ульяницкий, В. А. Турция, Россия и Европа с точки зрения международного права / В. А. Ульяницкий // Русский Вестник. – 1877. – № 128.
8. Чолахян, В. А. Трансформация установок Турции в судьбах малых народов в XIX–XX вв. / В. А. Чолахян // История и историческая память. – 2015. – № 11 (11).
9. Щебальский, П. К. Восточный вопрос и дипломатия / П. К. Щебальский // Русский Вестник. – 1866. – № 65.
10. Щербань, Н. В. Турция и турецкие деятели (по воспоминаниям Мольтке) / Н. В. Щербань // Русский Вестник. – 1878. – № 133. – С. 344–350.

**WAR AND THE TURKISH SOCIETY
IN THE XIX CENTURY IN THE PERCEPTION
OF THE AUTHORS OF THE MAGAZINE
“RUSSIAN MESSENGER”**

Tregubova Marina Sergeevna

Master of the Department of Russian History,
at UMR Specialist Department of Archeology, History and Foreign Tourism
Volograd State University
marina_tregubova@mail.ru
Rutkowski St., 6, 400034 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article is a representation of Russian diplomats, journalists and travelers about the war and the Turkish society in the XIX century. It presents some of the positions of the Turkish government on the issues of military clashes and diplomatic agreements. The features of the character and outlook of the Turkish society. His opinion about the superiority over other nations. Reveal the image of the head of the empire and inclinations. The role of the person of the Sultan as the head of the secular and spiritual life of society.

Key words: the Ottoman Empire, magazine “Russian messenger”, turkish society, politics, war, discord, the sultan, the state.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА: РОССИЯ И МИР

УДК 94(470+571)“1812”:355.4

ББК 63.3(2)521.1-6

ДРУГ А.С. ПУШКИНА О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ: КНЯЗЬ П.А. ВЯЗЕМСКИЙ И ЕГО КНИГА «ПИСЬМА РУССКОГО ВЕТЕРАНА 1812 Г. О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ»

Акульшин Петр Владимирович

Доктор исторических наук, профессор,
руководитель Научно-образовательного центра
историко-гуманитарных и социально-экономических исследований
Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина
stone2708@mail.ru
ул. Свободы, 46, 390000 г. Рязань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена восприятию Крымской войны князем П.А. Вяземским (1792–1878), известным прежде всего как видный поэт и публицист золотого века русской культуры, ближайший друг А.С. Пушкина. Он был заметной фигурой в общественно-политической жизни и видным государственным деятелем, принадлежавшим к сторонникам постепенных преобразований российской действительности. Его взгляд был изложен в книге «Письма русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе», опубликованной в 1855 г. на французском языке.

Ключевые слова: история России XIX в., Крымская война, общественно-политическая мысль, князь П.А. Вяземский, «Письма русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе».

Крымская война стала важным рубежом не только во внешней политике России, но и явилась знаковым событием для внут-

ренного развития страны. Одним из проявлений этого стала оценка причин и итогов войны как основы для размежевания формирующихся общественно-политических течений в российском обществе. Многие сторонники либеральных и революционных идей, несомненно патриоты своей страны, расценивали Крымскую войну как обвинительный приговор внешней и внутренней политике императора Николая I.

Но среди современников войны существовали и другие точки зрения, в том числе и оценка Крымской войны как продолжения борьбы, которую Россия вела в эпоху наполеоновских войн и прежде всего в ходе Отечественной войны 1812 г., защищая свои государственные и национальные интересы.

Одним из сторонников этой точки зрения был князь П.А. Вяземский (1792–1878), один из немногих близких друзей А.С. Пушкина, который дожил до событий Крымской войны и дал ей собственную оценку. Он был не только поэтом и литературным критиком, но на протяжении всей жизни интересовался политическими вопросами и, несомненно, внес свой вклад в развитие отечественной политической мысли. Этот потомок Рюриковичей стал последним из поколения государственных и общественных деятелей, которые начинали свой жизненный путь в первое десятилетие XIX в. носителями просветительских идей, а завершили в середине столетия как представители высшей бюрократии. В конце служебной карьеры П.А. Вяземский в 1855–1858 гг. занимал должность товарища министра народного просвещения, положив начало первым преобразованиям в этой сфере в эпоху правления Александра II. К общественно-политическому направлению, к которому он принадлежал, относились как поэты А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, так и целый ряд министров эпохи Николая I – Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, С.С. Уваров, П.Д. Киселев [1].

Непосредственным откликом П.А. Вяземского на обострение Восточного вопроса в 1853 г. и начало военных действий стала книга «Письма русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе», опубликованная на французском языке в 1855 г. с указанием на Лозанну как на место ее издания. В основе текста, состоящего из введения и 30 глав, лежал кропотливый анализ публичных выступлений британских и

французских политических деятелей, а также оценок европейской прессой внешней политики России, носящих преимущественно антирусский характер. Исходя из этого П.А. Вяземский излагал свою внешнеполитическую концепцию и представление о месте России в европейском сообществе той эпохи.

На протяжении всей своей общественной и литературной жизни П.А. Вяземский заслуженно имел репутацию «русского европейца» и критиковал многие стороны современной им отечественной действительности. Именно ему принадлежит заслуга введения в литературный обиход выражения «квасной патриотизм». Он с уважением относился к культуре стран и народов Европы, в особенности Франции, являлся знатоком и популяризатором европейской литературы в России, симпатизировал таким явлениям общественно-политической жизни, как конституционализм и свобода печати. Но это не исключало, а подразумевало понимание и защиту интересов родной страны в тех случаях, когда они расходились с замыслами и делами европейских политических элит.

К мнению о том, что такое расхождение между объективными интересами России и внешней политикой правительств Великобритании и Франции существует, П.А. Вяземский окончательно пришел в 1840-е годы. В эпоху правления Александра I молодой литератор обращал преимущественное внимание на позитивные стороны жизни зарубежных стран Европы, знания о которых основывались на книгах и рассказах знакомых. Его первая зарубежная поездка состоялась в 1834 г., когда он побывал в Германии и Италии. В 1838–1839 гг. П.А. Вяземский путешествовал по Германии, а затем посетил Францию и Англию, в 1849–1850 гг. ездил в Турцию и Палестину, вернувшись через Францию и Голландию домой, в 1851–1853 гг. провел в путешествии по Австрии, Италии и Германии. Помимо этих поездок его внимание к международным проблемам усилила служба в Департаменте внешней торговли Министерства финансов, где на протяжении 1832–1846 гг. он занимал должность вице-директора. Этот опыт, как и личное знакомство с жизнью Европы и Ближнего Востока, заставляли его отказываться от идеализации Запада в политическом отношении. Особенно негативное впечатление на него производили

внешняя политика Великобритании и политические нравы Франции эпохи Наполеона III.

Друг А.С. Пушкина стремился доказать право России на равноправное положение среди великих держав Европы и защитить ее политику от нападков европейской печати, многие из которых казались ему несправедливыми. В 1830-е гг. в западноевропейской печати стала усиливаться критика внутренней и внешней политики Российской империи. П.А. Вяземский, внимательно следивший за французской прессой, откликнулся на эту критику запиской «О безмолвии русской печати», датированной весной 1833 г. В ней доказывалась необходимость аргументированно отвечать на выпады зарубежной печати. Образцом дальновидной и эффективной политики в вопросах печати он называл действия Наполеона и Екатерины II. Приводимые факты из прошлых эпох должны были доказать, что «даже в те времена, когда всемогущество прессы не было в действительности провозглашено так, как ныне, власть охотно пользовалась этим орудием. Наполеон умел властвовать, и он, который для утверждения власти более сильного поставил под штык всю Европу, не считал, однако, унижительным для защиты своего дела сражаться на арене журналистики. Екатерина II также с огромным успехом пользовалась печатью... Европейская пресса была ее смиренной и покорной служанкой. Все выдающиеся политические и литературные деятели ее эпохи были ей преданы. Вольтер, Деламбер и многие другие писали как бы под ее диктовку и были глашателями ее политических воззрений, ее побед и завоеваний» [4, с. 191].

Основное практическое предложение П.А. Вяземского состояло в том, что правительство Российской империи должно выпускать «на русском языке журнал под своим руководством с двойной целью: этот журнал должен был бы стать посредником между Европой и Россией, между правительством и народом» [4, с. 193]. В годы Крымской войны П.А. Вяземский пытался публиковать в европейских газетах статьи, объясняющие и защищающие русскую политику в Восточном вопросе. Когда это не удалось, он издал их отдельной книжкой на французском языке под названием «Письма русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе» [6].

Главной мишенью в книге П.А. Вяземского избрана политика правительства Великобритании, которую автор считал своекорыстной и проникнутой «фанатизмом гиней». Так, по поводу «опиумной войны» 1840–1842 гг. он писал: «Англичане, например, находят весьма естественным и разумным начать войну против миролюбивого народа за то только, что правители этого народа мешают иностранцам оскотинивать и отравлять его посредством тайного ввоза опиума» [5, с. 213]. Именно британская политика, по мнению П.А. Вяземского, и являлась главной причиной разгоревшейся войны. «В самом деле, разве источник ему [обострению Восточного вопроса] в чем-либо ином, кроме закоренелой ненависти англичан ко всякому народу, желающему положить пределы их морскому могуществу? Разрушить флоты, начинающие приобретать силу, задавить всякое преуспеяние, которое может оказаться помехою англичанам; такова несомненно цель этой политики» [5, с. 202].

«Вторую империю» во Франции П.А. Вяземский, которому довелось побывать во Франции во время государственного переворота 2 декабря 1851 г., считал «незаконною в ней властью». Гневному осуждению он подвергал внешнюю политику Наполеона III, которую считал опасной не только для стран Европы, но и для самой Франции, превращавшейся в младшего союзника туманного Альбиона.

В идеале сам П.А. Вяземский был сторонником парламентаризма и свободы печати, развитию которых в России он по мере сил содействовал. Но большинству парламентских деятелей и журналистов современной Европы он давал негативные оценки: «...в наши дни значительная часть повременной печати пользуется могущественным и всеобщим влиянием. Постоянною и убийственною работой удалось ей лишить многих людей способности самостоятельного мышления и суждения, и – да простят мне это выражение – “кретинизировать” их в свою пользу» [5, с. 203]. Разъясняя свою позицию, П.А. Вяземский указывал: «Дело в том, что печатью и парламентскими речами создан искусственный мир, в котором действительность подвластна фразе и как бы задушена ею. В этой ложной атмосфере новые поколения привыкли жить

заимствованной жизнью. Здравый смысл утратил все свои права и всю свою силу» [5, с. 203].

П.А. Вяземский решительно отвергал тезис о том, что от России исходит постоянная угроза странам Европы. «Если мы угрожаем европейской независимости, то надо признаться, что эта угроза, подобно “медленному яду”, о котором говорил Вольтер, очень медленно действует. Когда вносили мы оружие в Европу, в ущерб независимости какого-либо государства? Легок ответ на этот вопрос: никогда! Мы отражали нападения или сражались в помощь слабым, когда они были под угрозами насилия со стороны сильных; но мы всегда уважали право и независимость каждого» [5, с. 271].

Российскую империю П.А. Вяземский рассматривал как полноправного члена семьи европейских государств, содействующего установлению мира и спокойствия как в Европе, так и на Востоке. Своеобразие России автор книги видел в преданности ее народа православию и монарху, в том, что она «прежде всего, есть земля благочестивая и царелюбивая. Ее исторические предания ей так же дороги, как и предания веры, потому что и те и другие проистекают из одного источника. Россия то, что она есть, преимущественно потому, что она дочь восточной церкви, и потому, что она всегда останется верна ей. В православии заключается ее право на бытие; в нем развивалась протекшая ее жизнь, и в нем задатки ее будущности» [5, с. 207].

В дни своей молодости П.А. Вяземский часто употреблял слова «Азия» и «азиатчина» для обозначения косности и невежества. К 1850-м гг. он стал осторожнее в суждениях и даже находил общие черты между славянскими народами и турками, выгодно отличающие их от западноевропейских народов. По поводу Османской империи, азиатского соседа России, он писал: «Между турками и славянами есть нечто общее по восточному их происхождению, чего нельзя не признать и нельзя истребить. Настоящие турки мягкосердечны и откровенны. Близкое сожителство и, за исключением веры, общие патриархальные обычаи и многие другие сходные черты могли бы, при известных благоприятных обстоятельствах, привести к соединению

двух племен, ныне разделенных. Имея миллионы мусульман в числе своих подданных, Россия знакома с мусульманским характером и натурою» [5, с. 212].

На протяжении всех 1830–40-х гг. в личных записях П.А. Вяземский позволял себе негативные отзывы о политике и даже личности императора Николая I: «Нам следует опасаться не революции, но дезорганизации, разложения... Людовик XIV говорил: “Государство – это я!”. Кто-то другой мог бы сказать еще более верно: “Анархия – это я!”» [3, с. 280, 282]. Но в предназначенной прежде всего для зарубежного читателя книге он избегал любого критического отзыва о российском монархе и его внешней политике, воспринимая его как олицетворение России на международной арене. Спустя полгода после смерти императора он обратился к анализу его личности, избрав для этого архаическую для середины XIX столетия форму похвального слова: «Державный сын верен памяти державного отца. Как родитель его, он готов на честный мир, но как родитель готов и на упорную, кровопролитную борьбу, если вражда, безумная в началах своих и вероломная и ожесточенная в действиях, не [заставит] отречься от своих дерзких и несбыточных требований» [2, с. 291]. На протяжении последующей жизни П.А. Вяземский с каждым годом все более позитивно оценивал императора Николая I и политику, считая его оплотом стабильности и порядка в быстроменяющемся европейском и российском обществе. Для этого были веские основания. Европейские порядки, зафиксированные в решениях Венского конгресса 1815 г., стабильность которых стремился сохранить император Николай I, уходили в прошлое. То, что приходило им на смену, несло угрозу гибели как Российской империи, так и другим европейским монархиям, и всему тому, что с ними было связано и что было дорого князю П.А. Вяземскому.

Список литературы

1. Акульшин, П. В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России / П. В. Акульшин. – М. : Памятники ист. мысли, 2001. – 238 с.

2. Вяземский, П. А. 18 августа 1855 года // Вяземский, П. А. Избранное / П. А. Вяземский ; [сост., вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшина]. – М. : РОССПЭН, 2010. – 496 с.

3. Вяземский, П. А. Записные книжки (1813–1848) / П. А. Вяземский. – М. : Наука, 1963. – 508 с.

4. Вяземский, П. А. О безмолвии русской печати // Вяземский, П. А. Избранное / П. А. Вяземский ; [сост., вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшина]. – М. : Изд-во РОССПЭН, 2010. – 496 с.

5. Вяземский, П. А. Письма русского ветерана 1812 г. о Восточном вопросе // Вяземский, П. А. Избранное / П. А. Вяземский ; [сост., вступ. ст. и коммент. П. В. Акульшина]. – М. : РОССПЭН, 2010. – 496 с. – С. 200–289.

6. Wiaztnski, P. Letters d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la question d'Orient. Publ. D'Ostafievo. – Lauzanne : Libr. De D. Martignier, 1855. – 446 p.

**FRIEND OF A.S. PUSHKIN ABOUT THE CRIMEAN WAR:
PRINCE P.A. VYAZEMSKY AND HIS BOOK
“LETTERS OF A RUSSIAN VETERAN OF 1812
ON THE EASTERN QUESTION”**

Akulshin Petr Vladimirovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head of the Scientific-Educational Center of History
and the Humanitarian and Socio-Economic Research
Ryazan State University named for S.A. Yesenin
Stone2708@mail.ru
Svobody St., 46, 390000 Ryazan, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the perception of the Crimean war by Prince P. A. Vyazemsky (1792–1878), known primarily as a prominent poet and publicist of the “Golden age” of Russian culture, a close friend of A. S. Pushkin. He was a prominent figure in public and political life and a prominent statesman belonging to supporters of the gradual transformation of the Russian reality. His gaze was outlined in the book “Letters of a Russian veteran of 1812 on the Eastern question”, published in 1855 in French.

Key words: the history of Russia of the XIX century, the Crimean war, socio-political thought, the Prince P. A. Vyazemsky, “Letters of a Russian veteran of 1812 on the Eastern question”.

УДК 94 (470.5) "1853/1856"-954: 355.4

ББК 63.3 (235.5) 521.2-283.31

УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Дубовиков Александр Маратович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры философии, истории и правоведения
Поволжского государственного университета сервиса
alex@dubovikov@yandex.ru
ул. Гагарина, 4, 445017 г. Тольятти, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье даны общие сведения об Уральском казачьем войске в период Крымской войны: о его общинном укладе, линейной пограничной службе, военной организации и порядке прохождения службы, военно-административном и административно-территориальном устройстве, его участии в военных кампаниях в Средней Азии. Кратко показано участие уральских казаков в самой Крымской войне. В начале статьи с целью общего представления об Уральском казачьем войске приведены некоторые важные фрагменты из его истории.

Ключевые слова: Уральское казачье войско, яицкое казачество, линейная служба, наемка, Крымская война, Балаклавское сражение, Кокандское ханство.

К началу Крымской войны Уральское казачье войско имело древнюю историю, насчитывавшую не менее трех столетий. Правда, «уральским» оно стало после подавления пугачевщины и переименования «яицких» казаков в «уральских» (дабы предать забвению былой «грех» перед «государыней»). Уральское казачество часто ассоциируется с Екатеринбургом, Челябинском, в крайнем случае – с Оренбургом, хотя это не так. Да, уральское казачество долго находилось в ведении Оренбурга – с момента учреждения Оренбургской губернии до 70-х годов XIX в., с некоторым перерывом – с 1781 по 1803 г., когда оно было возвращено в ведение Астрахани, где оно находилось до 1734 года. Затем уральское казачество было передано в ведение «Оренбургской экспедиции»,

а с 1737 по 1741 г. – в ведение «Оренбургской комиссии». Сам же Оренбург был основан только в 1744 г., а столица формируемой губернии поочередно располагалась в Уфе (с 1734 г.), в Симбирске (с 1736 г.), в Самаре (с 1737 г.). Первым оренбургским губернатором стал И.И. Неплюев, в чьи обязанности входило «ведать башкир, киргиз, пограничные дела, все линии... в крае, провинции Исетскую и Уфимскую... в его же ведомство поступили ставропольские крещенные калмыки и Яицкое казачье войско» [6, с. 220]. В XIX в. в Оренбургской губернии имелось уже два губернатора – военный (в Оренбурге) и гражданский (в Уфе). Конечно же, с учетом местных особенностей военный губернатор имел приоритет, в его же ведении находились все воинские формирования края, включая казаков. И все же не надо путать уральских (яицких) казаков с оренбургскими. Оренбургское войско было сформировано лишь в середине XVIII в. в среднем и верхнем течении Урала, а Уральское (бывшее Яицкое) находилось в низовье и уже имело двухвековую историю. Его административным центром был Уральск, до пугачевщины именовавшийся «Яицким городком». Еще одним «Яицким городком» до XVIII в. часто называли Гурьев, расположенный в устье Яика. Изначально это был город астраханских рыбопромышленников, установивших на реке учуг (решетку из бревен, забитых в дно), дабы не пускать крупную рыбу вверх по течению. Такое положение дел не устраивало яицких казаков, они не раз совершали на Гурьев набеги с целью уничтожения учуга, что им иногда удавалось. Так продолжалось до 1752 г., когда императрица Елизавета передала Гурьев Яицкому войску, и все низовье Яика стало собственностью казачьей общины, которую можно считать самой уникальной среди казачьих общин. У уральцев отсутствовала частная собственность на землю; исключения не предусматривались ни для офицеров, ни для штатских чиновников. Уральское казачество было единой общиной, а потому ни одно решение, связанное с использованием земли или других угодий (водных, лесных, луговых), не могло решаться на станичном уровне (станции не являлись общинами), а только на общевоинском. В Уральском войске, в отличие от прочих казачьих войск, не было иногородних селений, только казацки –

городки, крепости, форпосты, станицы, хутора. Вплоть до 70-х гг. XIX в. иногородние жители не имели права владеть недвижимостью на войсковых землях – только аренда. А пользоваться земельными или водными угодьями в качестве полноправных участников иногородним не позволялось никогда – только в качестве наемных работников. Впрочем, в этом отношении уральские казаки предпочитали русским киргизов (казахов), поскольку те отличались большей неприхотливостью. Особенно активно казаки берегли свои водные угодья, ибо в дореволюционной России Урал всегда слыл главным поставщиком «красной рыбы» (осетрины) и черной икры. Наличие единой казачьей общины позволяло казакам верхних (северных) станиц участвовать в рыболовных промыслах в низовье Урала и на Каспии, а казакам низовых станиц, живущим в полупустынной зоне, брать земельные наделы в районе верхних станиц (используя при этом труд наемных работников из соседних «мужицких» губерний, в основном – из Самарской).

В 1920 г. земли уральских казаков вошли в состав Киргизской АССР (в составе РСФСР), которая вскоре стала называться Казахской. В 1936 г. автономная республика стала союзной (Казахской ССР). Местное казачество, подвергшееся в годы Гражданской войны страшному геноциду, было предано забвению. После распада СССР Гурьев стал называться Атырау, а вместо Уральска повсеместно стало фигурировать название Орал. Все, о чем шла речь выше, не следует расценивать как покушение на территориальную целостность дружественной страны, однако история казачьей общины в низовье Яика, существовавшей не одно столетие, – это часть великой российской истории, которую необходимо исследовать, изучать, хранить и передавать из поколения в поколение.

Начиная с конца XVI в. яицкие казаки участвовали практически во всех войнах, которые вела Россия. Первой «государевой службой» считается участие в походе на «шамхала Тарковского» (1591 г.). С тех пор они регулярно использовались в войнах с турками, поляками, немцами, французами. На первый взгляд, численность их подразделений, участвовавших в тех или иных войнах, часто кажется незначительной. В Крымскую войну Уральское войско выставило на театр военных действий лишь два полка.

Их возглавили казачьи полковники П.Б. Хорошхин и К.М. Чуреев (у ряда авторов распространена неточность: Павла Хорошхина путают с его отцом Борисом Хорошхиным) [2, с. 240; 7, с. 134]. Первый уральский полк под командованием Хорошхина выступил из Уральска в конце 1853 г. и через несколько месяцев прибыл в Придунайские княжества, войдя в состав Дунайской армии (в Молдавии). Полк насчитывал семьсот казаков (рядовых) при сорока пяти урядниках и двадцати офицерах [19, с. 10]. Пробыв в Придунайских княжествах некоторое время, первый уральский полк получил приказ о срочной переброске в Крым, куда он выдвинулся форсированным маршем. У Севастополя, осажденного англо-франко-турецкими войсками, уральцы оказались в начале октября 1854 года. Уральский полк вошел в Чоргунский отряд генерал-лейтенанта П.П. Липранди наряду с четырьмя пехотными и егерскими полками (Азовским, Днепровским, Одесским, Украинским), одним пехотным батальоном, двумя гусарскими полками (Киевским и Ингерманландским), уланским полком и 53-м Донским полком, а также шестью артиллерийскими батареями (включая 3-ю донскую). При этом Уральский и два гусарских полка находились в непосредственном подчинении генерала Рыжова [3, прил. к гл. XXIII]. В Балаклавском сражении (13 октября 1854 г.) уральцы участвовали в комбинированной атаке на позиции англичан. Казачий офицер Н.Г. Мякушин, в той войне лично не участвовавший, сообщает о важной роли уральцев в Балаклавском сражении. Он отмечает, что атака русских была произведена тремя колоннами, в одной из которых, возглавлявшейся генералом Рыжовым, находилась кавалерийская бригада, костяк которой составил уральский полк. Согласно Мякушину, эта колонна, обратив в бегство английские подразделения лорда Кардигана, долго преследовала и поражала бегущего противника [19, с. 10–11]. Однако другие источники дают действиям уральцев более скромную оценку. Генерал М.И. Богданович, участник тех событий, в своей книге отмечал, что в ходе сражения шесть сотен уральского полка совместно с четырьмя эскадронами Ингерманландского гусарского полка атаковали противника в районе греческого села Кадикой. Турецкий отряд был смят и обращен в бегство, но 93-й шотландс-

кий пехотный полк барона Кэмпбелла сумел выстоять и отразить атаку, тем более что во фланг русским ударила кавалерия генерала Скарлетта. Генерал Рыжов был вынужден отойти на прежние позиции [3, с. 114]. И все же Балаклавское сражение завершилось для русских удачно. В той войне уральцы в основном несли аванпостную службу. Три последующих месяца уральцы держали оборону в районе Черной долины и Федюхинских высот. В следующем, 1855 г. в Крым прибыл 2-й Уральский казачий полк. Всего в той войне 1-й уральский полк участвовал не менее чем в 15 сражениях. В августе 1855 г. 1-й уральский полк принял участие в неудачном для русских войск сражении с франко-сардинскими полками у Черной речки. К этому времени он находился в составе главного кавалерийского резерва, возглавляемого генералом от кавалерии Шабельским, – четыре полка (Московский, Казанский, Рижский и Каргопольский) и один дивизион драгунов, полк уланов (Новомиргородский), два казачьих полка (61-й донской и 1-й уральский) при четырех конноартиллерийских батареях [4, прил. к гл. XXXIII]. Тем не менее многие уральцы в ходе той войны сумели отличиться, проявив храбрость и героизм. Полковник П.Б. Хорошхин был удостоен трех орденов и золотой шашки с надписью «За храбрость», не считая денежных вознаграждений за отличия по службе. Различных наград также были удостоены многие офицеры и нижние чины [19, с. 11].

Но почему в той войне были задействованы только два полка? Причем сравнительно активное участие в боевых действиях принимал в основном лишь первый полк. Ответить на этот вопрос можно, зная особенности Уральского войска. С одной стороны, оно несло линейную службу на границе с киргизской (казахской) степью на участке примерно в тысячу верст, который к тому же считался самым опасным. С другой стороны, Уральское войско было сравнительно малочисленным. Даже более молодое Оренбургское войско к концу XIX в. превосходило его по численности почти вчетверо. Кроме того, Уральское войско (по крайней мере, с середины XVIII в.) было общиной, основанной на кровнородственных связях и не желавшей видеть в своих рядах «чужаков», тем более «поверстанных» в казаки по указке внешних властей. И еще: к началу

Крымской войны часть строевого состава Уральского войска была задействована в уже начавшихся кампаниях в Средней Азии. На всем этом надо остановиться подробнее.

Линейную службу уральское казачество несло своими силами, без участия регулярных войск, как это было в других линейных войсках. Даже тогда, когда линейная служба яицких казаков только начиналась, они наотрез отказались от предложения правительства усилить охрану линии за счет подразделений регулярной армии. Казаки надеялись на собственные силы и при этом не желали, чтобы их угодами пользовались посторонние. Линия, поначалу называвшаяся «Нижнеяицкой», а позже – «Уральской», начиналась в районе впадения Илека в Урал и заканчивалась у берегов Каспия. На всем ее протяжении располагались десятки форпостов и несколько крепостей. Между ними располагались сторожевые посты – реданки и трети. Казачий офицер и писатель И.И. Железнов отмечал, что на реданках и третях постоянно дежурят 5–8 казаков, которые «разъезжают от поста до поста и наблюдают за ворами-киргизами» [17, с. 115]. Эти посты имели внутренние дворы с конюшнями и вышками, огороженными плетнем и обведенными валами и рвами. Высокие жерди служили маяками, зажигавшимися при обнаружении опасности. В примечании к книге И.И. Железнова, сделанном редакцией, сказано: «В настоящее время ни реданок, ни третей, ни пикетов на линии не имеется: они уничтожены в конце 60-х годов» [17, с. 116–117] (автор погиб в 1863 г.).

Долгое время (примерно полвека) уральским казакам было запрещено преследовать кочевников, если те успевали достичь левого берега Урала. Эта мера, якобы, предпринималась в интересах казаков, которые зачастую так увлекались преследованием «воров», что, оказавшись в малом количестве далеко за пределами своих земель, сами становились легкой добычей. Тем не менее казаки были недовольны таким решением столичных властей. В 1823 г., благодаря поддержке военного губернатора Сухтлена, запрет был отменен. Казаки могли не только преследовать «воров», но и совершать карательные акции в отношении всего населения аулов, жители которых участвовали в набегах. Такие акции требовали одобрения на высоком уровне, тщательно подго-

тавливались и были строго засекречены. В 20–30-е гг. XIX в. подобные экспедиции проводились под командованием полковников Берга, Щапова [24, с. 76], Мансурова [25, с. 98]. Во всех них участвовали уральские казаки, составлявшие либо весь отряд, либо его основную часть. Практически все экспедиции направлялись в район расположения адаевского рода, наиболее славившегося разбоями [24, с. 75]. Поход Мансурова подробно описал Н.Г. Мякушин: «Натиск казаков опрокинул толпу храбрых, но нестойких в бою киргиз. Положение их было самое отчаянное: их поражали пулями, кололи пиками, рубили шашками и топтали конями». На этом дело не закончилось: «Колонна под начальством полковника Мансурова напала и уничтожила еще два аула этого племени» [20, с. 27–28]. В то же время говорить об извечной вражде казаков и казахов не следует. Во-первых, от казахских набегов страдали не только казаки, но и другие соседи – башкиры, калмыки, татары. Среди захваченных в плен для выкупа или обмена были значительные лица, например некто Браев или даже имам Абулфеизов [10, л. 1–9]. Во-вторых, у самих казахов нередко возникала межродовая рознь и даже кровавые конфликты. «А роду адайскому, самому воровскому и злейшему из киргизских родов, все роды более или менее враждебны», – писал Железнов [17, с. 141]. В-третьих, в области казахско-казачьих контактов имелся и позитивный опыт. Российские награды за спасение казаков получали казахи Тюлегенов [8, л. 1–5], Курамсин [13, л. 1–14] и др., а казахский «старшина» Котлумбаев дважды награждался «за усердную службу и преданность России» [9, л. 1–6; 11, л. 14].

В годы Крымской войны в линейные команды ежегодно отправлялись более 1 800 уральских казаков [5, с. 768]. Всего же, по данным 1854 г., на службе в Уральском казачьем войске состояли 13 518 человек (274 офицера и 13 244 нижних чина) [23, прил. № 41]. Это составляло примерно 40 % всего мужского казачьего населения. Непосредственно приписанных к полкам было примерно вдвое меньше – чуть более шести тысяч. По данным 1846 г. казачью службу несли 3 118 жителей Средней дистанции, 1 857 – Верхней и 882 – Нижней. Казаки Чижинской дистанции и Внутренней линии составляли небольшую часть [15, л. 63].

Еще при Петре I яицкие казаки были расписаны по сотням, а не по полкам. Таких сотен было 32. Полки выставлялись по мере необходимости и не имели номеров. Любой очередник мог выставить вместо себя «охотника» на взаимовыгодной основе, а потому зажиточные казаки нередко откупались от службы. Этот процесс назывался «наемкой». В Уральском войске она сохранилась вплоть до XX в., хотя и видоизменилась. В XIX – начале XX в. очередник уже не платил напрямую «охотнику», но деньги брались у всех казаков, числящихся на службе, после чего передавались тем, кто непосредственно отправлялся на внешнюю службу. Всегда находились как желающие заработать таким образом, так и желающие уступить им место. В 1803 г. вышло Положение, согласно которому были сформированы 10 пятисотенных полков с порядковыми номерами. Тогда же была предпринята безуспешная попытка отменить наемку. Согласно Положению, штат полка предусматривал 578 казаков (550 рядовых, 12 урядников, 16 офицеров), не считая командира полка [19, с. 6]. Все казаки были расписаны по полкам, но все полки никогда не выставлялись на внешнюю службу одновременно, а должны были периодически менять друг друга.

По свидетельству В.И. Даля, служившего в 1830-е гг. при оренбургском военном губернаторе, уральские казаки делились на три категории: «городовые» несли внутреннюю службу, «градские» – внешнюю, а охраной линии занимались «линейные» [16, с. 112–113]. При этом каждый казак проходил четыре этапа службы: «малолеток», «служащий», «гражданский» и «отставной». Такой порядок имел место и в годы Крымской войны. Некоторые изменения были внесены позже, в 1866 г., когда «полевая» служба сократилась с 25 до 15 лет. Большой проблемой военного руководства стало введение единой формы одежды. К 1803 г. она имелась уже во всех казачьих войсках, кроме Уральского. Одна из главных причин панического неприятия уральцами единой формы состояла в том, что они, будучи старообрядцами в основной своей массе, не сомневались, что вскоре после введения формы их обязательно побреют, а следующим шагом станет перевод в солдаты. В итоге ввести форму в 1803 г. не удалось [18, с. 59]. К.К. Абаза так описал внешний вид

уральцев тех лет: «На линии казаки одевались совсем по-домашнему: оружие надевали сверх коротких стеганых халатов, самых пестрых и ярких, шапки носили с широким малиновым верхом, вроде киргизского малахая» [1, с. 160]. Офицер генштаба А.Д. Рябинин отмечал, что даже в 1830 г. одеты в однообразную форму были лишь те уральские казаки, которые несли службу в «городовой команде» и в столичной гвардии [22, с. 75].

В 1853 г. была организована военная экспедиция против Кокандского ханства, в которой приняли участие три уральские сотни во главе с войсковым старшиной К.Ф. Бородиным. Из них же состоял и личный конвой военного губернатора В.А. Перовского, возглавившего поход и помнившего их по хивинской экспедиции 1839–1840 годов [24, с. 103]. Не только он, но и его предшественник П.П. Сухтелен высоко ценил уральцев: «Уральские казаки до сего дня – суть единственное войско в Оренбургском крае, которое по мужеству, храбрости и предприимчивому духу употреблялось с большими выгодами в степных экспедициях» [20, с. 31–32]. Взятие Ак-Мечети было не слишком кровопролитным. Русское командование выбрало тактику изматывающей осады при непрекращавшемся интенсивном артиллерийском обстреле, тогда как пули кокандцев не наносили никакого урона русским. Это позволило В.А. Перовскому держаться довольно высокомерно, выдвигая противнику ультиматум: «Я, не теряя моих людей, могу истребить всех до единого вас. В Ак-Мечеть я войду в ворота, потому что в свою собственную крепость через стену не лезят. Если бы эти стены не были мои, то я не жалел бы их, вы знаете, я имею силу разрушить их совершенно. Русские пришли сюда не на день и не на год, а на вечные времена» [21, л. 155]. В словах генерала было немало блефа: силы русских были незначительны, а осажденные могли надеяться на подход крупных сил. Тем не менее победа была одержана. Взяв Ак-Мечеть в декабре 1853 г., русские осуществляли ее оборону от собравшегося с силами противника [14, л. 1–282]. В ходе той обороны уральцами командовал есаул М.Г. Щапов, получивший в общей сложности двенадцать ран. Примеры проявления уральскими казаками героизма в той кампании на этом не заканчивались. Еще в начале

кампании 1853 г., параллельно с осадой Ак-Мечети, русские во главе с оренбургским генералом Падуровым взяли другую важную кокандскую крепость, Джулек, сравнительно малыми силами. Из 284 членов отряда уральцев была половина: 2 офицера, 9 урядников и 140 рядовых [21, л. 212]. Позже две сотни уральцев во главе с есаулом Т. Бурениным совершили смелую вылазку из Джулека, нанеся серьезный урон численно превосходящему противнику. В 1853 г. военную службу несли 5,3 тыс. уральских казаков. В отряде Перовского их было 313 человек. Почти столько же несло службу в Аральском и Новопетровском укреплениях (158 и 104 соответственно). Еще 106 человек были направлены к Ак-Мечети дополнительно [5, с. 768]. Несмотря на начавшуюся Крымскую войну, продвижение русских в Среднюю Азию не было остановлено, хотя и замедлилось. Так, в 1855 г. в среднеазиатском регионе (включая казахскую степь) несли службу 1 346 уральцев (158 в Аральском укреплении, 104 – в Новопетровском, 212 – в Форт-Перовском и 872 – в «киргизской степи») [5, с. 768].

Список литературы

1. Абаза, К. К. Казаки: донцы, кубанцы, уральцы, терцы / К. К. Абаза. – СПб. : В. Березовский, Тип. Тренке и Фюсно, 1891. – 334 с.
2. Агафонов, О. В. Казачьи войска Российской империи / О. В. Агафонов. – М. : Рус. кн., 1995. – 556 с.
3. Богданович, М. И. Восточная война 1853–1856 годов : в 4 т. / М. И. Богданович. – Т. 3. – СПб. : Тип. Стасюлевича, 1877. – 425 с.
4. Богданович, М. И. Восточная война 1853–1856 годов : в 4 т. / М. И. Богданович. – Т. 4. – СПб. : Тип. Стасюлевича, 1877. – 450 с.
5. Бородин, Н. А. Уральское казачье войско / Н. А. Бородин. – Уральск : Изд-во Урал. Войск. Хоз. Правл., 1891. – 947 с.
6. Витевский, В. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года : в 5 т. / В. Н. Витевский. – Т. 2. – Казань : Типо-литогр. В.М. Ключникова, 1897. – 346 с.
7. Галушко, Ю. А. Казачьи войска России / Ю. А. Галушко, А. А. Колесников. – М. : Рус. мир, 1993. – 224 с.
8. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 59.

9. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 181.
10. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 595.
11. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 1135.
12. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 2818.
13. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 3709.
14. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10/3. – Д. 4.
15. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 11. – Д. 1550-Г.
16. Даль, В. И. Уральский казак / В. И. Даль // Даль, В. И. Избранные произведения / В. И. Даль. – М. : Правда, 1983. – 448 с.
17. Железнов, И. И. Василий Струняшев: роман из казацкой жизни / И. И. Железнов. – СПб., 1910. – 211 с.
18. Карпов, А. Б. Памятник казачьей старины / А. Б. Карпов. – Уральск : Тор, 1992. – 110 с.
19. Мякушин, Н. Г. Первый Уральский казачий полк / Н. Г. Мякушин. – Киев : Изд-во «Плахов», 1899. – 16 с.
20. Мякушин, Н. Г. Секретная экспедиция уральских казаков / Н. Г. Мякушин. – Уральск, 1903. – 35 с.
21. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 1441. – Оп. 1. – Д. 58.
22. Рябинин, А. Д. Уральское казачье войско / А. Д. Рябинин. – Ч. 1. – СПб. : Тип. Э. Веймара, 1866. – 419 с.
23. Рябинин, А. Д. Уральское казачье войско / А. Д. Рябинин. – Ч. 2. – СПб. : Тип. Э. Веймара, 1866. – 108 с.
24. Сапунов, Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России (40–90-е годы XIX века) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д. А. Сапунов. – Челябинск, 2001. – 259 с.
25. Терентьев, М. А. История завоевания Средней Азии / М. А. Терентьев. – СПб. : Тип. В.В. Комарова, 1906. – 1562 с.

THE URAL COSSACKS DURING THE CRIMEAN WAR

Dubovikov Alexandr Maratovich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of Philosophy, History and Law
Volga Region State University of Service
alexdebobikov@yandex.ru
Gagarin St., 4, 445017 Tolyatti, Russian Federation

Abstract. This article presents an overview of the Ural Cossack army in the period of the Crimean war on its community way of life, linear border service, about military organization and order of service, on military-administrative and administrative-territorial structure, its participation in campaigns in Central Asia. Summarized part of the Ural Cossacks in the Crimean war itself. At the beginning of the article a General picture of the Urals Cossack army are some important pieces of its history.

Key words: Ural Cossacks, Yaik Cossacks, linear service, nemca, the Crimean war, the battle of Balaclava, the khanate of Kokand.

УДК 327(410:470)“1853/1856”

ББК 63.3 (4 Вел)52-6

**ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН
И РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ
НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

Жолудов Михаил Валентинович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений
Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина
mikhailzhol@yandex.ru
ул. Свободы, 46, 390000 г. Рязань, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается российско-британское соперничество за преобладание на Балканах и в ближневосточном регионе накануне Крымской войны. Подчеркивается роль британской дипломатии в формировании британского антирусского общественного мнения по поводу Восточного вопроса. Особое внимание уделено оценке личного вклада британского министра иностранных дел лорда Пальмерстона в раздувание русофобской кампании в Великобритании. Автор приходит к выводу, что усиление российско-британских геополитических противоречий привело к началу Крымской войны.

Ключевые слова: история России, история Великобритании, Восточный вопрос, XIX в., Крымская война, лорд Пальмерстон.

В постнаполеоновскую эпоху европейской истории Российская империя вступила могущественной державой мира. Международный авторитет России определялся ее обширными территориями, огромными людскими ресурсами, безмерным экономическим потенциалом и в целом успешной внешнеполитической деятельностью в первой четверти XIX века.

Одним из главных направлений российской внешней политики второй четверти XIX в. было решение так называемого Восточного вопроса. Для России это означало обеспечение безопасности

оужных границ, укрепление российского влияния на Ближнем Востоке и Балканах, а также установление контроля над черноморскими проливами – Босфор и Дарданеллы, имевшими для государства огромное военно-стратегическое и экономическое значение.

Великобритания в это время также имела особый интерес в решении Восточного вопроса в свою пользу. Усилия английской дипломатии в первой половине XIX в. были направлены на выполнение одной из важнейших стратегических задач внешнеполитического курса Великобритании – обеспечение захвата колоний и их эксплуатации, а также создание опорных пунктов на пути из метрополии на Восток. Поэтому Ближний Восток и Балканы стали главной ареной столкновения геополитических интересов России и Великобритании. Важную роль в формировании британской политики в Восточном вопросе накануне Крымской войны сыграл видный государственный деятель и дипломат лорд Пальмерстон.

В последние годы в нашей историографии повысился интерес к изучению жизни и деятельности Пальмерстона [1; 2]. И это не случайно, так как этот человек оставил яркий след как в британской истории, так и в истории международных отношений. В течение шестнадцати лет он был министром иностранных дел (1830–1834, 1835–1841, 1846–1851) и почти девять лет премьер-министром (1855–1858, 1859–1865) могущественной европейской державы, оказывая, таким образом, непосредственное влияние на формирование ее внешнеполитического курса на протяжении четверти века. Эти годы, совпавшие с периодом экономического и политического преобладания Великобритании в мире, вошли в анналы британской внешней политики под названием «пальмерстоновской эры».

Впервые став министром иностранных дел в 1830 г., Пальмерстон сразу же определил Россию в качестве одного из главных внешнеполитических оппонентов Великобритании. Будучи прагматично мыслящим политиком, он прекрасно понимал непримиримость разногласий между Россией и Англией в Восточном вопросе. Это было связано, с одной стороны, с явной активизацией проникновения британского капитала на Ближний Восток, а с другой – с беспокойством правительства Великобритании за судьбу своей богатейшей колонии Индии в связи с усилением русской экспансии в Сред-

ней Азии и на Кавказе. При непосредственной поддержке Пальмерстона в британской прессе началась мощная и хорошо режиссированная русофобская кампания, направленная на разжигание ненависти к России и русским среди народа Великобритании. Простых англичан пугали пресловутой «русской угрозой» Индии.

Пальмерстон показал себя активным противником русских интересов в Европе и на Ближнем Востоке. Уже в 1832 г. русский посол в Париже Поццо ди Борго, не скрывавший личной неприязни к Пальмерстону, утверждал: «Он (Пальмерстон) не останавливается ни перед какими средствами: пути кривые и извилистые, клевета, умолчание, запирательство – все он считает пригодным. Россию считает он главным тормозом для осуществления своих разрушительных и безрассудных проектов» [6, с. 444]. Опытный российский дипломат барон Ф.И. Бруннов в лекциях по внешней политике, прочитанных в 1838 г. молодому великому князю Александру Николаевичу (будущему царю Александру II), отметил одну из причин англо-российского соперничества: «Лондонский кабинет считает Россию наиболее грозным противником покровительствуемых Англией конституционных принципов. Особенно лорд Пальмерстон везде ищет следов нашего враждебного ему влияния» [5, с. 98].

А в конце XIX в. известный исследователь истории российской дипломатии С.С. Татищев, оценивая состояние русско-английских отношений 1830-х гг., писал: «В десятилетнее управление внешними делами Великобритании лорда Пальмерстона (1830–1840) политика лондонского кабинета приняла решительно враждебный для нас оборот. Начала, ею руководившие, были прямо противоположны тем, что усвоил русский двор со времен Венского конгресса... Вступив в тесный союз с Францией Орлеанов, Англия явилась сверх того и непосредственной противницей России в Польше, на Босфоре, за Кавказом. Английское золото щедрою рукою расточалось врагам России всякого рода, польским революционным выходцам и мятежным кавказским горцам. Во всех политических вопросах на Востоке и на Западе Россия всегда встречала злобное и упорное сопротивление и противодействие англичан» [9, с. 4].

Ухудшение англо-российских отношений сопровождалось соответствующими изменениями общественного мнения, которое

в то время уже играло значительную роль в политической жизни Великобритании. Газеты и журналы раздували русофобские настроения среди англичан, пропагандируя ставшую популярной концепцию «русской опасности» для Индии. Лорд Пальмерстон принимал активное участие в формировании британского общественного мнения, используя его в качестве идеологического прикрытия для своего внешнеполитического курса. Руководитель британской дипломатии имел тесные контакты с редакциями таких крупных изданий, как «Глоуб», «Курир», «Обсервер» и т. д., писал для них передовицы, иногда заказывал статьи нужного ему содержания, используя деньги из секретных фондов. В то время для него были характерны такие высказывания: «Великий враг Англии – Россия; это проистекает не из личных чувств, а потому, что ее намерения и цели несовместимы с нашими интересами и безопасностью» [7, с. 14]. Или: «Россия является единственной страной, с которой мы, вероятнее всего, рассоримся по-настоящему» [10, р. 178]. Ф.И. Бруннов следующим образом описывал в своих лекциях состояние британского общественного мнения: «Английское общественное мнение обвиняет наше правительство в честолюбивых и завоевательных видах по отношению к Леванту. Оно подозревает существование у нас, с одной стороны, идеи о завоевании Константинополя, с другой – посягательства на безопасность британских владений в Индии. Этот двойственный страх чрезвычайно владеет всеми умами, даже наиболее просвещенных и умеренных людей Англии» [5, с. 98].

Пальмерстон был безусловным приверженцем проведения политики статус-кво в Восточном вопросе, то есть сохранения целостности Османской империи, огромная территория которой привлекала английские торговые круги как выгодный рынок сбыта товаров. Однако он и не верил в жизнеспособность раздираемой внутренними конфликтами империи: «Факт заключается в том, что Турция стремительно разваливается на куски» [11, с. 842]. Однако Пальмерстону Османская империя представлялась идеальным «сторожем» черноморских проливов и буфером против российского экспансионизма на Ближнем Востоке. «Мы поддерживаем Турцию для себя и наших интересов», – заявлял глава

Форин оффис [4, с. 29]. Он был бескомпромиссным защитником интересов Англии: «Я не поколеблюсь сказать, сколь велико значение для интересов Англии и для поддержания мира в Европе сохранение в качестве независимого государства территорий и провинций, составляющих Оттоманскую империю... Если русское завоевание приведет к христианизации и цивилизации обитателей этой страны, эти преимущества, – а нет человека, способного оценить их выше, – перевешиваются последствиями, которые повлечет за собой расчленение Турецкой империи» [10, р. 175]. Пальмерстон рассматривал турок как «лучших хозяев пути в Индии».

Серьезная опасность британскому курсу статус-кво возникла в 1832 г. в связи с обострением турецко-египетского конфликта. Египетский паша Мухаммед Али, вассал турецкого султана, восстал против своего сюзерена и пошел на него войной. Султан обратился за помощью к Великобритании, которую считал своим покровителем. В Лондон прибыли турецкие дипломаты с личным посланием султана к королю Вильгельму IV, в котором содержалась просьба прислать военно-морскую эскадру для борьбы с Мухаммедом Али.

Разногласия в кабинете министров привели к тому, что английская дипломатия медлила с прямым ответом султану, чего-то выжидала, ограничиваясь выражением соболезнования и утешения султану. Е.В. Тарле так оценивал сложившуюся ситуацию: «Английский статс-секретарь по иностранным делам Пальмерстон очень сочувствует султану, обещает, – впрочем, как-то неопределенно при этом выговаривая нужные слова в устных беседах по-английски и направляя Порте столь же неопределенные ноты, написанные по-французски, – и ровно никакой помощи турки от него не видят, и ни из его английских слов, ни из его французских нот не могут даже уловить, чего ему, в сущности, хочется» [8, с. 84–85].

Однако турецкому султану, попавшему в критическую ситуацию, нужна была не моральная поддержка, а немедленная вооруженная помощь. Такая помощь была сразу же предложена Россией. Убедившись в бесполезности обещаний западных держав, 3 февраля 1833 г. Махмуд II официально попросил царя оказать ему военную поддержку.

Россия, казалось, была готова к такому обращению. Русский флот под командованием контр-адмирала Лазарева в составе четырех линейных кораблей и пяти фрегатов немедленно отбыл из Севастополя и уже в конце февраля вошел в пролив Босфор, высадив на его берегу два пехотных полка, казачью конницу и несколько артиллерийских батарей. К началу апреля 1833 г. на Босфоре было сосредоточено 20 русских кораблей и около десяти тысяч солдат пехоты. Николай I давал понять Мухаммеду Али, что шутить не собирается.

Демонстрация российской военной силы произвела впечатляющий и немедленный эффект. Наступление египетских войск было остановлено. В мае 1833 г. между Египтом и Турцией было подписано перемирие, согласно которому султану пришлось пойти на значительные уступки Мухаммеду Али. Мятежный паша получал в наследственное владение Египет, Сирию и Адану, но был вынужден отвести свои войска с других захваченных территорий. Турецко-египетский конфликт был временно урегулирован.

Российская дипломатия блестяще использовала сложившуюся ситуацию. Накануне отбытия эскадры, 8 июля 1833 г., между Россией и Турцией был подписан договор, вошедший в историю под названием Ункяр-Искелесийский. Он гарантировал султану русскую военную помощь в случае нового турецко-египетского конфликта, а Россия получала очень выгодный режим черноморских проливов. По мнению отечественных историков, этот договор был «высшей точкой дипломатических успехов России на Ближнем Востоке. Он предоставлял надежные гарантии безопасности черноморского побережья, усиливал позиции России в Турции и повышал ее престиж в Константинополе» [3, с. 101].

Ункяр-Искелесийский договор означал, с одной стороны, крупную дипломатическую победу России, а с другой – серьезное поражение британской внешней политики и ее руководителя лорда Пальмерстона. Влияние британских дипломатов в Константинополе заметно упало.

Таким образом, политика Великобритании в Восточном вопросе в 30-х гг. XIX в. завершилась провалом. Пальмерстон, да и кабинет Грея в целом, проявил недостаточное внимание к проблемам

ближневосточного региона, увлекшись решением европейских дел. Они явно недооценили заинтересованность России в преобладании на Ближнем Востоке, ее способность сопротивляться британскому диктату. Россия благодаря умелым военным и дипломатическим маневрам сумела на некоторое время получить контроль над черноморскими проливами, влияние в Константинополе. Однако Восточный вопрос был еще очень далек от завершения. Промышленные круги Британии настойчиво требовали более полного подчинения Османской империи своему влиянию. Пальмерстон приложил максимум старания, чтобы добиться реванша за свое поражение. Активно вмешавшись во второй турецко-египетский конфликт (1838–1841), он добился-таки отмены Ункяр-Искелесийского договора, восстановив авторитет Великобритании в Османской империи.

Таким образом, постоянно нараставшее углубление противоречий между двумя странами привело к крупнейшей военно-политической катастрофе в истории англо-русских отношений – Крымской войне 1853–1856 годов.

Список литературы

1. Асташова, А. Н. Генри Джон Темпл третий виконт Пальмерстон / А. Н. Асташова, Л. Н. Кирюхин. – Воронеж : ИПЦ «Науч. книга», 2011. – 167 с.
2. Виноградов, В. Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии / В. Н. Виноградов // Новая и новейшая история. – 2006. – № 5. – С. 182–209.
3. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. – М. : Наука, 1978. – 442 с.
4. Герцог Аргайльский. Ответственность Англии в Восточном вопросе. Факты и воспоминания за сорок лет / Герцог Аргайльский – СПб. : [Б. и.], 1908. – 180 с.
5. Зайончковский, А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Приложения / А. М. Зайончковский – СПб. : Экспедиция изгот. гос. бумаг, 1908. Т. 1. – 768 с.
6. Мартенс, Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. – Т. 11. Трактаты с Англией. 1801–1831 / Ф. Ф. Мартенс. – СПб., 1895. – 620 с.

7. Международные отношения на Балканах. 1830–1856. – М. : Наука, 1990. – 350 с.
8. Тарле, Е. В. Крымская война // Тарле, Е. В. Соч. : в 12 т. / Е. В. Тарле. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 8. – 560 с.
9. Тагищев, С. С. Император Николай и иностранные дворы / С. С. Тагищев – СПб. : Тип. Скороходова И.П., 1889. – 460 с.
10. Seton-Watson, R. W. Britain in Europe / R. W. Seton-Watson. – L., 1937. – 456 p.
11. Webster, Ch. The Foreign Policy of Palmerston 1830–1841 / Ch. Webster ; Britain, the Liberal Movement and Eastern Question. – N. Y., 1969. – Vol. 2. – 882 p.

**LORD PALMERSTON
AND RUSSIAN-BRITISH CONTROVERSY
IN EAST QUESTION ON THE EVE
OF THE CRIMEAN WAR**

Zholudov Mikhail Valentinovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Department of World History
and International Relations,
Ryazan State University named for S.A. Esenin
mikhailzhol@yandex.ru
Svobody St., 46, 390000 Ryazan, Russian Federation

Abstract. The article presents a view of the Russian-British competition for dominance in the Balkan and Mideast region on the eve of the Crimean war. It maintains the role of British diplomacy in the formation of the russofobic British public opinion about Eastern Question. Special attention is paid to the personal impact of the British foreign minister Lord Palmerston to that event. Author argues in favour of the opinion that the intensification of the Russian-British geopolitical collisions led to the beginning of the Crimean War.

Key words: history of Russia, history of Great Britain, Eastern Question, XIX century, the Crimean War, lord Palmerston.

УДК 94(470+571)''1853/1856'':355.4

ББК 63.3(2)521.2-68

КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК «МОМЕНТ ИСТИНЫ» ДЛЯ РОССИИ

Кузнецов Олег Викторович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
kusnezov_oleg@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринята попытка показать, что Крымская война явилась своеобразным «моментом истины» для России. Акцент сделан на анализе той части консервативной публицистики второй половины XIX в., для которой доминирующими стали идеи о враждебности России и Запада, проистекающей из различий цивилизационного характера и политического панславизма.

Ключевые слова: Крымская война, общественно-политическая мысль, консервативная публицистика, внешняя политика, панславизм.

Крымская война без всякого преувеличения стала «моментом истины» для России, причем сразу в нескольких аспектах. Выделим некоторые из них.

Первый аспект. Прежде всего война выявила критическое для России, прогрессирующее военно-экономическое отставание от передовых европейских держав и сделала не только необходимыми, но и неизбежными дальнейшие реформы. Нет необходимости подробно останавливаться на этом сюжете, неоднократно исследованном в литературе. Укажем лишь на некоторые хорошо известные цифры. За 1825–1860 гг. удельный вес России в совокупной выплавке чугуна пятью странами (Англия, США, Германия, Франция, Россия) упал с 15 до 5 % (попутно отметим, что в конце XVIII в. в России выплавлялось чугуна больше, чем в Англии; в 1860 г. по производству чугуна Англия превосходила Рос-

сию в 16 раз). В 1860 г. удельный вес России в мировом производстве составлял 1,72 %, что было меньше, чем доля Франции, в 7,2 раза, меньше, чем доля Германии, в 9 раз, меньше, чем доля Англии, в 18 раз (см., напр: [10, с. 34–35]).

Второй аспект. Война, что называется, встряхнула все слои русского общества и заставила его говорить о необходимости реформ. «Настоящая война вызвала в русском обществе явления доселе небывалые. Она дала толчок, от которого оно расшевелилось до самых низших слоев. Интересы каждого лица и сословия были живо затронуты тяжелыми обстоятельствами, в которых находится отечество, и каждый поневоле устремил все свое внимание на общественные дела», – писал К.Д. Кавелин в «Записке о письменной литературе», напечатанной в герценовских «Голосах из России» [2, с. 37]. Те же мысли встречаются и в совместном, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина, «Письме к издателю», опубликованном в том же сборнике: «У нас в настоящее время кипит война, поглощающая все силы государства, война, которая расшевелила русское общество и раскрыла все внутренние наши язвы, государственные и общественные. <...> У нас теперь все пришло в движение; все, что есть порядочного в обществе, устремило взоры и внимание на исправление внутренней нашей порчи, на улучшение законов, на искоренение злоупотреблений. Мы думаем о том, как бы освободить крестьян без потрясений всего общественного организма, мы мечтаем о введении свободы совести в государстве, об отмене или по крайней мере об ослаблении цензуры» [2, с. 21–22].

При этом два виднейших теоретика русского либерализма особенно подчеркивали, что неудачи России в войне не вызывают у них чувства радости или злорадства. Стремясь опубликовать за границей, в сборнике, издаваемом приверженцами идей социализма, свои критические размышления о бедственном состоянии современной им России, они не руководствовались «положительной нелюбовью к отечеству», стремлением «создать новые затруднения» правительству, и без того находящемуся в чрезвычайно трудном положении, «найти точку опоры для оппозиции или недовольных в России», «надеждой завязать тесные связи между революционными элементами в России и Западной Европе» [2,

с. 10]. Все перечисленное выше К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин отвергали как предательство: «Нет! Наша любовь к родине выше всяких подозрений. Русский и изменник – два понятия, которые между собою никак не клеятся» [2, с. 10].

Наделавшая в свое время много шума записка курляндского губернатора П.А. Валуева «Дума русского», содержащая беспощадную критику внутреннего положения дел в стране, также была инспирирована во многом неудачами в Крымской войне. «Грустно... <...> ...Я болен Севастополем», – читаем в самом начале [1, с. 349]. Только «вместе с первой значительной войною» можно, полагал автор, в полной мере оценить все результаты внутренней и внешней политики, положение страны. Сам П.А. Валуев выразил его в нескольких емких словах: «Сверху блеск; внизу гниль» [1, с. 354]. Одними из главных причин подобного положения дел автор «Думы русского» считал «повсеместный недостаток истины», «всеобщую официальную ложь» [1, с. 354]. Упомянув на Бога и «своего Государя», П.А. Валуев одновременно ставил в пример Морское министерство, которым «правила твердая рука генерал-адмирала, носящего титул императорского высочества» (великий князь Константин Николаевич), единственное, пожалуй, не погрязшее во всеобщей лжи, не обнаруживавшее, «подобно другим ведомствам, беспредельного равнодушия ко всему, что думает, чувствует или знает Россия» [1, с. 357–358].

К слову сказать, великий князь Константин Николаевич высоко оценил статью П.А. Валуева, назвав ее «весьма замечательной», и фактически призвал следовать его примеру. Так, Константин Николаевич высказал пожелание видеть в «Морском сборнике» – органе Морского министерства – написанные «весьма смело и сильно» статьи («нравственно-философские рассуждения»), в которых содержалось бы «порицание системы лжи, замашки показать товар лицом, высказать небывалые заслуги свои и утаить недостатки, упущения и ошибки», и выразил готовность «вознаградить авторов самым щедрым образом» [13].

Весьма показательна реакция на Крымскую войну и кружка славянофилов. Они с энтузиазмом встретили начало войны, надеясь на освобождение славян, но были уверены, что сделать это

можно только при условии радикального внутреннего обновления и очищения. Неудачи в войне тем более заставляли славянофилов думать о реформах: она показала неспособность николаевской военно-бюрократической машины решать назревшие задачи. А.И. Кошелев в качестве выхода предлагал созыв Земской думы, призванной укрепить единство царя и народа, оказать правительству финансовую помощь, наконец, подвинуть власть к реформам. К.С. Аксаков, выступивший с резкой критикой николаевского режима, губительно влиявшего на все сферы общественной жизни, находил, что совещательный Земский собор мог бы стать важным элементом системы межсословных отношений и связи народа с государством (см.: [6, с. 83–88]).

Третий аспект. Из сказанного выше видно, что Крымская война придала ускорение развитию различных направлений русской общественной мысли. Обратим здесь внимание на один принципиальный момент.

Консервативная мысль предшествующего периода достигла своей кульминации в учении славянофилов. Отправной точкой славянофильской историософии был, как известно, тезис о различии исторических судеб России и Европы. Эти различия имели многочисленные проявления. Так, в Европе в основе складывания государств были завоевания, в России – добровольное призвание варягов. В Европе доминировало индивидуалистическое начало, в России – коллективистское; русская община выступала не только в качестве административно-хозяйственной единицы, но выражала весь склад, образ жизни русского человека, являла собой «нравственный союз», «торжество духа». На Западе христианство отравлено и извращено рационализмом римской культуры, отсюда рассудочность и внутренняя раздвоенность (между верой и рассудком) сознания европейцев. В России можно видеть мистическое созерцательное начало, основанное на чувстве единения с Богом, отсюда – целостность религиозного восприятия.

Исходная посылка пореформенных консерваторов, выступавших идейными наследниками классического славянофильства, оставалась той же. Но из нее развивались уже идеи враждебности Запада в отношении России, неизбежности войны двух цивилизаций: ро-

мано-германской и славянской (русской). Эти идеи стали доминирующими для определенной части консервативной публицистики.

Состояние всеобщей враждебности, в котором оказалась Россия накануне и в период Крымской войны, очень эмоционально зафиксировал М.П. Погодин: «Враги стремятся на нас отовсюду, как будто кто их погоняет. Страшные силы их уже в походе; другие, еще страшнее, заготавливаются; на всех путях становятся нам преграды и строятся ковы, со всех сторон возбуждаются новые противники и вызываются новые опасности. <...> По удивительному и непредвиденному ходу дела все наши враги пришли в напряженное, почти насильственное состояние, неистовство против России, и она подвергается нашествию, вещественному и невещественному, не двадцати, а чуть не семидесяти двух языков, которых сочло священное предание. Я говорю нашествию невещественному, ибо не одна сила идет против нас, а дух, ум, воля, и какой дух, какой ум, какая воля! На что эти враги не решатся, чего не выдумают, в чем усомнятся и на чем останутся, если уже на то, как говорится, пошло? Останется ли для них что-нибудь священное? Они грозят, следовательно, не одному Кронштадту и Севастополю: их надо ожидать везде – в церкви и спальне, на ученье и молитве, за обедом и ужином, в висок и под ложечку, по головам и в сердце, в полдень и полночь, в будни и Светлое Христово Воскресенье» [11, с. 286, 288–289]. Причем, подчеркивал публицист, враждебны по отношению к России не только правительства, но и народы европейских государств: «Правительства нас предали, народы возненавидели»; «Политика ее [России] возбудила против нее слепую ненависть народов и доставила ей черную неблагодарность государей...» [11, с. 274, 276].

Сходные мысли высказывал и П.А. Валуев в уже названном сочинении, датированном концом августа 1855 г.: «Друзей и союзников у нас нет. <...> Везде проповедуется ненависть к нам» [1, с. 350].

Примечательно, что свои историософские размышления о различиях между Россией и Европой Н.Я. Данилевский начинает с сопоставления двух событий. Первое произошло в 1864 г., когда Пруссия и Австрия напали на Данию и отторгли ее территории

при почти полном равнодушии остальной Европы. Другое событие случилось в 1854 г.: ведущие европейские державы объединились в борьбе против России. Из этого сопоставления Н.Я. Данилевский делает вывод о враждебности и европейских правительств, и европейских обществ к России, о неизбежности войны с Западом: «Европа видит... в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало»; «При доказанной долговременным опытом непримиримой враждебности Европы к России можно смело ручаться, что, как только она [Европа] устроит свои последние домашние дела, когда новые элементы политического равновесия ее системы успеют отстояться и окрепнуть, первого предложения (как во время Восточной войны) будет достаточно для нападения на Россию, а таких предложений доставят всегда в достаточном количестве Восток и Польша» [3, с. 51, 424].

Мысль о враждебности Запада к России, неизбежности большой войны, в которой против России вновь выступит коалиция европейских держав, неоднократно проводилась и Р.А. Фадеевым: «Нет сомнения, что в душе, в общественном настроении, независимо от дипломатических интересов, Западная Европа в общей массе нам враждебна»; «... Мы никогда не будем иметь сепаратной войны, одиночного поединка, какой был у Австрии с Францией, у Австрии с Пруссией и т. д. Россия слишком сильна, и последствия поражения с нашей и с противной стороны слишком неравны, чтобы кто-нибудь вышел на нас один на один. Мы знаем с точностью лишь то, что, когда нам придется меряться с кем-либо силами, противником нашим будет не нация, а большой союз!» [12, с. 328, 330].

При этом Р.А. Фадеев отмечает одно важное обстоятельство. В силу различий в «историческом воспитании» Европа и прежде не питала к России особой симпатии. Но коалиция западных стран против России сложилась тогда, когда Россия начала проводить самостоятельную внешнюю политику, отвечающую ее национальным интересам и направленную на выполнение исторической миссии. Именно такой, по Р.А. Фадееву, политикой стала попытка в ходе Крымской войны решить восточный вопрос. По времени это совпало с окончанием, как его называл публицист, воспитательного

периода русской истории, начавшегося петровскими реформами, в течение которого Россию пытались приобщить к плодам европейской цивилизации. Теперь Россия вступает в новый период своей истории, в том числе и в области международных отношений: «С тех пор как Россия стала становиться русской, – отмечает Р.А. Фадеев, – мы всегда должны быть готовы к такому обороту дел [большой коалиции западных стран], полагаясь только на себя» [12, с. 330].

Четвертый аспект. Он непосредственно связан с тем, что было сказано выше. Часть консервативных публицистов обращала внимание своих читателей на отсутствие у России с начала XIX в. внешней политики, отвечавшей национальным интересам страны. Более того, подчеркивалось, что Россия, действуя в ущерб собственным национальным интересам, при этом активно защищала чужие, если не сказать чуждые. М.П. Погодин приводил убедительные примеры того, как «Россия пятьдесят лет служила Европе», начиная с помощи «императора Павла австрийцам против властолюбивых притязаний Французской республики» и заканчивая предотвращением в 1851 г. Николаем I готовой вот-вот начаться войны Австрии и Пруссии, «которая неминуемо бы привела обеих на тот же край гибели, вместе с Германией». Подводя итог этой политике как «очевидно несостоятельной», «вредной» и «безуспешной», публицист выражал надежду, что впредь Россия будет отстаивать свои, а не чужие интересы: «Наверно, мы будем теперь умнее и, кривши столько времени чужие крыши, подумаем наконец и о своей» [11, с. 276].

Сходные мысли высказывал и другой публицист, М.Н. Катков: «Так называемый Священный Союз, в который посажена была тогда Россия, держал ее в сфере совершенно чуждых ей интересов, разобщал ее правительство со страной и делал его орудием других правительств, которым оно приносило в жертву и вещественные, и нравственные силы своего народа» [5, с. 150]. Одновременно публицист отмечал особенность политики европейских стран в отношении России. С одной стороны, они стремились направить политику России в своих собственных интересах. С другой – делали все, чтобы исключить для России возможность отстаивать свои национальные интересы. «Все политическое искус-

ство европейских правительств по отношению к России состояло в том, чтобы вовлечь ее правительство в такие положения и сочетания, которые наименее соответствовали бы ее собственным интересам и в которых она служила бы посторонним для нее целям, сколь можно более в ущерб себе. <...> Там, где хоть сколько-нибудь выступал наружу русский интерес в европейских делах, можно было с уверенностью ожидать, что все правительства станут против нас заодно. Не могла быть допущена никакая комбинация, выгодная для России, не мог быть поднят никакой вопрос, который хотя бы отдаленным образом обещал разрешиться в русском смысле. Русская политика в Европе могла что-нибудь значить только в той мере, в какой она отрелась от своего национального характера...» [5, с. 147–148].

Так же как и М.П. Погодин, М.Н. Катков полагал, что внешняя политика России должна преследовать национальные интересы и отличаться твердостью в их отстаивании: «Итак, задача иностранной политики требует, прежде всего, чтобы мы знали, чего мы хотим, чтоб у нас была определенная программа действий, чтобы мы были чутки к интересам нашего государства и правильно ценили их, давая предпочтение главному и существенному, и чтобы во всем существенном мы были незыблемо тверды и отнюдь не давали бы повода рассчитывать на нашу уступчивость» [5, с. 150].

О бескорыстном служении не своим, а европейским интересам в продолжении почти полутора веков, начиная с Петровских реформ, говорил Ф.М. Достоевский: «Да и когда, часто ли Россия действовала в политике из прямой своей выгоды? Не служила ли она, напротив, в продолжение всей петербургской своей истории всего чаще чужим интересам с бескорытием, которое могло бы удивить Европу, если б та могла глядеть ясно, а не глядела бы, напротив, на нас всегда недоверчиво, подозрительно и ненавистно» [4, с. 45].

Проводниками чуждой России внешней политики были дипломаты. В.П. Мещерский с ностальгией вспоминал о временах Екатерины II, когда «послами, советниками, резидентами, секретарями» назначали «русских людей – умных, самостоятельных, с принципами, убеждениями и верой». По мнению публициста, но-

вое поколение отечественных дипломатов начинало формироваться благодаря военно-политическим успехам Александра I. Оно знаменовало собой полный разрыв с традициями екатерининской дипломатии и фактически полную дипломатическую капитуляцию перед Европой. В итоге появился принципиально новый тип российского дипломата, полным воплощением которого стал К.В. Нессельроде. «Отчуждение от духа екатерининской эпохи и завет извиняться в своей народности и силе были восприимчивыми этого новорожденного детища, и пока европейская дипломатия создавала Меттернихов и Талейранов [то есть дипломатов, отстаивавших интересы своих государств], русская создала Нессельроде. <...> Служить интересам какой-то идеальной гармонии в Европе и не тревожить ее притязаниями нашего народного бытия: таков в главных чертах был лозунг нашей новой нессельродовской дипломатии» [8, с. 185]. Новая внешняя политика, надеялся В.П. Мещерский, приведет со временем к вымиранию дипломатов «старого завета» (к которым он относил не только К.В. Нессельроде, но в еще большей степени А.М. Горчакова) и появлению наконец подлинных «сберегателей государственных интересов».

Пятый аспект. Крымская война способствовала распространению идей панславизма. Его зарождение следует, видимо, отнести к 1830-м гг., когда пробуждается интерес к славянской проблематике, начинается активное изучение истории славянских народов. В панславистских идеях того времени превалировал культурный компонент. Во второй половине XIX в. у ряда публицистов консервативного направления на первый план выходит уже политический панславизм.

Наиболее полно и аргументированно идеи политического панславизма были выражены Н.Я. Данилевским («Россия и Европа») и Р.А. Фадеевым («Мнение о восточном вопросе»). Оба публициста говорили о необходимости создания всеславянской федерации во главе с Россией и со столицей в Константинополе: «...всеславянская федерация, с Россией во главе, со столицей в Царьграде – вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название

восточного вопроса» [3, с. 385]; «Славянские народы должны стремиться к двум целям: каждый отдельно – к самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, все вместе – к теснейшему племенному союзу с Россией и к русскому главенству в военном и международном отношении. Каждому племени нужен свой государь для домашних дел и великий славянский царь для дел общих» [12, с. 408].

Идеи политического панславизма легко прочитываются также в публицистике К.Н. Леонтьева и Ф.М. Достоевского. К.Н. Леонтьев видел в обозримой перспективе две России, «неразрывно сплоченные в лице государя»: одна – «*Россия – империя*, с новой административной столицей (в Киеве)», другая – «*Россия – глава Великого Восточного Союза* с новой культурной столицей на Босфоре» [7, с. 282]. Ядром этого «Восточного союза», кроме России, должны стать, по К.Н. Леонтьеву, славяне. О необходимости «единения всего славянства», разумеется «под крылом России», писал Ф.М. Достоевский, считая, что с достижением этой цели «Константинополь – рано ли, поздно ли, должен быть наш» [4, с. 47–48].

Для всех названных публицистов освобождение славян и их объединение под главенством России рассматривалось как ее историческое предназначение, не исполнив которого она бы потеряла, выражаясь словами Н.Я. Данилевского, «причину своего бытия, свою жизненную сущность, свою идею». Кроме того, создание всеславянской федерации рассматривалось ими как одно из проявлений и необходимых условий борьбы двух типов цивилизаций: западноевропейской и славянско-русской. «Тут идет речь не о пограничных столбах, а о том, кто станет в близком будущем первым народом Старого Света; лучше сказать, о том, кто успеет расчистить себе место, чтобы вырасти во весь свой природный рост телом и душой (в истории эти два вида возрастания связаны неразрывно) – Русь или Германия?», – писал по этому поводу Р.А. Фадеев [12, с. 424–425].

При этом публицисты слабо верили в возможность самостоятельного существования освободившихся от австрийского и турецкого владычества славян. По мысли Р.А. Фадеева, без объединения под главенством русского царя «самостоятельность как балканских, так и дунайских народов несбыточна»: «Если их ос-

вободить сегодня без объединения около России, завтра они очутились бы в прежнем и еще худшем положении» [12, с. 408]. Сходные перспективы для славян, предоставленных их собственной судьбе, без России, рисовал и Н.Я. Данилевский: они будут поглощены австро-турецкой федерацией, где подвергнутся ассимиляции и «обезнародению» [3, с. 359].

Вместе с тем реализация идеи политического объединения славян вокруг России не рассматривалась названными публицистами как самоцель. По К.Н. Леонтьеву, «для векового бытия *этого мало, очень мало*». Славянское единство для него – шаг к достижению высшей цели, «развитие своей собственной, оригинальной славяно-азиатской цивилизации» [7, с. 279], которое должно завершиться образованием, как было сказано выше, «Великого восточного союза» во главе с Россией, «с новой культурной столицей на Босфоре». Ф.М. Достоевский рассматривал «единение всего славянства» как «первый шаг» на пути мессианского, всемирно-исторического предназначения России [4, с. 47]. Н.Я. Данилевский и Р.А. Фадеев видели в славянстве некую духовно-нравственную опору. Главным русским недугом Н.Я. Данилевский считал «европейничанье». Освободиться от этого «духовного плена и рабства» он надеялся с помощью «тесного союза» со славянами [3, с. 263, 300]. Р.А. Фадеев надеялся на «помощь» славян в преодолении глубокого духовного кризиса русского общества, который проявлялся, среди прочего, в утрате нравственных ориентиров, а главное – культурно-национальной идентичности. «Что мы выиграем нравственно с восстановлением славянского мира? Мы выиграем то, что будем знать, кто мы и куда идем. До сих пор мы одни между всеми народами земли, имеющими будущность, не знали этого ясно. У нашего образованного сословия действительно потеряна почва под ногами» [12, с. 430].

Приходится констатировать, что надежды консервативных мыслителей на славян были утопией, порожденной Крымской войной. Славянолюбие русского общества находило слабый отклик среди тех, на кого оно было направлено. Во время так называемого славянского съезда 1867 г. почти по всем основным вопросам славянские гости и русские хозяева не нашли общего языка. Славянские делегаты были наиболее единодушны в вопросе о том,

что Россия должна сыграть освободительную роль в отношении славян. Что же касается будущих взаимоотношений, то подавляющее большинство отвергло мысль о каком-либо организационно-политическом и языковом единстве (см.: [9, с. 208–215]).

В заключение хочется сказать о политической актуальности 160-летнего юбилея окончания Крымской войны. Некоторые проблемы, затронутые в настоящей публикации, не потеряли своей значимости и сегодня. Как только Россия оправилась от потрясений, связанных с распадом СССР, и заявила о своей готовности отстаивать собственные национальные интересы, а не плестись, как в 1990-е, в фарватере внешней политики Запада, она столкнулась с откровенно враждебным отношением к себе со стороны западных стран. И чем сильнее и самостоятельнее в своей внешней политике становится Россия, тем более враждебным становится, как и 160 лет назад, отношение к нам тех, кого из дипломатических соображений (впрочем, при этом не без доли иронии) называют нашими партнерами. А это значит, что уроки Крымской войны еще рано забывать. Россию стремятся изолировать. Она же не должна стремиться к самоизоляции. Напротив: должна быть готова и открыта к сотрудничеству со всеми, кто этого захочет, но на равных условиях. При этом надеяться и рассчитывать следует в первую очередь на самих себя, не особенно-то доверяя щедрым обещаниям, дружеским похлопываниям по плечу, широким (но фальшивым) улыбкам. Прикрывать всем этим свою враждебность к нам «наши партнеры» научились давно и, кажется, в первую очередь.

Список литературы

1. Валуев, П. А. Дума русского (во второй половине 1855 года) / П. А. Валуев // Русская старина. – 1891. – № 5. – С. 349–359.
2. Голоса из России. – Вып. 1, кн. I. – М. : Наука, 1974. – 152 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 574 с.
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Т. 23 : Дневник писателя за 1876 год, май – октябрь. – Л. : Наука, 1981. – 424 с.

5. Катков, М. Н. Идеология охранительства / М. Н. Катков. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 800 с.
6. Китаев, В. А. XIX век: пути русской мысли / В. А. Китаев. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. – 355 с.
7. Леонтьев, К. Н. Записки отшельника / К. Н. Леонтьев. – М. : Рус. кн., 1992. – 544 с.
8. Мещерский, В. П. За великую Россию. Против либерализма / В. П. Мещерский. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. – 624 с.
9. Никитин, С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах / С. А. Никитин. – М. : Изд-во МГУ, 1960.
10. Пантин, И. К. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. / И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. – М. : Мысль, 1986. – 343 с.
11. Погодин, М. П. Вечное начало. Русский дух / М. П. Погодин. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 832 с.
12. Фадеев, Р. А. Кавказская война / Р. А. Фадеев. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с.
13. Циркулярная записка его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, предназначенная к рассылке всем главным чинам управления // Русская старина. – 1891. – № 5. – С. 360.

THE CRIMEAN WAR AS A “MOMENT OF TRUTH” FOR RUSSIA

Kuznetsov Oleg Viktorovich

Candidate of Science (History), Associate Professor,
Department of Russian History,
Volgograd State University
kusnezov_oleg@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article attempts to show that the Crimean war was a kind of “moment of truth” for Russia. The emphasis is on the analysis of the part of the conservative journalism of the second half of the XIX century, which have become dominant ideas about the hostility between Russia and the West stemming from political differences, and political pan-Slavism.

Key words: the Crimean war, the social and political thought, conservative journalism, foreign policy, pan-Slavism.

УДК 94(470+571)“1853/1856”:070

ББК 63.3(2)521.2-68

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ЦЕНЗУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ

Луночкин Андрей Валентинович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Волгоградского государственного университета
avlunochkin@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается цензурное положение периодических изданий России во время и в первые годы после Крымской войны 1853–1856 гг. в общем контексте перехода русского правительства к политике Великих реформ.

Ключевые слова: Россия, Крымская война, пресса, цензура.

Крымская (Восточная) война стала одной из первых европейских войн, происходивших в условиях довольно широкого информационного обеспечения. Благодаря собственным корреспондентам на театре военных действий и распространению телеграфа европейские газеты могли довольно оперативно знакомить своих читателей с происходящими в бассейне Черного моря событиями. Позиция прессы оказалась решающей в формировании западного общественного мнения в отношении действий России.

В самой же России ситуация была прямо противоположной. К началу Восточного кризиса русская печать находилась, пожалуй, в самых тяжелых условиях за все время своего существования. Правительство Николая I не допускало и мысли о возможности общества обсуждать проблемы внутренней и внешней политики страны. И без того жесткий цензурный устав 1828 г. в ходе европейских революций 1848–1849 гг. был дополнен еще более суровой цензурной практикой, получившей в литературе название «Эпоха цензурного террора». Созданный по указу 2 апреля 1848 г.

«Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений» под председательством Д.П. Бутурлина получил полномочия проверять опубликованные произведения и статьи, уже разрешенные цензурой.

Русская пресса середины 1850-х гг. была весьма малочисленна. По сути, в стране выходила всего одна частная ежедневная газета с политическим отделом – «Северная почта». Еще в 1836 г. Николай I запретил цензурному ведомству выдавать разрешения на новые частные периодические издания общего характера, и этот запрет оставался в силе до самой кончины императора. Столичные «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» считались не совсем частными, поскольку принадлежали университетам и лишь неофициальные их отделы отдавались в аренду. Основным источником информации для читателей являлись «толстые» ежемесячные журналы, однако они существенно проигрывали газетам в оперативности подачи информации. Впрочем, из-за отсутствия в стране развитой транспортной системы и газеты приходили к читателю, особенно провинциальному, с огромным опозданием. Большим затруднением являлось также отсутствие прямой телеграфной связи с театром военных действий.

Но главная проблема для русской периодической печати заключалась все-таки в цензурном положении. С началом войны всем частным и арендованным изданиям было запрещено самостоятельно публиковать телеграммы и корреспонденции, касающиеся военных действий. Они могли лишь перепечатывать эти известия из официальных изданий – газеты «Русский инвалид», принадлежавшей Военному министерству, и «Journal de Saint-Petersbourg» Министерства иностранных дел. В результате русское общество оказалось практически изолированным от происходивших на юге событий. Строго дозированная и отобранная официальная информация, конечно, не удовлетворяла интереса читателей. Фактически, единственным широким и оперативным печатным источником новостей в России стала иностранная пресса, пусть и прошедшая цензуру. Служивший в 1855 г. курляндским губернатором П.А. Валуев красноречиво признавался: «Лихорадочно ду-

маю с вечера о предстоящем на следующее утро приходе почты. Лихорадочно ожидаю утром принесения газеты. <...> Развертываю “Neue Preussische Zeitung”, где могу найти новейшие телеграфические известия. Торопливо пробегаю роковую страницу. Ничего!» [2, с. 503].

Различие в положении полностью бесправной русской и гораздо более свободной зарубежной прессы, разумеется, осознавалось отечественными общественными деятелями. Но в начальный период войны русское общество воспринимало эту ситуацию, скорее, как неизбежное зло, надеясь на победоносное завершение конфликта. Лишь по мере нарастания военных неудач стало постепенно появляться стремление понять их причины, понимание экономической и политической отсталости России. Особенностью заключительного этапа войны стало появление большого количества рукописных записок, распространявшихся бесцензурно, из рук в руки.

Одним из первых авторов, заговоривших о необходимости освобождения от цензуры, стал живший в то время за границей академик М.П. Погодин. В начале войны он в своих «Историко-политических письмах» выступал за активную внешнюю политику, освобождение славян от турецкого ига и создание славянского Дунайского союза. В октябре 1854 г. он писал уже о «наших внутренних язвах» и пришел к выводу о гласности как главном «лекарстве» к исправлению всех недостатков российской внутренней политики: «Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать со всех сторон лучшие и вернейшие сведения правительство, посредством гласности будут делаться известными способнейшие люди, казниться злоупотребление, посредством гласности возродится и утвердится общественное мнение!» [6, с. 265].

После смерти Николая I количество рукописных записок, посвященных проблемам внешней политики, выросло многократно. Так, в январе-феврале 1855 г. с запиской «Восточный вопрос с русской точки зрения» выступил либерал-западник Б.Н. Чичерин [5, с. 325]. Активизировала свою деятельность и Вольная русская типография А.И. Герцена в Лондоне. В июле 1855 г. А.И. Гер-

цен выпустил первый номер альманаха «Полярная звезда». Поскольку многие присылавшиеся А.И. Герцену материалы не отвечали радикальному духу альманаха, в июле 1856 г. он приступил к выпуску сборника «Голоса из России». Таким образом, и либеральная общественность нашла возможность обнародовать свои воззрения. В первом же сборнике была опубликована записка «Письмо к издателю» видных либералов К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. В числе названных ими необходимых реформ вместе с ликвидацией крепостного права и введением свободы совести первоочередное место заняло «отменение цензуры» [3, с. 21–22].

Гораздо более подробно проблема свободы печати была рассмотрена в «Записке о письменной литературе», также опубликованной А.И. Герценом. Автором ее, вероятно, являлся К.Д. Кавелин. Как предположила В.Г. Чернуха, эта записка отражала взгляды целого кружка петербургских либералов, включавшего в себя и будущих реформаторов – братьев Д.А. и Н.А. Милютиных [8, с. 10.] Любопытно, что автор трактовал преимущество свободы печати не только с точки зрения интересов общества, но и самодержавия. По его словам, рукописная литература была гораздо вреднее для власти, поскольку ее из-за анонимности практически невозможно поставить под контроль. Именно свобода печати должна была помочь государству справиться с такими самодельными авторами, не несущими никакой ответственности за свои заявления: «Письменную литературу может убить только литература печатная. Пусть правительство разрешит издание политических журналов, в которых бы *без всякого вмешательства цензуры* высказывались мнения о положении дел и о правительственных распоряжениях, и можно отвечать за то, что ни одна рукопись не найдет более ни читателей, ни переписчиков» [3, с. 54].

Требование свободы печати объединило вокруг себя не только либералов, но и представителей всех общественно-политических течений. В записке «О внутреннем состоянии России», предназначенной для императора, один из вождей славянофилов К.С. Аксаков говорил о важности «полной свободы слова устного, письменного и печатного» [7]. М.П. Погодин, придерживавшийся в

целом охранительных взглядов, выразился в своей записке, также поданной Александру II, еще более определенно: «...о свободе книгопечатания рассуждать нечего, а должно ее допустить, стараясь, разумеется, сколько-нибудь предотвратить злоупотребления» [1, с. 37]. Наконец, в первом же номере радикального «Колокола» А.И. Герцен поставил «освобождение слова от цензуры» в перечень самых актуальных мер наряду с отменой крепостного права и телесных наказаний: «Без вольной речи нет вольного человека» [4, с. 1–2].

Пришедший к власти в феврале 1855 г. Александр II не был по своим убеждениям либералом. Как показано исследователями, возможность свободы печати в России он отрицал полностью, крайне ревниво относясь к самой возможности для общества обсуждать политические вопросы [8, с. 23]. Тем не менее он был вынужден почти сразу пойти на некоторые послабления. Так, летом 1855 г. частным и арендованным изданиям было разрешено печатать телеграммы и корреспонденции с театра военных действий. В декабре 1855 г. был упразднен так называемый Бутурлинский «Комитет для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений», символ николаевской эпохи «цензурного террора». В следующем 1856 г. было отменено двадцатилетней давности распоряжение Николая I о запрете выдачи разрешений на выпуск новых частных периодических изданий общего характера. В результате в русской журналистике начался настоящий бум. В 1859 г. в стране выходило уже 12 ежедневных газет, и это количество постепенно увеличивалось.

Однако все эти изменения носили лишь косметический характер. Александр II пошел на них, чтобы хоть немного заглушить недовольство в обществе, вызванное неудачами Крымской войны. Отказываться от контроля за печатью он не собирался. Примечательно, что наиболее заметная уступка обществу в сфере цензуры – январское (1858 г.) разрешение обсуждать в печати крестьянский вопрос, – была сделана в виде высочайшего повеления, то есть опять как отдельный шаг, ни в коей мере не меняющий системы. Настоящая цензурная реформа состоялась только в 1865 году.

Список литературы

1. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина / Н. П. Барсуков. – Кн.15. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. – 552 с.
2. Валуев, П. А. Дума русского во второй половине 1855 г. / П. А. Валуев // Русская старина. – 1893. – Т. LXXIX, вып. 9. – Сент. – С. 503–514.
3. Голоса из России. – Вып. 1, кн. I. – М. : Наука, 1974. – 152 с.
4. Колокол. – 1857. – № 1. – 1 июля.
5. Левин, Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX в. / Ш. М. Левин. – Л. : Наука, 1974. – 444 с.
6. Погодин, М. П. Историко-политические письма в продолжение Крымской войны. 1853–1856 / М. П. Погодин. – М. : Тип. В.М. Фриш, 1874. – 390 с.
7. Русь. – 1881. – № 26. – 9 мая.
8. Чернуха, В. Г. Правительственная политика в отношении печати: 60–70-е годы XIX в. / В. Г. Чернуха. – Л. : Наука, 1989. – 208 с.

CRIMEAN WAR
AND CENSORSHIP POSITION OF RUSSIAN PRESS

Lunochkin Andrei Valentinovich

Candidate of Science (History),
Associate Professor, Department of Russian History,
Volograd State University
avlunochkin@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the position of periodic Russian censorship of publications and during the first years after the Crimean War of 1853–1856 in the general context of the transition to the Russian government's Great Reforms policy.

Key words: Russia, the Crimean War, the press, censorship.

УДК 94(470)“1853/1856”

ББК 63.3(2)521.2-6

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ВКЛАД РОССИИ
В ПРОТИВОСТОЯНИЕ УГРОЗАМ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И УСИЛИЯ
ПО ЕЕ РАЗРУШЕНИЮ КАК ГОСУДАРСТВА
ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

Матвеев Владимир Александрович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры отечественной истории
Института истории и международных отношений
Южного федерального университета
vladimir-matveev2009@yandex.ru
ул. Б. Садовая, 33, 344000 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается исторический вклад России в противостояние угрозам европейской цивилизации. Вместе с тем анализируются усилия по разрушению ее как государства, предпринимавшиеся после завершения Крымской войны в зарубежной и отечественной публицистике.

Ключевые слова: российская государственность, европейская цивилизация, Крымская война, зарубежная и отечественная публицистика, технологии разрушения.

Наблюдая отечественные реалии XIX в. в преломлении различных неблагоприятных международных событий, поэт и философ Ф.И. Тютчев обратил внимание на следующее: «Истинный защитник России – это история: ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу» [18]. А занимавшийся их исследованием профессор Московского императорского университета В.О. Ключевский предупреждал о том, что прошлое «наказывает за незнание уроков». Овладение же ретроспективным наследием, по его утверждению, способствует обретению,

прежде всего, ясного взгляда на настоящее, и прошедшее «нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» [12, с. 237, 323, 349].

Межу тем исторический вклад России в противостояние угрозам европейской цивилизации до сих пор остается не изученным, равно как и предпринимавшиеся усилия по ее разрушению как государства в эпоху после окончания Крымской войны. В них и в тот промежуток времени прослеживались не только зарубежная, но и внутренняя составляющая, представленная различными оппозиционными группировками. Следует заметить, что повышенная заинтересованность в насаждении отрицательного образа России в целях ее разрушения как государственного образования наиболее последовательно стала проявляться еще с середины XIX века. В ряде европейских стран через прессу и публицистику проводилась и соответствующая пропаганда.

Такое изображение России было необходимо на Западе для достижения неблагоприятных целей передела мира. Формирование колониальных империй в тот промежуток времени уже завершилось. Россия являлась государственным образованием иного рода и под такую типологию не подпадала. В размышлениях об особенностях ее развития и отставания В.О. Ключевский выделил следующее: «Наш народ поставлен был судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них кочевой хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов, одних отбивал... других через двери христианской церкви мирно вводил в европейское общество» [13, с. 373].

Именно за счет этого западная цивилизация, по его мнению, избавилась «от магометанского напора». Обращение при сложившихся обстоятельствах «за океан, в Новый Свет» ряду европейских стран предоставило возможность эксплуатировать «его нетронутые богатства» [13, с. 373]. Создание же колониальных придатков и на других континентах позволило обеспечить масштабную перекачку средств и ресурсов из зависимой периферии в обладавшие ими метрополии. Только от «Британской Индии» Англия как одна из европейских метрополий получала доходов на 2/5 больше, чем составляли все поступления в казну в Российской

империи [3, с. 141]. Для их получения коренное население было обложено тяжелыми фискальными сборами, размер которых ежегодно составлял 55–60 % от общей прибыли хозяйства: 45 % с земли и 10–15 % на издержки администрации [11, с. 35, 452, 455]. Но у Англии были и другие колонии, из которых также происходила масштабная перекачка средств.

Не в последнюю очередь именно это позволяло обеспечить быстрое экономическое развитие метрополии и поддерживать относительно более высокий жизненный уровень населения. В таком же положении находились все европейские страны, обладавшие колониями. Иноэтнические окраины в Российской империи, напротив, получали экономическую поддержку из центра и являлись убыточными. Это была своеобразная плата русского населения за стабилизацию сопредельного враждебного пространства, которую невозможно было обеспечить из-за отсутствия государств никакими договорами. Европа вследствие усилий России чувствовала, как заметил В.О. Ключевский, что на востоке «ей ничего не угрожает» [13, с. 373].

Между тем, по его разъяснению, там происходила «упорная борьба», обеспечивавшая выживаемость не только православного, но и всего христианского мира. Объединявшееся после разъединения в российских государственных границах восточнославянское сообщество в XVI в. «наконец перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру» от разрушительных ударов. Организовывавший противостояние центр под давлением враждебной стихии вынужден был перемещаться с Днепра и Клязьмы «на берега Москвы», вокруг которой продолжилось и вступило в стадию завершения собиравшиеся разрозненных сил некогда единого народа. Из-за сложившихся обстоятельств Россия оказалась, по образному выражению В.О. Ключевского, в «арьергарде Европы» и оберегала «тыл европейской цивилизации» [13, с. 373].

Обобщая сравнения, он отметил, что «сторожевая служба везде неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чем бдительнее охрана, тем спокойнее спится охраняемым и тем менее расположены они ценить жертвы своего покоя»

[13, с. 373]. По уточнению В.О. Ключевского, все осложнялось вынужденной борьбой «на два фронта», которую вело «Московское государство... вооруженная Великороссия» [13, с. 372]. На западе противостояние, по его словам, происходило «за национальное единство», на юго-востоке – «за христианскую цивилизацию». По заключению историка, общим являлось то, что «там и здесь» борьба воссоздавшим общее государство русским народом велась «за свое существование» [13, с. 372]. Наряду с этим выполнялась великая миссия объединения восточных славян с другими народами Евразии. Им также обеспечивался спасительный приют и державная защита.

После вхождения в состав России все становились соотечественниками, и этот критерий являлся определяющим в проводившейся политике на иноэтнической периферии. Окраины получали равноправный статус и сырьевыми придатками не являлись. Интеграционные процессы, происходившие в Российской континентальной империи, способствовали становлению в ее границах согражданства на полиэтнической основе. Однако в Европе руководствовались в восприятии ее собственным опытом и неоднократно предпринимали попытки по дезинтеграции. Применявшиеся подходы со временем становились все более изощренными. Но создание отрицательного образа России оставалось неизменным во всех идеологических приемах, значение которых в XIX в. уже осознавалось. О том, какое содержание имели негативные сведения о ней, свидетельствуют путевые заметки А. Дюма, сделанные во время путешествий вскоре после окончания Крымской войны [9].

Из Европы французский писатель приехал, в частности, с такими представлениями: «Россия является неуправляемой стихией, она вторгается, чтобы уничтожить. В ее современных завоеваниях есть отголоски варварства скифов, гуннов и татар» [9, с. 149]. С середины XIX в. у европейских политиков, судя по всему, проявился интерес именно к тем сведениям, которые позволяли возлагать надежду на возможность развала России. Существовало даже мнение, что ее можно расчленить «на четыре территории» [9, с. 149]. При этом предполагалось, что на «западе сфор-

мируется Польша со столицей в Варшаве» [9, с. 149]. Независимость предусматривалась в прежних границах, включавших и восточнославянские земли.

При отделении, как считали сторонники данного варианта сегментации евразийского континентального пространства, южная часть «включит в себя» весь Кавказ, а восточная – Сибирь. Как утверждалось в описаниях этого сценария, «подлинной российской государственностью» останется только «северная империя» [9, с. 149]. Изложенное отнюдь не являлось частным мнением А. Дюма, получившим отражение в путевых заметках о путешествии по России. С сепаратистскими настроениями в ее пределах писатель нигде не сталкивался и соответствующие представления на уровне фантазий привез из Европы, где проекты по расчленению Евразийской империи в действительности и в его время обсуждались. О влиянии связанных с ними вариантов на размышления писателя говорит хотя бы то, что он во главе Польши видел того, «кого будет поддерживать Франция». При распаде же России А. Дюма, с опорой на бытовавшие взгляды в Европе, не исключал образование федеративной республики «от Курска до Тобольска» [9, с. 149]. Территория Малороссии оставалась Польше.

В любом случае, как считал А. Дюма, «Россия вынуждена будет отдать то, чем она сейчас владеет». Если же этому ее руководство попытается препятствовать, «начнется война» [9, с. 149]. В качестве мягкого варианта предусматривалось навязывание модели европейского национализма, который в условиях формировавшегося российского согражданства способен был выполнить лишь разрушительные функции. Распространялись в Европе и соответствующие теории. Обвинение же в «захвате чужого» А. Дюма следовало бы отнести на счет европейских метрополий, создавших к середине XIX в. обширные колониальные империи, как раз и подвергавшие эксплуатации иноэтническую периферию.

В России все окраины были убыточными и перекачка средств в пользу центра из них не производилась. Впоследствии даже те, кто этого не хотел, вынуждены были признавать: «От внешних

завоеваний русский народ не богател, как западные народы от их колониальных грабежей» [1, с. 199]. В основе формирования Российской империи лежала справедливость, завоевания же не играли сколько-нибудь значительной роли [16, с. 17]. Это подтверждалось также реальностью восстановления единства восточных славян и существования их государственной общности на последующих этапах. Отражение ее прослеживается в различных вариантах творческого наследия, создававшегося в контексте эпох, в том числе представителями малороссийской интеллигенции. Тематика единства восточных славян получала воплощение и в литературных произведениях Н.В. Гоголя (1809–1852), Т.Г. Шевченко (1814–1861) и И.Я. Франко (1856–1916) [15, с. 145–155].

Оппозиционные же группировки, создававшиеся в Российской империи нередко и при поддержке из-за рубежа, замечали лишь информацию, способствовавшую дискредитации отечественного исторического процесса. Со второй половины XIX в. они вознамерились во что бы то ни стало «ослабить, расшатать... дезорганизовать силу государства» [17, с. 11]. Для достижения этой цели использовались вместе с тем нерешенные проблемы, предполагавшие проведение преобразований в различных сферах. Но эти затруднения в развитии государства, как показывал отечественный и зарубежный опыт, были вполне преодолимы. Между тем радикалистские вождения оказывали на определенные слои разлагающее воздействие.

Ограниченность его возможностей сохранялась лишь до поры до времени. Должного противодействия этим попыткам с опорой на объективные знания организовано не было. Отсутствие вала и соответствующая контрпропаганда, обретавшая при складывавшейся ситуации особое значение. Дискредитация России оппозиционными группировками происходила преимущественно через публицистику. В этом как раз и заключалась опасность. Публицистика относится именно к той разновидности творчества, которое не предполагает проверки представляемых версий на объективность. Защита правды о прошлом не была организована должным образом. Тем не менее она производилась. Русским историческим обществом для этого издавался, напри-

мер, сборник, в котором размещались материалы и подборки документов, отображавших позитивные стороны отечественных реалий имперского периода.

Но издание, осуществлявшееся на частные пожертвования, испытывало затруднения. Государственной поддержки оно не получало. При обосновании же обозначившейся необходимости «восстановления исторической правды» А.А. Половцев, являвшийся одним из организаторов сборника, в публичном выступлении как-то заметил: «Желающему узнать свое прошлое русскому народу подносилась только неприглядная картина слабостей и недостатков, влиявших на судьбы его; возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем дорогую Россию, в литературе... за редким исключением, силою обстоятельств обходились молчалием, разрушавшим народную веру в себя и в правившие им силы» [7, с. 11].

Несправедливость в оценках отечественного исторического процесса оставалась неустраненной, и негативная информация о России продолжала распространяться, обретая разрушительные свойства. И в то время существовало понимание, что при постоянном воздействии слово обретает способность конструировать самосознание масс в том или ином направлении или даже заставляет «опускаться чашу народных весов» [5, с. 461]. Решающую роль при этом играла оппозиционная публицистика. Именно через нее насаждался и отрицательный образ России. В критике существовавших проблем выделялись лишь неприглядные срезы действительности.

Достижения же замалчивались. Во второй половине XIX в. с использованием таких исторических технологий стали предприниматься усилия по дезинтеграции Российской империи. Прежде всего ставка делалась на разрушение государственной общности восточных славян, срыв процесса их национальной консолидации. В тот промежуток времени восприятие «великороссов, малороссов и белорусов» как нераздельного народа имело широкое распространение. Данную реальность признавал и канцлер Германии Отто фон Бисмарк, предлагавший произвести ее изменение за счет

усиления существовавших внутренних этнических особенностей [6, с. 393]. Направленная на сегментацию восточнославянского сообщества работа первоначально осуществлялась Австрией и являлась важнейшей составной частью проводившейся ее руководством политики.

Один из вариантов проекта появился еще в начале Крымской войны. Руководство Австрийской империи поддержало тогда Англию и Францию, принимавших в ней участие на стороне Турции, ответив неблагодарностью за спасение от развала в период революции 1848 года. Такая поддержка являлась, безусловно, ошибочной и не соответствовала государственным интересам России. Уже через непродолжительное время в Вене возникли намерения по ее расчленению, прежде всего, за счет сегментации восточнославянского сообщества. В 1854 г. в Лондоне появилась «пространная записка», предназначавшаяся для правящих кругов Британской империи, в которой «выдвигались требования... расширения Австрии вплоть до Крыма» [2, с. 80]. С конца XIX в. проект, судя по всему, претерпел изменения и был расширен «до Кавказских гор».

По воспоминаниям генерала барона П.Н. Врангеля, неплохо осведомленного в свое время в вопросах подрывной деятельности против России, она велась усиленно на протяжении многих лет и ее «плоды... значительны» [4, с. 101]. Руководство Австрии намеревалось под своим протекторатом создать «украинское государство», переорганизовав в своих геополитических интересах пространство «от Карпат и до Кавказа». Его «независимость» предусматривалась только от России. Ставку на разъединение восточных славян для ее ослабления делала и Германия [19, л. 1]. А.И. Деникин в анализе связанных с этим наблюдений много лет спустя оставил такую запись: «Желая обессилить русское государство, прежде чем объявить... войну, немцы задолго до 1914 г. стремились разрушить выкованное в тяжелой борьбе единство русского племени» [8, с. 530].

Такие планы вынашивал и Отто фон Бисмарк, создавший неимоверными усилиями «единое германское отечество» [2, с. 7]. В достижении «трудной задачи» в период его канцлерства уско-

ренными темпами проводилась «ассимиляция вновь присоединенного населения» [2, с. 24]. В отношении же восточного славянства с определенного рубежа реализовывалось намерение сорвать происходившие естественные процессы преодоления состояний этнической обособленности и складывания нации. В основе политики Германии в этом направлении, как заметил немецкий историк Шюсслер, было «понимание силы и непобедимости русского народа» [10, с. XLII]. Отто фон Бисмарк одним из первых, таким образом, осознал «стратегическое значение», которое имели для восточного славянства «широкие пространства», непреодолимые «для иноземной силы» [10, с. XLII].

Предусматривавшаяся им сегментация этнического сообщества на отдельные нации по аналогии с европейской практикой должна была привести к существенному ослаблению этого фактора. Обосновывая такую необходимость, Отто фон Бисмарк приводил следующие доводы: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины». По его рекомендации восточнославянское сообщество необходимо не только разъединить, но и противопоставить, стравив сохранявшие особенности «части единого народа» [6, с. 393]. Для создания состояния, когда «брат будет убивать брата», Отто фон Бисмарк предлагал «найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого» [6, с. 393]. После установления искусственной национальной сегментации, как считал канцлер, окончательное разъединение «дело времени».

Ставка при этом делалась, как видно, на замену исторической кодификации, сформировавшейся в эпоху единства Руси. С началом формирования военно-политического союза с Германией с 70-х гг. XIX в. политика в отношении восточнославянского населения в Австро-Венгерской империи приняла более жесткие формы. Ее определяющим критерием становится подавление цивилизационного и, соответственно, государственного притяжения России. Достижения в экономической и культурной сферах в тот

промежуток времени способствовали его усилению. Немаловажное значение при этом имел религиозный фактор. Но фаза надлома наступила отнюдь не сразу. Предпринимавшиеся усилия первоначально давали лишь ограниченные результаты, что являлось показателем устойчивости исторической кодификации. Наличие восточнославянской этнической общности подтверждалось опросами населения, особенно на территориях, входивших в состав России.

В процессе консолидации существовало, как показывает анализ, несколько направлений этнической эволюции. Завершенности к 1917 г. она не достигла, сохранив состояние переходности. Преобладающей оказывалась тенденция на формирование общерусского единства. В среде населения восточнославянских провинций Австро-Венгерской империи популярностью пользовалась идея полного этнического объединения «от Карпат и до Камчатки» в составе российского государственного пространства [14, с. 53, 57, 59]. Между тем существовала и реальность процессуального состояния украинизации, связанного с видоизмененной исторической кодификацией. Обретавшаяся из-за разъединения восточнославянская этническая специфика получала востребованность. Но перспектива сегментации не находила массовой поддержки у населения.

Список литературы

1. Авторханов, А. Империя Кремля. Советский тип колониализма / А. Авторханов. – Вильнюс, 1990. – 240 с.
2. Бисмарк, О. Мысли и воспоминания : [пер. с нем.] / О. Бисмарк. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – Т. I. – 349 с.
3. Британская империя в Индии. Сочинение шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштерна / пер. по поручению П.В. Голубкова. – М. : Унив. тип., 1847. – 406 с.
4. Врангель, П. Н. Воспоминания. В 2 ч. Ч. 1 : Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.) / П. Н. Врангель. – М. : Terra, 1992. – 474 с.
5. Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России / А. И. Герцен // Герцен, А. И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 3. – М. : Гос. изд-во худож. лит., 1975. – 544 с.

6. Голушко, Н. М. КГБ Украины. Последний председатель : в 2 т. / Н. М. Голушко. – Т. 2. – М. : Вече, 2014. – 572 с.
7. Грицков, В. В. Из истории Сборника Русского исторического общества / В. В. Грицков // Сборник Русского исторического общества. – № 1 (149). – М. : Рус. панорама, 1999. – С. 3–15.
8. Деникин, А. И. Очерки русской смуты. В 3 кн. Кн. 3 / А. И. Деникин. – Т. 5 : Вооруженные силы Юга России. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 832 с.
9. Дюма, А. Кавказ : [пер. с фр.] / А. Дюма. – Тбилиси : Мерани, 1988. – 267 с.
10. Ерусалимский, А. Бисмарк как дипломат : [вступ. ст.] / А. Ерусалимский // Бисмарк, О. Мысли и воспоминания : [пер. с нем.] / О. Бисмарк. – Т. I. – М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – С. I–LV.
11. Индия под английским владычеством. Сочинение барона Барту де Паноэна : [пер. с фр.]. – Т. 1. – М. : Унив. тип., 1848. – 562 с.
12. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1968. – 538 с.
13. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. – Т. 2 : Курс русской истории. – Ч. 2. – М. : Мысль, 1987. – 447 с.
14. Марчуков, А. В. «Не было, нет и быть не может». Проблемы национально-культурного развития русинов Галиции и Закарпатья в освещении украинской историографии / А. В. Марчуков // Русины Карпатской Руси: Проблемные вопросы истории и современность : сб. науч. ст. по матер. конф., Ростов-на-Дону, 19 дек. 2008 г. – Новочеркасск, 2010. – С. 49–80.
15. Матвеев, В. А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и ее проявление в новейшую эпоху) / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д : ООО «Омега-Принт», 2015. – 320 с.
16. Основы политологии. Курс лекций / под ред. В. П. Пугачева. – М. : О-во «Знание» России, 1992. – 256 с.
17. Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 240 с.
18. Толмачев, Е. П. Новый период Русского исторического общества / Е. П. Толмачев // Сборник Русского исторического общества. – № 1 (149). – М. : Рус. панорама, 1999. – С. 3–13.
19. Центральный государственный архив Республики Грузия. – Ф. 17. – Оп. 2. – Д. 656.

**RUSSIA'S HISTORIC CONTRIBUTION
IN THE STRUGGLE AGAINST THE THREATS
OF EUROPEAN CIVILIZATION AND THE EFFORTS
TO DESTROY IT AS A STATE UPON THE END
OF THE CRIMEAN WAR**

Matveev Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Sciences (History),
Professor, Department of Russian History,
South Federation University
vladimir-matveev2009@yandex.ru
B. Sandovay St., 33, 344000 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article considers Russia's historic contribution in the struggle against the threats of European civilization. The author also analyses the efforts aimed to destroy it as a state, undertaken upon the end of the Crimean War in foreign and Russian social and political writings.

Key words: Russian statehood, European civilization, the Crimean War, foreign and Russian social and political writings, technology of destruction.

УДК 94(470.25)“1853/1856”:355.4

ББК 63.3(2)521.2-68

ОПОЛЧЕНИЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Никитина Наталья Павловна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории
Псковского государственного университета
pnikitina@rambler.ru
пл. Ленина, 2, 180000 г. Псков, Российская Федерация

Печенкина Дарья Игоревна

Студентка 2-го курса направления «История»
Псковского государственного университета
dasha.pechenkina810@mail.ru
пл. Ленина, 2, 180000 г. Псков, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории формирования и подготовки к военным действиям подвижного ополчения Псковской губернии в годы Крымской войны. В отличие от других регионов страны псковское ополчение не исследовано в научной литературе. Псковское ополчение было сформировано в основной массе из крепостных крестьян, имелось и незначительное количество городских обывателей, возглавлялось профессиональными военными, из числа вышедших в отставку дворян губернии, готовилось к несению службы в Ревеле. В работе рассмотрены вопросы: финансирование ополчения, его военная подготовка, структурная организация, взаимодействие с местными органами власти.

Ключевые слова: подвижное ополчение, ратник, дружинный начальник, военный смотр, пожертвование, медицинская часть, священник.

Тема Крымской войны всегда привлекала внимание исследователей, что нашло отражение в значительном комплексе исторических публикаций. Рассмотрение причин, хода и значения Крымской войны в большей степени зависело от политической

обстановки и личных взглядов и убеждений историков, разности их методологических подходов. В частности, попытка осмысления накопленного богатого исторического материала была принята В.Э. Багдасарян и С.Г. Толстым [2]. В истории изучения Крымской войны, несомненно, можно выделить три периода: дореволюционный (до 1917 г.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (после 1991 г.). Дореволюционная историография Крымской войны довольно обширна. В основном она представлена фундаментальными трудами, в которых введен в оборот большой комплекс источников: исследования М.И. Богдановича [4], Н.Ф. Дубровина [15], А.М. Зайончковского [16]. При всем многообразии источников тема ополчений в дореволюционной историографии рассматривалась эпизодически, в частности только в качестве упоминания о создании ополчения. В конце XIX в. появились первые работы, в которых затрагивалась тема ополчения в годы Крымской войны. Я.Б. Преженцов [22] и И. Баграмов [3] приходят к выводу, что ополчение лишь оказало поддержку регулярным войскам, тем самым оправдало свой созыв. Однако они, как отмечает Н.Н. Смолин, рассматривали лишь постановления правительства, отражая, таким образом, воззрения правящих кругов страны на ополчение [27].

В советский период историческая наука оказалась под влиянием марксистско-ленинской идеологии. В 1920–1930-е гг. господствовала школа историка М.Н. Покровского, который оценивал Крымскую войну как провал дипломатического и военного искусства самодержавия. Наиболее значительным вкладом в советскую историографию войны 1853–1856 гг. явилось исследование Е.В. Тарле «Крымская война» [28], в котором автор вводит в научный оборот обширный архивный материал. Он обращается к вопросу дипломатической подоплеки европейских стран в Крымской войне, причинам и ходу военных событий. Однако, как и другие историки советского периода, Е.В. Тарле не затрагивает тему ополчения. Тема ополчения в годы Крымской войны частично была раскрыта в докторской диссертации Б.Ф. Ливчака [17]. В данной работе автор не затрагивает вопроса о создании, комплектовании и перевооружении ополченских дружин. К теме ополчений

обратилась постсоветская историография. Здесь можно отметить диссертацию С.Ю. Окунева [20], отдельная глава которой «Формирование государственного подвижного ополчения и его роль в войне» посвящена ополчению в годы Крымской войны. Эта глава написана на основе архивных материалов Тверской, Новгородской, Нижегородской, Костромской, Вологодской и Тульской губерний, что не позволяет судить о детальном историческом пути каждой из дружин этих губерний. Современная отечественная историография обратилась к проблематике ополчения в годы Крымской войны. Об этом свидетельствует статья Н.Н. Смолина [26], в которой автор обращается к проблеме государственного подвижного ополчения, однако объем представленных материалов не дает возможности говорить о всестороннем изучении данной проблематики. Стоит отметить, что внимание к отдельным аспектам войны, в частности к ополчению, медицинской поддержке, общественному мнению, возрастает прежде всего на периферии [29]. Разработка темы ополчения получила свое развитие на региональном уровне. Существует также ряд статей, посвященных ополчениям Саратовской, Тульской губерний [1; 19; 24]. Ополчению Псковской губернии посвящена только одна статья – заместителя начальника Архивного управления Псковской области В.П. Волковой [5], в которой на основе материалов Государственного архива Псковской области (далее – ГАПО) дается краткий обзор формирования и деятельности ополчения, поддержки, которую оказывало население Псковской губернии ратникам и фронту в годы Крымской войны. Стоит также отметить статью М.Т. Марковой [18], которая посвящена деятельности Псковского дворянского депутатского собрания. Несмотря на то что в работе рассматриваются основные направления деятельности дворянского собрания, здесь же содержится упоминание о роли дворянства при формировании псковского ополчения.

Таким образом, вопрос об ополчении в годы Крымской войны на примере Псковской губернии практически не разработан. При этом в ГАПО представлен большой архивный материал. В числе наиболее значимых источников следует выделить фонд № 44 «Начальника государственного подвижного ополчения Псков-

ской губернии», в котором представлены приказы по дружинам, списки офицеров, данные о снаряжении и обмундировании. Данные по дружинам псковского ополчения представлены в фондах отдельных дружин. В них содержится материал об особенностях формирования каждой дружины. Значительный пласт источников представлен в фонде № 20 «Канцелярии Псковского губернатора»: сведения о сборе ратников в уездах губернии, пожертвованиях на формирование ополчения, распоряжениях гражданского губернатора. Фонд № 110 «Псковское губернское дворянское депутатское собрание» содержит материалы экстраординарных заседаний в августе 1855 г., которые помогают проследить сам процесс формирования ополчения. Помимо архивных источников важны материалы периодической печати того времени, например «Псковских губернских ведомостей» – официального издания губернских властей, выходявшего в свет с 1838 по 1917 год. В исследовании были привлечены материалы как официальной части «Псковских губернских ведомостей» за 1855 г., в которой содержится официальная информация (указ Правительствующего Сената от 3 августа 1855 г. № 39355), так и неофициальной части, раскрывающей местный уровень новостей и произошедших событий. В исследовании также были задействованы «Памятные книжки Псковской губернии» за 1855 и 1856 гг. для установления имен и фамилий лиц, привлеченных в ополчение; материалы из «Журнала Министерства внутренних дел» за 1855 г.; XXX том Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ-II), в котором имеется ряд «Положений» как о формировании ополчения, так и его расформировании.

Псковская губерния в XIX в., хоть и не являлась приграничной, но в минуту опасности на ее территории формировались ополчения. Такое ополчение и было организовано в Псковской губернии в годы Крымской войны. Начало формированию ополчения было положено императорским манифестом об образовании государственного ополчения в помощь регулярным войскам от 3 апреля 1854 года [25, с. 233]. Манифест был издан в сложный период, когда в войну против России вступила целая коалиция европейских держав, продемонстрировав военную мощь на Севере,

Северо-Западе и Востоке, подвергнув бомбардировке ряд городов. Данный манифест привел к волнениям крестьян в центральных областях России, так как среди них распространялся слух об освобождении от крепостной зависимости добровольцев. А.Д. Градовский так писал об этом: «Манифест о народном ополчении (29 января 1855 г.) дал результаты довольно грозного характера. По прочтении его в церквях и после особого воззвания Синода в народе распространился слух, что помещицы крестьяне, которые добровольно пойдут в ополчение, получают через это волю с их семействами. Слух этот усердно поддерживался и распространялся разными неблагонамеренными людьми. Он сделался источником многочисленных волнений в разных местностях России» [14, с. 80]. С сентября 1854 г. военные действия развивались уже на территории Российской империи: был осажден Севастополь. В связи с этим 31 июля 1855 г. вновь был издан манифест о наборе в ополчение второй очереди для Витебской, Воронежской, Вятской, Могилевской, Пермской, Полтавской, Псковской, Саратовской, Симбирской, Харьковской и Черниговской губерний. В качестве приложения к манифесту было выпущено Положение о составе и формировании ополчения. Согласно ему ополчение провозглашалось всеобщим, то есть должно было формироваться из всех податных сословий. А так как ополчениям предстояло не воевать по месту своего жительства, а выдвинуться из внутренних губерний к месту военной опасности, оно получило название «подвижное».

Организацию ополчения и сбор средств на него император поручил местному дворянскому самоуправлению. Формирование ополчения осуществляли губернские комиссии и губернские дворянские собрания. На основании указа Сената от 3 августа 1855 г. в Пскове 22 августа открылось «экстраординарное заседание» Псковского дворянского депутатского собрания, которое продолжало свою работу до 27 августа. Цель собрания заключалась в формировании псковского ополчения. В соответствии с общероссийскими законодательными актами в каждом уезде создавалась одна дружина. Она должна была насчитывать 19 офицеров, 80 урядников, 920 ратников, 18 горнистов и барабанщиков,

51 нестроевых, к которым относились врач, фельдшер, писари, оружейники, ложники, кузнецы, плотники, ездовые и денщики [21, с. 85–87]. Псковское дворянское собрание приняло решение о формировании ополчения на основе предоставления 23 ратников с 1 000 ревизских душ со всех 8 уездов: Псковского, Островского, Опочецкого, Холмского, Новоржевского, Великолуцкого, Торопецкого, Порховского. От поставки в ополчение ратников освобождались имения, состоящие из 24 душ и менее. Таких имений по губернии насчитывалось 880 [7, л. 6]. Большинство из них приходилось на Новоржевский и Торопецкий уезды, поэтому в данных уездах невозможно было сформировать полноценные дружины. Ополченцы из данных уездов включались в состав других дружин, территориально близких: Торопецкий – в Холмскую, а Новоржевский – в Опочецкую и Великолуцкую. По раскладке, установленной дворянским собранием, уездным комитетам ополчения следовало собрать следующее количество ратников: Порховский – 1 129, Псковский – 1 213, Островский – 1 129, Опочецкий – 1 129, Холмский – 1 128, Великолуцкий – 1 129 [7, л. 1 об.]. Таким образом, общая численность ополчения Псковской губернии должна была составить 6 857 ратников, что соответствовало требованиям Сената. К внешнему виду и здоровью ратников предъявлялись следующие требования: возраст не моложе 20 и не старше 45 лет, рост не менее 2 аршин 2 вершков, хорошее здоровье; лица, имевшие раны, грыжу и какие-либо увечья, в ополчение не принимались. Призыву в ратники ополчения подлежали мещане, помещичьи и государственные крестьяне. Основную часть ратников составляли по преимуществу помещичьи и государственные крестьяне. Количество призываемых мещан было незначительным. Так, в архивных документах имеются свидетельства о призыве мещан: от 12 человек в Островском уезде до 91 – в Холмском [7, л. 2]. Численность ратников от мещан и казенных крестьян составляла 2 781 человек. Сборные пункты для дружин были определены лишь в 5 уездных городах: Псков, Остров, Опочка, Великие Луки, Холм. Предполагалось, что псковское ополчение направится для несения службы в Ревель.

Ополчение Псковской губернии состояло из 6 дружин, командный состав каждой дружины состоял из начальника дружины, четырех капитанов и штабс-капитана, шести поручиков, адъютанта, казначея, квартирмейстера, восьми подпоручиков и прапорщиков [7, л. 12 об.]. Это были профессиональные военные, имеющие в среднем 15–20 лет выслуги. Каждая дружина состояла из четырех рот. Наименование, номер и знамя дружине давались по особому распоряжению Военного министерства. Начальником губернского ополчения был избран князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков [18, с. 76]. Вопросы, касающиеся контактов ополченцев с населением, – остановка на ночлег, медицинское обслуживание и пр., – решал гражданский губернатор Псковской губернии Алексей Егорович Черкасов [23, с. 40]. На местах непосредственные контакты и помощь в решении возникающих вопросов помогали решать представители дворянских уездных собраний. В их непосредственном ведении находились вопросы обмундирования ополченцев, обеспеченности «рабочими руками» (сапожники, портные, повара и пр.), некоторые финансовые вопросы: пожертвования, губернские сборы. Финансирование ополчения было многоканальным и осуществлялось посредством государственного и губернских ресурсов, а также за счет пожертвований местного населения. Псковским дворянским депутатским собранием был установлен размер губернских сборов: 10 коп. серебром в качестве пожертвования, 5 коп. серебром – для обмундирования офицеров, 1 коп. серебром – для инструментов, с каждой ревизской души [6, л. 6–7]. Как видно из архивных материалов, губернский сбор шел, прежде всего, на материально-техническое обеспечение ополчения. Также осуществлялись добровольные сборы – пожертвования – среди населения на обмундирование, провиант и прочие расходы. Примеров добровольного пожертвования среди населения Псковской губернии достаточно много, это подтверждают архивные документы. Так, например, великолукская помещица Мария Ивановна Алексеева пожертвовала на нужды Великолукской дружины 1 000 рублей серебром. Такую же сумму для Опочецкой дружины выделил надворный советник Воронов. Помимо этого Опочецкой дружине также были

переданы 151 руб. от Опочецкого акцизно-откупного миссионерства. Для нужд Порховской дружины добровольное пожертвование внес порховский купец Влягин в размере 300 руб. серебром [11, л. 8, 10, 25, 26]. Размер пожертвований зависел от материального достатка того или иного лица и шел в фонд конкретной дружины, а не ополчения в целом.

Ополчение было сформировано в течение двух месяцев. Уже с 18 октября 1855 г. М.А. Дондуков-Корсаков начинает отдавать первые приказы по дружинам псковского ополчения, а 5 ноября 1855 г. он издает приказ № 2, согласно которому начальники дружин должны были принять присягу и привести к присяге тех офицеров, которые уже были утверждены высочайшими приказами [13, л. 2 об.]. Основой обмундирования псковских ратников первоначально были полушубки, однако затем, в октябре 1855 г., по распоряжению императора они были заменены на длинные армяки наподобие шинели Стрелкового полка Императорской Фамилии [9, л. 11 об.]. В связи с этим возникала проблема переобмундирования дружин. Некоторые дружины были вынуждены заняться пошивом амуниции сами. Дружинным начальникам выделялись деньги на закупку материала у местных производителей и пошив, которым должны были заниматься «нестроевые» – сапожники, портные. Однако нередко возникала проблема, связанная с невозможностью приобретения материала на местах расположения дружин. В таких случаях начальникам дружин отпускались деньги лишь на шитье [9, л. 55 об.]. Однако существовала возможность покупки уже готовых изделий, и Военным министерством была установлена цена на покупку отдельных вещей: 6 коп. – галстук, 6 коп. – галстук для низших чинов, 25 коп. – рубахи [9, л. 35 об. – 36]. При наличии такой большой работы по пошиву амуниции у дружин была нехватка в портных и сапожниках, прежде всего в Великолукской дружине. Поэтому за помощью предводители псковского дворянства, которые непосредственно ведали обмундированием ратников, были вынуждены обратиться к помещикам.

По распоряжению гражданского губернатора дружины ополчения для скорого своего снабжения должны изготовить плот-

нищие и кузнечные инструменты по ценам, «необходимым для соблюдения казенного интереса» [8, л. 40 об.]. Важнейшим аспектом при формировании ополчения являлось размещение ратников, которое происходило на казенных квартирах, назначенных по отводу, как и в армейской пехоте, по Императорскому положению. Кроме того, генералам, штаб- и обер-офицерам вместе с их семьями также полагались квартиры по отводам, которые оплачивались за счет казны. Семьи военнослужащих получали средства на квартирное довольствие исходя из Высочайшего повеления.

При формировании дружины много внимания уделялось устройству медицинской части. Контроль за здоровьем ратников был возложен на врачей гражданского ведомства, состоящих в губернских и уездных городах. Обеспечить каждую псковскую дружину полным составом медицинского персонала было невозможно. Вместо медицинского работника на каждую дружину был назначен только медик на две, три или четыре дружины. Медицинскому персоналу назначалось жалование по армейскому положению: врач – 250 руб. 95 коп.; фельдшер, не обучавшийся в фельдшерской школе: младший – 10 руб. 20 коп., старший – 12 руб. 45 коп.; фельдшер, обучавшийся в фельдшерской школе: младший – 25 руб. 35 коп., старший – 33 руб. 60 коп. [10, л. 1–2]. Если сравнивать жалование данных лиц с ценами на хлеб в 1855–1856 гг. (ржаной хлеб стоил 4–7 коп. серебром, а хлеб печеный – 4 коп.), то врачу полагалось очень большое месячное жалование, чего нельзя сказать о жаловании фельдшеров. При дружинах ополчения находились и священники [8, л. 2]. В обязанности священника входило совершение священнодействия среди дружинников и подкрепление ратников духовными назиданиями. Следует также уточнить, что в XIX в. верующие имели возможность осуществлять церковные обряды, не обращаясь в церковный приход. Начальник ополчения требовал от офицеров обратить внимание на нравственность ратников и рвение к службе.

29 ноября 1855 г. М.А. Дондуковым-Корсаковым был проведен смотр дружин. Итоги данного мероприятия удовлетворили командира ополчения: «Представлены на смотре роты, обучен-

ные в короткое время фронту весьма хорошо, особенно стрелки, которые представлялись молодцами. Питаются ратники из общего котла, пища сносная» [12, л. 3]. Ратники ополчения обучались вольному и беглому шагу, умению действовать в сомкнутом фронте и рассыпном строе, знанию нескольких оружейных приемов: «на караул», «на руку», «наперевес», «ружье вольно», «от дождя» и пр. Главное внимание уделялось стрельбе по целям. Крестьяне, которые составляли большинство ополчения, не умели стрелять. Для скорейшего обучения ратников в каждую дружину назначались старослужащие и нижние чины из батальонов внутренней стражи и инвалидов команд [8, л. 94]. Они отбирали из числа ратников лиц, умеющих стрелять, занимались их дополнительной подготовкой, а те, в свою очередь, должны были обучать других ополченцев.

Промышленность России в условиях войны не могла в полной мере реализовать поставки боеприпасов для армии, а тем более для ополчения, поэтому руководители некоторых ополчений рассматривали возможность обучения ратников изготовлению боеприпасов. Псковское ополчение испытывало трудности с боеприпасами. В связи с этим 8 декабря 1855 г. начальник псковского ополчения издал приказ по дружинам об обучении ратников изготовлению патронов и штуцеров [13, л. 3 об.]. Была сформирована команда в 36 человек, отправкой ее в Санкт-Петербург занимался майор Мельницкий, непосредственно этой группой руководил прапорщик Затеplinский. Данная команда нуждалась в подводах для доставки ратников в Санкт-Петербург и обратилась с просьбой о предоставлении подвод в Псковский земский суд. Он дал разрешение о взимании подвод для команды у волостных властей, но указал на необходимость в дальнейшем обращаться с подобной просьбой к губернатору [12, л. 231]. Обучение ратников изготовлению патронов и штуцеров продолжалось около 2 месяцев [12, л. 255].

Псковское ополчение готовилось к выступлению в Ревель, однако 18 марта 1856 г. пришло известие об окончании войны, а 5 апреля 1856 г. высочайше было утверждено «Положение о роспуске ополчения». Начальник псковского ополчения издал приказ

от 10 апреля 1856 г. за № 16 [13, л. 10–11]. В нем М.А. Дондуков-Корсаков обращался к дружинным начальникам и сообщал, что 5 апреля последовало Высочайшее повеление о расформировании ополчения. В этот момент М.А. Дондуков-Корсаков находился в Петербурге. Он от души благодарил дружинных начальников, ротных командиров и всех офицеров. Согласно «Положению о роспуске ополчения», ратникам из крестьян, «вернувшимся в первобытное состояние», вместо долгожданной воли было дозволено «носить фуражку с крестом». Генералам и офицерам, уволенным в отставку, в память о службе в ополчении можно было носить такой крест на груди. Кроме того, чиновники псковского ополчения при увольнении награждались производством в следующий чин. Некоторые удостоились «монаршего благоволения». Несколько позже началось награждение бронзовыми медалями «В память Восточной войны 1853–1856 гг.». После роспуска ополчения на имя М.А. Дондукова-Корсакова «посыпались» рапорта от дружинных начальников, которые, согласно § 85, 91 «Положения», должны были предоставить списки офицерского состава с указанием, в какой должности они находились до поступления на службу, и с указанием дружинного начальника о повышении или же назначении в звании. Согласно этому же «Положению» в этих списках дружинные начальники могли делать указания относительно представления к награде за несение службы.

По мнению исследователя А.И. Шепарновой, в формировании дружин ополчения ярко проявился кризис системы государственного управления, проявлением которого стала чрезмерная бюрократизация [29]. Автор пришла к данному выводу, основываясь в основном на материалах московского ополчения и мнении представителей западнического направления общественной мысли. Однако материалы микроуровня, а именно Псковской губернии, не подтверждают данный вывод. Несомненно, что процесс формирования ополчения подвергался детальной регламентации, но без этого нельзя в армейской системе. Однако местные власти всячески поддерживали ополчение. Несмотря на то что подвижное ополчение Псковской губернии так и не выступило в поход, мы все равно можем отметить его значение в рамках исто-

рии Псковской губернии. Ведь губерния в короткие сроки, с сентября по октябрь 1855 г., смогла собрать и организовать людские ресурсы для ополчения. А это свидетельствует не только о слаженной работе отдельных уровней власти в губернии, но и о патриотизме населения.

Список литературы

1. Антипов, М. А. Государственное подвижное ополчение в период Крымской войны 1853–1856 гг. (на примере Курской и Тамбовской губерний) : [Рукопись] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. А. Антипов. – Курск : [Б. и.], 2011. – 28 с.
2. Багдасарян, В. Э. Русская война. Столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании / В. Э. Багдасарян, С. Г. Толстой. – М. : Изд-во МГОУ, 2002. – 239 с.
3. Баграмов, И. Краткий исторический обзор отбывания военной службы нашим дворянством и образования Государственного ополчения / И. Баграмов // Военный сборник. – 1899. – № 12. – С. 400–408.
4. Богданович, М. И. Восточная война 1853–1856 гг. : в 4 т. / М. И. Богданович. – СПб. : Тип. Сущинского, 1876–1877. – Т. 1. – 333 с. ; Т. 2. – 366 с. ; Т. 3. – 471 с. ; Т. 4 – 525 с.
5. Волкова, В. П. Псковская губерния в Крымской войне 1853–1856 гг. / В. П. Волкова // Материалы Пятых Псковских Архивных Чтений, 15–16 ноября 2010 года. – Псков : ООО Печатный двор «СТЕРХ», 2011. – С. 105–110.
6. ГАПО (Государственный архив Псковской области). – Ф. 110. – Оп. 1. – Д. 1488.
7. ГАПО. – Ф. 110. – Оп. 1. – Д. 1489.
8. ГАПО. – Ф. – 136. – Оп. 1. – Д. 1.
9. ГАПО. – Ф. – 136. – Оп. 1. – Д. 3.
10. ГАПО. – Ф. 136. – Оп. 1. – Д. 5.
11. ГАПО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 1863.
12. ГАПО. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 1.
13. ГАПО. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 2.
14. Градовский, А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. / А. Д. Градовский. – Т. 1. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1875. – 361 с.
15. Дубровин, Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя : в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : Тип. Товарищества «Общественная польза», 1900. – Т. 1. – 438 с. ; Т. 2. – 516 с. ; Т. 3. – 480 с.

16. Зайончковский, А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой : в 2 т. / А. М. Зайончковский. – СПб. : Экспедиция изгот. гос. бумаг, 1908–1913. – Т. 1. – 763 с. ; Т. 2. – 452 с.
17. Ливчак, Б. Ф. История ополчения в вооруженных силах России XIX века : [Рукопись] : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Б. Ф. Ливчак. – М. : [Б. и.], 1965. – 36 с.
18. Маркова, М. Т. Основные направления деятельности Псковского Дворянского депутатского собрания 1778–1917 гг. / М. Т. Маркова // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2004. – № 20. – С. 74–80.
19. Мраморнов, А. И. Формирование саратовского ополчения в годы Крымской войны / А. И. Мраморнов, В. П. Тотфалушин // Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. – Саратов : Науч. кн., 2005. – Вып. 6. – С. 247–251.
20. Окунев, С. Ю. Государственное ополчение в России в XIX – начале XX века : [Рукопись] : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. Ю. Окунев. – СПб. : [Б. и.], 2005. – 19 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. второе. – Т. XXX. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Его Императ. Величества Канцелярии, 1856. – 1527 с.
22. Преженцов, Я. Б. Государственное ополчение: Исторический очерк / Я. Б. Преженцов. – СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1889. – 187 с.
23. Псковские губернаторы. История власти в лицах / Гос. ком. Псков. области по культуре, ОУНБ ; сост. Е. Г. Киселева. – 2-е изд., испр. и доп. – Псков : ГУП «Великолук. гор. тип.», 2005. – 64 с.
24. Рогожина, С. Тульское ополчение в Крымской войне [Электронный ресурс] / С. Рогожина. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://military.sevstudio.com/tulskoe-opolchenie-crimean-war/> (дата обращения: 20.04.2016). – Загл. с экрана.
25. Россия. Хроника основных событий. IX – XX века / Федеральная архивная служба России. – М. : РОССПЭН, 2002. – 896 с.
26. Смолин, Н. Н. Государственное подвижное ополчение России в Крымской войне: итоги выполнения правительственных решений / Н. Н. Смолин // Троицкий вестник. – Троицк, 2006. – № 1. – С. 68–86.
27. Смолин, Н. Н. Дружины Государственного Подвижного ополчения 1855–1856 гг. [Электронный ресурс] / Н. Н. Смолин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://military.sevstudio.com/n-smolin-moskva-druzhiniy-gosudarstve/> (дата обращения: 20.04.2016). – Загл. с экрана.

28. Тарле, Е. В. Крымская война : в 2 т. / Е. В. Тарле. – М. ; Л. : Акад. наук, 1950. – Т. 1. – 568 с.; Т. 2. – 656 с.

29. Шепарнева, А. И. Процесс формирования государственного подвижного ополчения периода Крымской войны в оценке представителей российского общественного мнения / А. И. Шепарнева // Булгаковские чтения. – 2008. – Т. 2, № 2. – С. 247–253.

THE LEVITS OF PSKOV PROVINCE DURING THE CRIMEAN WAR

Nikitina Natalia Pavlovna

Ph.D, Associate Professor of Historical Science,
Chair of Native History, Pskov State University
npnikitina@rambler.ru
Lenina Sq., 2, 180000 Pskov, Russian Federation

Pechenkina Daria Igorevna

The Second Year Student of Historical Faculty,
Pskov State University
dasha.pechenkina810@mail.ru
Lenina Sq., 2, 180000 Pskov, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the history of formation and preparation for military action of Pskov province mobile levies during the Crimean War. Unlike the other Russian regions the levies of Pskov province are not investigated in the scientific literature. Pskov levies were formed in the most part of serf peasants and there was not a significant number of urban inhabitants. It was led by professional soldiers from retired nobles of province and it was prepared for duty in Revel. The article deals with: the financing of the levies, its military training and structural organization, its cooperation with local authorities.

Key words: mobile levies, warrior, the chief of militia unit, military parade, donation, aid post, priest.

УДК 930.25(470.45)

ББК 63.211

КАМЫШИНСКОЕ УЕЗДНОЕ РЕКРУТСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ: ОБЗОР ФОНДА

Петрова Ирина Сергеевна

Кандидат исторических наук,
главный специалист отдела использования документов
архивного фонда и научно-исследовательской работы
Государственного архива Волгоградской области
irinapetrovagu@gambler.ru
ул. Коммунистическая, 30, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории государственного учреждения, занимавшегося набором рекрутов в период Крымской войны 1853–1856 гг., а также составу документов архивного фонда. Автор акцентирует внимание на видовом составе документов фонда, содержательной части ретроспективной документной информации, а также ценности этих источников в процессе изучения проблем военной истории. В исследовании раскрываются особенности работы с документами середины XIX в.

Ключевые слова: архивный фонд, Крымская война, рекрут, история, Государственный архив Волгоградской области.

История изучения войн всегда связана с рассмотрением вопросов формирования армии. В этом отношении интересной для анализа является дореволюционная эпоха, когда процесс развития форм исполнения воинской обязанности еще находился на стадии становления и поиска путей совершенствования. Данный вопрос актуализируется еще и тем, что рекрутские присутствия XVIII–XIX вв. являются опытом работы учреждений, занимающихся призывом, который может учитываться при изучении вопросов реформирования армии. Проблеме исследования воинской обязанности в период с 1699 по 1918 г. в России посвящена диссертация ученого-юриста А.Н. Маслова, источниковую базу которой составили нормативные правовые акты российского доре-

волюционного законодательства и материалы двух федеральных и двух региональных архивов [20, с. 6]. Настоящее исследование акцентирует внимание на источниковедческом аспекте одного из архивных фондов Государственного архива Волгоградской области, который содержит информацию для изучения деятельности государственных органов, исполняющих функцию формирования вооруженных сил.

Как оказалось, в Государственном архиве Волгоградской области документов, касающихся периода Крымской войны 1853–1856 гг., не так много. Исходя из хронологических рамок, было выявлено 82 архивных фонда. Основная часть единиц хранения фондов представлена документами религиозных учреждений, которые, на наш взгляд, могут являться источниками для изучения демографической ситуации в регионе в 50-х гг. XIX в. Кроме того, в фонде Христорожественской церкви станицы Урюпинской Хоперского округа области Войска Донского имеется копия указа Николая I о всеобщем государственном ополчении от 31 января (12 февраля) 1855 г. [1, л. 2], а в фонде Благочинного 2-го округа Камышинского уезда Саратовской губернии сохранилось положение о государственном ополчении от 29 января (10 февраля) 1855 г. [2, л. 73–78]. Документы Городищенского волостного правления (Ф. 157) также содержат сведения о воинской повинности в период 1853–1855 гг., однако информационная ценность источников незначительна ввиду достаточно высокой степени фрагментарности материалов.

На конференции, проводившейся в Волгограде в 2014 г. и посвященной Первой мировой войне, уже говорилось о документах, на основании которых осуществлялся призыв [21, с. 540–546]. В данном исследовании остановимся на документах архивного фонда Камышинского уездного рекрутского присутствия – учреждения, выполнявшего аналогичную задачу в XVIII – первой половине XIX в.

Камышинское уездное рекрутское присутствие было создано в соответствии с Генеральным учреждением «О сборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в

отдаче не истинною поступать будет» от 29 сентября 1766 г. [22, с. 997–1015]. Основная функция учреждения – ведение комплектованием армии в уезде. Камышинское уездное рекрутское присутствие подчинялось Саратовскому губернскому рекрутскому комитету. Оно состояло из председателя и четырех членов: уездного исправника, военного приемщика, медика и мирового посредника. В рекрутском присутствии принимали рекрутов, проводили медицинское освидетельствование, заносили сведения в формулярные списки, решали вопросы о добровольном найме желающих служить и замене одного лица другим (внесение выкупа за рекрута). В соответствии с «Манифестом о всеобщей воинской повинности» от 1 января 1874 г. рекрутские присутствия были переименованы в воинские присутствия [23]. Архивный фонд представлен 91 делом за 1818–1873 гг. Документы за 1766–1817, 1821–1826, 1832, 1833, 1835, 1874 гг. не сохранились, а за 1830, 1838, 1839, 1842, 1846, 1850–1852, 1856–1862 гг. сохранились частично. В фонде имеются такие виды источников, как журналы заседаний рекрутского присутствия, журналы входящих и исходящих документов, книги регистрации квитанций, приходно-расходные книги, приемные книги рекрутов, книги регистрации выкупных от военной службы, реестры квитанций о наборе рекрутов, квитанции, выданные зажиточным крестьянам, нанимавшим за себя рекрутов, квитанции о приеме в рекруты, формулярные списки рекрутов.

За период 1853–1856 гг. сохранилось 20 дел, представленных журналами заседаний рекрутского присутствия, журналами входящих и исходящих документов, книгой регистрации квитанций, приемными книгами рекрутов, формулярными списками рекрутов.

Журналы заседаний рекрутского присутствия были рукописными и содержали разделы: дата, слушали, определили и подписи заседателей. В них отражалась информация о работе учреждения, наборе рекрутов, расходах, медицинском освидетельствовании и др. [3; 12].

Книги регистрации квитанций о приеме в рекруты представляли из себя сброшюрованные типографские формуляры квитан-

ций, в которые вносились переменные сведения от руки [4]. Документ содержал следующие сведения: дата, владелец рекрута, количество представленных рекрутов, административно-территориальная единица, из которой представлены рекруты, а также количество денежных средств, внесенных на обмундирование и жалование рекрутов. Например, имеется квитанция от 3 ноября 1853 г., содержащая следующую информацию: «Помещик Камышинского уезда губернский секретарь Константин Ефимович Бутковский... представил 1 рекрута... крестьянина сельца Зензеватки Ефима Афанасьевича Цуканова 31 года... внесено на обмундирование 10 руб. 20 коп., на провиант 1 руб. 41 коп., на жалование 90 коп. серебром...» [4, л. 1, 1 об.].

Во входящих и исходящих книгах рекрутского присутствия, представляющих собой типографскую форму, заполняющуюся от руки, отражались сведения о дате, номере, содержании, времени исполнения документа. Исходя из данного источника, можно узнать информацию об открытии отдельного Камышинского рекрутского присутствия, о лицах, подававших прошения о поступлении в рекруты, о назначении врача для осмотра рекрутов, о расходах и принятии денег за рекрутов и др. [6; 7; 13; 14].

В приемные книги рекрутов данные записывались от руки и содержали следующие сведения: время (дата) свидетельства, к какому обществу (или помещику) принадлежит свидетельствуемый, его имя и отчество, возраст, рост рекрута, решение членов рекрутского присутствия [8–10; 14; 15; 17; 18]. Например, запись в книге от 17 февраля 1855 г. выглядит так: «Камышинского уездного помещика поручика Петра Алексеева Персидского слободы Ольховки из крестьян назначен в рекруты Кирила Петров Сергиенко 18 л. 3 мес. 2 аршин 4 5/8 вершков (приблизительно 163 см. – *И. П.*). Молод, слаб, не развит, а посему негоден...»; или такая запись: «...Камышинского помещика малолетнего дворянина Павла Алексева Персидского Камышинского уезда слободы Ольховки из крестьян назначен в рекруты Гаврила Егоров Кальнов 20 лет 2 аршин 5 4/8 (приблизительно 167 см. – *И. П.*). По всему годен...» [18, л. 1–2].

Формулярные списки рекрутов представляют собой типографскую форму, содержащую следующие графы: № п/п, имя, отчество и прозвание рекрута, возраст, рост (в аршинах и вершках), приметы (волосы на голове, брови, глаза, нос, рот, подбородок, вообще лицо, особые приметы), вероисповедание, наличие жены и детей, грамотность. Все данные заполнены от руки. В 1853–1856 гг. воинскую повинность отбывали все крестьяне, мещане и солдатские дети. Срок службы составлял до 20 лет. С 1854 г. была введена жеребьевка (номер очереди призыва разыгрывался по жребию). В представленной таблице отражены сведения о рекрутах Камышинского уезда, составленные на основании частичных формулярных списков за 1853–1856 гг. [5; 11; 16; 18].

Рекруты Камышинского уезда в 1853–1856 гг.

		1853	1854	1855	1856
Возраст, года		17–34	17–35	17–35	14–37
Рост, см		156–197	156–187	156–193	156–178
Семейное положение, чел. (%)	женат	289 (48,8)	206 (32,7)	97 (15,9)	74 (12,4)
	женат, с детьми	70 (11,8)	254 (40,3)	438 (71,7)	287 (48)
	холост	229 (38,7)	168 (26,7)	73 (11,9)	234 (39,1)
	вдов	4 (0,7)	2 (0,3)	3 (0,5)	3 (0,5)
Грамотность, чел. (%)		28 (5)	18 (2,9)	9 (1,5)	30 (5)

Исходя из данных таблицы, нам представляется усредненная модель воина периода Крымской войны 1853–1856 гг.: женатый малограмотный мужчина 17–35 лет. В то время как призывники периода Первой мировой войны большей частью были холостыми (до 80 %) и грамотными (до 64 %) [21, с. 544]. В первой половине XIX в. на набор рекрутов влияли такие критерии, как сословие, возраст, рост; семейное положение и грамотность играли второстепенное значение.

Таким образом, следует отметить следующие особенности документов архивного фонда Камышинского уездного рекрутского присутствия: документы рукописные, сохранились не в полном объеме. Вместе с тем они содержат сведения о деятельности учреждений по комплектованию армии на местном уровне, об

особенностях состава призывников, системе очереди и жребия набора призывников.

Список литературы

1. ГАВО (Государственный архив Волгоградской области). – Ф. 78. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАВО. – Ф. 149. – Оп. 1. – Д. 8.
3. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 39.
4. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 40.
5. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 41.
6. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 42.
7. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 43.
8. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 44.
9. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 45.
10. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 46.
11. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 47.
12. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 50.
13. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 51.
14. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 52.
15. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 53.
16. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 54.
17. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 55.
18. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 56.
19. ГАВО. – Ф. 238. – Оп. 1. – Д. 58.
20. Маслов, Н. А. Воинская обязанность в России (1699–1918 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Маслов Николай Андреевич. – М. : [Б. и.], 2015. – 217 с.
21. Петрова, И. С. Призывные списки как источник по истории Первой мировой войны 1914–1918 гг. / И. С. Петрова // Военная история России: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. – 562 с.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 17. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
23. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Т. 48. Отделение первое. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876.

**KAMYSHINSKOE LEVY COUNTY PRESENCE:
AN OVERVIEW OF THE FUND**

Petrova Irina Sergeevna

Candidate of Sciences (Historical),
Chief Specialist of the Use of Archival Documents and Research,
State Archive of Volgograd Region
Kommunisticheskaya St., 30, 400131 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the history of the state establishment, engaged in a set of recruits of the Crimean War of 1853–1856 years, and the composition of the Archival Fund documents. The author focuses on the species composition of the fund documents, the content of the retrospective document information, and the value of these sources in the study of military history issues. The study reveals the peculiarities of working with documents middle of the XIX century.

Key words: Archival Fund, Crimean War, recruit, history, State Archive of Volgograd Region.

УДК 94(470+571)“1853/1856”:070

ББК 63.3(2)521.2-72

**ОБРАЗ ВРАГА В КАРИКАТУРЕ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ:
СЛУЧАЙ «РУССКОГО МЕДВЕДЯ»¹**

Рябов Олег Вячеславович

Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Ивановского государственного университета
riabov1@inbox.ru
ул. Ермака 39, 153025 г. Иваново, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу использования образа медведя как аллегории России в западноевропейской карикатуре периода Крымской войны. В статье показано, что данная аллегория активно эксплуатировалась сатирической графикой в конструировании образа «русского врага», включая такие его черты, как безжалостность, деспотизм, варварство, агрессия, отсталость, уязвимость, неуклюжесть, комичность.

Ключевые слова: Крымская война, «русский медведь», образ врага, карикатура, военная пропаганда.

Крымская война – один из многих конфликтов, в котором России противостояли державы Запада; особенность этой войны заключается, однако, в том, что впервые такому противостоянию был придан характер межцивилизационного конфликта. Соперниками России были Франция, Британия и Сардиния (позиция многих других европейских держав также не отличалась дружелюбием), и в пропаганде этих стран война была представлена таким образом, что неевропейская Россия враждовала с Европой. Для дискурсивного вытеснения России из «Европы» привлекались различные средства; в настоящей статье хотелось бы обратить внимание на роль, которую играла эксплуатация медвежьей метафоры России в создании образа «русского врага».

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 15-03-00010 «Символ “Родины-матери” в символической политике современной России».

Отметим особое место карикатуры в пропаганде Крымской войны. Э. Кросс даже использует термин «карикатурная война», характеризуя значение сатирической графики в пропаганде [12]. Следует подчеркнуть, что середина XIX в. в Европе была временем значительного роста популярности иллюстрированных сатирических журналов и возникновения газетной карикатуры [7; 12].

Символ «русский медведь» – это западное изобретение, появившееся около пятисот лет назад и к XVIII в. ставшее признанной аллегорией России [4; 5]. «Русский медведь» был призван служить маркером границы, отделяющей «цивилизованный» Запад от «варварской» России. Сама идентичность Запада конструируется через исключение России, и, очевидно, образ «русского медведя» играет важную роль в обосновании положений и о цивилизационной чуждости России, и об ее отсталости [5; 14]. Дань использованию медвежьей метафоры отдали выдающиеся представители европейской культуры, среди которых известные писатели, художники, скульпторы, медальеры, режиссеры, публицисты. О значимости образа «русского медведя» говорит и то обстоятельство, что его «носителями» выступали газеты и сатирические карты, почтовые марки и открытки, медали и игрушки, художественные и анимационные фильмы. Особая роль в популяризации образа принадлежит карикатурам с «русским медведем», первые из которых появляются в 1730-х годах.

К моменту начала Крымской войны западноевропейская культура создала образ николаевской России как царства деспотизма, бесправия, агрессии, варварства, невежества, и образ медведя играл в этом заметную роль. Так, А. де Кюстин, одним из лейтмотивов книги которого была идея о русских как о нации имитаторов, написал: «Русские эти, дурно воспитанные, но уже хорошо обученные, хорошо одетые, решительные, самоуверенные, следуют по пятам за европейцами и превращают их изысканность в карикатуру... глядя на этих дрессированных медведей, я сожалею о медведях диких – русские покуда еще не просвещенные люди, но уже испорченные дикари» [2, с. 347]. К. Маркс в статье, посвященной Восточному вопросу, высказал достаточно типичную для критиков России мысль о том, что та уважает только силу; он

подчеркнул, что «русский медведь способен на все, в особенности, когда он знает, что другие звери, с которыми ему приходится иметь дело, ни на что не способны» [3, с. 172–173]. Во время Крымской войны медвежья аллегория России стала еще более заметной, будучи широко используемой в создании образа врага: например, в риторике политиков, литературе, карикатуре [6, с. 108; 9, р. 89; 12, р. 469–470; 19, р. 64]. Медведь был популярным персонажем сатирической графики; достаточно назвать имена таких известных художников, как Г. Доре, О. Домье, Дж. Тенниел, которые включали этот образ в свои произведения.

Итак, рассмотрим основные способы использования медвежьей аллегории России в конструировании образа «русского врага». В основу анализа положим выделенные исследователями черты образа врага [8; 13; 15]. Прежде всего остановимся на такой черте, как опасность, акцентирование которой является необходимым элементом мобилизационных практик. Идеальное соответствие исследуемого образа этой черте достигается через подчеркивание таких свойств медведя, как сила, агрессия, кровожадность, безжалостность. Так, на карикатуре Тенниела «Медведь и пчелы. Старая сказка на новый лад» неистребимая тяга косолапого к меду служит аллегорией вечной агрессивности России [16]. В альбоме карикатур немецкого художника К. Рейнхардта «Медведь и Полумесяц» (1855) показан агрессивный медведь, которого в итоге побеждают орел (символизирующий Францию), лев (Великобританию) и единорог (Сардинию) [1]. Опасность, которую Россия несет в сфере общественного устройства, призвана иллюстрировать карикатура Домье «Северный медведь, самый отвратительный из всех известных медведей» (1854), на которой Николай I изображен в облике белого медведя, повелевающего коленапреклоненными рабами [16].

Во-вторых, образ врага должен быть сконструирован таким образом, чтобы полностью отличаться от образов «своих». Крайняя степень такого противопоставления – это дегуманизация, исключение из числа представителей человеческого рода, выступающая распространенным приемом военной пропаганды. Рассмотрим, как наш герой используется в таком аспекте. Очевид-

но, само привлечение животных метафор так или иначе способствует лишению врага человеческого облика. Правда в этот период истории использование образов животных в качестве аллегорий наций было распространенной практикой (берущей начало в средневековом символизме) и само по себе не несло негативного оттенка: в облике зверей изображались не только «чужие», но и «свои» (что видно, например, на карикатурах Рейнхардта, о которых шла речь выше). Однако необходимо обратить внимание также на карикатуры, на которых России-зверю противопоставит человек. На рисунке Домье «Укрощенный медведь» (1854) Европа, изображенная в человеческом облике, сажает на цепь Россию-медведя. Кроме того, заслуживает внимания еще одна примечательная практика исключения, отраженная в этой работе: оппозиция «Европа – медведь» показывает чуждость России европейской цивилизации. Наконец, на рисунке Доре из его альбома «История Святой Руси» (1854) дегуманизация России осуществляется еще более отчетливо: этот рисунок сообщает зрителю, что первый русский появился на свет в результате брака белого медведя и самки моржа [16].

В-третьих, эффективно сконструированный образ врага должен вызывать убежденность в моральной правоте «своих» и неправоте «чужих». Вернемся к карикатуре Домье, где медведю противопоставит не просто человек, но именно женщина, символизирующая Европу. Заметим, что репрезентации собственной страны при помощи образов женщин – обычный прием военной пропаганды, призванный убедить в чистоте намерений своей державы и справедливом характере войны с ее стороны [17]. Медведь, напротив, в западноевропейской культурной традиции служил воплощением многих из семи смертных грехов (чревоугодия, похоти, гневливости); более того, он нередко символизировал сатану [10, р. 82; 11, р. 220; 18, р. 33; 20, р. 136].

В-четвертых, враг должен быть изображен достаточно слабым и комичным, чтобы «своих» не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна. В европейской культурной традиции медведь служил воплощением таких черт, как неуклюжесть, глупость, лень; в целом он был достаточно комичным персонажем

сатирической графики. Соответственно, образ медведя помогал окарикатуриванию облика России, начиная с первых рисунков английских художников XVIII века. Карикатуры периода Крымской войны, на которых огромному «русскому медведю» успешно противостоят соперники гораздо меньших размеров, могут быть интерпретированы как вариант сюжета о Давиде и Голиафе (который, кстати, нередко использовался в военной пропаганде соперников России в различные периоды истории). К тому же само изображение России в облике медведя также способствовало поднятию боевого духа: животное по определению должно подчиниться человеку или же быть им уничтоженным.

Подводя итоги, отметим, прежде всего, что образ России как медведя играл заметную роль в сатирической графике Крымской войны. Он активно эксплуатировался в конструировании образа «русского врага»; негативные черты, закрепленные за медведем в западноевропейской культуре, делают его удобным для создания образа врага. Кстати, это объясняет и тот факт, что в наши дни в условиях обострения международной обстановки образ «русского медведя» также активно вовлекается в антироссийскую пропаганду (например, в период конфликта в Закавказье в 2008 г. [17]).

Список литературы

1. Козинцев, А. Г. Крымская война в западных карикатурах (презентация, 2012) / А. Г. Козинцев. – Электрон. дан. – Режим доступа: https://www.academia.edu/4740573/Крымская_война_в_западных_карикатурах_презентация_2012_ (дата обращения: 15.04.2016). – Загл. с экрана.
2. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. / А. де Кюстин. – Т. 1. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – С. 528 с.
3. Маркс, К. Русская политика по отношению к Турции. – Рабочее движение в Англии / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 9. – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 172–173.
4. Россомахин, А. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI–XVIII века) / А. Россомахин, Д. Хрусталева // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. – 2008. – Вып. 2: Визуализация нации. – С. 123–161.

5. Рябов, О. В. «Русский медведь» как символический пограничник / О. В. Рябов, М. А. Константинова // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – 2011. – № 6. – С. 114–123.
6. Сидорова, О. Г. Изображение Крымской войны в английской литературе / О. Г. Сидорова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 106–113.
7. Цыкалов, Д. Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века / Д. Е. Цыкалов // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – С. 105–124.
8. Aho, J. A. This thing of darkness: a sociology of the enemy / J. A. Aho. – Seattle : University of Washington Press, 1994. – 224 p.
9. Aldous, R. The Lion and the Unicorn: Gladstone vs Disraeli / R. Aldous. – L. : W. W. Norton & Company, 2007. – 368 p.
10. Bieder, R. E. Bear / R. E. Bieder. – L. : Reaktion Books, 2005. – 192 p.
11. Cohen, S. Animals as Disguised Symbols in Renaissance Art / S. Cohen. – Leiden : Brill Academic Publishers, 2008. – 316 p.
12. Cross, A. The Crimean War and the Caricature War / A. Cross // The Slavonic and East European Review. – 2006. – Vol. 84, № 3. – P. 460–480.
13. Harle, V. The enemy with a thousand faces: The tradition of the Other in Western political thought and history / V. Harle. – Westport : Praeger Publishers, 2000. – 232 p.
14. Hudabiumigg, I. Der “Russische Bär” – redivivus? / I. Hudabiumigg // Narrative Konstruktion nationaler Identität / Reichmann E. (Hrsg.). – St. Ingebert : Röhrig, 2000. – S. 251–281.
15. Keen, S. Faces of the enemy: reflections of the hostile imagination / S. Keen. – San Francisco : Harper & Row, 1986. – 200 p.
16. Lazari, A. de. Europa i Niedźwiedź / A. de Lazari, O. Riabow, M. Żakowska. – Warszawa : Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. – 319 p.
17. Riabov, O. Misha and the Bear: The Bear Metaphor for Russia in Representations of the “Five-Day War” / O. Riabov, A. de. Lazari // Russian Politics and Law. – 2009. – Vol. 47, № 5. September-October. – P. 26–39.
18. Rowland, B. Animals with Human Faces: A Guide to Animal Symbolism / Rowland B. – Knoxville : University of Tennessee Press, 1973. – 192 p.
19. Schmidt, D. The Folly of War: American Foreign Policy, 1898–2005 / D. Schmidt. – N. Y. : Algora Pub, 2005. – 388 p.
20. Sheppard, P. The Sacred Paw: The Bear in Nature, Myth, and Literature / P. Sheppard, B. Sanders. – N. Y. : Viking, 1985. – 243 p.

THE IMAGE OF THE ENEMY IN CARTICATURES
OF THE CRIMEAN WAR:
A CASE OF THE "RUSSIAN BEAR"

Riabov Oleg Viacheslavovich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy,
Ivanovo State University
riabov1@inbox.ru
Ermaka St., 39, 153025 Ivanovo, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of using the image of Russia as a bear in the Western-European caricature in the time of the Crimean war. The author demonstrates that this image was widely exploited in constructing the image of the "Russian enemy" as cruel, despotic, bloodthirsty, barbaric, weak, clumsy, and backward.

Key words: the Crimean war, the "Russian bear", the image of the enemy, caricature, war propaganda.

УДК 94(7)“1853/1856”:355.48

ББК 63.3(7)52-68

ВЛИЯНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Соков Илья Анатольевич

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений
и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
isokov@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется влияние Крымской войны и Крымской подсистемы международных отношений на «формирующие события» в странах Североамериканского континента. Автор считает, что неравновесная и дисбалансная подсистема международных отношений, созданная альянсом европейских государств с целью определенной изоляции и ослабления России на международной арене, по существу не имела шансов на длительное существование. Кроме того, она еще больше обнажала противоречия между западными европейскими странами, а также ослабила их влияние в Северной Америке.

Ключевые слова: Крымская война, Крымская подсистема международных отношений, Канада, США, Мексика, «Русская Америка».

Крымская война 1853–1856 гг., 160-летие которой отмечается в текущем году, явилась примером не только невиданной храбрости и героизма русской армии, но и величайшего национального унижения со стороны всех европейских государств, как бывших союзников, так и соперников по «Великой игре» (Great Game). Россия, не проиграв значительных территорий, как это было в начальный период Отечественной войны 1812 г., даже не уступив тех территорий, на которых велись боевые действия, тем не менее

оказалась в полной международной изоляции и была вынуждена подписать унижительный для нее Парижский договор 3 марта 1856 года.

Этот договор открыл новую, так называемую Крымскую подсистему международных отношений, или, как ее называют в западной историографии, подсистему Пальмерстона, предполагавшего, что благодаря ей окончательно решился «восточный вопрос».

Все предпосылки, причины, ход событий, итоги и создание послевоенной подсистемы международных отношений подробно исследовались и исследуются отечественными историками. Автором же этой статьи анализируются факторы времен Крымской войны, которые повлияли на ход истории в Канаде и США.

Принято считать, что со времен великих географических открытий и создания мировой колониальной системы ход и итоги европейских войн во многом определяли события в остальной части мира.

Так, по итогам Семилетней войны (1756–1763 гг.) Новая Франция стала «военным призом» для Великобритании. Подписанный европейскими державами 10 февраля 1763 г. Парижский мир закрепил переход к англичанам французских владений в Северной Америке.

Англо-американская война 1812–1815 гг. была развязана не без влияния начавшихся европейских наполеоновских войн.

Крымская война также способствовала развитию экспансионистских и аннексионистских настроений в США в северном направлении, но подобная война была предотвращена огромной ценой для Великобритании, о чем пойдет речь ниже.

Накануне Крымской войны Великобритания, следуя политике свободного меркантилизма, в 1846 г. отменила законы о торговле зерном (Corn Laws), лишив тем самым свои колонии в Северной Америке тарифных преференций. От этих мер особенно пострадали колонии Канада и Нью-Брансуик. Фактически, этими законами правительство метрополии увеличило фискальную нагрузку на колонии как ответный шаг в получении и использовании ими принципа «ответственного правительства». Иными словами, получив определенную политическую автоно-

мию, колонии с этим получили частично финансовую автономию и ответственность за нее [6].

Разрывая налаженные экономические связи с североамериканскими колониями, Великобритания спровоцировала политическое протестное движение, которое имело по крайней мере три ярко выраженных течения. Первое заключалось в стремлении получить внутрикониальные торговые уступки, заключив межкониальный договор о взаимности. Такой договор был подписан в 1850 г. между Канадой, Нью-Брансуиком, Новой Шотландией и Островом Принца Эдуарда [5, р. XV–XVI]. Второе предполагало заключение договора о взаимности с Соединенными Штатами, который бы включал взаимную свободную торговлю натуральными продуктами. Третье, наиболее радикальное течение, считало в этом случае необходимой аннексию южным соседом.

Следует отметить, что политическое недовольство в колониях объективно усиливала экономическая депрессия, которая длилась до 1851 года. В этих условиях британское правительство было вынуждено пойти по пути заключения договора о взаимности с США. Наиболее активными сторонниками заключения подобного договора были член палаты лордов граф Грей и канадский генерал-губернатор лорд Элджин [5, р. 14]. Кониальный секретарь Гладстон считал, что надежды на получение значительных преференций в связи с заключением договора о взаимности с США, которую питали в колониях, слишком завышены. По его мнению, практический результат от действия такого договора будет незначительным, поэтому он «с метафорическим пожатием плеч посоветовал Абердину, министру иностранных дел, открыть переговоры сразу же. Пекенхэм, посланник в Вашингтоне, был соответственно проинструктирован вынести вопрос на рассмотрение американского правительства как только представится благоприятная возможность» [5, р. 17].

Но «благоприятная возможность» осложнялась требованием Новой Шотландией защиты от Соединенных Штатов прибрежного рыболовства. Поэтому в переговорах было решено объединить эти два вопроса. До 1853 г. правительство Великобритании не преуспело в подписании торгового договора о взаим-

ности с США, а включение в переговоры вопроса прибрежного рыболовства грозило «длительным провалом переговоров» с началом Крымской войны из-за сочувствия американцев к воюющей России.

Так, 11 апреля 1853 г. американский посланник Бьюкенен предупредил лорда Кларендона, что «столкновение по рыболовству и последующему нарушению с Америкой (договора. – *И.С.*), возможно, могло бы произойти посреди нависшего европейского кризиса» [5, р. 25].

Два дня спустя Кларендон предложил лорду Элджину, находящемуся в это время в отпуске в Лондоне, активизировать переговоры в Вашингтоне, добавив: «Это имеет предельное значение в текущем состоянии мира, мы должны уладить этот вопрос о рыболовстве» [5, р. 25].

Следует указать, что вопрос о рыболовстве стал центральным как в переговорах в США, так и в британском парламенте, так как он затрагивал интересы самой метрополии в условиях войны с Россией. «В Палате лордов Кларендон проявлял намного большее беспокойство чтобы удалить причину трения в области рыболовства; он упоминал коммерческие отношения колоний и Соединенных Штатов только как дополнительное соображение» [5, р. 26].

Доказательством тому, что имперские интересы были на первом месте, служат также слова Кларендона во время инструктажа лорда Элджина перед поездкой в Вашингтон. Он хотел знать, как далеко североамериканские колонии могли пойти в плане уступок в торговле натуральными продуктами с США, а также давал полномочия канадскому генерал-губернатору ограничить «любые неблагоприятные претензии со стороны колониальных правительств (канадских провинций. – *И.С.*)» [5, р. 27].

Значение вопроса о рыболовстве для Великобритании подтверждает тот факт, что в мае 1852 г. по утверждению колониального секретаря Джона Пэкинтона (John Pakington) для защиты рыболовства было послано семь легких судов, имевших «тридцать одну пушку всего». Флот Джорджа Сеймура (George Seymour) конфисковал несколько американских рыболовецких судов, находящихся в трехмильной канадской зоне от берега согласно бри-

танско-американскому соглашению от 1818 года. Появившийся американский флот во главе с коммодором Перри не вызвал военных столкновений «благодаря такту и хорошему чувству командующих с обеих сторон» [5, р. 24].

Следует учитывать, что на американской стороне сопротивление переговорам по вопросу взаимности в торговле с Канадой оказывал рабовладельческий Юг. Южная оппозиция базировалась как на экономических соображениях выращивающих пшеницу штатов Вирджиния и Мэриленд, так и на политических партийных противостояниях в Конгрессе по вопросу рабства. Внесенный билль о рыболовстве имел успех быть принятым только по причине «страха перед столкновением между Великобританией и Соединенными Штатами» [5, р. 34].

По свидетельству Д.С. Мастерса, «влияние Элджина было, вероятно, решающим фактором в успехе переговоров» [5, р. 44]. Семь лет предварительных переговоров также сыграли свою положительную роль: стороны хорошо изучили подходы друг друга в решении вопроса взаимности, поэтому договор представлял собой сбалансированный компромисс, дававший определенные компенсации и соблюдавший интересы каждой из сторон.

Несмотря на то, что подписанный в 1854 г. договор о взаимности между Великобританией и США о североамериканской континентальной торговле вполне удовлетворял как США, так и британские колонии, он никак не вписывался в созданную Пальмерстоном Крымскую подсистему международных отношений.

Ее принципы международной изоляции растущего влияния США стали использоваться европейскими правительствами с началом Гражданской войны в Соединенных Штатах. Несмотря на то, что Великобритания в 1838 г. сама отменила институт рабства, она поддержала созданную рабовладельческую федерацию в США. За ней в поддержке южан последовали Испания и Франция.

Как писал Н.Н. Болховитинов, европейские страны «были заинтересованы в расколе Соединенных Штатов как серьезного конкурента на мировом рынке. Посланник США в Лондоне Ч.Ф. Адамс писал, что английские аристократы очень сильно желают “видеть США расколовшимися на куски”» [3, с. 297].

Хотя следует признать, что правительство Пальмерстона 13 мая 1861 г. выступило с «Королевской прокламацией о нейтралитете». Комментируя этот шаг британской дипломатии, Н.Н. Болховитинов писал: «В дипломатических анналах Великобритании трудно найти более циничный и лицемерный акт, чем эта прокламация. Торжественно заявляя о нейтралитете, Великобритания одновременно признавала Юг воюющей стороной, что являлось первым шагом на пути признания мятежной конфедерации» [3, с. 298].

Так же, как и при подготовке к Крымской войне и во время нее, Великобритания стала использовать европейских союзников для ослабления позиций законного правительства США – правительства Линкольна. Весной 1861 г. Испания оккупировала республику Сан-Доминго, затем европейские страны, оправдывая необходимость защиты интересов своих граждан, ввели свои войска в Мексику. «Оккупация мексиканской территории позволяла выйти за границу с рабовладельцами и прорвать блокаду конфедерации, объявленную Севером. Помимо этого высадка войск трех европейских держав в Мексике создавала удобный плацдарм на южных границах США для вооруженного вмешательства в гражданскую войну» [3, с. 299].

В длительной и кровопролитной Гражданской войне Пальмерстон добивался максимального ослабления США, если не «разъединения штатов», как описал в одном из своих писем [7, р. 548]. Более того, в деле «Трента» правительство Великобритании не только заявило протест правительству США, но и «направило в Канаду флот и вооруженные силы, насчитывавшие около 10 тыс. чел» [3, с. 302–303]. «1 декабря 1861 г. Рассел отправил соответствующую депешу Лайонсу. В ней говорилось, что если в течение семи дней федеральное правительство не выполнит требования об освобождении эмиссаров конфедерации, Великобритания разорвет дипломатические отношения с США. Этот демарш был подкреплён приказом флоту находиться в состоянии боевой готовности. Началась подготовка к отправке войск в Канаду. Запрещены были экспорт селитры, вывоз из Англии оружия и боеприпасов» [3, с. 303].

Как видим, Великобритания использовала тот же сценарий повода к развязыванию боевых действий с США, что и в Крымской войне, но только в деле «Трента» президент А. Линкольн оказался более дальновидным, чем русский царь Николай I, который не отвел войска из Дунайских княжеств на ультиматум грозного соперника. По требованию британского правительства об освобождении арестованных представителей конфедерации Мэзона и Слайделла американское правительство освободило их из заключения, посадило в почтовый пароход и оправило в Канаду. Оттуда они на английском военном корабле были доставлены в Великобританию.

По мнению М.М. Сиротинской, «Линкольн не сбрасывал со счетов огромную силу Великобритании, и в первую очередь ее самый мощный в мире военно-морской флот. Президент не спешил соглашаться с теми, кто утверждал, что Великобритания не рискнет использовать силу против Севера. Пойдя на компромисс с Великобританией в деле “Трента”, Линкольн ни в коей мере не отказывался от возможного реванша в будущем. Он так определял суть финала дела “Трента”: “Это была горькая пилюля, но я утешал себя уверенностью, что триумф Англии в данном вопросе будет недолговечен и что после того, как мы закончим войну, мы будем так мощны, что сможем призвать Англию к ответу за все неприятности, которые она нам причинила”» [3, с. 303].

Европейские государства сдерживали демократическое развитие не только в США, но и в Мексике. «Император Франции, мечтавший о создании “латинской” империи, которая смогла бы сдерживать англосаксонскую экспансию, усмотрел в прекращении Мексикой выплат (долгов по договору Мон-Альмонте. – *И.С.*) предлог для вмешательства и вступил в переговоры с Великобританией и Испанией для обсуждения этого вопроса. В итоге 31 октября 1861 г. в Лондоне тремя государствами была подписана конвенция, обязывающая участников блокировать мексиканские порты в заливе с целью заставить Мексику возобновить выплату по долгам» [2, с. 167].

За этим решением последовала полномасштабная иностранная интервенция, на штыках которой был посажен европейский монарх Максимилиан (брат австрийского императора, женатый на

дочери бельгийского короля Шарлотте Амалии), правивший в условиях гражданской войны с мая 1864 г. по июнь 1867 года.

Интервенция в Мексику преследовала также цель снять блокаду с конфедерации, организованную правительством Линкольна.

Что касается России, то, став отверженной в новой Пальмерстоновской подсистеме международных отношений, абсолютистский режим Александра II, считавший себя намного более демократичным по сравнению со временем Николая I, даровав манифест об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г., по понятным причинам хотел видеть своим союзником республиканцев Севера и готов был оказать им поддержку.

Как писал американский исследователь Норман Е. Сол, «Великобритания, не Франция, была главным покровителем “разобщения” Соединенных Штатов, а российский интерес состоял в том, чтобы сохранить Союз» [8, р. 33].

Уже 8 сентября 1861 г. президенту Линкольна было передано личное послание императора Александра II со словами поддержки и сожаления о разразившейся гражданской войне: «Император России сожалеет видеть, что надежда на мирное решение не понята, и что американские граждане, уже с оружием в руках, готовы впустить в свою страну самое огромное из бедствий политического общества – гражданскую войну» [8, р. 39].

Россия оказывала не только дипломатическую, но и военно-дипломатическую поддержку. В сентябре 1863 г. в порту Нью-Йорка появилась эскадра из шести кораблей контр-адмирала Лисовского, которая находилась там до декабря месяца, а позднее вторая русская эскадра контр-адмирала Попова вошла в гавань Сан-Франциско [1]. Эти визиты стали существенным сдерживающим фактором против активизации действий альянса европейских государств на американском континенте.

Особое значение оказала Крымская война на изменение территориальной принадлежности огромной территории в Северной Америке – «Русской Америки», но не в качестве «военного приза», как это было в прошлых европейских войнах, а в качестве «вынужденной уступки» России, исходя из ее слабой позиции в Крымской подсистеме международных отношений.

Несмотря на подробное трехтомное исследование академиком Н.Н. Болховитиновым истории этого вопроса, до сих пор в российском обществе нет однозначного отношения в правильности принятого выбора почти 150-летней давности [4, с. 198–199]. Продажу Россией «Русской Америки» США следует расценивать не только как вынужденный шаг в сложных условиях Крымской подсистемы в международных отношений, но и как существенную поддержку США против расширяющегося влияния Великобритании на Американском континенте.

Следует напомнить, что боевые действия во время Крымской войны против альянса западных держав велись Россией не только на юге страны (в Крыму и на Кавказе), но и на Дальнем Востоке. В августе 1854 г. англо-французский флот высадил свой десант для захвата главной военной базы российского тихоокеанского флота в Петропавловске-на-Камчатке. Но после сокрушительного разгрома своего десанта союзный флот жаждал реванша, и только предусмотрительное заключение договора весной 1854 г. между Российско-американской компанией (РАК) и Компанией Гудзонова залива (КГЗ) на случай военных действий между их странами спасло имущество компании и территорию «Русской Америки» от захвата. Как писал Н.Н. Болховитинов, «русское и английское правительства “на время существующего разрыва признали нейтральность владений обеих компаний, а потому имущество компании на берегу может считаться безопасным”», но «Фореин оффис оговаривал, что “все русские суда и товары на них... могут подлежать захвату кораблями ее в-ва и что берега и порты русских владений могут быть подвергнуты морской блокаде”» [4, с. 340].

Понятно также, что экономически ослабленная Россия в Крымской подсистеме международных отношений и североамериканское континентальное соперничество Великобритании и США объективно создавали условия возможной аннексии территории «Русской Америки». Поэтому не столько по экономическим, сколько по геополитическим соображениям Россией было принято решение об уступке этой территории Соединенным Штатам.

В пользу этого мнения говорят те исторические факты, что продажа готовилась дважды. В первый раз, как фиктивная продажа всего имущества Российско-американской компании «обществу, учрежденному в Сан-Франциско г-ном Сандресом» [4, с. 370], которую «русский вице-консул в Сан-Франциско подписал... не более и не менее как акт о фиктивной продаже американцам всего имущества РАК, включая ее земельные владения» [8, с. 371]. П.С. Костромитинов «19 (31) мая 1854 г. подписал с представителем Американско-русской торговой компании в Сан-Франциско Ангусом Макферзоном фиктивный акт о продаже. В соответствии с ним Российско-американская компания за 7 600 тыс. долл. уступала своему партнеру в Сан-Франциско на три года все имущество, промыслы и привилегии на территории в Северной Америке» [4, с. 371]. Во второй раз – как уступка Россией территории «Русской Америки» по договору от 18 (30) марта 1867 г., подписанному российским посланником Э.А. Стеклем (Edward de Stoeckl) и госсекретарем США У. Сьюардом (William H. Seward) за 7 млн 200 тыс. долл. США золотом [9].

Значительное время в 13 лет, от намерений до подписания договора о продаже «Русской Америки», ушло как со стороны России, так и США на преодоление «формирующих событий» в Европе и Америке и выполнение договорных условий с третьими лицами. За это время в США с 1854 г. обострились отношения между рабовладельческим Югом и республиканским Севером, которые разрешились в Гражданской войне 1861–1865 гг., затем необходимо было время, чтобы закончились условия договора между РАК и КГЗ, которые истекали 1 июня 1867 года. В Мексике в июле 1867 г. после поражения империи вновь установился республиканский порядок. В Канаде британское правительство, боясь аннексии колоний со стороны США, сначала пошло с ними на заключение беспрецедентного договора о взаимности, затем форсировало переговоры в колониях об их объединении, в марте 1867 г. создала государственность из четырех провинций, а уже в 1871 г. присоединила свои западные земли, граничащие с американской Аляской, к Канаде в форме провинции Британская Колумбия.

Все эти изменения произошли под влиянием Крымской войны и в условиях установленной после нее Крымской (Палмерstonовской) подсистемы международных отношений.

В заключение можно констатировать, что неравновесная и дисбалансная подсистема международных отношений, созданная альянсом европейских государств во главе с Великобританией и прямо направленная на изоляцию и международное ослабление России, ненадолго принесла удовлетворение этим державам. Эта подсистема не только обнажила и увеличила противоречия между европейскими государствами, но и способствовала потере имевшегося влияния в странах Нового света, особенно на территории Северной Америки.

Список литературы

1. Болховитинов, Н. Н. Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. / Н. Н. Болховитинов // Новая и новейшая история. – 1996. – № 5. – С. 195–216.
2. Васкес, Х. З. От завоевания независимости до становления республики / Х. З. Васкес // Новая краткая история Мексики / отв. ред. русского изд. А. Н. Боровков. – М. : ИЛИ РАН, 2008. – 294 с.
3. История внешней политики и дипломатии США. 1775–1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 384 с.
4. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. III. Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867) / отв. ред. акад. Н. Н. Болховитинов. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 541 с.
5. Masters, D. C. The Reciprocity Treaty of 1854: Its History, Its Relation to British Colonial and Foreign Policy and to the Development of Canadian Fiscal Autonomy. – Vol. 9. – McClelland and Stewart Limited, 1963. – 420 p.
6. Porritt, E. The Fiscal and Diplomatic Freedom of the British Oversea Dominions. – Oxford, 1922. – 216 p.
7. Ridley, J. G. Lord Palmerston. – London, 1970. – 826 p.
8. Saul, N. E. Saving the Union: the Roles of Russian and American Diplomats during the American Civil War // Americana. – Вып. 13. Россия и Гражданская война в США / отв. ред. И. И. Курилла. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – 360 с.
9. Treaty with Russia (Alaska Purchase) : [Electronic resource]. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.bartleby.com/43/43.html> (data of access: 14.03.2016). – Title from screen.

THE INFLUENCE OF THE CRIMEAN WAR
AND ITS CONSEQUENCES
ON THE HISTORICAL EVENTS
IN THE NORTH AMERICAN COUNTRIES

Sokov Ilya Anatol'evich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor of the Department of International Relations
and Area Studies,
Volgograd State University
isokov@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The author of the article analyses the influence of the Crimean War and the Crimean subsystem of the International Relations on “the formative events” in the countries of the North American continent. The author considers that non-equilibrium and disbalance subsystem of the international relations was created by the alliance of the European countries with the purpose of the definite isolation and weakening Russia on the international scene. All of this has not chances on its long existence. Besides this situation still more opened contradictions between the Western European countries and also weakened their influence in the North America.

Key words: Crimean war, Crimean subsystem of international relations, Canada, the United States of America, Mexico, “Russian America”.

УДК 94(560)“18”:341.321.3

ББК 63.3(5Тул)5-35

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ В ПРЕДВЕРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Харинин Артем Игоревич

Старший преподаватель кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
m.kharinina@gambler.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Хизриев Шамиль Хасбуллаевич

Магистрант
Волгоградского государственного университета
steeldq@yandex.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Юнусов Валиджон Олимджонович

Магистрант
Волгоградского государственного университета
valjon_1994@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. После поражения в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. турецкое правительство начало знаменитые реформы Танзимата, целью которых была комплексная модернизация страны, в том числе и ее вооруженных сил. В данной статье анализируются основные реформы в военной сфере и те результаты, к которым они привели. Рассматриваются вопросы комплектования и условий службы, отдельные аспекты технического оснащения и тактики. Выводы, к которым приходят авторы, свидетельствуют о незавершенности военных реформ и их половинчатом характере, что ярко проявилось в годы Крымской войны.

Ключевые слова: Танзимат, низам, редиф, модернизация, военная реформа.

Крымская война является одним из важнейших событий в мировой истории. Именно данный конфликт подводит черту под существовавшей почти полвека Венской системой международных отношений. Восточная война изучалась огромным количеством как зарубежных, так и отечественных исследователей. В силу различных причин некоторые вопросы не были рассмотрены должным образом, как, например, вопрос модернизации армии Османской империи в период перед войной и в течение самой войны. По мнению многих исследователей, турецкая армия в данной кампании показала собственную несостоятельность, выходя отсталой не только на фоне собственных союзников в лице французов и англичан, но и на фоне армии Российской империи, которая также не отличалась прогрессивностью [1]. Но так ли это на самом деле, и была ли турецкая армия действительно столь отсталой и пригодной лишь для использования в инженерно-земляных работах или в качестве «пушечного мяса»?

Накануне Крымской войны в Османской империи был проведен ряд реформ, в рамках которых был затронут, конечно, и военный вопрос. Данные реформы были призваны модернизировать турецкую армию, во многом благодаря различным заимствованиям из практики европейских держав: это и привлечение иностранных специалистов, и приобретение нарезного оружия, которое имели лишь некоторые государства Старого Света. Коснулись преобразования даже формы турецких солдат, переделанной также на европейский манер.

Правитель Османской империи, султан Абдул-Меджид I, отлично понимал отсталость армии своего государства в качестве имеющегося вооружения. Предыдущие кампании дали понять, что необходимы перемены, нашедшие отражение в проводимых в Османской империи реформах. В первую очередь турки принялись модернизировать свой флот, который обзавелся несколькими новейшими кораблями, построенными для Османской империи аме-

риканцами. Обслуживать эти корабли были призваны иностранные наемники, служившие совместно с турками на новых кораблях. И, конечно, между ними существовал и культурный, и языковой барьер, что тоже сказалось на эффективности использования новых кораблей. К началу Восточной войны некоторые подразделения турецкой армии уже обладали нарезными ружьями, а артиллерия, которая была приобретена у англичан, отвечала всем требованиям современности [2, с. 86]. На эти изменения обратил внимание Ф. Энгельс: «На более высоком уровне стояла артиллерия, полевые полки ее были превосходны; солдаты казались рожденными для такого вида службы», что говорит о признании современниками достигнутых благодаря реформам успехов [5, с. 490]. Ведь, действительно, нельзя не признать тот факт, что большое количество средств и усилий было вложено на обновление вооружений турецкой армии, однако очень часто все это происходило второпях, а турецкие воины недостаточно были обучены и не могли должным образом использовать те возможности, которые им предоставляло новое вооружение.

Униформа турецких солдат во многом была скопирована с униформ западных армий, прежде всего французской. Это касалось и имевшейся в распоряжении бойцов амуниции, и различия цвета формы у разных видов войск. Это позволило упорядочить управление турецким войском, а также привело к стройности в турецких военных рядах. Армия Османской империи теперь внешне не сильно отличалась от армий ее западных союзников, что положительным образом отразилось на их взаимодействии. Турецкие солдаты отныне были одеты в синие мундиры с желтыми пуговицами, а на плечевых погонах значились номера полков в соответствии с принадлежностью к корпусу. Единственной же отличительной чертой турок стал головной убор – феска красного цвета [2, с. 85]. Именно такой внешний вид турецкого солдата укоренился в нашем сознании.

Серьезной проблемой для Османской армии был кадровый вопрос. Турецкие солдаты всегда считались одними из самых лучших воинов в мире, благодаря бойцовскому духу, отваге и готовности пожертвовать собой. Это признавали даже противники

Турции, отдавая должное обычным турецким солдатам, «благодаря храбрости, понятливости и способности к войне» которых «турецкая армия в последнюю войну выказала много хороших свойств, и ее действия неоднократно заслуживали вполне справедливую похвалу» [3, с. 196]. Но серьезные вопросы вызывало качество подготовки офицерского состава армии Османской империи, которое не выдерживало никакой критики. Данную проблему решали путем приглашения иностранных специалистов, которых на начало крымской кампании в турецкой армии стало огромное множество [5, с. 488]. Стоит отметить, что данный шаг все-таки не решил существующих проблем. Несмотря на огромное количество приглашенных высококвалифицированных иностранных офицеров и советников, именно ошибки руководящего состава турецкой армии во многом явились причиной множества проблем, преследовавших турок на протяжении всей войны, а также тех огромных потерь, которые понесла Османская империя в войне (45,3 тыс. человек), где все, казалось бы, должно было складываться для нее наиболее лучшим образом.

Одним из крупнейших преобразований стал переход к профессиональной регулярной армии (низам), а также сокращение сроков службы до пяти лет против пятнадцати лет ранее. После службы солдат уходил в бессрочный отпуск и находился в запасе (редифе). Таким образом, Турция намеревалась создать не только одну из крупнейших армий на континенте, но также появлялась возможность всегда пополнить свои ряды путем привлечения солдат из редифа, поскольку тех рассматривали как настоящему боевую единицу, так как после ухода в запас солдаты все равно были обязаны поддерживать свои боевые навыки на должном уровне. Составной частью вооруженных сил османов были также войска вассальных государств, набравшиеся в Египте, Тунисе, Ливии, и как раз в этот период турецкий султан усилил свою власть над войсками, управлявшимися его представителями в данных государствах. Независимое положение пашей, командующих отдаленными провинциями, – было в значительной степени устранено, в целом они стали подчиняться дисциплине в такой же мере, в какой, примерно, подчиняются и

командующие европейскими округами [2, с. 89]. Однако невежество пашей, их наглость и стяжательство сохранились, большая часть денег, поступавших из казны на содержание армии, разворовывалась, в армии царил беспорядок, а потому нельзя сказать, что данные войска могли сильно повлиять на расстановку сил в грядущем конфликте.

Крымскую войну можно считать одной из самых технологически революционных войн в истории. Именно в этом конфликте было должным образом опробовано огромное количество вооружений, созданных накануне войны либо во время нее. Нарезное оружие, новые виды патронов, которыми легко перезаряжались ружья, появление снайперов, сделан огромный шаг вперед в модернизации артиллерии, а самое главное – это появление и активное использование в бою паровых судов, что сыграло немаловажную роль в решении исхода конфликта [4]. В логистике Восточной войны можно выделить использование железных дорог (на Дунайском театре военных действий) и полевой медицины, что было впервые в военной практике. В мировой истории сложно найти войну, в которой было бы проверено такое множество военнотехнических инноваций [1]. Османская империя также накануне Крымской войны начала масштабную модернизацию собственных войск, однако на ее исходе турецкие власти вряд ли были довольны результатами проведенных реформ, ведь несмотря на все нововведения армия турок показала собственную отсталость, а победу в данной войне нельзя назвать успехом.

Реформы, которые турецкие власти принялись проводить с конца 30-х гг. XIX в., действительно представлялись весьма масштабными и перспективными, суть их во многом сводилась к тому, чтобы сменить уклад жизни в государстве на европейский лад, что также отразилось и на преобразованиях в военной сфере. В целом нельзя сказать, что реформы оказались провальными, ведь большая их часть была продиктована вызовами того времени и отвечала тем задачам, которые ставила перед собой Османская империя, желавшая восстановить былое величие и военное превосходство на европейском континенте. Однако по ряду причин многие из намеченных преобразований были не до конца реализованы, либо же

турецкая армия сама оказалась не готова прогрессировать, ведь общество в стране отличалось крайней степенью консерватизма, что отразилось и на вооруженных силах страны.

Список литературы

1. Аммосов, Ю. Крымская война: поле боя остается за новейшими технологиями [Электронный ресурс] / Ю. Аммосов // Slon. – 2015. – 13 Nov. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://slon.ru/posts/59505> (дата обращения: 29.06.2016). – Загл. с экрана.
2. Нечитайлов, М. Турецкая армия в Восточной Войне: пехота и кавалерия / М. Нечитайлов, В. Стецов // Воин. – 2005. – № 18. – С. 84–91.
3. Тотлебен, Э. И. Описание обороны г. Севастополя / Э. И. Тотлебен. – Ч. 1. – СПб. : Тип. Н. Тиблена и Ко, 1863. – 845 с.
4. Шкедя, О. Турецкая армия в кампании в Крыму 1854–1856 гг. [Электронный ресурс] / О. Шкедя // Military Крым : Крым. воен.-ист. портал. – 2005. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://military.sevstudio.com/turkarmycrimeawar/> (дата обращения: 08.07.2016). – Загл. с экрана.
5. Энгельс, Ф. Турецкая армия / Ф. Энгельс, К. Маркс // Сочинения. – Т. 11. – М. : Изд-во полит. лит., 1958. – 826 с.

THE MODERNIZATION OF TURKISH ARMY BEYOND THE CRIMEAN WAR

Kharinin Artem Igorevich

Assistant of Chair of Social Work and Pedagogic,
Volgograd State University
m.kharinina@rambler.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Khizriev Shamil Hasbulaevich

Master's Degree Student,
Volgograd State University
steeldq@yandex.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Yunusov Valijohn Olimjonovich

Master's Degree Student,
Volgograd State University
valjon_1994@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Turkish government started the reforms of Tanzimat after defeat in Russo-Turkish war 1828–1829. The main aim of them was the complex modernization of country including its military forces. The basic military reforms and results are analyzed in this article. Different questions are considered: recruitment principles, conditions of army service, some aspects of technical equipment and tactics. The conclusions which were made by authors by the way point at their incompleteness which was brightly shown during military actions of Crimean war.

Key words: Tanzimat, nizam, redif, modernization, military reform.

УДК 94(47)“1854/1855”:355.4

ББК 63.3(2)521.2-68

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ. ПЛАСТУНЫ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Чешенова Татьяна Валерьевна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры международных отношений и лингвистики
Новороссийского филиала
Московского гуманитарно-экономического института
Signal.5@mail.ru
ул. Челюскинцев, 14, 353915 г. Новороссийск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена обороне Севастополя в период Крымской войны и участию в ней пластунов Черноморского казачьего войска. Дается характеристика этих неординарных воинов, которых сначала даже не принимали всерьез и которые после первых же боев стали примером для подражания. Указываются особенности ведения боя пластунами. Рассматриваются некоторые боевые операции с участием пластунов.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Севастополя, Черноморское казачье войско, пластуны, джигитовка, шашка, боевое казачье искусство.

Крымская война вот уже 160 лет является объектом интереса многих исследователей. Предметы исследования разнообразны: периоды осады, конкретные сражения, поведение нонкомбатантов, – бесспорно одно – отечественные исследователи находят подтверждения беспримерного мужества и героизма русских, исследователи союзников пишут о заслугах своих войск. К числу обязательных для всех научно-справочных энциклопедических изданий в США и Великобритании относятся материалы о Крымской, или Восточной, войне 1853–1856 годов [1].

Предметом нашей работы является участие казаков, и конкретно Черноморского казачьего войска, в Крымской войне. Выбранная тема достаточно актуальна, ведь участие в Крымской

войне казаков, начиная с 1917 г., традиционно не могло быть предметом официальных научных исследований. Лишь со сменой политического курса и реабилитацией казачества стали появляться немногочисленные работы об участии казаков в Крымской войне, а исследования об участии черноморских пластунов в ней носят единичный характер.

Кубань и Крым – близкие соседи, история которых тесно переплетена. Последнюю четверть века их судьбы тесно связаны с Российским государством. Вместе они вошли в состав империи в 1783 г. и стали форпостами на южной границе России, ее оплотом на Черном и Азовском морях. Первоначально они даже подчинялись единому региональному руководителю – Новороссийскому генерал-губернатору. Людей и регионы сближают общие беды и трудности, наиболее серьезными из которых являются войны. Зачастую именно в период боевых действий уроженцы Кубани оказывались в Крыму, сражаясь в рядах русской армии. Одним из таких примеров стало участие казаков Черноморского войска в Крымской войне 1853–1856 годов.

После начала боевых действий и возникновения угрозы союзных десантов на крымском побережье в Крым были отправлены 2-й и 8-й пластунские батальоны [5]. С территории Кубани батальоны двинулись через Керченский пролив 27 июня 1854 года. С 3 июля участвовали во фронтовых учениях под Феодосией. К Севастополю черноморцы подошли 2 сентября, где объединились с армией В.А. Корнилова. Одеты были черноморцы очень неказисто – в свои изношенные паназиатские шаровары, чекмени да папахи [6]. В.А. Корнилов снабдил одеждою черноморские пешие 2-й и 8-й батальоны, которые крайне в этом нуждались. Нижние чины этих батальонов совершенно обносились от продолжительной службы и непрерывного движения.

Подходя к Симферополю, они были встречены толпою любопытных и одним из генералов, осматривавших все войска, входившие в город. Стояла жара, для облегчения похода генерал приказал идти вольно и поднять полы шинелей, на что командир батальона ему ответил, что это невозможно, «бо е богацько таких що бэз штаныу» [3, с. 40]. Черноморские пластуны обращали на

себя внимание своим полуазиатским, изношенным до крайности костюмом. Одеты в чекмени, папахи, шаровары различных цветов и узоров, они имели на ногах пастолы – обувь без твердой подошвы из сырой, невыделанной воловьей кожи. Смотри на оборванную одежду пластунов, на их неуклюжий вид, на отсутствие военной выправки, солдаты первое время посмеивались над этим войском, состоявшим преимущественно из людей малорослых и пожилых, между собой называя их пряничным войском.

Конечно, их вид мог обескуражить кого угодно. В то время показуха и формальный подход наблюдались во всем и во всех видах боевой учебы, в том числе в тактической и стрелковой подготовке войск. Во время обучения солдат, вспоминал генерал-майор Н. Горсеванов, в войсках «постоянно стреляли холостыми зарядами и только как исключение в цель... В батальоне все внимание людей обращено было на то, чтобы по команде “Пли!” спустить курок одновременно, что и исполнялось с редким единством; зато никто не думал метить... производилась пальба батальонным огнем, и все это холостыми зарядами в воздух» [10].

Внешний вид черноморских пластунов вносил диссонанс в русское войско. Считается, что самое удачное, краткое и образное определение пластунов дал И.Д. Попко: «Особенный, единственный в своем роде разряд стрелков-разведчиков, предприимчивых, мужественных, неусыпных...» [9, с. 67]. Известный историк, знаток казачьей старины Ф.А. Щербина характеризовала их как храбрых застрельщиков, лазутчиков и умелых разведчиков, способных находить выход из любой сложной ситуации. Постоянные трудности и опасности выковали морально-психологический тип пластунов – людей, которым были присущи сила, ловкость и бесстрашие, сочетавшиеся с природным благодушием и неприязнательностью к бытовым условиям [12, с. 102]. Мальчик-казак уже в пятилетнем возрасте постигал основы боевого искусства, готовился к войне. Его учили специальным приемам джигитовки, владению саблей (шашкой) в правой и левой руке. Со временем приходил определенный опыт, и молодой казак в бою умело использовал центр тяжести своего тела. Даже некрепкий с виду юноша мог одним ударом разрубить противника до седла.

Такая работа с оружием сильно отличалась от искусства фехтования, которое из Европы перенеслось в Россию. Казачье боевое искусство – это не только умение рубить, но и уходить из-под удара. Казак легко уходил из-под двух шашек. Впрочем, лишившись в бою и коня, и шашки, казак оставался чрезвычайно опасным. Опытный боец мог ударом ноги сломать ногу вражескому коню. А нагайку использовали в качестве пращи, швыряя камень метров за двести.

Пластуны в совершенстве владели боевым казачьим искусством. Однако для их деятельности этого было мало. Поэтому они ко всему прочему оттачивали до совершенства умение оставаться незаметными, быстро и бесшумно перемещаться, терпеливо сидеть в засаде, вслушиваясь в звуки, разбираться в следах и многое другое, что необходимо разведчику. Днем и ночью пластуны лежали в секрете (дозоре), высматривая, не переходят ли реку горцы. По следам безошибочно определяли численность и планы неприятеля. Враги их называли не иначе как «урус-шайтан». Служба пластунов проходила в частом чередовании томительного, бездеятельного ожидания с жестокими схватками. Это породило особый тип воина. Пластунами были в большинстве своем люди среднего возраста, поскольку считалось, что молодые казаки слишком горячи для этого дела, а к старости – уже тяжелы. В пластуны выбирались лучшие стрелки. В пластунском лексиконе существуют термины, характеризующие боевые действия казаков: «выстрел на хруст» – способность поражать любую цель при плохой видимости или ее отсутствии; «волчья пасть» – умение провести молниеносную разящую атаку, «лисий хвост» – искусство заматывать свои следы при возвращении с задания [11]. Вот такие в будничном убранстве, «голытьбовые» с виду воины составляли цвет казачьего войска, его особое почетное сословие [7].

«Пряничное войско» стало вскоре образцом для смеявшихся. Пластунам принадлежат самые отважные подвиги, начавшиеся со дня вступления их в Севастополь; им же принадлежит самая трудная передовая служба – секреты, которые они содержали во все время осады Севастополя, почти под носом неприятеля [3, с. 41].

Спустя 10 дней после прибытия в Севастополь, 13 сентября 1854 г., пластуны уже действовали при фланговом движении на-

ших войск к Бахчисараю для занятия позиций по реке Каче. Спустя месяц, 13 октября 1854 г., при наступлении наших войск под командованием генерал-лейтенанта Липранди на Кадыковские высоты пластуны особо отличились в овладении четырьмя редутами неприятельских позиций возле Балаклавы. Здесь пластуны первый раз показали свое молодечество в большом бою и обратили на себя внимание. Они стреляли очень метко и сразу осаживали неприятельских стрелков. У них были нарезные штуцера, немного разве уступавшие усовершенствованному оружию противника. Пластуны спокойно шли против артиллерийского огня и отбили две атаки африканских конных егерей с чувствительным для них уроном; 120 пластунов находились в застрельщиках впереди линии Владимирского пехотного полка, двигавшегося против одной из неприятельских батарей. Они были рассыпаны по ложине, усеянной изредка мелкими кустарниками, и здесь на них налетел полуэскадрон знаменитой французской кавалерии с высоко поднятыми и ярко блестящими на солнце саблями.

Теоретически конник в то время имел большое преимущество перед пешим воином. Но пластуны доказали обратное. Они не стали строить кучек, как были в рассыпке, и каждый человек верным выстрелом с колена положил перед собой на скакавших на них кавалеристов; остальных пронесли лошади в интервалы и тут казаки произвели настоящую бойню между расстроенным и совершенно растерявшимся неприятелем. Немного всадников ускакало назад, немалая часть их осталась пешими и искала спасения в бегстве. Пластуны бросились за ними, гнали с полверсты и убивали их вдогонку. Тогда на них пошел другой полуэскадрон, но и тот перемешался с казаками и был почти истреблен; причем взяты и пленники. Самое интересное, что казаки не потеряли ни одного человека, лишь несколько человек были слегка поранены саблями. Пластуны в этом сражении показали свое полное превосходство над цивилизованным противником, заставили уважать себя. О них заговорили все участники боевых событий этой войны [2].

Казаки 28 ноября 1854 г. захватили неприятельскую батарею, но при отступлении потеряли несколько человек убитыми, над трупами которых французы глумились весь следующий день. Насту-

пившей ночью Порфирий Семака совершил беспримерный поступок, выкрыв из-под самого носа неприятеля тело своего товарища [12, с. 104]. Командующий русской армией в Крыму князь М.Д. Горчаков в одном из своих приказов отмечал: «Служение сказанных (пластунских) батальонов под Севастополем при блистательной храбрости... выходит из черты обыкновенных военных заслуг». А командующий французской экспедиционной армией маршал Сент Арно заявлял: «Какие-то казаки парализуют все осадные работы, до единого выбивают всю прислугу штурмовых батарей» [8]. Удаль наших штуцерных (пластунов) продолжает нас тешить и надоедать неприятелю, писал В.А. Корнилов царю [3, с. 49].

Настоящее поле деятельности черноморских пластунов было под стенами Севастополя. Так как при его осаде боролись две многочисленные армии на очень близком расстоянии одна от другой, то передовая аванпостная служба здесь была самой тяжелой и опасной. С каждым днем неприятельские траншеи придвигались все ближе к городу, возводились новые реи, велись мины, – и за всем этим приходилось следить пластунам там, где это входило в линию их расположения. Чтобы воспрепятствовать неприятелю в работах, из Севастополя на спорные пункты высылались русские войска, выходявшие вперед нашей артиллерийской линии, а впереди этих войск, в свою очередь, действовали пластуны. Таким образом, пластунская служба была здесь, так сказать, передовой даже в передовых отряда [4, с. 35]. После боев, к весне 1855 г., из 1500 человек бывшего в Севастополе наличного состава пластунов Черноморского казачьего войска остались в строю только около трехсот. Эти огромные потери заставили командование вывести из Севастополя 1-й и 2-й казачьи батальоны для переформирования. Уже 14 сентября они получили Георгиевские знамена с надписью «За примерное мужество при обороне Севастополя 1854 и 1855 годов». М.Д. Горчаков лично прощался с черноморскими казаками. А на рабочем столе императора Александра II стояла небольшая скульптура, запечатлевшая севастопольского пластуна.

Казаки-пластуны находились в Крыму с сентября 1854 года. Сначала участвовали в армейских сражениях, после которых по-

пали в Севастополь и не случайно сражались на 4-м бастионе, где происходили основные бои по защите города. После первых же боев о пластунах заговорили все, так как их боевое мастерство находилось на таком высоком уровне, что цивилизованный противник так и не смог ему ничего противопоставить. На этом участие пластунов Черноморского казачьего войска в Крымской войне не окончилось, по дороге казакам предстояла еще битва в Геническе, станице Голубицкой и Темрюке, то есть участие наших казаков в обороне Севастополя – это не единственный эпизод их борьбы за Крым, но это уже другая история.

Список литературы

1. Белгородская, Л. В. Военная история России в англо-американских энциклопедических изданиях [Электронный ресурс] // Л. В. Белгородская // Военно-исторический журнал. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2014/05/voennaya-istoriya-rossii-v-anglo-amerikanskix-enciklopedicheskix-izdaniyax>. – Загл. с экрана.

2. Винокуров, В. В. Бриньковские пластуны в Крымской войне / В. В. Винокуров [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://brinkov-stanica.narod.ru/01_brinkov/05_dorev-istor/06_dorev-plastunKrimVoyna.htm. – Загл. с экрана.

3. Дубровин, Н. О. История Крымской войны и обороны Севастополя / Н. О. Дубровин. – Т. 2. – СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1900.

4. Казачество на Ставрополье : учеб.-метод. пособие. – Ставрополь, 2011.

5. Киселев, И. В. Участие кубанцев в боях за Крым и его современное значение [Электронный ресурс] / И. В. Киселев // Кубанское казачье войско : [офиц. сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://slavakubani.ru/military-service/history-wars-battles/detail.php?ID=2901>. – Загл. с экрана.

6. Крымская война. Боевая слава кубанского казачьего войска [Электронный ресурс] // История Кубанского казачества : [офиц. сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kuban-cossacks.ru/boevaya-slava-kubanskogo-kazachego-vojska/krymskaya-vojna>. – Загл. с экрана.

7. Мринский, Н. Казаки-пластуны [Электронный ресурс] : [офиц. форум амурских, уссурийских и сахалинских казаков] / Н. Мринский // Майдан казаков Дальнего Востока. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kazaki-ukv.forum2x2.ru/t74-topic>. – Загл. с экрана.

8. Обозный, Н. Кубанские пластуны [Электронный ресурс] : [электрон. альманах об истории г. Невинномысска] / Н. Обозный. – Невинномысский хронограф. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.nevchronograph.ru/publications/14>. – Загл. с экрана.

9. Попко, Д. И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / Д. И. Попко. – СПб., 1858.

10. Стрельников, В. А. Влияние боевой выучки на моральный дух русской армии (вторая половина XIX в.) [Электронный ресурс] / В. А. Стрельников // Военно-исторический журнал. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://history.milportal.ru/2013/03/vliyanie-boevoj-vyuchki>. – Загл. с экрана.

11. Хорошулин, В. «Скрываясь, будто звери по тернам и камышам...». Казаки-пластуны как прообраз спецназа [Электронный ресурс] / В. Хорошулин // Офицеры России : [информ. портал]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://officery.ru/security/3880>. – Загл. с экрана.

12. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска / Ф. А. Щербина. – Т. 2. – Екатеринбург, 1913.

DEFENSE OF SEVASTOPOL. PLAST BLACK SEA COSSACK ARMY IN THE CRIMEAN WAR

Cheshenova Tatyana Valeryevna

PhD in Political Science,
Associate Professor of International Relations and Linguistics
Novorossiysk branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute
Signal.5@mail.ru
Chelyuskintsev St., 14, 353915 Novorossiysk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the defense of Sevastopol during the Crimean War. Plast participation of the Black Sea Cossack Army. The characteristics of these extraordinary warriors are not even taken seriously at first, and that after the first battles have become an example to follow. Specifies the peculiarities of doing battle scouts. We consider some combat operations involving Plast.

Key words: Crimean War, the defense of Sevastopol, the Black Sea Cossack army, scouts, fancy riding, sword, martial arts Cossack.

УДК 94(470+571)“1853/1856”:623.44

ББК 63.3(2)521.2-68

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ПРОИЗВОДСТВО СТРЕЛКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ В РОССИИ

Шумкин Георгий Николаевич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Института истории и археологии УрО РАН

shumk@mail.ru

ул. С. Ковалевской, 16, 620990 г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринимается попытка пересмотреть сложившиеся в исторической науке представления о причинах низкого уровня стрелкового вооружения русской армии в годы Крымской войны. Делается вывод о том, что глубинные причины сложившейся ситуации заключались в противоречиях между военным и горным ведомствами, а также в препятствиях технологического характера (несоответствие железа предъявлявшимся требованиям).

Ключевые слова: Крымская война, военное производство, оружейные заводы, горные заводы.

Состояние стрелкового вооружения было одним из факторов военно-технического характера, которые привели Россию к поражению в Крымской войне. Если у союзников винтовкой был вооружен каждый второй солдат, то в русской армии – только каждый шестнадцатый. Причины данного положения историки ищут в состоянии оружейного производства, однако сделанные ими выводы, которые, как правило, замыкаются на специфике социально-экономических отношений, представляются слишком общими. Кроме того, исследователи под военным производством понимают изготовление готового оружия, боеприпасов и обмундирования. Выпуск сырья и комплектующих остается вне поля зрения, хотя этот аспект, совершенно очевидно, не менее значим, так как отсутствие единственной детали может сорвать сборку всего изделия. Недостаточное внимание к подобным «мелочам» приводит к ошибочным выводам и интерпретациям фактов.

Та система производства ручного стрелкового оружия, с которой Россия подошла к Крымской войне, сложилась в 1804–1810 годах. Производством оружия занимались оружейные заводы Военного министерства – Тульский, Сестрорецкий и Ижевский. Металл им поставляли казенные горные заводы Урала, находившиеся в ведении Министерства финансов. В 1804 г. были составлены правила приемки ствольного железа на основе внешнего осмотра и простейших механических проб (загиб железной полосы вокруг столба).

С самого начала функционирования этой системы качество металла вызывало нарекания артиллерийской приемки и стволозаварщиков. На оружейных заводах жаловались на его неоднородность, которая была хорошо видна на изломе; на механические включения и пузыри газа, так называемые твердины, черновины, волосовины и т. д. В отдельных партиях военная приемка выбраковывала до 90 % полос. Горные чиновники высокий процент брака объясняли «неискусством» стволозаварщиков, произволом браковщиков, а также тем, что добиться высокой степени однородности металла в принципе невозможно, так как в крице все равно будут оставаться различные примеси. До конца 1830-х гг. железо в России изготовлялось одним только кричным способом – железо восстанавливалось из чугуна в кричном горне, а затем крицу уплотняли и очищали от шлаков, обжимая ее под молотом.

До 1830-х гг. огромный процент негодного металла не вызывал особой тревоги. Вину за срыв сроков изготовления ружей оружейные заводы всегда могли переложить на горные заводы и потребовать новых партий металла. Что касается горных заводов, то они не только ничего не теряли, а даже наоборот – выигрывали от высокого процента брака. «Несходное» (то есть забракованное) железо хорошо сбывалось на рынке по ценам, значительно превышавшим расценки государственных нарядов. Это позволяло отчитаться если не вовремя выполненными нарядами, то высокими прибылями.

В 1830-х гг. началось перевооружение европейских армий быстрозарядными винтовками, которые, обладая той же скорострельностью и простотой в обращении, что и гладкоствольные мушкеты, стреляли в 4 раза дальше (1 200 против 300 шагов).

В 1832 г. пехота герцогства Брауншвейгского была вооружена винтовкой Ланкастера с овальным каналом ствола. На вооружение стрелковых частей Бельгии, Австрии и Сардинии была введена быстрозаряжаемая винтовка Дельвина; Франции, Пруссии и Баварии – винтовка Тувенена. В 1841 г. в Пруссии на вооружение была принята казнозарядная игольчатая винтовка Дрейзе (державшаяся в секрете до революции 1848 г.). С 1848 г. во Франции, Англии и Пруссии началось перевооружение всей пехоты (а не только стрелков) винтовками системы Минье.

В это время в России не было металла, годного даже для производства гладкоствольных ружей. В 1840-х гг. начались интенсивные поиски решения данной проблемы (интересно отметить, что в историографии железоделательные технологии, освоенные в конце 1830–1850-х гг., рассматриваются как один из первых признаков начала промышленного переворота в России, однако ключевая причина их внедрения осталась «за кадром»).

В конце 1830-х гг. на Воткинском заводе было освоено пудлингование – технология производства железа, включавшая восстановление железа из чугуна в пудлинговых печах, а затем его очистку прокаткой под валками и проваркой в сварочных печах. Возникла идея готовить стволы из пудлингового железа, обладавшего высокой степенью однородности. Однако оно плохо сваривалось и поэтому оказалось хуже кричного металла. Затем было предложено соединить обе технологии – изготавливать железо в кричном горне, а затем крицу очищать тройной проваркой в сварочной печи и прокатывать на валках. Первые малые партии трехсварочного кричного железа, отправленные на оружейные заводы в 1839–1840 гг., дали вполне приемлемый результат – выбраковывалось только 16–24 % полос; но при переходе к «валовому» производству брак увеличился в среднем до 60 %. В 1843 г. горное ведомство предложило использовать для заварки стволов железа, изготовленное контуазским (малокричным) способом, производство которого освоили в Златоустовском горном округе. Контуазское железо было одобрено оружейниками – в опытных партиях брак составлял вполне приемлемые 20–30 %. Но когда в 1846 г. была затребована большая партия ствольного железа, доля негодного металла вновь со-

ставила 60 %. С 1847 г. Гороблагодатские заводы начали поставлять контуазское железо, изготовленное по методу братьев Гранмонтань. История вновь повторилась: в опытных партиях брак не превышал 20–30 %, но при переходе к валовому производству его доля выросла до 60 % и даже до 97 % [7, с. 13–14].

В 1851 г. министр финансов Ф.П. Вронченко распорядился создать Горный совет «для изыскания лучшего способа производства ствольного железа». Совет разработал обширную программу исследований. Производились опыты по подбору чугуна, наиболее годного для изготовления ствольного железа; разрабатывались режимы предварительной обработки и методов плавления металла; проводились сравнительные испытания железа Нижнетуринского и Серебрянского заводов со шведским (оказалось, что уральское даже «превосходит шведское»); проводилось «рафинирование» (дополнительная очистка) железа, изготовленного на этих заводах, в газосварочной печи на Воткинском заводе. Но все было тщетно. Накануне Крымской войны брак в стволах составлял 43–69 % [7, с. 15–16; 9, с. 75–76].

Ситуация становилась нетерпимой. Вместо 108 тыс. пудов сходного и 31,2 тыс. пудов несходного ствольного железа, того минимума, который был установлен «Штатами и основными положениями» 1847 г., казенные горные заводы поставляли в 2–3 раза меньше. В 1848 г. они отправили оружейным заводам 44,5 тыс. пудов ствольного железа, в 1849 г. – 67,8 тыс. пудов, в 1850 – 68 тыс. пудов [10, с. 248–253]. Не то что винтовок – гладкоствольного оружия производить было не из чего. К началу Крымской войны русской армии не доставало полмиллиона гладкоствольных ружей, 50 тыс. карабинов и 31 тыс. штуцеров [4, с. 12].

Тем временем в европейских армиях стрелковые части уже были полностью вооружены быстрозарядными винтовками. Не имея возможности наладить производство винтовок своими силами, правительство обратилось к европейскому опыту. С 1843 г. бельгийские оружейники поставляли в русскую армию так называемые литтихские штуцеры, стрелявшие прицельно на 1 200 шагов – в два раза дальше русских штуцеров и в четыре раза дальше гладкоствольных ружей.

Конфликт артиллерийского и горного ведомств достиг высшей фазы. В Военном министерстве стали прорабатывать схемы поставки ствольного железа из-за рубежа или с частных заводов. Чтобы доказать высокое качество железа горных заводов, Министерство финансов в 1850-х гг. специально построило новый оружейный завод [10, л. 112–115]. Место для него было выбрано рядом с Нижнетуриным заводом, считавшимся лучшим железодельным предприятием; приглашены бельгийские мастера для обучения рабочих оружейному делу. В 1854 г. началось строительство завода. Проектировщики завода Б.Г. Глинка и Ф.И. Баумгартен планировали, что завод будет работать на принципиально новых для оружейного дела технологиях – ружья предполагалось изготовлять не вручную (как это было принято во всем мире), а на станках. Однако недочеты в проекте и в оборудовании, противодействие сторонников традиционных технологий – все это задержало пуск предприятия. Завод, названный в честь Николая I «Николаевским», был пущен только в 1857 году. Планировалось, что ежегодно на нем будет выпускаться 5 тыс., а в перспективе – 50 тыс. нарезных ружей. Но он проработал только три года, изготовив 1 236 ружей. В 1860 г. Николаевский завод был остановлен [11, с. 145–147].

Причиной его остановки, помимо низкой производительности (в принципе, вполне ожидаемой для нового предприятия с неопытным коллективом), была потеря самого смысла в существовании этого особого, находившегося в ведении горного ведомства, оружейного завода – доказывать качество ствольного железа было уже некому. В Военном министерстве решили изготовлять металл для стволов самостоятельно.

Армия не могла больше ждать, когда горное ведомство закончит затянувшиеся опыты со ствольным железом. Высокий процент негодного металла создавал целый комплекс проблем: увеличивались расходы на содержание оружейных и горных заводов; убыток за «весь брак в стволах» несли оружейники, «от чего ввергались в «бедственное положение»; увеличивалась «действительная стоимость готового оружия» и, это основное, – «при огромном браке чрезвычайно замедляется выделка оружия»; перевооружение русской армии винтовками откладывалось на неопределенное

время. Если во французской армии во время Крымской войны винтовками был вооружен каждый третий солдат, в английской – каждый второй, то в русской – только каждый двадцатый.

В начале 1850-х гг. военные окончательно определили для себя причину низкого качества металла – несоблюдение на горных заводах производственных технологий. Проведенные опыты утвердили их в данном мнении. В 1852 г. на Санкт-Петербургском арсенале было заново проварено железо, забракованное Сестрорецким заводом, в результате негодным для заварки стволов оказалось только 20–31 % металла. Аналогичная картина наблюдалась в Бельгии, где велись опыты с уральским железом. Брак при машинной заварке (без перековки металла) достигал 79 %, при ручной заварке с обязательной перековкой – только 9 % [8, с. 111].

В 1855 г. Военное министерство заключило контракт с братьями Гранмонтань на организацию производства контуазского железа на Ижевском заводе. Уже на следующий год были получены весьма успешные результаты. В 1857 г. система «обязательного приема ствольного железа с казенных горных заводов» была ликвидирована [7, с. 12, 19]. Ижевский железодельательный завод стал единственным поставщиком ствольного железа. Ежегодно он изготовлял до 76 тыс. пудов этого металла, в целом удовлетворяя потребности оружейных заводов [3, с. 148]. Сосредоточение в Ижевске производства ствольного железа решило проблемы со стабильностью поставок этого металла оружейным заводам; 6-линейные дульнозарядные винтовки образца 1856 и 1858 гг. были изготовлены именно из этого металла [6, с. 12]. Однако перенос производства ствольного железа на Ижевский завод полностью не решил проблемы качества.

Как и прежде брак при заварке стволов доходил до 60–70 %, только теперь военным чиновникам жаловаться было не на кого. В 1859–1860 гг. были проведены опыты по рафинированию (очистке) железа, в ходе которых удалось сократить долю негодного металла до 20 %. Но никто не был уверен, что она вновь не увеличится.

Оружейники постепенно приходили к мысли о том, что железо в принципе не может соответствовать тем требованиям, которые предъявлялись к металлу для изготовления стволов. Этот металл должен быть однородным, чистым, вязким (обладать

высоким сопротивлением разрыву) и твердым. Чтобы добиться первых трех свойств, железо тщательно очищали и проваривали, но в итоге оно утрачивало твердость; «отчего приготовленные из него нарезные ружья после значительного числа выстрелов, сделаются негодными к службе» [1, л. 53]. Нужен был принципиально новый материал для изготовления стволов. Им могла быть только литая сталь: «Принятие в некоторых Европейских государствах для выделки стволов исключительно литой стали показывает, что в этом заключается едва ли не простейший и окончательный способ решения вопроса о ствольном металле» [2, л. 95 об.]. В начале 1860-х гг. оружейные заводы приступили к производству винтовок из стали немецкого производства и изготовленной Златоустовским, Пермским и Обуховским заводами. Половина винтовок, произведенных в 1860-х гг., имела железные, а половина – стальные стволы. Проблема полного перехода к использованию стальных стволов возникла с перевооружением армии «мелкокалиберной» (четырёхлинейной) винтовкой Бердана.

Таким образом, глубинные причины низкого уровня стрелкового оружия русской армии во время Крымской войны заключаются в междуведомственных противоречиях, а также в препятствиях технологического характера (несоответствие железа предъявлявшимся требованиям). Опыт, полученный Военным министерством в первой половине XIX в., когда оружейные заводы снабжались ствольным железом монополией казенных горных заводов, был усвоен хорошо. В дальнейшем военные чиновники стремились либо сосредоточить производство на подведомственных предприятиях, либо (если этого не удавалось) размещать заказы среди конкурирующих друг с другом изготовителей.

Список литературы

1. АВИМАИВиВС (Военно-исторический Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи). – Ф. 14. – Оп. 42. – Д. 358.
2. АВИМАИВиВС. – Ф. 14. – Оп. 42. – Д. 453.
3. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1858 г. – СПб., 1860.

4. Ляпин, В. А. Военное производство на казенных горных заводах Урала в первой половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Ляпин. – Свердловск : [Б. и.], 1983.

5. Отчет Главного артиллерийского управления // Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1865 г. – СПб., 1867.

6. Отчет о занятиях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. – IV. О материалах, употребляемых в артиллерии // Артиллерийский журнал. – 1857. – № 3 (отдел официальный).

7. Перечень занятий в заседаниях Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. За октябрь 1856 г. // Артиллерийский журнал. – 1856. – № 5 (отдел официальный).

8. Путилова, М. В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму / М. В. Путилова. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 216 с.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 40. – Оп. 2. – Д. 38. – Л. 112–115 об.

10. Штаты и основные положения казенных горных заводов хребта Уральского. – СПб., 1847.

11. Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. – Екатеринбург : РАПИТЕТ, 2008. – 464 с.

THE CRIMEAN WAR AND THE MANUFACTURE OF SMALL ARMS IN RUSSIA

Shumkin Georgy Nikolaevich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher
of Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
shumk@mail.ru
S. Kovalevskoj St., 16, 620990 Ekaterinburg, Russian Federatoin

Abstract. The paper attempts to revise the existing in historical science ideas about the causes of the low level of small arms Russian army of the Crimean war. It is concluded that the root causes of this situation lie in the contradictions between the military and the mining departments, as well as in the obstacles of technological nature (the discrepancy between iron requirements of device).

Key words: the Crimean war, military production, arms factories, mining plants.

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ «WARGAME» ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 930(470+571)“1811”

ББК 63.3(2)521.1-68

СОЗДАНИЕ НАСТОЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИМУЛЯЦИИ СРАЖЕНИЙ ПРИ РУЩУКЕ И СЛОБОДЗЕЕ В 1811 г. – «ВАЛАХИЯ 20» («WALLACHIA 20»)

Бухаров Виктор Юрьевич

Начальник бюро ОАО «Каустик»

victorianec@mail.ru

ул. 40 лет ВЛКСМ, 57, 40097 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья представляет собой детальный анализ поэтапной разработки и создания настольно-исторической симуляции сражений при Рущуке и Слободзее в 1811 г. – «Валлахия 20» («Wallachia 20»). Подробно освещены приемы адаптации традиционных правил и новые решения в процессе моделирования реалий Русско-турецкой войны. Также данная статья обобщает теоретический и практический опыт русско-американского сотрудничества в сфере wargame-реконструкции.

Ключевые слова: сражение при Рущуке, сражение при Слободзее, Валахия, М.И. Кутузов, Русско-турецкая война.

В 2015 г. издательством Victory Point Games выпущен варгейм в серии Napoleonic20 – Wallachia 20, игра, посвященная двум ключевым сражениям Русско-турецкой войны 1806–1812 годов. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. мало известна на Западе, да

и в России оказалась незаслуженно обделена вниманием на фоне грандиозных событий вскоре развернувшейся Отечественной войны 1812 года.

Основные сражения войны развернулись в 1811 г. – сражение при Рущуке и сражение при Слободзее. В сражении при Слободзее большая часть турецкой армии была разгромлена и попала в плен.

Долгожданный мир между Россией и Османской империей был подписан 16 мая 1812 г. – всего за месяц с небольшим до начала войны с Наполеоном. Кроме Бухарестского мира Россия получила от турок Бессарабию и передвинула свои границы на юг – с Днестра до Прута.

Результат сражения при Слободзее был шоком не только для Стамбула и Санкт-Петербурга. Наполеон в Париже негодовал: «Как можно было попасть в такую ловушку?!». Удивительным образом события Русско-турецкой войны отразились в Отечественной войне 1812 года. М.И. Кутузов оставит Москву и отойдет с русской армией, Великая армия Наполеона с триумфом войдет в древнюю столицу России. Слепленный кажущейся «победой», Наполеон не скоро поймет, в какой страшный капкан он попал, далее будет отступление, голод, морозы и гибель остатков некогда Великой армии.

Именно основным сражениям, изменившим ход войны – сражению при Рущуке и сражению при Слободзее в 1811 г., – посвящена историческая настольная симуляция (варгейм Wallachia20), выпущенная совместными усилиями российско-американской команды разработчиков.

Переговоры об этом начались с момента знакомства и интервью Алэна Эмриха (Alan Amrich) и Лэнса МакМиллана (Lance McMillan) (компания Victory Point Games) с нашим военно-историческим журналом «Стратегема» (Виктор Бухаров, Артем Харинин, Алексей Цибенко). В ходе разговора речь зашла о довольно популярной в России серии игр Napoleonic20 и сражениях, не охваченных серией. Лэнс МакМиллан заинтересовался необычной историей окончания войны с Турцией, тем более, что одним из главных действующих лиц был М.И. Кутузов.

Почитав исторические источники, мы выяснили, что в игре может быть отражено большое количество ранее не используемых в серии исторических моментов:

- противоборство малочисленной современной европейской армии образца начала XIX в. и многочисленной, но отставшей в развитии, фактически полуфеодальной армией турок;
- появление в игре нового типа частей – речная флотилия;
- сведение в одну большую кампанию двух крупнейших сражений на одном театре военных действий;
- слабо изученная и малоизвестная война эпохи Наполеоновских войн.

Много доводов «За» создание варгейма и лишь один против – в сражениях нет Наполеона и французов.

Лэнс МакМиллан, посоветовавшись с Алэном Эмриком, решил сказать «Да», и совместный российско-американский проект начался.

С чего и как начинать создание варгейма? С нашей точки зрения, для создания варгейма необходимо ответить на следующие вопросы – **Как это происходило? Где происходило? Кто участвовал?**

Для ответа на первый вопрос – «**Как это происходило?**» – мы отправились в библиотеки и Интернет. Оказалось, что не только на русском, но и на английском языке достаточно мало источников, однако сложив их вместе, нам удалось составить вполне цельную картину происходивших событий. Собственно их краткий пересказ изложен в первой части статьи и вы уже с ним ознакомились.

Второй вопрос – **Где это происходило?** Точнее – игровое поле. Естественно, с начала XIX в. не осталось никаких точных записей о ландшафте, местности, возвышенностях и прочем, только отрывочные сведения.

Воспользовавшись Google-maps и обрывками информации из источников, мы составили игровое поле.

Использованы карты, изображающие сражение 22 июня, которые нам удалось обнаружить в приложениях к исследовательской литературе, и карты, отображающие марш генерала Маркова и окружение турецких войск на левом берегу Дуная.

На основе собранных материалов появилась тестовая версия игрового поля.

Итак, мы знаем, как происходили события и где, теперь третий вопрос – **Кто участники событий?**

А вот здесь нас ожидали неприятные сюрпризы – если по регулярным частям русской армии в источниках было достаточно много информации, то по турецким частям, в основном, были обезличенные количественные записи – 30, 40, 70 тысяч. В турецком языке мы оказались не сильны и привлечь кого-то из знакомых также не удалось. Однако ситуацию спас Лэнс МакМиллан, который сумел провести тщательный поиск и найти примерный список частей турецкой армии. К сожалению, даже добытые им сведения нельзя признать идеальными, так как кроме двух янычарских бунчуков – Болюка и Джемаата – остальные части являются по сути абстракциями, которые просто отражают долю тех или иных формирований или родов войск в турецкой армии. Поясним. Так, например, несколько видов кавалерии (Дели, Сипахи, Гариплер и пр.) вполне могли перемешиваться в рамках других формирований, подчиненных тому или иному паше. Аналогично ситуация обстоит и с феодальной массой пехоты. В данном случае исключением стал только отряд болгарских ополченцев Кирджали, который был обнаружен нами в источнике как самостоятельно действующая тактическая единица.

После такого успеха дело осталось за малым – масштабирование частей в рамках игровой системы. Заметим, что стандартной практикой для данного масштаба является корпусной уровень организации фишек. Но в таком случае, учитывая небольшую численность сторон, в игре могло находиться всего 3–4 фишки, что сделало бы ее неинтересной. Поэтому было решено в данной симуляции смоделировать все на дивизионный масштаб, при котором 1 единица боевой мощи эквивалентна 2 000 русских или 3 000 турецких солдат. Кроме того, в связи с тем, что правила позволяют гибко отображать качество боевой подготовки войск, большая часть турецких частей несет те или иные штрафы, что в целом позволило лучше показать низкую боеспособность большей части турецкой армии. Так появилась тестовая версия каунтеров частей.

Теперь у нас в наличии знание исторических событий, игровое поле, части и последний подготовительный этап в рамках создания варгейма – создание достоверных карт событий.

При создании игровых карт случайных событий необходимо учитывать как реально случившиеся события, так и гипотетические. Главное при создании карт – стараться соблюсти баланс и достоверность между положительными и негативными событиями для каждой из сторон в рамках исторических реалий.

Удалось это или нет, может показать только... **Тестирование!**

Множество тестовых партий с новыми игроками и ветеранами серии. Первоначально, накидав состав армий, мы выясняли, смогут ли русские в этом составе сдержать турок, и не прорвутся ли они слишком быстро к лагерю. На это ушло не так много времени и партий, Лэнс свое дело знает очень хорошо, и первоначальный план игры был готов – оставалось перейти к «тонкой и точной настройке».

Для ускорения тестирования был создан игровой модуль в системе ZunTsu, и именно на нем проходили «обкатку» все новые идеи, которые или принимались, или отвергались, или, видоизменившись, опять же тестировались.

Так появились егеря, имеющие бонус при ведении боя в лесу.

При тестировании мы столкнулись с тем, что несмотря на не столь высокие боевые качества турок, они благодаря своей многочисленности просто обходят русские части, и вся игра сводится к тому, что русские стремительно откатываются к реду. Поэтому мы задумались о том, как отобразить то, что турецкие войска хоть и были в массе своей весьма многочисленны, однако же управлялись из рук вон плохо. Так появились броски на командование – перед началом своего хода игрок за турок должен бросить кубик и выяснить, скольким отрядам он сможет отдать приказ. Таким образом достигался баланс между отлично вымуштрованной, но довольно малочисленной русской армией и многочисленными, но своевольными турками.

В процессе тестирования Лэнс подал идею, как еще лучше отобразить эту разницу в управлении войсками. Так появились войска с белыми и желтыми цифрами. Белая цифра означает, что часть

не проходит тест на отступление, а сразу вынуждена отступить (что показывает нестойкие моральные части), а желтая цифра в атаке – что прежде чем атаковать, за эту часть должен бросаться кубик, и если результат 1, то часть атакует с силой на 1 меньше; если желтая цифра в движении, то пехота при удачной атаке не может продвинуться, а кавалерия наоборот – обязана это сделать.

Все это было сделано с целью достичь максимальной асимметричности сторон, и при этом нужно было строго следить за балансом. Первоначально, после первых десятков партий, выяснилось, что русские побеждают в подавляющем большинстве случаев. Почти гарантией победы было загнать самую сильную русскую часть в редут и успешно его оборонять – как правило, турки не могли взять редут при таком раскладе (причем пробуя самые различные варианты – и атакуя в лоб, и пробуя обойти справа или слева, и заставляя русских «вязнуть», а самим стремиться обойти). Но после изменения правил теперь не все так просто – русским приходится по ходу боя принимать важные решения: пытаться откатиться сразу к укреплениям, отдавая инициативу туркам и рискуя сходу пропустить сильный удар, или же отступать постепенно, удерживая турок от опрометчивых решений, грамотно используя артиллерию и егерей. И то, и другое действие имеет как плюсы, так и минусы, поэтому важно не терять нить игры, сполна используя тактические карточки и ошибки соперника.

При изучении истории битвы выяснилось, что суда на Дунае сыграли свою роль в сражении, и было решено попробовать ввести их в игровой процесс, не сломав баланс. Алэн Эмрик, изучив наши доводы, дал на это добро, и в тесты вводится фишка речных судов.

О тактических картах. Первоначально задумывался один большой сценарий, затрагивающий сразу две битвы (от результатов первого боя зависело, состоится ли вообще второй), и поэтому задумывалась одна колода тактических карт. Но в ходе тестов мы поняли, что потенциал получающейся игры таков, что мы вполне можем сделать два интереснейших сценария в рамках одной игры, и получатся фактически 2 игры! Состав карт вполне традиционен, но вместе с тем мы постарались отобразить особенности сражений.

Стоит отметить иллюстрации на картах, дизайн фишек и игровой карты, а также общее качество изготовления игры. В этом VPГ достигла новых высот. А за дизайн необходимо благодарить Мишеля Болла (Michelle Ball), Кларка Миллера (Clark Miller), Ричарда Старка (Richard Starke), Тима Аллена (Tim Allen).

Благодаря ZunTsu, Skype и Интернету тестирование проводилось в режиме диалога между российской командой разработчиков и Лэнса МакМиллана в США. Что сказать – уникальный опыт, яркие впечатления и отличное настроение в ходе работы!

Особую благодарность хочется выразить всем участникам тестовых партий. Только создав игру, начинаешь понимать, сколь сложен и тяжел, кропотлив и затратен по времени путь тестирования. Десятки, если не сотни партий требуются чтобы пройти кажущийся столь легким путь от идеи до воплощения в реальности. Так что спасибо вам всем, участники команды!

На этом я заканчиваю свой рассказ об уникальном опыте американско-российского сотрудничества в создании варгейма и искренне надеюсь, что игра Wallachia20 придется по душе как ветеранам настольных битв, так и новичкам в мире варгеймов.

Список литературы

1. М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. 3. 1808–1812 / под. ред. Л. Г. Бескровного. – М. : Воениздат, 1952. – 1071 с.
2. Жилин, П. А. Михаил Илларионович Кутузов / П. А. Жилин. – М. : Воениздат, 1979. – 422 с.
3. Жилин, П. А. Разгром турецкой армии в 1811 г. / П. А. Жилин. – М. : Воениздат, 1952. – 62 с.
4. Огарков, Н. В. Рушукское сражение 1811 г. // Советская военная энциклопедия. Т. 7. / под ред. Н. В. Огаркова. – М. : Военное изд-во М-ва обороны СССР, 1980.
5. Шефов, Н. А. Самые знаменитые войны и битвы России / Н. А. Шефов. – М. : Вече, 2000. – 526 с.
6. Серенький, В. Рушук [Электронный ресурс] / В. Серенький // Гусары в войнах. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kulichki.com/gusary/istoriya/voyny/bitvy/ruschuk/>. – Загл. с экрана.

**CREATING OF TABLE HISTORICAL SIMULATION
OF ROUSSE AND SLOBODZIA BATTLES,
1811 – “WALLACHIA 20”**

Victor Yurievich Bukharov

Bureau Master of OAO “Kaustik”
victorianec@mail.ru
40 let VLKSM, St., 57, 40097 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article poses detailed analysis of the development and creation a table historical simulation of battles during Russo-Turkish war of 1806–1812 – battle of Ruse and battle of Slobozia (“Wallachia20”). It comprehensively covered methods of adaptation of the traditional rules and innovative decisions in the process of the Russian-Turkish war reality modeling. Also this article summarizes theoretical and practical experience of Russian-American cooperation in the field of wargame-reconstruction.

Key words: Battle of Rouse, Battle of Slobozia, Wallachia, Mikhail I. Kutuzov, The Russo-Turkish war.

УДК 94(597)“1965/1972”:355.559

ББК 63.3(5Вье)63-68

**СИМУЛИРОВАНИЕ АСПЕКТОВ
ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ
НА ОСНОВЕ ИГРЫ «DOWNTOWN:
AIR WAR OVER HANOI, 1965–1972»**

Василенко Сергей Владимирович

Специалист по логистике

ООО «Мир Моделей»

s_vassilenko@mail.ru

ул. Марата, 86, 191119 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Военно-исторический клуб «История сквозь призму варгеймов» при СПб ГБУК ЦГПБ им. В.В. Маяковского, г. Санкт-Петербург занимается проведением встреч, посвященных военным событиям отечественной и мировой истории. Основные задачи клуба – популяризация истории, развитие патриотизма. Пример работы клуба проиллюстрирован в представленной статье. Данная игра представляет интерес и рассматривается как симулятор в силу детального отображения нюансов воздушной войны 1960–1970-х гг., а так же за то, что в основе сценариев игровых заданий используются реальные операции, проводимые в ходе войны во Вьетнаме. Огромное внимание в игре уделено стадии планирования предстоящих операций, что максимально приближает ее к командно-штабным играм.

Ключевые слова: Военно-исторический клуб, «варгейм», штабная игра, симуляция, Вьетнам, воздушная война.

«Downtown: Air War Over Hanoi, 1965–1972» – варгейм, посвященный воздушным операциям во время Вьетнамской войны за авторством Ли Бриммикомб-Вуда (Lee Brimmicombe-Wood) [3].

Игра вышла в далеком 2004 г. и собрала внушительный комплект наград:

– 2004 Charles S. Roberts Best Modern Era Boardgame Winner;

– 2004 Charles S. Roberts Best Wargame Graphics Winner;

– 2004 James F. Dunnigan Award Winner.

О том, что такого уникального в *Downtown: Air War Over Hanoi*, расскажем в отчете о проведенной игре.

Необходимое уточнение: изначально игра, как и большинство варгеймов, рассчитана на 2 игроков – игрок за ДРВ и игрок за США. Данный подход не позволяет отразить штабную работу в полной мере, как на этапе планирования, так и на этапе выполнения того или иного задания. В связи с этим было решено привлечь трех игроков за сторону США – по количеству соединений с различными задачами: CAP – группа свободной охоты, Iron Hand – группа огневого подавления средств ПВО и ударная группа.

Задание: D3: *You Keep Me Hangin' On*.

Данное задание датировано июлем 1966 г. и предусматривает один из рейдов против объектов на территории Демократической Республики Вьетнам, в рамках проводимой Американскими ВВС и ВМС операции *Rolling Thunder* – серии бомбардировок, проводившихся с перерывами со 2 марта 1965 по 2 ноября 1968 года. В ходе этих налетов Северному Вьетнаму был нанесен ущерб в размере 70 млн долларов, что обошлось США в 460 млн в 1965 году. В 1966 г. расходы на нанесение противнику ущерба в размере 94 млн долларов возрастали до 1 247 млн [1, с. 387]. Это, в сочетании с высокими потерями и тем обстоятельством, что в определении объектов ударов военные были сильно ограничены в силу политических причин, привело к тому, что операцию нельзя назвать успешной.

Цель: 8–9 *Haiphong POL storage*. Цель определяется по броску кубиков из списка целей к каждому заданию. Цель определена как *Haiphong POL storage* (Хранилище ГСМ в Хайфоне, гекс 2411). Начиная с июля 1966 г., хранилища ГСМ рассматривались одними из первостепенных целей, наравне с железнодорожными мостами, портовыми сооружениями и прочими значимыми инфраструктурными объектами [5, p. 57].

В ходе подготовки решено было выбрать авиагруппу авианосца «Орискани» ввиду лучшего уровня подготовки пилотов (*Veteran*). Отражая действительность, данное задание D3 (далее D3) позволяет игроку за ДРВ выбирать, будет ли он использовать ЗРК либо истребители для отражения налета. На первых

порах у операторов ЗРК в ДРВ возникали сложности с определением целей, ввиду чего ЗРК и истребители-перехватчики использовались в разные дни [2, р. 43]. Таким образом, в самом начале игры игрок за ДРВ на основе результатов «раннего оповещения» (таблица Early Warning) может принять соответствующее решение.

Исходя из предшествующих игр, было решено, что противник (игрок за ДРВ) остановит свой выбор на истребителях. Решение было принято на основании ряда факторов: а) в предыдущих играх ЗРК не удалось поразить ни одного самолета; б) в D3 впервые появляются МиГ-21 (до весны 1966 г. в воздушных боях со стороны ДРВ МиГ-21 не участвовали; основу истребителей ДРВ составляли МиГ-17) [7, р. 7]. По условиям D3 противник имеет определенное количество очков, на которые он набирает самолеты. МиГ-21 обходятся в большее количество очков, чем МиГ-17. Так же возможен набор дополнительного количества самолетов, но уже в ущерб победным очкам. Помимо самолетов противник располагает: ЗРК – 15 шт. (5 должны быть размещены открыто, остальные на выбор игрока за ДРВ), ложные позиции ЗРК – 3 шт., станции оружейной наводки – 9 шт., зенитные батареи – 9 очков на все – на выбор: легкие/средние/тяжелые.

Фото 1. Перечень самолетов, участвующих в рейде с указанием вооружения.

Звенья 100; 103; 200; 203 – группа Iron Hand – группа огневого подавления средств ПВО.

Задача: в случае применения противником ЗРК – нанесение ударов по ним с использованием ракет «Shrike», а также подавление ПВО противника в районе цели.

Звенья 101; 102 – истребители из группы «свободной охоты».

Задача: перехват МиГов и/или блокирование аэродромов противника.

Звенья 107; 201; 202; 207 – ударная группа.

Задача: нанесение основного удара.

Звенья 104; 204 – эскорт ударной группы.

Задача: сопровождение ударной группы.

Звено 106 – самолет-фоторазведчик.

Задача: фотографирование результатов авиаудара.

Downtown: US Flight Log Sheet

Date: 6/6 JUL 06 Target: Halifax POL Service: USN

Counter #	Callign	AC	#1	Gun	(#)	Bomb	Tasking	Fuel
100	Saint	A-4E	#1	Gun	(#)	CBU 4	Tasking Iron Hand	10
	AC Type	A-4E	#2	IRM	()	Strike	Mission SEAD	
	Aggression	+1	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
103	Raccoon	A-4E	#1	Gun	(#)	CBU 4	Tasking Iron Hand	10
	AC Type	A-4E	#2	IRM	()	Strike	Mission SEAD	
	Aggression	0	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
200	Firefighter	A-4E	#1	Gun	()	Bomb BOMM 2	Tasking Iron Hand	5
	AC Type	F-2E	#2	IRM	(#)	ATM-10	Mission Armed Esc	
	Aggression	+2	#4	RHM	()	Ord 2	Notes -1 Manover	
203	Shuffle	A-4E	#1	Gun	()	Bomb BOMM 2	Tasking Iron Hand	5
	AC Type	F-2E	#2	IRM	(#)	ATM-10	Mission Armed Esc	
	Aggression	+3	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
101	Falcon	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb	Tasking MIBCAP	5
	AC Type	F-2E	#2	IRM	(#)	ATM-10	Mission	
	Aggression	+2	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
102	Missile	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb	Tasking MIBCAP	5
	AC Type	F-2E	#2	IRM	(#)	ATM-10	Mission	
	Aggression	+3	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
104	Support	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb	Tasking STRIKE	5
	AC Type	F-2E	#2	IRM	(#)	ATM-10	Mission CAP	
	Aggression	+2	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
204	Bobbin	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb	Tasking STRIKE	5
	AC Type	F-2E	#2	IRM	(#)	ATM-10	Mission CAP	
	Aggression	+3	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
107	Builder	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb GP 12	Tasking STRIKE	10
	AC Type	A-4E	#2	IRM	()	Ord 1	Mission Bombing	
	Aggression	0	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
201	Clansman	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb GP 12	Tasking STRIKE	10
	AC Type	A-4E	#2	IRM	()	Ord 1	Mission Bombing	
	Aggression	+1	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
202	Silverfox	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb GP 12	Tasking STRIKE	10
	AC Type	A-4E	#2	IRM	()	Ord 1	Mission Bombing	
	Aggression	-1	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
207	Raider	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb GP 12	Tasking STRIKE	10
	AC Type	A-4E	#2	IRM	()	Ord 1	Mission Bombing	
	Aggression	0	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	
106	Escalator	A-4E	#1	Gun	(#)	Bomb	Tasking Recon	5
	AC Type	RF-36	#2	IRM	()	Ord 1	Mission	
	Aggression	-1	#4	RHM	()	Ord 2	Notes	

© Lee Brimacombe-Wood and GMT Games, LLC • PO. BOX 1308, Harford, CA 93222-1308 Permission to photocopy for personal use #0402

Фото 1

Фото 2. Полетная карта.

Желтые квадраты на краях карты – токены, обозначающие применение стационарных (корабельных) станций постановки помех. Синими стрелками намечено движение группы Iron Hand. Выход на карту от стрелки 8 на первом ходу и на сверхмалой высоте (далее –

deck) в целях затруднения обнаружения и сопровождения радарными противника. Маршрут выбран с таким расчетом, чтобы затруднить противнику определение объекта атаки. Между второй и третьей стрелками есть гекс (1509), отмеченный синим кружком на белом фоне. Это место сбора дезорганизованных в ходе боя самолетов.

Группа свободной охоты Mig CAP (CAP – Combat Air Patrol) выходит на карту на третьем ходу и направляется к районам действия (на карте обозначены белыми кругами с зеленой окантовкой). CAP Area 1/2/3 Зоны патрулирования располагаются на пути к авиабазам ДРВ: Кер (1020), Phuc Yen (1429) и Gia Lam (2127). Самолетами с авиабазы Kien-An (2413) займутся истребители из группы Iron Hand или, на крайний случай, истребители из эскорта ударной группы. Высота так же deck – перед побережьем набор высоты до medium. Есть основания полагать, что к тому моменту уже станет понятно, чем решил воспользоваться противник: ЗРК или истребителями. В первом случае истребителям не стоит вообще пересекать побережье. Во втором случае набор высоты до medium необходим во избежание огня с земли (помимо скрыто размещенных на карте ЗРК, станций оружейной наводки и зенитных батарей, игрок за ДРВ располагает еще одним «секретным» оружием). В начале каждого хода проводится проверка на случайные события. Одним из неприятных сюрпризов может явиться AAA ambush – внезапный обстрел с земли как из зениток, так и из ручного оружия. Такой огонь наиболее опасен для самолетов, летящих на deck.

Синие квадраты от стрелки 8 и до цели – маршрут ударной группы с указанием высоты и скорости. Выход на карту на deck, полет со скоростью 2 гекса в ход (Скайхоки с бомбами не разгоняются выше 3. Скорость 2 в данном случае нужна для того, чтобы дать возможность группе Iron Hand и группе свободной охоты решить свои задачи до подхода ударной группы к побережью). В конце, перед поворотом на запад, набор высоты до low. Сразу же после поворота ударная группа продолжает набор высоты до medium и ложится на боевой курс. Средняя высота негативно отражается на точности бомбометания, но позволяет избежать сильного зенитного огня [2, р. 38]. Скорость при этом увеличивается до 3. После атаки цели – красная точка с красной окантовкой на территории Хайфона – продолжение дви-

жения на запад, затем отворот на юг с набором высоты и отворот на юго-восток в сторону Yankee Station (кодвое название района крейсирования американских АУГов) на скорости 4 и высоте high.

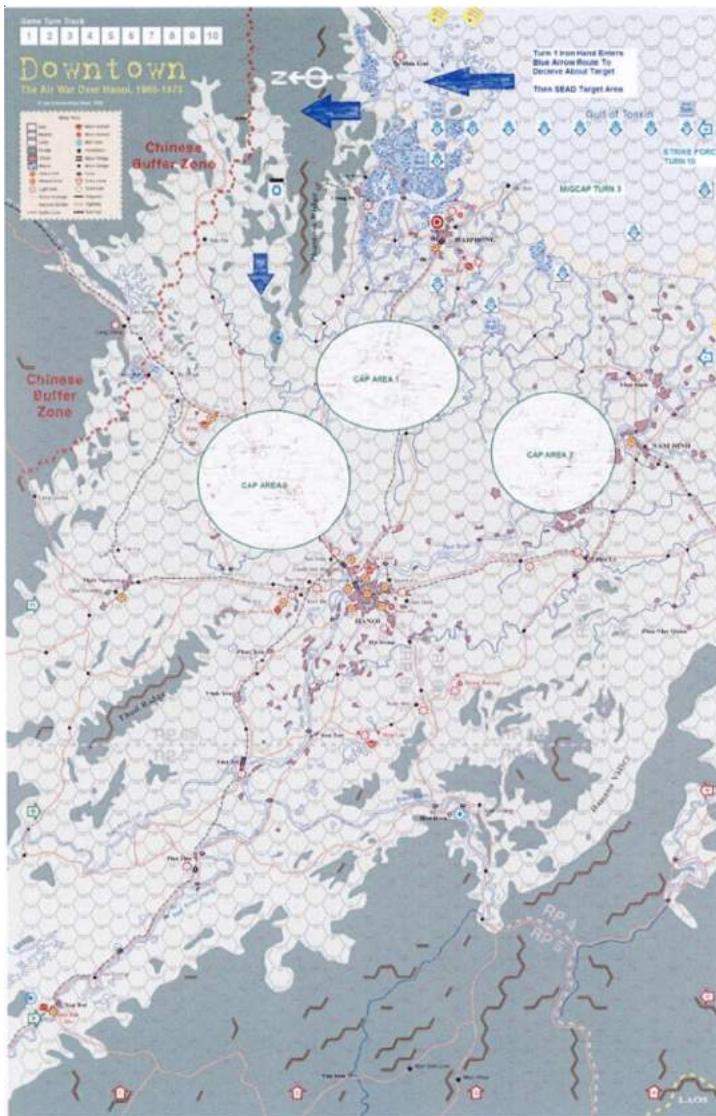

Фото 2

Фото 3. Общий вид карты перед началом игры. По условиям D3, противник имеет право открыто разместить на карте не менее 8 позиций ЗРК («разведанных» заранее). В это число входят как настоящие 5 ЗРК, так и 3 ложные цели.

Игрок за ДРВ выставил 10 ЗРК. Что уже наталкивает на мысль о том, что предстоит «MiG Day».

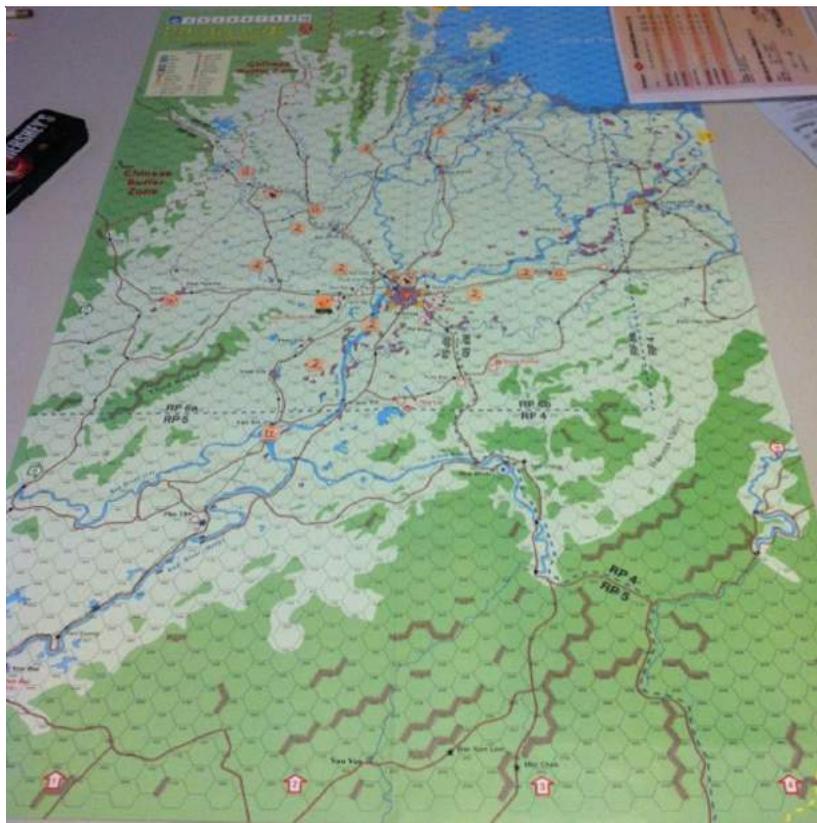

Фото 3

Фото 4. Крупным планом район Ханоя. На авиабазах Gia Lam и Кер обнаружены готовые к взлету самолеты (Ready MiG). В воздухе над авиабазой Phuck Yen уже находится 1 звено МиГов на высоте deck. По условиям D3, в случае применения ЗРК не

допускается начинать игру с самолетами в воздухе. Возможен запуск ложных целей, но уже по ходу игры. Итак, это «MiG Day».

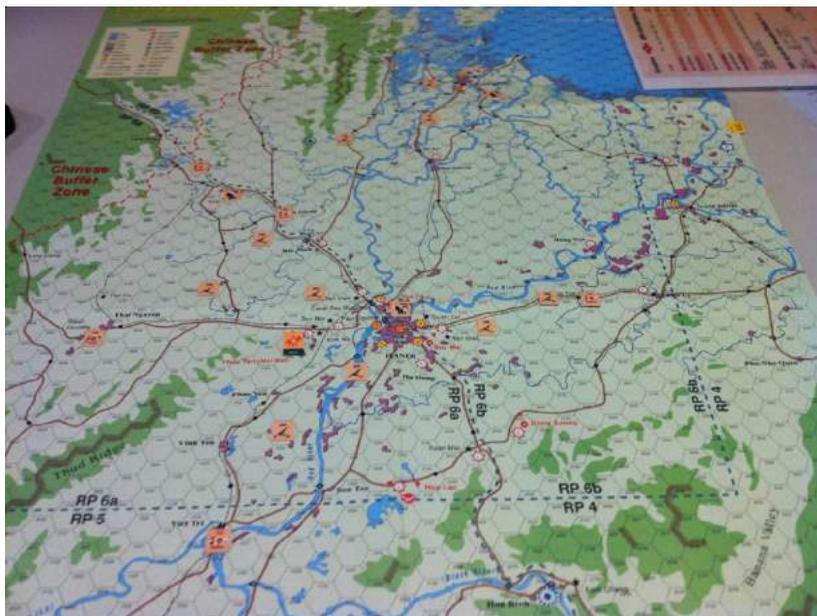

Фото 4

Ход 1. Американские самолеты заходят на карту. Это Iron Hand звенья, 100/200/103/203. Противник не может их идентифицировать. Сам поднимает еще одно звено, которое тут же опознано как ложная цель.

Ход 2. Все звенья Iron Hand обнаружены и ведутся радарами ДРВ. Противник поднимает звено самолетов с авиабазы Kien An – Звено МиГ (С).

Группа Iron Hand летит над Тонкинским заливом.

Ход 3. Группа Iron Hand продолжает движение. Все самолеты ведутся радарами ДРВ (в конце каждого хода производится проверка отслеживания воздушных целей и вполне возможно цели потерять). Звено МиГ (С) опознано как реальное (не ложная цель). Исходя из скорости, делается предположение, что это звено МиГ-17. Игрок за ДРВ поднимает дополнительные звенья. С авиабазы Gia Lam взлетает звено МиГ (Q), с авиабазы Phuc Yen звено МиГ (E).

Ход 4. Iron Hand движется по маршруту. МиГи звена (С) идут на перехват американских самолетов. В конце хода игрок за ДРВ теряет отслеживание американских самолетов.

Ход 5. Iron Hand достигает точки поворота. По «случайному событию» в начале каждого хода, в этом ходу происходит обстрел с земли из ручного оружия самолетов, идущих на deck (работает только над равниной – clear – бледно-зеленый цвет на карте). Атаковано звено (200), но безрезультатно. Звенья группы свободной охоты (101) и (102) заходят на карту.

Фото 5. 3 звена МиГов идут на восток от Ханоя (к двум звеньям добавилась ложная цель).

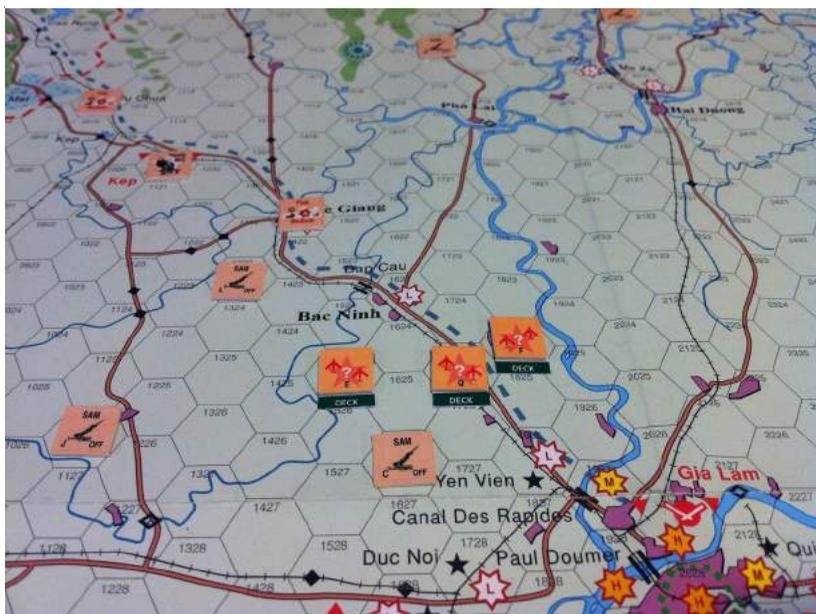

Фото 5

Ход 6. Самолеты Iron Hand снова обнаружены. Звено МиГов над Char Khe.

Ход 7. По случайному событию опять обстрел с земли. На этот раз сразу двух звеньев. Звено 103 несет потери – сбит один А-4. Пилот катапультировался. Проверка на мораль (проводится пос-

ле воздушного боя и после понесенных потерь) никаких изменений не выявила. К МиГам устремляются звенья F-8 (200) и (203).

МиГи, шедшие тремя звеньями, разделились. Два звена поворачивают к югу, навстречу американским звеньям (101) и (102), а также не появившейся еще ударной группе.

Фото 6. Виден парашют. Звенья A-4 (100) и (103) отворачивают на восток, на перехват МиГам устремляются звенья F-8 (200) и (203).

Фото 6

Ход 8. Обстрел с земли как случайное событие, но все американские самолеты успели ранее набрать высоту low. Игрок за ДРВ выбирает, что будет выполнять активацию первым, но ему не везет с токеном – 0 активаций. Игрок за США – 2 активации. Звено (203) Sheepdog атакует МиГи. У американцев есть engage, у ДРВ – нет (бросок кубов на определение, нет engage – нет атак). F-8 звена Sheepdog пикируют до deck и атакуют МиГи-17. Результат боя – 2 МиГ-17 сбито. Проверка морали – падение на 1 пункт (было +3) – так в игре отображается действие боевого

стресса, которому подвержены пилоты. В данном случае игра учитывает то обстоятельство, что F-8 превосходил МиГ-17 в маневренности на малых высотах, и при бросках кубиков учитывались дополнительные модификаторы [4, р. 39]. МиГи звеньев (F) и (Q) летят на Ю-В, при этом попадают в зону действия собственной ПВО над мостами Me Ха и Hai Duong. Без результатов (самолеты ДРВ могут беспрепятственно проходить через районы своей ПВО исключительно на deck, в противном случае они будут обстреляны) [6, р. 22].

Ход 9. В ходе идентификации целей выясняется, что звено МиГ (F) – ложная цель. И делается предположение, что, судя по аэродрому, с которого взлетело звено, и скорости полета, звено МиГ (Q) – это МиГ-21. Игрок за ДРВ выбирает первую активацию, и звено МиГ-21 атакует F-8 звена (102). Но атака неудачна, NO ENGAGE. Звено (102) контратакует, но с таким же результатом.

Ход 10. МиГи-21 направляются к ударной группе, которая появляется на карте. Звенья (101) и (102) гонятся за ними. Скорость не позволяет догнать сразу, так как даже форсаж с высоты low не разгоняет быстрее 3. Также необходим набор высоты. МиГи-21 идут на высоте high, Круссерейдеры успевают подняться лишь до высоты medium. Тем временем, на карту заходят звенья (104) и (107) из состава ударной группы.

Ход 11. На авиабазе Кер появляется очередное, готовое к взлету звено. Предполагаем, что это могут быть МиГи-21. Из ударной группы на карте уже 4 звена: 104/107/201/202. Звенья (104) и (107) ведутся радаром ДРВ. В конце предыдущего хода было потеряно отслеживание звена МиГ-21, атаковавшего F-8 (102) звена. В этом ходу контакт не восстановлен. Звенья (101) и (102) не могут визуально определить МиГи. МиГи рвутся к ударной группе. Круссерейдеры пытаются догнать их.

Ход 12. Фаза detect – идентифицируются радаром ДРВ звено (201) ударной группы и звено (103) из состава Iron Hand (в этот момент над «хребтом Фантомов» к северу от Хайфона). Звено (101) наконец-то визуально обнаруживает и опознает МиГи. МиГи-21 атакуют ударную группу, нацелившись на веду-

щее звено. Но их ждет сюрприз. Головное звено (104) – это истребители F-8 эскорта. Engage у обеих сторон. Но результаты активного маневрирования и яростной стрельбы несколько неожиданны – 0 попаданий с обеих сторон. Проверка морали после боя: F-8 – никакого эффекта, МиГи – прекращение выполнения боевого задания (abort). Далее определяется смещение групп самолетов в результате боевого маневрирования (scatter). Ударная группа продолжает полет по маршруту сквозь собачью свалку истребителей (термин «dogfight» активно применяется на западе для обозначения воздушного боя между истребителями). Звено (101) разворачивается в сторону берега: так как МиГи выходят из боя и опасности не представляют, решено не тратить на них время и боезапас (в ходе боя за каждый тип неизрасходованного вооружения добавляются дополнительные плюсовые модификаторы к броску кубиков).

Тем временем звено (100) из группы Iron Hand в ходе разворота проходит над позицией ПВО. Высота должна была гарантировать отсутствие проблем. Тем не менее, один из A-4 получает повреждения, и звено, не пройдя тест на мораль, выходит из боя.

К концу данного хода ВСЕ американские звенья оказываются на карте. В фазе проверки отслеживания целей радарными ДРВ вся ударная группа потеряна.

Фото 7. Звено F-8 Nickel (звенья в ходе атаки становятся идентифицированными, номерное обозначение заменяется на их реальные позывные) пытается атаковать МиГи, но так же безуспешно.

Ход 13. Боев нет. Ударная группа движется по намеченному маршруту.

Ход 14. Вся ударная группа вновь обнаружена. Также выясняется, что еще одно из звеньев Мигов – обманка. Звено МиГов к В-С-В от Ме Ха обнаружено. Звено (101) идет к ним на перехват. Звено (200) находится к юго-западу от Ме Ха и поворачивает на восток. Звено (103) поворачивает на юг в направлении на Хайфон. Звенья Круссердеров Superheat (104) и Nickel (102) соединяются и берут курс на обнаруженные МиГи.

Фото 7

Фото 8. Звено (103) наносит удар по батарее ПВО (AAA H) в районе цели. Результат – батарея подавлена (suppressed – 2). МиГи (E) поворачивают на перехват Звену (103).

Ход 15. Подавленная в прошлом ходу зенитная батарея в Хайфоне снова активна. Пара F-8 звена Firefighter атакует зенит-

ную батарею (AAA L) авиабазы Kien-An. Звено F-8 (101) (далее Falcon) атакует МиГи. Engage у обеих сторон. Но Круссейдеры «переманеврировали» МиГов, и те не постреляли ни разу. F-8 оказались успешнее – 1 МиГ-17 сбит, второй – поврежден. Мораль US – без изменений, поврежденный МиГ – дезорганизован (дезорганизованный самолет не может атаковать; можно восстановить порядок над точками сбора или своими авиабазами).

Фото 8

Ход 16. А-4 звена Red Cock применяет противорадиолокационную ракету «shrike». Цель – обнаружившая себя парой ходов ранее станция орудийной наводки. Так как цель вполне очевидна, радары ЗРК выключены и других станций орудийной наводки нет, игроку за ДРВ даже гадать не надо, что является объектом атаки, и расчет выключает радар (выключенный таким образом радар можно попытаться запустить в следующем ходу, выкинув 8+ на 1D10). Практика выключения радара была весьма распространена как мера противодействия противорадиолокационным ракетам [2, р. 45]. Также решено не преследовать поврежденный МиГ, ко-

торый уходит на авиабазу Kien-An (на принятие такого решения повлиял ряд факторов: во-первых, ПВО авиабазы так и не подавлена; во-вторых, воздушный бой уже выигран и нет необходимости дарить противнику лишние победные очки за наши потерянные самолеты; в-третьих, пока не известны потери ударной группы).

Тем временем, ударная группа набирает высоту, и, поворачивая на запад – на Хайфон, ложится на боевой курс. Как только ударная группа начинает поворот, звено F-8 (204) из эскорта отворачивает в сторону. Звенья F-8 Falcon и Firefighter уходят в сторону Тонкинского залива. Звено F-8 Sheepdog занимает позицию для атаки ПВО в Хайфоне. Также катапультировавшийся пилот A-4 приземлился (для того, чтобы достичь земли на парашюте, требуется 10 ходов) – (гекс 2404).

Ход 17. Звено Sheepdog атакует ПВО в районе целей ракетами. Результат нулевой. Ответный огонь ПВО также безрезультатен. Противник включает радар станции орудийной наводки, расположенной в одном гексе с целью. Скайхоки ударной группы приближаются к цели. В фазе трекинга противник вновь теряет всю ударную группу.

Ход 18. В фазе обнаружения звено Redcock вновь обнаружено. В ответ – применение «shrike». Расчет станции орудийной наводки в районе цели выключает радар. После чего Redcock уходит на юго-восток к Тонкинскому заливу. Обстрел ПВО (AAA L) в районе авиабазы Kien-An – без результата. Все F-8 над заливом. Ударная группа начинает атаку. Звено (107) – тяжелые повреждения цели. Звено (201) – тяжелые повреждения цели. ПВО над целью – все мимо.

Ход 19. Случайное событие – обстрел самолетов на сверхмалой высоте – там никого нет. Звенья (107) и (201) уходят от цели. Зенитки вреда не причиняют. Звено (202) атакует. Результаты удара – цель не пострадала, нанесен урон гражданским объектам (отрицательно отразится на победных очках). В атаку выходит замыкающее звено (207). Огонь зениток наконец достигает цели – один A-4 сбит (не стали делать броски на покидание обреченного самолета, так как все равно пилот безвозвратно потерян – сбит прямо над городом). Проверка морали – без изменений. Три оставшихся A-4 бомбят цель и результат – цель уничтожена.

Ход 20. Скайхоки ударной группы уходят от цели.

Ход – ... Решено несколько ускорить процесс. Самолет-разведчик беспрепятственно пролетел над целью.

Итог партии:

Цель – уничтожена.

Потери самолетов: США – 2 сбитых; ДРВ – 3 сбитых, 1 – поврежден, 2 вышли из боя.

После подсчета победных очков – победа американской стороны.

Общее впечатление от игровой системы – ОТЛИЧНОЕ!

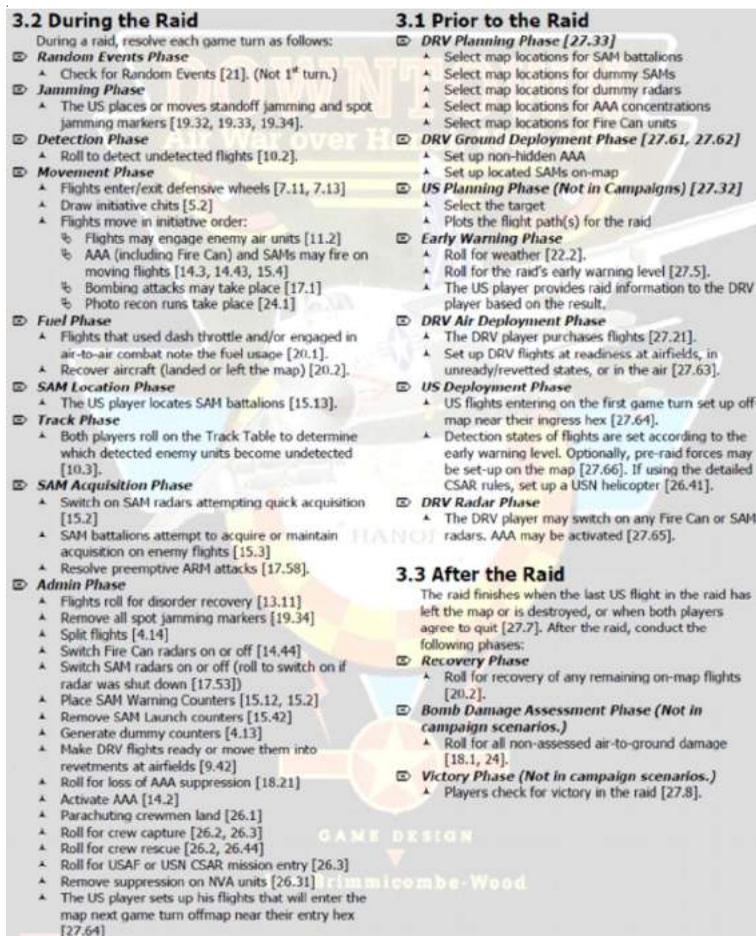

Фото 9

Огромное количество всевозможных нюансов воздушной войны 1960–1970-х гг., а так же тот факт, что миссии имеют свои исторические прототипы, позволяет называть игру симулятором. Добрая половина игрового процесса посвящена тщательному планированию предстоящей операции (именно операции, а не рандомных воздушных боев): определение объектов удара; формирование авиагрупп в рамках предстоящей задачи; выбор вооружения; организация взаимодействия авиагрупп; прокладка маршрутов к цели и обратно; расчет скорости и высот полета; планирование мероприятий по спасению сбитых пилотов с территории противника; прикрытие вероятных объектов удара системами ПВО; ведение радиоэлектронной войны и т. д. И все вышеперечисленное продумывается еще до начала игры – до того момента, как первые фишки с самолетами появятся на карте. Плата за подобную детализацию – достаточно высокий порог вхождения в правила игровой системы и большое количество действий в течение каждого игрового раунда. В качестве иллюстрации хода игрового процесса может подойти памятка действий игроков.

Список литературы

1. Дэвидсон, Ф. Б. Война во Вьетнаме. 1946–1975 / Ф. Б. Дэвидсон. – М. : Изобрафус, Эксмо, 2004. – 816 с.
2. Davies, P. F-105 Wild Weasel vs SA-2 “Guideline SAM” Vietnam 1965 – 73 / P. Davies. – New York: Osprey Publishing, 2011. – 80 p.
3. Downtown: Air War Over Hanoi, 1965–1972 [Electronic resource] // Board Game Geek. – Electronic text data. – Mode of access: <http://boardgamegeek.com/boardgame/6613/downtown-air-war-over-hanoi-1965-1972>. – Title from screen.
4. Mersky, P. F-8 Crusader vs MiG-17. Vietnam 1965 – 72 / P. Mersky. – N. Y. : Osprey Publishing, 2014. – 80 p.
5. Morrocco, J. Thunder from above. Air War, 1941 – 1968 / J. Morrocco. – Boston : Boston Publishing Company, 1984. – 200 p.
6. Toperczer, I. MiG-17 and MiG-19 Units of the Vietnam War / I. Toperczer. – Oxford: Osprey Publishing, 2001. – 96 p.
7. Toperczer, I. MiG-21 Units of the Vietnam War / I. Toperczer. – Oxford: Osprey Publishing, 2001. – 100 p.

«DOWNTOWN: AIR WAR OVER HANOI, 1965–1972
AS A SIMULATION OF AIR WAR IN VIETNAM»

Vasilenko Sergey Vladimirovich

Logistician
of OOO “Mir Modeley”
s_vassilenko@mail.ru
Marata St., 86, 191119 Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. History through wargame works at Mayakovsky Central Municipal Public Library (St. Petersburg). Our meetings highlight military and historical events of Russian and worldwide history. The main objectives of the club – popularization of history and patriotism. Club work is illustrated in the submitted article. This game is interesting and is considered as a simulator, due to the detailed display of nuances of Air War in 1960–1970’s. The heart of game tasks scripts used real operations conducted during the Vietnam War. Great attention is given to the game in the planning stage of future operations that most approximates it to the HQ games.

Key words: Military-historical club, wargame, staff game, simulation, Viet-Nam, air war.

УДК 94(37)“31 г. до н. э.”:355.559

ББК 63.3(0)323-68

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ АКЦИУМЕ

31 г. до Р. Х. В ИГРЕ «ANCIENTS»

Колесников Борис Валерьевич

Аспирант кафедры археологии, зарубежной истории и туризма
Волгоградского государственного университета
boryanVolg34@mail.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности реконструкции морских сражений в настольной военно-исторической игре «Ancients» на примере сражения при Акциуме 31 г. до Р. Х. Кроме того, в статье дается историческая критика игры в целом. Анализируется степень адекватности отражения в игре реалий и тактики данного сражения, делается вывод о степени исторической достоверности данного подхода к реконструкции военного искусства Античности.

Ключевые слова: морская баталия, реконструкция, масштаб, Акциум, квинквирема, либурна.

К 32 г. до Р. Х. Римский мир оказался на пороге очередной гражданской войны. Октавиан, претендовавший на власть в Римском мире, начал войну против Антония, а точнее, Рим вступил в войну с Египтом, которым правила Клеопатра VII – супруга и союзница Марка Антония. В конце 32 г. до Р. Х. Антоний собрал армию и флот в Центральной Греции и был готов к нападению на Италию, в то же время и Октавиан готовился к нападению на Антония.

Большая часть флота Антония и Клеопатры перезимовала в гавани за мысом Акциум. Войти в Амбракийскую бухту, в которой стояли корабли Антония, было невозможно, так как по обеим сторонам узкого входа в нее он построил башни. Марку Випсанию Агриппе, командующему флотом Октавиана, пришлось блокировать корабли Антония в гавани.

Позиции Антония на суше были сильны, но ему требовалась отсрочка, чтобы подтянуть легионы. Агриппа одержал серию побед вдоль побережья, препятствуя снабжению армии Антония [2, с. 13; 5]. К концу августа 31 г. до Р.Х. перед ним стоял выбор: либо покинуть флот и уйти с армией в Восточную Грецию, либо, прорываясь морем, предоставить армию на произвол судьбы. Решение Антония прорваться через флот Октавиана привело к битве при Акциуме 2 сентября 31 г. до Р. Х. – последней битве Римской республики.

Из античных историков, чьи сочинения сохранились до нашего времени, сражение при Акциуме наиболее полно описали Плутарх («Сравнительные жизнеописания», кон. I в. до Р. Х.) и Дион Кассий («Римская история», нач. III в.). Оба пользовались мемуарами участников и современников событий, которые до нас не дошли. Важная информация об этой битве содержится также в «Римской истории» Веллея Патеркула (кон. I в. до Р. Х.). При сравнительно кратком рассказе он довольно точно приводит диспозицию сражения.

Ряды армии Антония были ослаблены дезертирством [1, с. 83]. К тому же среди его гребных команд началась эпидемия.

В результате Антоний смог снарядить только около 230 кораблей. Корабли Антония были крупными судами – квинквиремами и еще более крупными – от шести до десяти (на флагмане) рядов весел [2, с. 23]. Такие суда имели длину от 45 м и ширину от 6 м, водоизмещение свыше 200 т. Квинквиремы обладали двумя мачтами и были оснащены абордажным корвусом – специальным мостиком, по которому на штурмуемый корабль перебежали морские пехотинцы. Кроме того, на палубе стояли тяжелые метательные машины.

В то же время флот Агриппы насчитывал 400 судов. Его корабли представляли собой легкие суда – либурны, с двумя рядами весел, длиной ок. 30 м, шириной 4–5 м, водоизмещением до 80 т.

Флот Антония был разделен на четыре эскадры. Эскадра Клеопатры включала оставшиеся транспортные суда с казной, она располагалась в тылу и, очевидно, не должна была принимать

участия в бою. Большая часть из 20 000 легионеров и 2 000 лучников, погрузившихся на корабли Антония, были распределены среди трех других эскадр.

Каковы были цели Антония? В историографии встречаются разные точки зрения. Многие историки обвиняли Клеопатру в том, что ее бегство в ходе сражения привело к поражению флота Антония. На самом деле, скорее всего, флот Антония не мог надеяться на победу, имея больные, голодные, плохо подготовленные и павшие духом команды, в то время как у противника было явное численное преимущество. Антоний знал это. Он, вопреки обыкновению, распорядился взять паруса на борт. Видимо, Антоний с самого начала предполагал возможность бегства.

Между тем Агриппа погрузил на корабли 40 000 человек и занял позицию в 1,6 км от берега, надеясь, что большие по размеру корабли Антония выйдут на открытую воду, где каждый из них может быть атакован сразу двумя его судами [3, с. 65]. Антоний, со своей стороны, попытался спровоцировать бой ближе к берегу, где его флот не мог быть окружен. Но ветер предвещал хорошую погоду. К полудню подул сильный юго-восточный ветер, который мог бы унести имевшие паруса корабли Антония далеко от флота Агриппы, паруса которого остались на берегу.

С этого момента, когда корабли Антония, поймав ветер, начали выходить из Амбракийской бухты, начинается воспроизведение событий в игре. Размер флота дан в масштабе 1 : 20 (указан в описании сценария). Антоний и Клеопатра обладают 10 универсальными фишками кораблей, Октавиан и Агриппа – 20 такими фишками. Это соответствует 200 кораблям у Антония и 400 кораблям у Октавиана. Различие в кораблях вводится путем деления их на классы – большие (квинквиремы) и малые (либурны). Разница заключается в том, что большие корабли могут перевозить больше морской пехоты и их труднее затопить. По ходовым характеристикам и способности к тарану они не отличаются, даже несмотря на то, что корабли Антония были оснащены парусами, а корабли Октавиана шли только на веслах.

Особенностью реконструкции морской битвы является то, что юниты в ней распадаются на две составляющие: ходовую и сража-

ющуюся. Первую представляют суда и их экипаж. Качество подготовки экипажа, то есть гребцов и прочих людей, отвечающих за движение судна, сильно влияет на движение и таран. В данном сценарии, представляющем битву при Акциуме, качество экипажа у обеих сторон равно трем, то есть достаточно высокое.

Битва при Акциуме, возможно, последняя из морских битв Античности, в которых использовался таран [5, с. 251]. Судно может таранить противника, если способно зайти на один с ним гекс (стыкование не производится). В зависимости от цели тарана – нос, корма или борт – определяется его эффективность. Поврежденные в бою корабли существенно теряют способность к тарану.

Наряду с тараном неповрежденные квинквиремы Антония оснащены баллистами. Они позволяют дополнительно обстрелять противника в конце хода с расстояния в три гекса.

Войны, посаженные обеими сторонами на корабли для ведения боя, в игре представлены абстрактными единицами морской пехоты. Именно они отвечают за ведение абордажа, уничтожение морской пехоты противника, захват и потопление его кораблей. Они могут обстреливать вражеские корабли из луков с двух гексов, перемещаться по своим кораблям на один гекс или идти на абордаж с соседнего гекса. В данной реконструкции количество бойцов у Антония и Октавиана уравнивали в целях игрового баланса (20 с каждой стороны), только на квинквиремах Антония они рассажены более скученно (две единицы на одной).

Следует сказать, что в игре реконструируется морская баталия, а значит все действия на суше редуцируются, хотя они и имели место в реальности и даже заложены в правилах – предусмотрена возможность высадки десанта на сушу, но в игре в этом нет смысла.

Место действия морского сражения по понятным причинам не требует определенной исторической детализации. Тем не менее, представленные в данном сценарии участки суши довольно точно изображают вход в Амбракийскую бухту.

В игре верно воспроизведена общая диспозиция флотов, хотя и не прослеживается историческое деление на эскадры в

их расположении. Либурны Агриппы построены в две линии по десять кораблей. Квинквиремы Антония построены в линию между мысом Акиум и противоположным берегом, три его фишки-корабля стоят чуть позади, в резерве. Они представляют собой эскорт Клеопатры, хотя сам корабль царицы в виде фишки не представлен по причине того, что он не предназначался для боевых действий и ввиду усиленной охраны не может быть захвачен октавианцами.

Из-за специфики морских сражений особое место в них занимают такие случайные факторы, как ветер, течения, усталость гребцов и т. д. В «Ancients» все они представлены броском кубика, который прибавляется к заданному показателю качества команды и определяет очки маневра кораблей. Все корабли могут продвинуться на один гекс вперед за два очка, назад за три очка или совершить вращение за пять очков. По поводу поворотов в игре допущено значительное упрощение, так как разворот можно осуществить к любой грани гекса. Однако высокая стоимость разворотов позволяет оставаться данной механике в рамках историчности и не делает корабли сверхманевренными. Кроме того, корабли, поврежденные тараном, метательными снарядами или в результате успешного абордажа, не прибавляют качество команды к результату броска. Это можно объяснить поломкой весел и потерями среди гребцов и матросов. Поэтому поврежденные корабли существенно менее маневренны, а тонущие корабли, естественно, двигаться не могут.

В последнюю фазу хода проходит тест на ремонт тонущих кораблей. Причем тест производит тот игрок, который контролирует корабль. В случае оставления тонущего корабля противника и/или его преднамеренного затопления время, в течение которого корабль тонет, увеличивается, что выглядит довольно нереалистичным. Это лишь отчасти можно объяснить разными размерами пробоин, и тем, что команда корабля охотнее помогает его ремонтировать своим, нежели захватившим корабль неприятелям.

При ремонте преимущество получают большие корабли, поэтому им труднее затонуть.

В источниках сохранилось хорошее описание хода сражения. Приведем его краткое описание, основываясь на данных Плутарха [3, с. 66].

Сперва левое крыло Антония двинулось вперед, а затем флот вступил в бой. Между тем Агриппа, командовавший левым крылом, начал разворачивать линию против правого фланга Антония. Правое крыло Антония вынуждено было продвинуться к северу, чтобы противостоять этому, и в результате отделилось от своего центра. В этот момент эскадра Клеопатры смогла прорваться через центр линии Октавиана, в чем, видимо, и заключался план Антония. Антоний также сумел спасти часть своего правого крыла. Его флагману было слишком тяжело оторваться от противника, поэтому Антоний перешел на другой корабль и спасся. Все произошло именно после полудня, когда ветер стал крепчать и поменял направление так, что корабли Антония смогли использовать свои паруса. Двумя часами позже, около 16:00, остатки флота Антония начали сдаваться.

Проведенные экспериментальные партии показали, что ход битвы в них разворачивается близким к историческому образом. Сражение начинается со сближения и перестрелки. Дальше корабли идут на таран. Преимущество в таранном ударе по причине численности на стороне либурн Октавиана, но первыми удар наносят квинквиремы Антония. Дальше сражение превращается в беспорядочное нагромождение кораблей, где роль тарана заметно падает, и основные боевые действия осуществляются размещенными на кораблях морскими пехотинцами, которые перемещаются по «мосту» из дружественных кораблей и берут на abordаж корабли вражеские. При этом корабли часто переходят из рук в руки, а захваченные войнами Антония либурны таранятся либурнами Октавиана, находившимися во второй линии. Последняя стадия битвы, когда большинство кораблей или затонуло, или находится в сильно поврежденном состоянии, а морские пехотинцы с обеих сторон понесли существенные потери, – это стадия финального броска кораблей Антония и их преследование кораблями Октавиана.

Отдельное место в анализе реконструкции битвы при Акциуме занимает проблема победных условий. Игра, довольно обоснованно на наш взгляд, исходит из того, что Антоний и Клеопатра, окруженные вражеской армией и вражеским флотом, в два раза превосходящим их по численности, но состоящим из судов меньших размеров, сочли лучшим вариантом именно прорыв блокады и бегство. Иными словами, намерением Антония было не разбить флот Октавиана, а прикрыть отход Клеопатры. Исходя из этого, в игре победа Антония и Клеопатры может быть достигнута, если они сумеют вывести через противоположный (западный) край карты минимум четыре корабля. Соответственно, если им это не удается, побеждают Октавиан и Агриппа.

Таким образом, исходя из исторических и игровых условий, в основе тактики Антония находится использование технических преимуществ квинквирем (крупный размер, корвус, баллиста), высокой концентрации морской пехоты на квинквиремах с целью захвата кораблей противника и нахождение слабых мест в его порядках, чтобы вывести через них свои корабли (в частности, по флангам). В свою очередь, основой тактики Октавина становится реализация численного превосходства в кораблях с целью воспрепятствовать продвижению флота Антония. Также, играя за Октавиана, хорошей идеей является обход неприятеля с фланга и атака одного его корабля несколькими своими.

Точные потери с обеих сторон (как в людях, так и в кораблях) неизвестны, но имеющиеся исторические данные и результаты реконструкции позволяют предположить, что они были довольно значительны.

Битва при Акциуме продолжалась около четырех часов. Максимальная продолжительность любой морской битвы, допускаемая в игре, – двадцать ходов. Это время составляет наиболее подходящий для сражений период суток и равняется восьми часам. Это означает, что один ход – это около двадцати минут. В проведенных экспериментальных партиях битва, в основном, заканчивалась за двенадцать ходов. Нетрудно подсчитать, что это как раз эквивалентно четырем часам реального времени.

В игре обнаруживаются некоторые упрощения и допущения, которые не удастся объяснить историческими детерминантами. Это уравнивание численности воинов, которые были на борту кораблей и игнорирование истощения рядов Антония от голода, болезней, дезертирства, их плохая подготовка и низкий боевой дух. Очевидно, это сделано с целью поддержания игрового баланса. Вероятно, это в какой-то степени можно объяснить тем, что, по данным источников, люди Антония сражались мужественно, несмотря на все негативные факторы. Кроме того, не следует забывать, что в игре бойцы представлены абстрактными единицами.

На основе анализа игры «Ancients» на примере морского сражения при Акциуме можно сделать вывод о том, что игра в высокой степени точности реконструирует исторические события, в ней удачно отражены диспозиция, состав флотов и тактика сторон, а также особенности морского боя Античности. Однако в данной реконструкции имеются недостатки, призванные упростить игровой процесс. Например, в сценарии разыгрываемого сражения при Акциуме игнорируется разница в численности и подготовленности бойцов. Можно сказать, что игра носит универсальный характер, при этом, как и все универсальное, страдая схематизмом.

Список литературы

1. Веллей Патеркул. Римская история. Кн. II / Веллей Патеркул // LacusCurtius. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Cassius_Dio/50*.html. – Загл. с экрана.
2. Дион Кассий. Римская история. Книга L / Дион Кассий // Античная литература. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1425002000>. – Загл. с экрана.
3. Плутарх. Антоний. Сравнительные жизнеописания / Плутарх // Античная литература. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/plutarch/sgo/antonius-f.htm>. – Загл. с экрана.
4. Штенцель, А. История войн на море. В 2-х т. Т. 1 / А. Штенцель. – М. : Изографус, ЭКСМО-пресс, 2002. – 704 с.
5. Энглим, С. Войны и сражения Древнего мира // С. Энглим, Ф. Дж. Джестис, Р. С. Райс [и др.]. – М. : ЭКСМО, 2004. – 270 с.

**HISTORICAL CRITICISM OF RECONSTRUCTION
OF THE ACTIUM NAVAL BATTLE 31 BC
IN THE GAME "ANCIENTS"**

Kolesnikov Boris Valerievich

Post-Graduate Student,
Department of the Archaeology, Foreign History and Tourism,
Volgograd State University
boryanVolg34@mail.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article examines peculiarities of naval battles reconstruction in board historical war game "Ancients" based on the battle of Actium (31 BC) as an example. Also this article contains the historic criticism of the game in general. It analyzes a degree of historical accuracy in reflection of battle's reality and tactics, it concluded about degree of historical authenticity of this approach to ancient military art's reconstruction.

Key words: naval battle, reconstruction, scale, Actium, quinquiremis, liburna.

УДК 94(37):355.559

ББК 63.3(0)323-68

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
НАСТОЛЬНЫХ ИГР (WARGAME)
В РАБОТЕ ДИСКУССИОННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО КЛУБА
«ЛЕД И ПЛАМЯ ИСТОРИИ» НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ
«ПАДЕНИЕ РИМА: ВТОРЖЕНИЕ ВАРВАРОВ»**

Кондратенко Сергей Юрьевич

Кандидат исторических наук, сотрудник отдела культурно-просветительских проектов и программ Центральной универсальной научной библиотеки им. Н.А. Некрасова
Konrad_85@mail.ru
ул. Бауманская, 58/25, стр. 14, 105005 г. Москва,
Российская Федерация

Аннотация. В 2016 г. в Центральной универсальной научной библиотеке им. Н.А. Некрасова начал работу дискуссионный военно-исторический клуб «Лед и пламя истории». Основными целями работы клуба являются следующие: изучение военной истории как составной части общемирового исторического процесса на основе новейших достижений исторической науки и популяризация военно-исторических знаний среди молодежи. Для их реализации используются в том числе и стратегические настольные игры (wargame). В представленной статье данный процесс будет рассмотрен на примере игры «Падение Рима: вторжение варваров».

Ключевые слова: дискуссионный военно-исторический клуб, военная история, варгейм, Римская империя, варвары.

В последние годы в обществе вырос интерес к истории, в том числе и к военной как составной части общемирового исторического процесса. Увеличилось количество издаваемой литературы военно-исторической тематики, наблюдается устойчивый рост числа периодических печатных и электронных СМИ, посвя-

ценных проблемам военной истории, ежегодно клубы исторической реконструкции проводят фестивали, посещаемые большим количеством зрителей, активную деятельность по популяризации военно-исторических знаний ведут общественные организации. Во многом указанная выше деятельность носит научно-популярный характер, рассчитанный на максимально широкую аудиторию.

Научные исследования в области военной истории ведут научно-исследовательские центры (Центр военной истории России Института российской истории РАН, Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ), ведущие вузы страны (МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета), но их деятельность мало освещена в СМИ и недоступна для широкой аудитории.

Таким образом, возникла необходимость создания дискуссионной площадки, которая способна объединить профессиональных историков и предоставить возможность всем интересующимся военной историей получать необходимые знания в данной области.

На базе Центральной универсальной научной библиотеки им. Н.А. Некрасова в 2016 г. начал работу дискуссионный военно-исторический клуб «Лед и пламя истории», который авторы проекта планируют превратить в дискуссионную площадку для обсуждения проблемных вопросов военной истории и организации научно-исследовательской работы. В работе клуба принимают участие ведущие военные историки, сотрудники научно-исследовательских центров, преподаватели и студенты ведущих вузов страны, учащиеся старших классов средних школ, представители общественных организаций, члены клубов военно-исторической реконструкции.

Основными направлениями работы клуба являются организация образовательных мероприятий (открытые лекции, презентации военно-исторической литературы, реализация образовательных программ) и научно-исследовательская работа (проведение круглых столов, научно-практических конференций). Реализация основных направлений деятельности клуба осуществляется как с

помощью традиционных форм работы (лекция, семинар, круглый стол, научно-практическая конференция), так и с помощью инновационных (деловая и ролевые игры). Результатом работы клуба будет являться формирование устойчивого сообщества, способного самостоятельно проводить научно-исследовательскую работу по военно-исторической тематике и издание сборников материалов по итогам данной работы.

Одним из основных направлений работы клуба является использование и популяризация стратегических настольных игр – варгейм (wargame). Варгейм – разновидность стратегических настольных игр, имитирующих военные конфликты, как реальные, так и вымышленные. Иногда это имитация не крупного сражения, а небольшой стычки, иногда – полномасштабной войны. В чем состоит эта имитация? Человек самостоятельно формирует «армию», выводит ее на «поле сражения» и проводит «бой», наблюдая за его развитием и принимая решения. Большинство варгеймов имитируют известные исторические кампании и сражения на тактическом или оперативном уровне. В этом случае игроки получают определенный набор игровых фишек-подразделений и выполняют ограниченный круг задач. Менее распространены глобальные варгеймы, которые охватывают вооруженный конфликт в целом и требуют управления не только военными аспектами, но и экономическими и политическими.

Варгейм имеет большое значение для изучения военной истории. Чтобы понимать происходящее за игровым столом и принимать адекватные сложившейся обстановке решения необходим хотя бы минимальный уровень знаний по событиям, имитируемым игрой. Таким образом, подготовка к каждой игре сопровождается «погружением» в эпоху с изучением соответствующей литературы, и ее последующим обсуждением. В случае необходимости в клубе проводятся лекции профессиональных историков и семинары по выбранному для игры вооруженному конфликту.

Одной из игр, используемых в работе клуба, является игра «Падение Рима: вторжение варваров», основанная на одноименном англоязычном варгейме, опубликованном в журнале *Strategy & Tactics* № 39 1973 года. От американского прототипа были взяты

только игровое поле и фишки подразделений, а правила были специально написаны и адаптированы для членов клуба. Между участниками игры были заранее распределены игровые «фракции», и в зависимости от этого они получили список литературы, с которой должны были ознакомиться до игры. Также был проведен семинар, где были разобраны основные проблемы военной и политической истории Римской империи.

Варгейм «Падение Рима: вторжение варваров» – это настольная игра в жанре пошаговой военной стратегии, имитирующая борьбу Римской империи с вторжениями варваров в I–V веках. Игровое поле представляет собой карту Европы, Ближнего Востока и Северной Африки с нанесенными на нее границами римских провинций. Основными игровыми фракциями являются: Римская империя, Парфия/Персия (в зависимости от сценария), германцы, скифы, тавры, даки, пикты и гунны.

Перед началом игры необходимо выбрать один из пяти предложенных сценариев. Каждый сценарий соответствует одному из переломных периодов истории поздней Римской империи, в зависимости от которого распределяются «войска» и определяются границы игровых «фракций». Первый сценарий начинается в 69 г., то есть с момента завершения гражданской войны и воцарения императора Веспасиана. Второй сценарий привязан к первому крупному нашествию готов на Римскую империю в 247 году. Третий сценарий начинается в 260 г. после поражения императора Валериана I в битве при Эдессе от войск сасанидского шахиншаха Шапура I. Четвертый сценарий также связан с готскими войнами и начинается в 332 г., после разгрома готов у реки Темеша объединенной римско-сарматской армией. Последний, пятый сценарий, начинается в 422 г., когда император Восточной римской империи Феодосий II согласился выплачивать дань гуннам в размере 350 фунтов золота в год.

После того, как игроки определились со сценарием, они распределяют свои «войска» по регионам, как правило, их дислокация прописана в сценарии. Учитывая, что игра носит глобальный характер, в ней представлены подразделения двух типов – регулярные войска и ополчение. Регулярные войска имеются

только у Римской империи (легионы) и Парфии/Персии, которые также могут формировать и ополчение (в Римской империи – вспомогательные когорты). Все остальные «фракции» имеют только ополчение.

Каждый игровой ход состоит из следующих фаз: фаза движения, фаза боевых действий, фаза оккупации, фаза формирования подразделений.

Фазы движения и боевых действий типичны для любого варгейма. Во время фазы движения игрок может передвигать по своему желанию сколько угодно своих подразделений или может не передвигать ни одно из них. Во время передвижения подразделения перемещаются из одной провинции в другую. При этом игрок может передвинуть как все подразделения из одной провинции в другую, так и отдельные подразделения в любые граничащие с ней провинции.

В фазе боевых действий проводится бой между подразделениями, вторгнувшимися в провинцию, и подразделениями, обороняющими ее. Результат определяется с помощью расчета боевой силы подразделений, игрального кубика и таблицы результатов боя.

Если атакующему игроку удалось разбить «войска» соперника и занять провинцию, то наступает фаза оккупации. В провинции продолжают действовать разрозненные отряды противника и местные повстанцы, которых необходимо уничтожить. Сила сопротивления оккупации каждой провинции региона определяется результатом броска кубика, который сопоставляется с показателями соответствующей таблицы. В ряде случаев сопротивление оккупации в провинции может не начаться, и она сразу будет считаться захваченной. Полученный результат силы сопротивления провинции вычитается из боевой силы оккупационных частей и проводится обычный бой. Если оккупационные силы проиграли бой, то они отступают в ближайшую не занятую провинцию. В этом случае контроль над освобожденной провинцией переходит к тому игроку, который контролировал ее ранее.

После завершения фазы активных боевых действий игрок может провести формирование новых подразделений. Форми-

рование новых подразделений осуществляется в любой провинции региона в соответствии с его мобилизационным потенциалом, который указывается соответствующим цифровым дробным показателем: в числителе указано количество регулярных подразделений, а в знаменателе – ополчение. Количество формируемых подразделений определяется броском кубика отдельно для регулярных частей и ополчения. После формирования указанного игроком числа подразделений это количество вычитается из мобилизационного потенциала региона и в следующий ход игрок использует уменьшенный мобилизационный потенциал; после его исчерпания через три хода потенциал восстанавливается на половину, и может быть сразу использован игроком. Еще через три хода мобилизационный потенциал восстанавливается полностью. Формирование подразделений может осуществляться в любой провинции региона. Мобилизационный потенциал может оказывать существенное влияние на ход боевых действий. Так, в одной из игр высокий мобилизационный потенциал Египта, Малой Азии и Балкан позволил Римской империи успешно отразить персидское нашествие и перейти в контрнаступление.

Для достижения победы Римская империя должна полностью уничтожить противостоящие ей силы Парфии/Персии и варваров. В свою очередь, для победы Парфии/Персии и варваров необходимо либо полностью уничтожить силы Римской империи, либо контролировать 2/3 ее территории.

Варгейм «Римская империя: вторжение варваров» – одна из первых попыток членов дискуссионного военно-исторического клуба «Лед и пламя истории» разработать собственный варгейм на основе достижений игровой индустрии. В дальнейшем правила игры продолжают совершенствоваться, в частности планируется введение дипломатии. В целом, данный варгейм оказал существенное влияние на повышение военно-исторических знаний членов клуба. Изучение литературы, лекции и семинары перед началом игр способствовали лучшему пониманию механики игры и принятию решений с учетом знания исторических фактов.

**THE USE OF STRATEGIC BOARDGAMES (WARGAME)
IN DISCUSSION OF MILITARY-HISTORICAL CLUB
“FIRE AND ICE HISTORY”
ON THE EXAMPLE OF THE GAME
“THE FALL OF ROME: BARBARIAN INVASION”
*Kondratenko Sergey Yurievich***

Candidate of Sciences (History), Fellow,
Department of Cultural and Educational Projects and Programs,
Central Universal Scientific Library named after N. Nekrasov
Konrad_85@mail.ru
Baumanskaya St., 58/25, Bld. 14, 105005 Moscow, Russian Federation

Abstract. In 2016, the Central universal scientific library named after N. Nekrasov began the discussion within military-historical club Fire and Ice history. The main goals of the club are the following: the study of military history as an integral part of the global historical process on the basis of the latest achievements of historical science and popularization of military-historical knowledge among the youth. A strategic Board game (wargame) are used for their implementation. In this article the process will be considered by the example of the game “the Fall of Rome: invasion barbarians”.

Key words: discussion of military-historical club, military history, wargame, Roman Empire, barbarians.

УДК 94(100):355.559

ББК 63.3(0)

**ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ
ДУЭЛЬНЫХ «ВАРГЕЙМОВ»
ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В КАЧЕСТВЕ РАБОЧИХ ПОСОБИЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ КЛУБОВ**

Харинин Артем Игоревич

Старший преподаватель кафедры социальной работы и педагогики
Волгоградского государственного университета
m.kharimina@ Rambler.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Важнейшей составляющей работы военно-исторического клуба являются штабные игры. Адекватная симуляция функционирования штаба невозможна без участия множества игроков, каждый из которых отождествляется либо с командиром какого-либо отдельного соединения, либо с офицером, ответственным за определенный аспект управления, снабжения или логистики. Большинство коммерческих «варгеймов», используемых в военно-исторических клубах, рассчитаны на двух игроков. Однако сама математическая модель, лежащая в основе военной игры, позволяет адекватно отражать боевые действия. Таким образом, основной проблемой, стоящей перед руководством клуба, становится введение в игру большего числа игроков и адекватного разделения между ними полномочий. Анализ основных методов и технологий подобной модернизации и посвящена данная статья.

Ключевые слова: военно-исторический клуб, варгейм, военно-штабная игра, симуляция, формат.

В последнее время в России стали появляться различные военно-исторические клубы, в которых основной акцент деятельности смещается от физического реконструирования боевых действий к аналитической составляющей. Соответственно, оптимальной материальной базой для них являются настольные военно-истори-

ческие игры, известные под термином «варгейм». Ключевой особенностью варгеймов является их ярко выраженная аналитическая составляющая, а также неукоснительное следование ряду объективных показателей, характеризующих тот или иной конфликт или отдельное вооруженное противостояние. Речь идет о системе игровых масштабов, описывающих три важнейшие математические характеристики любого исторического конфликта:

1. Масштаб карты. В любом настоящем варгейме присутствует связь между игровым размером карты и реальным полем боя. Может применяться как градуированная система измерения (гексагональная сетка, квадратная сетка и т. д.), так и прямое измерение расстояний с помощью линейки или рулетки.

2. Временной масштаб. Каждый игровой ход (или отдельные составляющие его фазы) должен соответствовать определенному реальному промежутку времени. В зависимости от масштаба игры в целом он может варьироваться от нескольких минут до недель или даже месяцев.

3. Численный масштаб игровых фишек. Каждая игровая фишка, миниатюрка или иной другой предмет, изображающий воинское подразделение, должен иметь определенные характеристики, соответствующие реальной численности. Зачастую, с целью упрощения процесса определения результатов боевого столкновения используются интегральные характеристики, представляющие собой определенный численный масштаб, модифицированный коэффициентом качества конкретного подразделения.

Помимо этих объективных характеристик, в варгеймах важное место занимают правила, описывающие вероятности исхода отдельных боевых столкновений, а также влияние таких факторов как условия местности, погоды, усталости войск и качества их снабжения. Завершает субъективную составляющую варгеймов система определения победителя, которая базируется на связи игровых и исторических целей сражения или операции.

Таким образом, военные игры, широко распространенные на Западе и обозначаемые нами как варгеймы, отличаются достаточно высоким аналитическим потенциалом и используются за рубежом по прямому назначению – при планировании военных действий.

Однако для отечественных любителей военной истории недоступны профессиональные варгеймы, и они вынуждены довольствоваться несколько упрощенными коммерческими версиями.

Отличительной чертой коммерческих варгеймов является их ориентация на использование двумя – максимум четырьмя игроками, что представляется нам оправданным с финансовой точки зрения, но недопустимым в качестве пособия для военно-штабной игры. Из этого несоответствия вытекает настоятельная необходимость переработки имеющихся варгеймов на предмет добавления большего количества игроков при сохранении историчности, аналитического потенциала и интереса к игровому процессу.

На основании опыта работы военно-исторического клуба «Стратег», функционирующего три года на базе института ИМОСТ Волгоградского государственного университета, мы можем сделать определенные выводы о наиболее приемлемых приемах и технологиях модернизации варгеймов.

Наиболее простой трансформации могут быть подвержены военные игры, использующие «читовую» систему активации. Суть данной системы заключается в разделении всех фишек одной стороны на определенные структурные соединения, характеризующиеся общим снабжением, каналами связи, средствами поддержки и т. д. Так, например, в игре «A Victory Lost», посвященной второй части Сталинградской битвы, игровые фишки представляют собой дивизии или аналогичные им по численности боевые группы. Однако они не представляют собой гомогенной совокупности, а разделены на определенные группы по принципу принадлежности к той или иной армии. Игровой ход в данном варгейме представляет собой четкую последовательность фаз: 1) определение связи подразделения с армейским штабом и отдача приказов из штаба; 2) передвижения частей; 3) боевые столкновения с противником; 4) проверка качества снабжения. Однако эти фазы не отыгрываются одновременно для всех участвующих в игре соединений, а актуализируются при случайном извлечении маркера, указывающего на определенную армию. Таким образом, в игре реализуется хаос управления, характерный для крупных опе-

раций, а также пофазность наступательных операций, позволяющая атаковать противника несколькими оперативными эшелонами. Подобная система используется во множестве варгеймов, особенно часто в играх оперативного уровня и периода Второй мировой войны [2; 3].

Адаптация таких варгеймов чрезвычайно проста и представляет собой простое разделение между отдельными игроками тех или иных оперативных соединений (армий). Таким образом, при реконструкции достаточно адекватно реализуется трение, возникающее между отдельными командованиями, а также уменьшается интеллектуальная нагрузка на отдельного игрока, повышая качество игры и анализа реальной военной операции, недостижимые при стандартном «коммерческом» отыгрыше с участием двух человек. Однако у подобной технологии есть один определенный недостаток. Время ожидания своего хода может длиться очень долго, и это существенно снижает внимание и заинтересованность игрока. На основании практического опыта организации подобных военно-штабных игр, мы рекомендуем ограничивать общее количество оперативных соединений (и читов активации) восемью-десятью при максимальной численности самих соединений в 15–20 игровых фишек.

Следующим способом адаптации является увеличение масштаба игры, позволяющее соединить в рамках одной игры несколько дуэльных партий. Такой метод представляется нам достаточно оправданным при работе с мелким тактическим масштабом. Наиболее убедительным примером, иллюстрирующим данный подход, является «Conflict of Heroes» – тактическая игра, в которой подразделения представляют собой отдельные единицы техники, расчеты или отделения пехоты, 1 гексагон карты равен 50 метрам, а 1 игровой ход составляет около 5 минут реального времени. В первоначальной коммерческой версии игра состояла из последовательности сценариев, симулирующих бои взводного-ротного уровня на местности 500 м на 1 км и протяженностью около получаса реального времени [4]. Однако нами была апробирована возможность расширения карты, численности войск и количества игроков за счет добавления новых кусочков игровой карты и синхронизации акти-

ваций игровых частей одной стороны. Последнее представляется исключительно важным, так как позволяет избежать такого явления как «даунтайм» (иррациональная потеря времени при ожидании окончания игровых операций, осуществляемых другими игроками). Поясним. В базовой версии игры ход состоял из поочередных активаций двумя игроками, представляющими противостоящие стороны, своих частей и выполнения ими определенных действий (маневр, огонь, разведка, окапывание, перегруппировка и т. д.). Соответственно, при добавлении в игру еще хотя бы двух игроков, время ожидания своей активации каждым игроком возрастало в три раза. Учитывая, что масштаб игры детерминировал крайне незначительные действия в рамках одной активации (например, вход в здание отделения пехоты, перебежка на 50 м, выстрел из орудия и т. п.), такая игра становилась физически крайне обременительной. Поэтому одновременная активация частей каждым из игроков одной стороны позволяет существенно ускорить отыгрыш и расширить масштаб боя в 2–3 раза. Подобная синхронизация сделала возможным включить в игру до 6–8 игроков и повысить масштаб боя с взводно-ротного до батальонного. Последнее обстоятельство представляется для нас крайне важным с точки зрения аналитического потенциала, так как таким образом мы сумели добиться интеграции в игру малого тактического масштаба средств огневой поддержки и симулировать работу батальонного штаба без появления эффекта «даунтайма».

Однако у данной системы также существует определенный недостаток, практически не обнаруживаемый при малом игровом опыте. Речь идет о сверхэффективном взаимодействии отдельных подразделений одной стороны, принадлежащих к разным боевым группам. Поясним подробнее. Предположим, что у нас имеется следующая ситуация: противник занимает здание и хорошо укреплен в нем. В нашем распоряжении штурмовая группа из нескольких отделений пехоты, станкового пулемета и миномета. Очевидно, что классическая схема штурма предполагает предварительный огонь на подавление из средств поддержки с последующим выдвиганием пехоты. В базовой версии игры замечательно реализуется пауза, неизбежно возникающая между открытием огня и движением, так

как игровые части активируются поочередно и игрок выбирает, с чего ему начинать свой ход. Соответственно и противник может предпринять какие-либо контрмеры после активации тяжелого оружия и до начала движения пехоты. Но если мы сталкиваемся с подобной ситуацией в рамках адаптивной модели и пехота, пулемет и миномет принадлежат разным игрокам, то появляется возможность в рамках описанной выше синхронизации отдельных активаций одной стороны одновременно открыть огонь и начать движение, не давая противнику возможности на организацию противодействия. Подобная проблема может быть решена только введением дополнительных правил, ограничивающих игровую эффективность взаимодействия в угоду реалистичности, что может быть достигнуто только при достаточно высокой адекватности самих игроков.

Завершая анализ основных способов адаптации дуэльных варгеймов к работе военно-исторического клуба, необходимо остановиться на принципе резкой интенсификации информационной нагрузки, оказываемой со стороны игрового процесса на отдельного игрока. В рамках данного подхода существует два основных варианта, которые существенно различаются в реализации, но по существу сводятся к работе с «туманом войны».

Первый из данных подходов связан с классическим игровым пониманием «тумана войны» как отсутствия информации о частях противника, находящихся вне непосредственного контакта. Заметим, что данный подход является очень старым, он лежал в основе самых ранних военно-штабных игр еще XIX в., например, в знаменитом «Кригшпиле» [1]. Физически это реализуется путем создания трех идентичных комплектов игры, которые находятся у двух сторон конфликта и посредника. Соответственно, каждая сторона владеет неполной информацией, а контроль над малейшим объективным изменением ситуации осуществляет посредник. Опыт применения данного метода к дуэльным варгеймам свидетельствует о чрезвычайно высокой нагрузке, лежащей на посредника. Особенно при использовании гексагональных карт. Однако в случае использования карты, разделенной на определенные области, качество контроля над ситуацией резко возрастает, повышая тем самым и качество реконструкции.

Опыт клуба «Стратег» свидетельствует о широком потенциале подобной адаптации игр, сделанных на механике «Storm Over» [5]. Так, например, достаточно заурядная игра, посвященная городским боям в Сталинграде, заиграла совершенно новыми красками, когда была модернизирована с учетом «тумана войны». В результате из примитивной дуэльной игры она превратилась в настоящую симуляцию работы штаба, так как количество обрабатываемой игроком информации возросло на порядок и потребовало как разделения всей совокупности воинских частей между несколькими командующими, так и введения особого «аналитического отдела», ответственного за обработку разведанных и прогнозирование действий противника.

Данный подход практически не имеет недостатков, однако выдвигает высокие требования к внимательности и знанию нюансов правил посредником, а также достаточно затратен в финансовом отношении, так как для его реализации необходимо в три раза больше компонентов.

Второй подход в рамках «тумана войны» был предложен польскими военно-историческими клубами и нашел отражение в ряде их оригинальных игровых разработок. Суть этого метода также сводится к увеличению информационного потока, но при этом позволяет обходиться всего одним комплектом игры. Противостоящие стороны обладают лишь общей информацией о расположении сил противника, даже за пределами непосредственного контакта, однако реальная численность, обеспеченность боеприпасами и качество войск проясняются только в момент непосредственного столкновения. Такой эффект достигается за счет того, что в противоположность устоявшейся традиции обозначения на игровой фишке всей необходимой информации польские разработчики отмечают на ней только структурную принадлежность и номенклатуру самого подразделения. Прочая же информация, характеризующая численность, боевую эффективность и обеспеченность боеприпасами вынесена на отдельный листок бумаги и оформлена в виде таблицы, доступной только непосредственному командующему. Таким образом достигается достаточно гибкая система «тумана войны» и интенсифицируется информационная нагрузка на отдельного игрока. В результате, игровая сторо-

на естественным образом начинает симулировать работу реального штаба, распределяя обязанности между собой [6].

Данный подход также обладает определенными недостатками, которые сводятся к длительной подготовке игровой партии (необходимо каждый раз распечатывать таблицы «order of battle» с данными о составе войск) и высокой ответственности и честности играющих, так как опыт проведения данных игр свидетельствует о фактической невозможности контролировать отвлечение ими собственных потерь и расходования боевых средств.

Подводя итоги анализа процесса адаптации дуэльных варгеймов для использования в качестве настольных штабных игр в военно-историческом клубе, подчеркнем, что нами были обнаружены три принципиальные технологии, позволяющие интегрировать в процесс принятия решений множество игроков с четко очерченным кругом обязанностей. Первый метод заключается в распределении боевых частей между игроками и дроблении игрового хода на соответствующие оперативным соединениям активации. Основной сферой его применения являются варгеймы оперативного уровня. Второй метод – увеличение пространства игры и синхронизация действий отдельных игроков. Пределы его применения лежат в плоскости малых тактических реконструктивных моделей. Третий способ адаптации тесно связан с увеличением объема обрабатываемой игровой стороной информации при сохранении базового размера игры. Наиболее часто такой метод базируется на эксплуатации эффекта «тумана войны» и идеально реализуется в играх с простой системой структурирования карты.

Мы не исключаем, что наш опыт не охватывает всех возможностей модернизации дуэльных варгеймов и призываем любителей военно-исторического игрового реконструирования к поиску новых методов и технологий адаптации выпускаемых коммерческих игр для их использования в клубном формате.

Список литературы

1. История варгейма [Электронный ресурс]. Часть 1. Кригшпиль // Geekowars. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://geekwars.ru/article/wargame-history>. – Загл. с экрана.

2. A Victory Denied [Electronic resource] // BoardGameGeek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/boardgame/31954/victory-denied>. – Title from screen.

3. A Victory Lost [Electronic resource] // BoardGameGeek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/boardgame/19622/victory-lost>. – Title from screen.

4. Conflict of Heroes [Electronic resource] // BoardGameGeek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/geeksearch.php?action=search&objectype=boardgame&q=Conflict%20of%20heroes>. – Title from screen.

5. Storm Over [Electronic resource] // BoardGameGeek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/geeksearch.php?action=search&objectype=boardgame&q=Storm+Over&B1=Go>. – Title from screen.

6. Stratagemata [Electronic resource] // BoardGameGeek. – Electronic text data. – Mode of access: <https://boardgamegeek.com/boardgamepublisher/11687/strategemata>. – Title from screen.

THE PROBLEM OF ADAPTATION DUEL WARGAMES TO THE NEEDS OF MILITARY-HISTORICAL CLUBS

Kharinin Artem Igorevich

Assistant Lecturer, Department of Social Work and Pedagogy,
Volgograd State University
m.kharinina@rambler.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Wargames are the main part of the military-historical club functioning. The appropriate simulation of HQ work is impossible without numerous players who identified themselves with real commanders of units or staff-officers responsible to managements, supply or logistics. The majority of commercial wargames which are used in military-historical clubs are made for two players. The math model which they are based on is rather good. So the main problem for club administration is integration in game as many players as possible and division roles among them. This article is devoted to analysis of main methods and technologies of such modernization.

Key words: military-historical club, wargame, staff game, simulation, pattern.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

УДК 94(4/9)
ББК 63.3(2)622

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СССР: ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ США

Буранок Сергей Олегович

Доктор исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Самарского государственного социально-педагогического университета
witch-king-1@mail.ru
ул. Пензенская, 63-65, 443082 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу общественного мнения США и Великобритании о нападении Германии на СССР 22 июня 1941 года. Рассмотрены взгляды американских и британских государственных деятелей и политиков, общественные настроения, отраженные в прессе. Выделены основные точки зрения на начало войны Германии и СССР. Показано, что при наличии разнообразных оценок возобладали идеи солидарности с Советским Союзом и необходимости его поддержки. Эта работа позволит изучить «отражение» войны в образе Советского Союза и найти ключевые моменты фальсификации истории Второй мировой войны в США и Великобритании. Реакция на 22 июня рассмотрена как в документах государственных учреждений Великобритании и США, так и в их освещении в англо-американских СМИ. В этом случае должное внимание уделяется механизмам информационного воздействия, которые были реализованы в США Управлением военной информации и британского Министерства информации. Ключевое сражение 1941 г. рассмотрено с точки зрения формирования образа: как боевые действия в СССР воспринима-

лись британским и американским военным и политическим руководством и какой образ создавала британская и американская пресса.

Ключевые слова: пресса США, общественное мнение, операция «Барбаросса».

История Второй мировой войны продолжает оставаться одной из наиболее дискуссионных и многогранных тем современной историографии [6, с. 140–146; 7, с. 80–88]. В последние годы в исторической науке появилось значительное число исследований образа войны в странах-участницах, особенно представления об СССР и войне на советско-германском фронте в обществе США и Великобритании. Поэтому, принципиальное значение приобретает исследование одного из ключевых эпизодов, повлиявших на образ Советского Союза в США: 22 июня 1941 года. Сформировавшиеся в этот день образы, оценки и представления сохраняли свое влияние на протяжении всей войны.

Нападение Германии и ее союзников на СССР вызвало широкую и разнообразную реакцию в общественно-политических кругах США [8, с. 13]. К июню 1941 г. лидеры США были готовы «оказать русским всемерную поддержку и помощь», а также «приветствовать Россию как союзника» [3, с. 359]. В политической элите США нападение Германии вызвало более сложную реакцию [9, с. 13–14].

Первая группа мнений – сторонники скорейшего оказания не только военной мощи СССР, но и оформления союза. Важнейшим лидером данных политиков был Гопкинс, который уже 22 июня доказывал необходимость распространения ленд-лиза на СССР [43, р. 369]. В этом стремлении его поддержали Аверелл Гарриман, помощник Гопкинса – Оскар Кокс и Джозеф Дэвис [3, с. 360–364].

Другая часть политиков – убежденные изоляционисты. Они считали, что нападение Германии создает исключительно благоприятные условия для США, но чтобы реализовать данные условия необходимо и далее придерживаться принципов невмешательства. Наиболее жестко эти позиции отстаивали – бывший посол в СССР Буллит, сенаторы Кларк и Джонсон, заявлявшие, что США надо быть в стороне от «грызни собак» и «бойни двух диктаторов» [45, р. 115–120]. Сенатор Тафт открыто признал, что победа

Сталина еще более опасна, чем победа Гитлера. Близка к данным кругам была позиция и госдепартамента во главе с К. Халлом – держаться в стороне, проявляя сдержанность [41, р. 112].

Такой же скептической была оценка СССР в начале войны и американскими военными [10, с. 3–22]. Уже 23 июня военный министр Стимсон определил время сопротивления СССР от одного до трех месяцев, а для подкрепления своих выводов 24 июня министр направил президенту отчет о состоянии Красной Армии, где содержалось явно заниженное число советских дивизий – 130 пехотных, 30 кавалерийских и 4 танковых [49, р. 1]. Военные предрекали лишь «короткую схватку между СССР и Германией» [3, с. 364]. Похожие оценки сделали генерал Маршалл и адмирал Старк [12, с. 432].

Однако позицию военных не разделял и президент США, который 24 июня подтвердил свои прежние намерения «оказать России всю необходимую помощь» [42, р. 1], и простые граждане, и лидеры профсоюзов. Так, президент АФТ Уильям Грин с первых дней войны не только высказывался о поддержке СССР, но и взял на себя организацию первых кампаний по сбору помощи среди рабочих [20]. Активную помощь Советскому Союзу оказывали и другие организации, связанные с рабочими или американцами русского происхождения: «Русско-американский центральный комитет помощи России», «Помощь России в войне», «Национальный комитет медицинской помощи Советскому Союзу», через которые простые граждане США могли как получать информацию, так и оказывать материальную помощь [2, с. 35–38]. Большую помощь в первые дни войны оказал Эдвард Картер, возглавивший сразу несколько организаций и тесно связанный с газетой компартии «Daily Worker» [52].

Видно, что политическая элита США разделилась в «советском вопросе» на несколько противоположных группировок, тогда как большинство простых граждан симпатизировало и было готово помогать СССР. Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в западной прессе уже в день нападения [36, р. 8]. Журналисты США, с одной стороны, были уверены, что нарушение недавно подписанного пакта Молотова – Риб-

бентропа произошло по вине Советского Союза. Так, корреспондент Уильям Стоунмен писал: «Гитлер ударил по России, опасаясь возможного нападения диктатора Сталина» [39, р. 48]. «Chicago Daily Tribune» и Роберт Кремер из «Washington Post» озвучили эту же версию, а для правдоподобности сослались на факты международной политики и «советские материалы» [17, р. 1; 53 р. 1]. Видно, что представители первой группы периодических изданий в своих оценках причин войны полностью идут вслед за заявлениями нацистских лидеров.

С другой стороны, представители периодических изданий США, наоборот, 22 июня 1941 г. Гитлера обвиняют в агрессии против СССР, указывая, что Германия пошла на нарушение пакта 1939 г. ради захвата стратегических ресурсов и территории СССР [32, р. 1]. Именно такой подход к причинам агрессии Гитлера в будущем закрепился и станет основным для прессы США и Великобритании. Тесно связанными с газетами, симпатизировавшими СССР, были материалы иностранных журналистов, которые на момент нападения Германии работали в Советском Союзе. Сотрудник «Ассошиэйтед Пресс» Генри Кэссиди описывает в воспоминаниях, как он был шокирован неожиданным нападением и сразу включился в работу по созданию положительного образа СССР на страницах «New York Times» и «New York Herald Tribune» [14, р. 39–43]. Работавший долгие годы в Москве Генри Шапиро («Юнайтед Пресс») в своей записной книжке отметил первые впечатления от внезапной атаки и сделал наброски первых статей о событиях 22 июня [29]. Другой сотрудник «Ассошиэйтед Пресс», Эд Гилмор, перед командировкой в СССР охарактеризовал события 22 июня следующим образом: «Теперь нам стало ясно – Гитлер войну проиграет» [23, р. 11]. К идентичным выводам пришел журналист Уоллес Кэрролл [30]. Следовательно, представители американских СМИ, которые работали в СССР, не только наиболее трезво оценили как причины, так и будущие итоги войны, но и стали базовым источником информации для американского общества в процессе создания образа советско-германского фронта.

В первые дни войны особенно сильные позиции в американской (но не в британской) прессе, а также среди политиков зани-

мали скептики. Поскольку в период 1939–1941 г. на Западе шла очень активная антисоветская риторика в высоких политических кругах, представители которых (У. Буллит, А. Бирл, Л. Гендерсон, Дж. Грю [51]) считали, что главная угроза международной безопасности – это СССР [4, с. 285].

Знаменитая речь Черчилля о помощи СССР вызвала среди скептиков как недоверие и сомнения, так и резкую критику. В частности, некоторые СМИ США прямо поставили вопрос: «Великобритания будет помогать России, но надо ли это делать США?» [34, р. 1, 2]. Так же отреагировали сенатор-демократ от Вирджинии Глэсс [44, р. 4] и конгрессмен от Индианы Р. Грант [2, с. 20].

Таким образом, скептики в американском обществе развивали одну из главных тем СМИ 1939–1941 г. о «скорой войне двух диктаторов» и «близости, даже одинаковости нацизма и коммунизма» [33, р. 6]. Тема виновности Советского Союза в войне очень активно развивалась на страницах американской прессы 23–24 июня, когда были опубликованы статьи о советском авианалете на Хельсинки, который, по мнению журналистов, вынудил Финляндию вступить в войну [11, с. 180–181; 22, р. 1].

Видно, что скептики в США использовали 22–24 июня 1941 г. для оказания давления на правительство и общественность в «русском вопросе» теорию о превентивной войне [17, р. 1; 24, р. 1]. Большое воздействие на общество оказывали традиционные антисоветские взгляды части политической элиты США – Ч. Боллен, У. Буллит, Л. Гендерсон [5, с. 90–91]. Эти основные темы, популярные среди скептиков американского общества, создавали негативный, даже отталкивающий образ Советского Союза, помощь которому равносильна преступлению.

Вторая точка зрения – нападение Германии только ускорит крах Третьего рейха – тоже сформировалась уже в первый день войны [18; 38, р. 1]. Однако правительство США 23 июня заняло более сдержанную позицию: Самнер Уэллс, заместитель государственного секретаря, заявил: «США осуждает вероломное нападение, но вопрос о распространении ленд-лиза на Россию остается открытым» [35, р. 1; 37, р. 1; 47]. Тем не менее просоветски настроенная часть прессы и политиков прямо призывали

к этому. Так, сенатор-демократ Пиппер (Флорида) заявил: «Мы должны оказать помощь России любым путем» [44, р. 4]. Кроме того, сенаторы Рейнолдс и Уиллер тоже поддержали идею ленд-лиза для СССР, но с большей осторожностью, заявив, что многие люди в США боятся коммунизма, равно как и нацизма [34, р. 10; 40, р. 4].

Итогом высказываний сенаторов и прессы стало осторожное заявление Рузвельта от 24 июня, что СССР получит помощь от США [19, р. 1]. В этот же день в парламенте выступил Энтони Иден и объявил, что теперь у Великобритании и коммунистов одна общая цель – сокрушить нацизм. Большинство крупных периодических изданий США сразу поддержали идеи Рузвельта, Идена и Черчилля о поддержке Советского Союза [32, р. 3]. А «New York Times» начинает серию публикаций, посвященных Красной Армии и организации обороны в СССР, с общим выводом, что быстрой и легкой победы у Германии не будет [36, р. 1].

В итоге, благодаря продуманным выступлениям Рузвельта, Идена и Черчилля, мнение сторонников помощи Советскому Союзу к 24–26 июня получает большее признание СМИ и общественности США. Однако это не означало исчезновения иных взглядов и оценок советско-германского противостояния. Третья точка зрения, представленная в британской и американской прессе, – прагматическая. Наиболее ярким ее выразителем в США был Гарри Трумэн, заявивший: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помогать России, если побеждать будет Россия, нам следует помогать Германии, и пусть они убивают друг друга как можно дольше» [28, р. 46]. Но следует отметить, что наиболее влиятельные издания США восприняли это как циничную шутку, о чем прямо написала «New York Times» [36, р. 18]. В целом прагматично настроенные политики США разделяли несколько другую точку зрения – до первой половины июля большой популярностью пользовался взгляд на советско-германский фронт как «войну двух дикторов, из которой победителем выйти должна свобода и демократия» [40, р. 1]. С речами о надежде на «взаимное уничтожение одинаковых тиранических режимов» выступили сенатор Кеппер (Канзас), журналист Х. Джонсон [2, с. 18–19].

Такое разделение реакции общественно-политических сил США на три разные точки зрения по поводу СССР и войны характерно для религиозной прессы. Так, католические издания «Catholic Transcript» (Коннектикут) и «Denver Catholic Register» (Колорадо) высказались 23–24 июня 1941 г. против помощи СССР и напомнили читателям о нарушении прав и свобод в Советском Союзе [15, р. 1; 21, р. 1]. Евангелисты и баптисты в США через свои СМИ выразили почти сразу солидарность с СССР [13, р. 1]. Но наибольшую поддержку по формированию положительного образа СССР оказали еврейские периодические издания, взяв с первых дней войны курс на информационную поддержку СССР [16, р. 1; 25, р. 1; 26, р. 2; 27, р. 1]. Но популярные католические газеты прямо встали на сторону скептиков [15, р. 1].

Взгляды и оценки скептиков потеряли популярность после миссии Гарри Гопкинса в Москву в конце июля 1941 года. Подробные отчеты Гопкинса о состоянии советской армии, промышленности, о специфике советско-германского фронта убедили Белый Дом в невозможности быстрой победы Германии [48]. Посол США в СССР Л. Штейнхардт после визита Гопкинса заключил, что советско-американские отношения в результате него значительно улучшатся и это усилит советский вклад в войну [50]. Таким образом, если в Британии после выступления Черчилля 22 июня лидеры общественно-политических сил были уже готовы к более тесному сотрудничеству с СССР, то в США потребовались целенаправленные действия президента Рузвельта, советского посольства в США, крупных и малых газет, упорное сопротивление Красной Армии – все это позволило к 1 августа 1941 г. преодолеть в обществе США пессимистические и наиболее заметные антисоветские настроения, доказать необходимость не просто помощи Советскому Союзу, а распространения на него ленд-лиза. А главное, граждане США через СМИ каждый день получали информацию о ходе сражений на советско-германском фронте, что вызывало не только чувство солидарности с жертвой нацистской агрессии, но и все большее стремление оказать реальную помощь. Поэтому, для общественности США логичным и закономерным представлялся летом 1941 г. следующий шаг – оформление между противниками нацизма военного договора – Антигитлеровской коалиции.

Список литературы

1. Егорова, Н. И. Изоляционизм и европейская политика США. 1933–1941 / Н. И. Егорова. – М. : Наука, 1995. – 402 с.
2. Иванов, Р. Ф. Общественно-политические силы СССР и США в годы войны / Р. Ф. Иванов, Н. К. Петрова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 322 с.
3. Мальков, В. Л. Великий Рузвельт / В. Л. Мальков. – М. : АСТ, 2011. – 560 с.
4. Мальков, В. Л. Россия и США в XX веке / В. Л. Мальков. – М. : Наука, 2009. – 495 с.
5. Мягков, М. Ю. Подходы США к европейскому послевоенному устройству в свете отношений с Советским Союзом в 1943–1945 гг. / М. Ю. Мягков // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 5. – С. 90–95.
6. Никифоров, Ю. А. Предыстория Второй мировой войны: некоторые проблемы историографии / Ю. А. Никифоров // Клио. – 2011. – № 3. – С. 140–146.
7. Никифоров, Ю. А. Фальсификация истории Второй мировой войны: к постановке проблемы / Ю. А. Никифоров // Вестник МГИМО Университета. – 2009. – № 6. – С. 80–88.
8. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 / О. А. Ржешевский. – М. : Наука, 2004. – 458 с.
9. Суржик, Д. В. Американское общественное мнение об СССР в годы Великой Отечественной войны / Д. В. Суржик // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2010. – № 2.
10. Суржик, Д. В. Деятельность Управления военной информации в 1941–1945 годах / Д. В. Суржик // Новая и новейшая история. – 2013. – № 1. – С. 3–22.
11. Хазанов, Д. Б. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки / Д. Б. Хазанов. – М. : АСТ, 2006. – 350 с.
12. Яковлев, Н. Н. Франклин Д. Рузвельт – человек и политик / Н. Н. Яковлев. – М. : Наука, 2003. – 632 с.
13. Baptist Standard. – 1941. – June 23.
14. Cassidy, H. Moscow Dateline: 1941–1943 / H. Cassidy. – Boston, 1943.
15. Catholic Transcript. – 1941. – June 24.
16. Chicago Jewish News. – 1941. – June 26.
17. Chicago Tribune. – 1941. – June 22.

18. Churchill College. The Papers of Sir Winston Churchill. – GB/014/CHAR. – CHAR 9/151.
19. Colorado Springs Evening Telegram. – 1941. – June 24.
20. Cornell University Library. American Federation of Labor. Green, William. President's correspondence, 1926–1952. – CN: 5402mf.
21. Denver Catholic Register. – 1941. – June 23.
22. Ellensburg Daily Record. – 1941. – June 24.
23. Gilmore, E. Me and My Russian Wife / E. Gilmore. – N. Y., 1954. – 482 p.
24. Honolulu Star. – 1941. – June 22.
25. Jewish Advocate. – 1941. – June 27.
26. Jewish Chronicle. – 1941. – June 25
27. Jewish Exponent. – 1941. – June 23.
28. Levering, R. B. American Opinion and the Russian Alliance 1939–1945 / R. B. Levering. – Chapel Hill, 1976. – 512 p.
29. Library of Congress. – Papers of Henry Shapiro. – Box 149.
30. Library of Congress. – Papers of Wallace Carroll. – Box 5.
31. Lima News. – 1941. – June 22.
32. Los Angeles Times. – 1941. – June 22.
33. Meriden Record. – 1941. – June 23.
34. Milwaukee Sentinel. – 1941. – June 23.
35. Nevada Daily Mail. – 1941. – June 23.
36. New York Times. – 1941. – June 22.
37. Oakland Tribune. – 1941. – June 24.
38. Ottawa Citizen. – 1941. – June 23.
39. Pittsburgh Press. – 1941. – June 22.
40. Portsmouth Times. – 1941. – June 24.
41. Pratt, J. Cordell Hull 1933–1944 / J. Pratt. – N. Y., 1964. – 372 p.
42. San Francisco Examiner. – 1941. – June 24. – P. 1.
43. Sherwood, R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History / R. Sherwood. – N. Y., 1950. – Vol. 1. – 592 p.
44. St. Petersburg Times. – 1941. – June 23.
45. Thayer, C. Bears in the Caviar / C. Thayer. – N. Y., 1951. – 386 p.
46. The Christian Post. – 1941. – June 23.
47. The Franklin Delano Roosevelt Library. – Sumner Welles Papers. – Box 195.
48. The Franklin Delano Roosevelt Library. – Safe Files. – Box 5. Conference held on 31st July, 1941 between Mr. Stalin, Mr. Hopkins, and the interpreter Mr. Litvinov. at the Kremlin in Moscow.
49. The Franklin Delano Roosevelt Library. – Safe Files. – Box 5. Russian Divisions 6/24/41.

50. The Franklin Delano Roosevelt Library. – Safe Files. – Box 5. Steinhardt to FDR & Secretary of State 8/1/41.

51. Truman Library. – Oral History Interviews. – Oral History Interview with Loy W. Henderson.

52. University of Vermont Libraries Special Collections. – Edward C. Carter Collection. – Box 3. Folder 7. Russian War Relief and American Russian Institute: public file, 1941–1942.

53. Washington Post. – 1941. – June 22.

GERMANY ATTACKED THE USSR: ASSESSMENT OF U.S. SOCIETY

Buranok Sergey Olegovich

Doctor of Science (History),
Associate Professor, Department of World History,
Samara State Social-Pedagogical University
witch-king-1@mail.ru
Penzenskaya St., 63, 65, 443082 Samara, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the U.S. public opinion about German attack on the USSR 22 June 1941. Considered the views of the American statesmen and politicians, the public mood, reflected in the press. Identify the main points of view on the outbreak of war with Germany against the Soviet Union. It is shown that in the presence of a variety of assessments prevailed ideas of solidarity with the Soviet Union and the need to support it. This work will allow for a “reflection” of the image of a belligerent Soviet Union, and to find the key moments falsifying the history of World War II in the U.S. The events of the Great Patriotic War, which will be set out on the basis of US archives, and then will be presented to look at fighting in the USSR in the memoranda of public institutions of Great Britain and the United States, as well as their coverage in the American media. In this case, due consideration will be given to the mechanisms of information influence that have been implemented in the U.S. Office of War Information and the British Ministry of Information. Selected key battles 1941 year in the USSR: a description of the fighting, then their score by U.S. military and political leadership, guidelines and promotional materials departments of the U.S. and the U.S. press.

Key words: press the United States, public opinion, “Operation Barbarossa”.

УДК 94(47+57+4/9)

ББК 63.3(2)62

НА ПУТИ К ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ И.В. СТАЛИНА, Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ

Голуб Юрий Григорьевич

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой международных отношений
и внешней политики России
Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
goloub@sgu.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе личной переписки, других дипломатических документов рассматривается трудный и долгий путь И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля к трехсторонней встрече, анализируются перипетии организации Тегеранской конференции, выясняются обстоятельства, в силу которых именно иранская столица оказалась в конечном счете выбрана в качестве переговорной площадки.

Ключевые слова: Вторая мировая война, СССР, Великобритания, США, «Большая тройка», Сталин, Рузвельт, Черчилль, Тегеранская конференция.

Впервые идея трехсторонней встречи лидеров СССР, Великобритании и США в неофициальном порядке обсуждалась в ходе визита британского премьер-министра У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. [6, с. 178; 7, с. 265–276, 279–283]. Спустя несколько месяцев президент Ф. Рузвельт в специальном послании главе советского правительства И.В. Сталину от 2 декабря 1942 г. обстоятельно аргументировал необходимость такой встречи [3, с. 38]. В свою очередь, Черчилль, будучи проинформированным Рузвельтом, всецело поддержал последнего [2, с. 99].

Ответ из Кремля не заставил себя ждать. Получив письма президента и премьера, советский лидер сразу же отправил им идентичные послания. В них, выразив принципиальное согласие на участие в такой встрече, Сталин предложил организовать ее

позднее, мотивировав это невозможностью для себя отвлечься от обязанностей Верховного Главнокомандующего в разгар ожесточенных сражений на советско-германском фронте [2, с. 99–100; 3, с. 39–40]. Речь шла о продолжавшемся наступлении Красной Армии под Сталинградом.

В мае 1943 г. Рузвельт направил в Москву со специальной миссией «своего старого друга», как он его охарактеризовал, бывшего посла США в Советском Союзе Дж. Дэвиса. Перед ним была поставлена задача договориться со Сталиным о проведении советско-американской встречи. 20 мая советский лидер в присутствии Молотова принял в Кремле Дэвиса [8, р. 5], который передал ему личное послание Рузвельта. В нем в том числе говорилось об их возможной двусторонней встрече. По замыслу американского президента встреча должна была состояться летом и носить сугубо неофициальный характер. Касаясь места встречи, Рузвельт предложил встретиться на любой стороне Берингова пролива (советской или американской) [3, с. 62]. Делая подобный шаг, в том числе предлагая встретиться на советской территории, Рузвельт, возможно, исходил из того, что Сталина будет легче уговорить согласиться на неформальную встречу один на один.

Казалось бы, замысел Рузвельта удался. 26 мая Сталин вновь принял Дэвиса. Он передал ему ответное послание президенту, и в ходе беседы попросил передать на словах о своем согласии встретиться с Рузвельтом в Фербенксе (Аляска) [6, с. 49]. В послании же Сталин, обрисовав ситуацию на советско-германском фронте, где ожидалось большое немецкое наступление в районе Курска, оговорился, что его ответ на предложение президента о встрече в силу этого «не может быть сейчас вполне определенным», хотя он (Сталин) согласен, что «такая встреча необходима и что ее не следует откладывать», предложив устроить ее в июле или августе [6, с. 49].

8 августа Сталин в послании Рузвельту обрисовал ситуацию на фронте в связи с начавшимся контрнаступлением Красной Армии и затронул вопрос об их встречи, обговоренной еще в мае через представителя президента Дэвиса. Он выразил сожаление по поводу ее невозможности «в течение лета и осени». Вместе с

тем советский лидер отметил ее безусловную целесообразность и готовность организовать в данной военной обстановке либо в Астрахани, либо в Архангельске. Он также напомнил то, что сказал тогда Дэвису, а именно, что не имеет «возражений против присутствия г-на Черчилля на этом совещании с тем, чтобы совещание представителей двух государств превратить в совещание трех государств». И подчеркнул, что продолжает держаться этой точки зрения [3, с. 78–79].

19 августа, находясь в Квебеке, Рузвельт и Черчилль совместно обратились к Сталину. Их послание начиналось с подчеркивания «важности встречи всех нас троих» и выражения понимания причин, заставлявших их адресата «находиться вблизи боевых фронтов». Далее, не вдаваясь в объяснение причин, президент и премьер написали, что, по их мнению, ни Астрахань, ни Архангельск не подходят, и выразили при этом готовность отправиться на встречу втроем в Фербенкс на Аляске. И призвали Сталина «еще раз рассмотреть эту возможность» [2, с. 177].

Спустя несколько дней он ответил своим партнерам. Ответ содержал два уже не раз упоминавшихся тезиса «о важности встречи нас троих» и невозможности «без ущерба для наших военных операций уехать от фронта» в столь отдаленный пункт, как Фербенкс [3, с. 86].

В очередном послании Рузвельта, полученном Сталиным 6 сентября, президент среди других вопросов вновь коснулся встречи на высшем уровне, выразив надежду на ее возможность в скором времени. «Я лично, – писал он, – мог бы выехать для встречи в столь отдаленный пункт, как Северная Африка, между 15 ноября и 15 декабря. Я уверен, – продолжал президент, – что Вы поймете, что я не могу находиться более 20 дней вне Вашингтона, так как согласно нашей конституции никто не имеет права подписи за меня во время моего отсутствия» [3, с. 91].

Этот обширный фрагмент из письма воспроизведен неслучайно. Обратим внимание на два момента. Первый связан с появлением у президента аргументации, связанной с невозможностью многодневного отсутствия в стране. Складывается впечатление, что Рузвельт решил таким образом «ответить» Ста-

лину из-за его постоянных (и оправданных) ссылок на ситуацию на фронте. И второй. Рузвельт упоминает о 20 днях как пределе отсутствия. В дальнейшем это количество дней уменьшится вдвое, что вызывает некоторое сомнение в модальности приведенного довода.

Через день Сталин ответил. Абзац его послания, посвященный не один месяц обсуждавшийся встрече глав правительств, может служить эталоном дипломатической «многоходовки». Так, советский лидер, коснувшись «нашей личной встречи с участием г. Черчилля», подтвердил свое стремление «осуществить ее в возможно скором времени». Употребив словосочетание «с участием», он как бы ненароком определил роль британского премьера как своего рода приглашенного, а не как основного участника переговоров. Читаем дальше. «Ваше предложение о времени встречи представляется приемлемым», – соглашается Сталин. Принимая предложение Рузвельта, советский лидер, со своей стороны, вносит предложение о месте встречи, справедливо полагая, что тем самым соблюдается важный в переговорной практике паритет: вы нам сроки, мы вам место. Председатель Совнаркома пишет: «Местом же встречи было бы целесообразно назначить страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран» [3, с. 92–93]. Так, в качестве места встречи «Большой тройки» впервые прозвучал Иран. Одновременно Сталин направил аналогичное послание Черчиллю (разумеется, без фразы об «участии» последнего в личной встрече советского и американского лидера) [2, с. 189].

11 сентября в Кремле получили ответное послание из Белого дома. Рузвельт не скрывал, что «весьма обрадован» готовностью Сталина встретиться, и посчитал, что время – «приблизительно в конце ноября – было бы подходящим». Именно в эти обозначенные американским президентом сроки и состоится Тегеранская конференция. Но состоится ли она именно в иранской столице, в тот момент ясности не было. Дело в том, что в этом же письме Рузвельт отметил: «...у меня имеются сомнения лишь относительно места и только потому, что оно расположено несколько дальше от Вашингтона, чем я рассчитывал» [3, с. 94–95].

Иными словами, дипломатический размен – сроки на место, предложенный советским лидером, Рузвельт «не заметил». Он еще не очень хорошо знал неуступчивость Сталина-переговорщика...

Британский премьер также ответил оперативно. И с энтузиазмом: «Я доволен и с облегчением чувствую, что имеются хорошие перспективы того, что эта встреча состоится между 15 ноября и 15 декабря». Следует отметить, что Черчилль, вопреки сомнениям президента, сразу же согласился с местом встречи, предложенным Сталиным: «Я готов отправиться в Тегеран, если Вы не считаете, что в Иране имеется более подходящее место» [2, с. 193].

12 сентября глава советского правительства направил личное и секретное послание коллегам в Вашингтоне и Лондоне, в конце которого затронул тему их общей встречи. Сталин никак не отреагировал на доводы Рузвельта по поводу места ее проведения, и был предельно лаконичен: «я не возражаю против Тегерана как места встречи» [3, с. 96]. Получилось очень тонко: Сталин принял сроки Рузвельта и место, которое назвал Черчилль. Самто Сталин говорил об Иране. Тегеран – это вроде совсем и не его инициатива.

Все взяли паузу. На какое-то время тема встречи опять исчезла из переписки лидеров «Большой тройки». 27 сентября в Кремле получили строго секретное послание британского премьера, целиком посвященное встрече глав правительств. Послание выделялось на фоне предшествовавших писем, посвященных организации личной встречи лидеров как минимум двумя вещами. Во-первых, оно демонстрировало, как само собой разумеющееся, принятие Черчиллем того факта, что встреча состоится, и состоится именно в Тегеране, хотя Рузвельт своего согласие на это не дал. И, во-вторых, содержание письма носило настолько конфиденциальный характер, что Белый дом, вопреки сложившейся между Лондоном и Вашингтоном практике, не был о нем предварительно проинформирован. Письмо премьера Сталину начиналось весьма многозначительно: «Я обдумывал нашу встречу глав правительств в Тегеране». И далее следовали предложения по обеспечению ее безопасности, включая отвлекающие мероприятия в Каире. Заканчивалось письмо предложением обсудить дру-

гие возможные соображения на этот счет, и «только тогда изложить их Президенту» [2, с. 198–199].

Спустя неделю, 3 октября, Сталин откликнулся на послание из Лондона. Восприняв его как должное, он отметил, что у него нет возражений против предложений, касающихся предстоящей встречи [2, с. 204–205]. Черчилль сразу коснулся своей переписки со Сталиным в послании Рузвельту [4, с. 426–427; 8, р. 28–29].

Тем временем приближалась середина октября. До согласованного срока встречи оставался месяц, а вопрос о месте ее проведения по-прежнему был для Белого дома открытым. В послании от 14 октября президент пространно повторил всю ту же свою аргументацию, связанную с конституционными полномочиями и отношениями с конгрессом. «Названное Вами место расположено слишком далеко», – писал Рузвельт. И в качестве своей альтернативы предложил Каир, столицу итальянской Эритреи Асмэру, какой-либо порт восточной части Средиземного моря, место по соседству с Багдадом [3, с. 102–103].

Анализируя это послание, нельзя не отметить, что «конституционный вопрос», поднятый Рузвельтом в качестве довода против его поездки в Тегеран, как отмечают даже американские историки, не имел большого значения и был использован президентом, чтобы добиться согласия Сталина на встречу в более удобном для себя месте [4, с. 454].

Сталин не стал тянуть с ответом. 19 октября он направил Рузвельту послание о предстоящей встрече глав трех правительств. «К сожалению, – писал советский руководитель, – я не могу принять в качестве подходящего какое-либо из предлагаемых Вами взамен Тегерана мест для встречи». И обосновал свою позицию необходимостью постоянной связи для руководства войсками. «В Тегеране эти условия могут быть обеспечены наличием проволочной телеграфной и телефонной связи с Москвой, чего нельзя сказать о других местах» [3, с. 104–105]. Рузвельт сразу же перенаправил ответ Сталина в Лондон и попросил, чтобы Иден поддержал его позицию в Москве [8, р. 37], поскольку в этот же день в Москве открылась конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

21 октября Сталин в присутствии Молотова принял в Кремле британского министра. В ходе беседы ее участники затронули и тему встречи глав правительств трех стран. Иден, выполняя просьбу Белого дома, решил попробовать переубедить собеседника, сказав, что, с одной стороны, для Рузвельта Тегеран слишком отдаленный пункт, поскольку президент связан положениями Конституции США. Тогда Сталин обозначил новый поворот в спорах о месте встречи: раз президент не может прибыть в Тегеран, «может быть, отложить встречу на весну». Иден отреагировал мгновенно: «Это было бы не очень желательно» [5, с. 120–123; 6, с. 6–62]. С этой новой сталинской вводной Иден и покинул Кремль.

Соответствующую деятельность развил и другой участник Московской конференции – государственный секретарь США К. Хэлл. 25 октября его принял Сталин. Госсекретарь попытался фразами о значимости и важности встречи для координации совместных усилий трех стран переубедить собеседника относительно места ее проведения. Советский лидер был вынужден опять повторить, что его позиция не основывается на упрямстве или соображениях престижа, а всецело определяется обстоятельствами им высказанными. И с сарказмом произнес, что не понимает, «почему задержка в два дня в передаче каких-нибудь государственных документов может быть столь жизненно важной, тогда как ошибочный шаг в военных делах станет не просто грамматической ошибкой, которую в дальнейшем можно исправить, а может стоить тысячи жизней» [8, р. 45–46]. И повторил, завершая встречу, о своем желании проконсультироваться с коллегами, прежде чем дать окончательный ответ.

Ответ последовал 5 ноября в послании Сталина Рузвельту. Отметив, что он не может не считаться с приведенными президентом аргументами относительно обстоятельств, мешавших ему приехать в Тегеран, советский лидер подчеркнул, тем не менее, что он не видит более подходящего пункта для встречи, чем указанный город. И обстоятельно изложив свои доводы, связанные с выполнением обязанностей Верховного Главнокомандующего советских войск, заявил, что для него в этом качестве «исключена возможность направиться дальше Тегерана». Далее последовала

фраза, которая фактически не оставляла больше Белому дому пространства для маневра. «Меня мог вполне заменить на этой встрече, – написал Сталин, – мой первый заместитель в Правительстве В.М. Молотов... В этом случае могли бы отпасть затруднения в выборе места встречи». «Надеюсь, – подвел итог письму советский лидер, – что это предложение могло бы в настоящее время нас устроить» [3, с. 108].

Фактически тем самым Сталин решил поставить точку в неприлично затянувшейся дискуссии о месте встречи. Дискуссии, при всей ее важности, все же носившей технический характер в сравнении с ключевыми вопросами победоносного завершения войны и согласования послевоенного мирового порядка.

Демарш Сталина возымел действие. 8 ноября Рузвельт ответил на послание из Москвы. Следует отдать должное президенту. Он смог переступить через личные амбиции и принять единственно возможное в сложившейся ситуации решение: «Я решил отправиться в Тегеран, и это меня особенно радует».

Сталин отреагировал быстро и коротко: «Благодарю за Ваш ответ. Ваш план организации нашей встречи в Иране я принимаю» [3, с. 109]. 12 ноября позитивно откликнулся и Черчилль [2, с. 210].

Подведем некоторые итоги. Прежде всего, необходимо отметить, что Ф. Рузвельт и У. Черчилль настойчиво на протяжении почти года приглашали И. Сталина на совместную встречу. Однако согласование сроков и особенно выбор места встречи оказались весьма непростым делом. У каждого из участников имелись на этот счет свои предпочтения и резоны. Сказались как факторы объективного свойства, так и соображения престижа и личные пожелания лидеров союзных держав. Об обоснованности доводов президента США уже говорилось. Напомним лишь, что в ходе дискуссии с советским коллегой относительно места встречи он называл более десяти различных пунктов, расположенных в Африке, Северной Америке и Ближнем Востоке. Черчилль был более конструктивен. Именно он в конечном счете предложил Тегеран, в ответ на упомянутый Сталиным Иран. Рузвельт же всячески уклонялся от встречи именно в иранской столице.

Между тем выбор Сталина вполне понятен. Для него это город был весьма удобен по многим причинам. С одной стороны, соглашаясь покинуть пределы СССР, он делал шаг навстречу союзникам; с другой – организация конференции в соседнем Иране не требовала длительного перелета и многодневного отсутствия в Москве и там могла быть обеспечена надежная связь со Ставкой. Ибо Сталин, будучи Верховным Главнокомандующим, не мог уезжать слишком далеко от линии советско-германского фронта – решающего фронта бушевавшей войны. При этом, как представляется, у Сталина были и другие не менее важные резоны при выборе места встречи. Прежде всего, это вопросы безопасности, которые всегда важны при встречах государственных деятелей такого ранга. А если к этому добавить ставшую нарицательной сталинскую подозрительность, его повышенное внимание к мерам безопасности, непреклонный выбор Сталина в пользу Тегерана становится абсолютно понятным. Там он мог быть уверен в собственной безопасности, ситуация контролировалась советскими военными и специальными органами [1, с. 292].

Вот таким непростым оказался путь к Тегерану в качестве места первой встречи лидеров «Большой тройки». И то, что Сталин сумел добиться своего, обеспечило ему более прочные исходные позиции на переговорах «Большой тройки».

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – М. : Кучково поле, 2014. – 864 с.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1976. – 472 с.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2 т. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (авг. 1941 г. – дек. 1945 г.). – Изд. 2-е. – М. : Политиздат, 1976. – 327 с.

4. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны : пер. с англ. – М. : Terra, 1995. – 800 с.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). – 384 с.
6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1978. – Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 нояб. – 1 дек. 1943 г.). – 198 с.
7. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны : док. и материалы. В 2 т. Т. 1. 1941–1943. – М. : Политиздат, 1983. – 543 с.
8. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. – Washington, 1961. – 932 p.

**ON THE WAY TO FIRST MEETING
OF I.V. STALIN, F. ROOSEVELT AND U. CHURCHILL**

Golub Yuri Grigorievich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Chair, Department of International Relations and Russian Foreign Policy,
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
goloub@sgu.ru
Astrahanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The rough and long way of I. Stalin F. Roosevelt and W. Churchill to trilateral meeting is considered in the article on the basis of their personal correspondence, as well as peripetias of organizing the Tehran conference is analyzed and factors why exactly the Iranian capital was finally chosen as a negotiating location are found out.

Key words: Second World War, USSR, Great Britain, USA, the Big Three, Stalin, Roosevelt, Churchill, Tehran conference.

УДК 94(4)“1700/...”

ББК 63.3(0)5;6-1

СПЕЦИФИКА ВОЕННЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ XVIII–XX вв. С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Кондорский Борис Михайлович

Кандидат биологических наук,
начальник отдела НПФ «Синбиас»
bmkbox@yandex.ru
ул. Розы Люксембург, 70, 83114 г. Донецк, Украина

Аннотация. В XVIII–XX вв. революции в каждой стране составляли революционный период как целостную систему, имеющую свои законы, которые оказывали определяющее влияние на характер военных и социально-политических конфликтов. Формирование наций в этот период способствовало появлению войн, обусловленных действием законов политической и экономической систем. Только государства, где уже закончился революционный период, могли стать субъектами геополитического пространства. В XIX – первой половине XX в. это относится к Великобритании, Франции и США. Причиной международной напряженности на рубеже XX и XXI вв. стало то, что Россия, Китай и другие страны третьего мира стали претендовать на свою законную долю геополитического пространства. Это вызвало сопротивление со стороны западных стран.

Ключевые слова: революционный период, революции Нового времени, военные конфликты, нация, Первая мировая война, геополитическое пространство.

Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия,

исключающие возможность каких-либо революционных событий [12; 14; 15].

В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой в 1871 г., в США – гражданской войной (точнее, так называемым периодом Реконструкции Юга), в России и Китае – событиями конца XX века. Обращает на себя внимание синхронность революционных процессов в Германии и Италии вследствие ряда исторических факторов. В обеих странах РП закончился поражением фашистских диктатур во время Второй мировой войны. То же самое относится и к Японии.

Все страны, в зависимости от характера и времени протекания РП, связанного в основном со спецификой предыдущего исторического развития, можно разделить на три основные группы – стран первой, второй и третьей генераций (СПГ, СВГ, СТГ). К первой группе можно отнести страны, где РП проявил себя раньше остальных государств – в Нидерландах, Англии, США, Франции. В каждой из этих стран РП имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В СВГ революционный процесс начался в середине XIX века. К этим государствам в первую очередь можно отнести Германию, Италию, страны, входившие в состав Австрийской империи, и Японию. В СТГ – России, балканских и латиноамериканских странах, Китае, Турции, Иране и других основных странах третьего мира РП ограничился рамками XX века.

Теория революционного периода органически связана с революционной концепцией исторического развития, разрабатываемой автором [13]. Суть ее заключается в следующем. Смена одного этапа исторического развития другим всегда происходила революционным путем. Один тип исторического сознания сменялся другим. На смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый. Архетип данного исторического этапа есть архетип исторического сознания.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития социумов.

Архаические революции знаменовали собой появление античных полисов в Греции и Италии. Однако подобного рода изменения, определившие развитие цивилизаций здесь в течение тысячи лет, имели место и на Ближнем Востоке, и в Северной Индии, и в Среднем Китае.

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи) начинается третий виток исторического развития. Феодалная революция в Европе имела место в районе IX–X веков. Перманентный кризис, характерный для предшествующего периода, к тому же отягощенный регулярными набегами норманнов, способствовал появлению того, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передают корпорации феодалов свою власть-собственность как синкретическое единство обеих категорий [2].

В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность на землю остается у феодалов, которые трансформируются в дворян. Появляется то, что мы называем Новым временем. Происходят изменения в сознании, которые тонко подметил в своем бессмертном творении Сервантес.

В РП формируются политическая и экономическая системы, имеющие объективные законы, независимые от социального сознания. Если до этого имело место господство человека как личности и его воли, то здесь политик или капиталист для того, чтобы иметь успех, должны были следовать, подчиняться уже законам политической и экономической систем [8].

В Европе уже в XVII в. начинается процесс формирования межгосударственной политической системы. Действие ее законов проявляется уже в период Тридцатилетней войны. Ришелье, будучи католическим кардиналом и первым министром католической страны, тем не менее, оказывал всяческую поддержку антигабсбургской коалиции. Юридически это пространство было оформлено уже Вестфальским миром.

Любое проявление явной гегемонии уже встречало противодействие со стороны большинства европейских стран.

Классическим примером стала Война за испанское наследство. Дело в том, что Людовик XIV, будучи абсолютным монархом, был единственным источником политической воли в стране. Он самым жестким образом пресекал проявление политического как со стороны третьего сословия, так и со стороны дворянства [5, с. 54, 55]. Попытка реализации индивидуальной воли за пределами страны в этот период уже противоречила законам европейской политической системы, что в конечном итоге и привело к поражению Франции.

В РП происходит окончательное оформление нации и национального государства. Здесь следует обратить внимание на то, что возникновение нации носит объективный характер, а строительство национального государства – субъективный. Зависит от появления политиков, деятельность которых направлена на устранение внешних и внутренних факторов, препятствующих становлению национального государства (в том числе и военным путем). В этом плане необходимо отметить выдающуюся роль Ришелье и Бисмарка. Структура нации есть продукт ее исторического развития. Основным является ее ментальный аспект. Ментальная структура (национальное сознание) показывает, в какой степени и каким образом члены нации осознают принадлежность к ней.

Интересная ситуация в плане формирования нации имела место в США. Освободив американский народ от колониального угнетения и образовав независимое государство, Американская революция сохранила рабство – один из основных внутренних факторов, препятствующих становлению единого национального государства. Рабовладельческое хозяйство в южных штатах было слабо связано с внутренним рынком. Хлопок в основном вывозился в Европу, там же закупались промышленные изделия [20, с. 248]. Все это мешало формированию единой американской нации и свободному развитию капитализма. Эти препятствия были ликвидированы только в ходе гражданской войны.

РП характеризуется резким возрастанием внешнеполитической активности. Однако ее вектор носит неопределенный, часто авантюрный характер. В этом отношении можно сравнить Фран-

цию времен Первой и Второй империй [3, с. 112, 113] и уже в пост-революционный период.

При Наполеоне III внутренняя политика отличалась известной рациональностью. Он обеспечил полную занятость населения и постоянный рост заработной платы. По уровню экономического развития к концу правления императора Франция превратилась во вторую, после Англии, мировую державу [21]. В то же время войны, которые вел Наполеон, имели целью в основном повышение престижа Франции и лично императора среди европейских монархов. Это в первую очередь относится к Крымской войне. Полностью авантюрный характер носила посылка экспедиционного корпуса в Мексику.

Окончание РП в Англии и Франции проявилось в проведении активной колониальной политики, а затем – в вывозе капитала. В то же время колониальная политика Германии, которая находилась в состоянии РП, создавала больше проблем, чем приносила доходов (о чем предупреждал Бисмарк) [19, с. 23]. То же самое относится и к Италии. Не соответствовала реальным национальным интересам и попытка Вильгельма создать флот, равный по мощи английскому. Здесь мы опять сталкиваемся с доминированием престижного фактора.

К началу Первой мировой войны Германия все еще жила иллюзиями полувековой давности, когда она смогла в короткий срок за счет мощи своей армии одержать победу над Австрией и Францией [19, с. 11]. Подобного рода заблуждения определялись именно законами РП, которые отличаются от таковых в пост-революционный период. Политическая наивность в отношении возможности вступления Великобритании в войну – явление того же порядка [18, с. 54].

В РП проведение внутренней политики начинает зависеть не столько от монарха и его окружения, сколько от формирующегося гражданского общества. Меняется и характер элиты. Она перестает носить персонифицированный характер. Элементом формирующейся политической и экономической систем является не сам человек как личность, а его деятельность, которая должна соответствовать законам этих систем. На первый план

выходят не интересы государства (в узком смысле этого слова), а интересы нации.

Национальный характер, зависимый от состояния гражданского общества, принимает и сама война. Определяющую роль начинает играть уровень развития политической и экономической систем, способности руководства страны в плане мобилизации имеющихся людских, материальных (экономических) и политических ресурсов в широком смысле этого слова. Войну ведет уже не государство, а общество. Тотальный характер войны предполагает и тотальный характер руководства. Здесь уместно вспомнить ту решающую роль, которую сыграл в достижении Победы ГКО.

Что касается России в период, предшествующий Первой мировой войне, то здесь не все так просто. Попытки создать зоны влияния на Дальнем Востоке и Балканах потерпели фиаско. В начале XX в. Россия попадает в финансовую зависимость от Франции. Достаточно сказать, что долг России в общемировом составлял 31 % [4]. Внешние займы предполагали и внешнеполитические обязательства.

И Витте, и Столыпин, и Коковцов [19, с. 36] понимали гибельность для российского самодержавия войны с Германией, тем более что между этими государствами не было противоречий [16, с. 23], которые могли стать поводом для вооруженного конфликта. В известной записке Николаю II бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново убедительно показал, что даже победа над Германией не столько бы решила существующие проблемы, сколько создала новые [17, с. 239]. Действительно, возможные приобретения Восточной Пруссии и Галиции носили бы характер «инородного тела» (так же как и Польша и Финляндия). Контроль над Босфором и Дарданеллами создавал бы постоянные проблемы и «трения» со многими государствами.

Особо следует остановиться на российской либеральной буржуазии и ее роли в рассматриваемых событиях. Конечно, П.Н. Милюков и А.И. Гучков были умнейшими, высокообразованными людьми, но «наивными» в рамках политической системы, законы которой они не понимали и не «чувствовали» [17,

с. 330]. Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер [16, с. 33]. Создается впечатление, что во время войны и Февральской революции этот класс российского общества играл роль «пятого колеса». Поэтому нет ничего удивительного в том, что во время Октябрьской революции и последующей гражданской войны весь «клубок» противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума, был ликвидирован путем упрощения его структуры [11, с. 126].

В РП были востребованы руководители и лидеры совершенно другого склада. В этот период все режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры (особенно во время самих революций). Даже в США имела место диктатура в период Реконструкции Юга после гражданской войны [1, с. 327]. Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Насколько успешно она это делает и какой ценой – это уже другой вопрос. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (несмотря на последующие реставрации). В то же время отсутствие революционной диктатуры во время многочисленных революций в Испании обрекло их на поражение. Также как неспособность российской буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию.

Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, предопределила появление национал-социалистической диктатуры.

Только государства, где закончился РП, могли быть полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. С начала XVIII в. и до второй половины XIX в. во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион» (включая

Крымскую кампанию). После окончания Первой мировой войны только три страны, покончившие в свое время с «революционными разборками» – Великобритания, Франция, США (являвшимися субъектами геополитического пространства) оказались реальными победителями [10, с. 89].

Россия в Первой мировой войне была просто использована странами Антанты [16, с. 28]. Ни одна из войн, которую вела Россия на территории собственно Европы (включая Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.) не отвечала ее интересам. Основу российской государственности всегда составляло цивилизационное пространство. Походы Карла XII, Наполеона, Гитлера на Россию закончились полным крахом, несмотря на то что их армии были более сильными в военно-профессиональном отношении. Гениальность Петра, Кутузова, Сталина заключалась в том, что они смогли перевести противника из военно-политического в цивилизационное пространство с другими законами ведения войны. В настоящее время мы имеем новое нашествие Европы. Попытку трансформировать цивилизационное пространство (и соответствующий тип сознания) России, Украины, Белоруссии в псевдополитическое, псевдоевропейское пространство [7].

В интересной ситуации, в рамках вышеуказанного закона, оказался СССР. Став реально после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с противостоящими ей государствами, где РП уже закончился. Это сыграло не последнюю роль в поражении в «холодной войне» и последующем распаде государства.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. явилось то, что целый ряд крупных государств (в первую очередь страны БРИКС, а также Турция, Иран), став субъектами геополитического пространства, после окончания здесь РП в конце XX в., естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. С этим связаны и последние события на Украине [15]. Кстати, оба «майдана» не имели отношения к

законам РП. Просто произошла смена элит посредством технологий regime change, опробованных внешними силами во время «цветных революций» и в период Арабской весны [6].

Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния между старыми (западными странами) и новыми субъектами, а с другой стороны – между самими новыми субъектами геополитического пространства. С этой точки зрения конфликт между Турцией и Россией был неизбежен, так как у них слишком много точек противоречий и на Ближнем Востоке и в Закавказье.

Сюда следует добавить тот факт, что арабские страны сейчас находятся в состоянии РП, который здесь начался после Второй мировой войны [9]. События Арабской весны как раз проявление этих процессов. Если учесть, что длительность РП обычно около ста лет, то стабильности в этом регионе следует ожидать не раньше середины XXI века.

Список литературы

1. Блинов, А. И. Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866–1868 гг.) / А. И. Блинов. – Красноярск : Изд-во КГПИ, 1960. – 342 с.
2. Васильев, Л. С. Феномен власти-собственности / Л. С. Васильев // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М. : Наука, 1982. – С. 60–99.
3. Желубовская, Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции / Э. А. Желубовская. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 508 с.
4. Завалько, Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках / Г. А. Завалько. – М. : КомКнига, 2005. – 320 с.
5. Кожокин, Е. М. Государство и народ: от Фронды до Великой Французской революции / Е. М. Кожокин. – М. : Наука, 1989. – 176 с.
6. Комлева, Н. А. Арабская весна: геополитический аспект / Н. А. Комлева // Изв. Урал. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 3. – С. 160–169.
7. Кондорский, Б. М. Исторические предпосылки концепции цивилизационной ойкумены России / Б. М. Кондорский // Война, власть и общество в истории цивилизаций : Междунар. конф. – Самара : ПСГА,

2014. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: www.pgsga.ru/academy/faculties/history-faculty/conference_1.php. – Загл. с экрана.

8. Кондорский, Б. М. Некоторые аспекты категорий «Социум» и «Общество» / Б. М. Кондорский // *Society, culture, personality. Current problems of socio-humanitarian knowledge: Materials of the IV international scientific conference (February 16–17, 2014)*. – Prague, 2014. – С. 13–15.

9. Кондорский, Б. М. Некоторые теоретические аспекты революционных событий в арабских странах / Б. М. Кондорский // *XXVI Ливадийские чтения (21–25 мая 2014 г., Ялта, Ливадия)*. – Ялта, 2014. – С. 31–32.

10. Кондорский, Б. М. Предпосылки Первой мировой войны с точки зрения концепции революционного периода (национальный аспект) / Б. М. Кондорский // *Первая мировая война и национальный вопрос : сб. докл. и материалов Междунар. науч. конф. (Пермь, 22–23 мая 2014 г.)*. – Пермь : ПГНИУ, 2014. – С. 87–90.

11. Кондорский, Б. М. Революционный период в России и предпосылки Первой мировой войны / Б. М. Кондорский // *Первая мировая война и проблемы российского общества : материалы Междунар. науч. конф. (20–21 нояб. 2014 г.)*. – СПб. : Изд-во ГПА, 2014. – С. 123–127.

12. Кондорский, Б. М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий / Б. М. Кондорский // *Политическая наука перед вызовами современной политики : материалы VII Всерос. конгресса политологов (Москва, 19–21 нояб. 2015 г.)*. – М. : Аспект Пресс, 2015. – С. 289–290.

13. Кондорский, Б. М. Основные этапы исторического развития Китая / Б. М. Кондорский // *Eurasia: statum et legem (Евразия: государство и право)*. – 2015. – № 5. – С. 109–124.

14. Кондорский, Б. М. Революционный период в Китае / Б. М. Кондорский // *Общество и государство в Китае*. – М. : ИВ РАН, 2015. – Т. XLV, ч. 1. – С. 134–150.

15. Кондорский, Б. М. Теоретический взгляд на события конца XX – начала XXI в. в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) / Б. М. Кондорский // *IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 сент. 2015 г.)*. – Краснодар, 2015. – С. 382–390.

16. Оськин, М. В. История Первой мировой войны / М. В. Оськин. – М. : Вече, 2014. – 496 с.

17. Пайпс, Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917 / Р. Пайпс. – М. : РОССПЭН, 1994. – 399 с.

18. Патрушев, А. И. Германия в XX веке / А. И. Патрушев. – М. : Дрофа, 2004. – 432 с.
19. Уткин, А. И. Первая мировая война / А. И. Уткин. – М. : Алгоритм, 2001. – 592 с.
20. Хосбаум, Э. Век революции. Европа 1789–1848 / Э. Хосбаум. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 480 с.
21. Черкасов, П. П. Наполеон III – император французов / П. П. Черкасов // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 197–216.

**THE SPECIFICS OF THE MILITARY
AND SOCIO-POLITICAL CONFLICTS
XVIII–XX CENTURIES FROM THE POSITION
OF THE THEORY OF THE REVOLUTIONARY PERIOD**

Kondorskiy Boris Mihaylovich

Candidate of Sciences (Biology),
Head of Department, SPF “Sinbias”
bmkbox@yandex.ru
Rosa Luxemburg St., 70, 83114 Donetsk, Ukraine

Abstract. In the XVIII–XX centuries the revolution in each country were the revolutionary period as a whole system with its own laws, which have had a decisive influence on the character of military and socio-political conflicts. The formation of nations in this period contributed to the emergence of wars caused by the action of the laws of the political and economic systems. Only that country, where already ended the revolutionary period, could be the subject of geopolitical space. In the XIX – early XX centuries this applies to the United Kingdom, France and the United States. The cause of international tension at the turn of XX and XXI centuries was the fact that Russia, China and other third world countries had become to claim their fair share of geopolitical space. This caused opposition from Western countries.

Key words: revolutionary period, Modern revolutions, military conflicts, the nation, the First World War, the geopolitical space.

УДК 94(4).06

ББК 63.3(0)52-61

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ В НАПОЛЕОНОВСКУЮ ЭПОХУ (К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ВОЙН)

Мезенцев Евгений Вячеславович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра военной истории России
Института Российской истории РАН
mezevg2013@yandex.ru
ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается сложившийся в Европе к концу XVIII в. ритуал объявления войны и трансформация этого ритуала и других военных обычаев в эпоху наполеоновских войн на примере великих держав: Англии, России, Франции, Австрии и Пруссии. Освещается роль «помощных (вспомогательных)» держав. Анализируются причины нарушения в наполеоновскую эпоху сложившихся правил ведения войны.

Ключевые слова: наполеоновская эпоха, международные законы и обычаи войны, военное право.

К концу XVIII в. в Европе сложился определенный кодекс военных правил и обычаев, в том числе ритуал объявления войны. Перед началом военных действий полагалось вручить послу иностранной державы, с которой возник конфликт, ноту (меморандум, декларацию и пр.), где излагались причины ссоры и затем шла фраза об объявлении войны, или начала состояния войны, с указанием порой с какого времени. Именно в таком традиционном стиле Россия, например, объявила войну Испании в июле 1799 года [4, т. 1, с. 640].

Конечно, и тогда встречались случаи внезапного и вероломного нападения (Семилетняя война 1756–1763 гг., например, нача-

лась с неожиданного вторжения пруссаков в Саксонию без объявления войны), но такие случаи осуждались общественным мнением. Вообще же войны в Европе в XVIII в. велись в основном довольно гуманно (за исключением пруссаков). Во время войны морская торговля нередко сохранялась, и торговые и рыболовные корабли противника не трогали. В ходе войны часто практиковался обмен и выкуп военнопленных и отпуск пленных на свободу под честное слово больше не воевать. Шпионов нередко не расстреливали, а лишь сажали в тюрьму (а русские часто ограничивались лишь поркой, после чего отпускали вражеских лазутчиков) [20, с. 118; 31, т. 1, с. 202, 203, 259, 265, 333, 371, 524, 561; т. 3, с. 400, 403; т. 4, с. 401–402, 408, 410, 415, 420, 445–446, 452, 734, 736; 32, с. 96, 292–293].

Во французской королевской армии были отменены телесные наказания для солдат, а в русской при просвещенной Екатерине II сильно ограничены и смягчены. Кроме того, во многих европейских армиях были учреждены медали для награждения солдат и унтер-офицеров [6, с. 50–51, 78, 88–104].

Вообще XVIII в. не зря называли галантным. Благородство на войне было тогда доведено до крайних пределов. Так, во время войны за Австрийское наследство в битве при Фонтенуа (1745 г.) французская и английская гвардии, встретившись на поле боя, долго расшаркивались между собой, вежливо уступая друг другу право первого залпа [12, с. 523].

Французская буржуазная революция 1789–1794 гг. внесла поправки в эти устоявшиеся стереотипы. Кровавая классовая борьба внутри страны, красный и белый террор, яростная борьба с внешней контрреволюцией и ужесточение идеологической войны привели к тому, что обе стороны стали менее стесняться в средствах и этикете на войне. Если во время борьбы революционной Франции с 1-й антифранцузской коалицией в 1792–1797 гг. война официально еще объявлялась, то затем этот принцип стал часто нарушаться, особенно французами [10, с. 33–39, 46–51, 53–57, 62; 13, с. 433, 437].

Так, в принадлежавший Турции Египет Наполеон вероломно вторгся летом 1798 г. без всякого объявления войны под фальши-

вым предложением, что хочет бескорыстно помочь туркам изгнать из Египта часто бунтовавших мамелюков. Турецкий посол в Париже, заранее узнавший о предстоявшем нападении, пытался протестовать, но Наполеон не обратил никакого внимания на его возражения и произвел вторжение [16, с. 76–78, 81–82; 33, с. 142–143, 145, 147–149].

Точно также Франция в 1798 г. произвела ряд враждебных акций против России, не объявляя ей войны. Наполеон при захвате Мальты в июне 1798 г. грубо велел русскому посланнику при Мальтийском ордене немедленно выехать в Россию в течение трех (!) часов, не дав даже толком собрать вещи, хотя даже при объявлении войны посланнику враждебной страны давали обычно как минимум сутки для отъезда. А на Ионических островах русского консула на острове Занте французы в это же время вообще арестовали, уподобляясь туркам, которые при начале войны сажали послов неприятельской страны в тюрьму [20, с. 83, 84–85].

Между тем Россия в это время не была в войне с Францией. Правда, после казни французского короля Людовика XVI Екатерина II в феврале 1793 г. разорвала с Францией дипломатические и торговые отношения, но войны ей не объявила и русские войска против французов не послала. Павел I же, вступив на престол, начал в Берлине переговоры с французской Директорией о восстановлении отношений, которые зашли так далеко, что в Европе уже ожидали взаимного назначения послов в Париж и Петербург [20, с. 79, 82–83].

Враждебные поступки Бонапарта с русскими дипломатами на Мальте и Ионических островах, конечно, сразу все испортили и оборвали франко-русские переговоры. В.М. Безотосный как-то остроумно заметил, что у Наполеона был талант искусственно создавать себе и Франции все новых и новых врагов даже среди тех, кто первоначально относился к нему и французам хорошо [2, с. 82, 86].

Похоже, что у Наполеона уже тогда начиналась мания величия, и поэтому он не всегда был дружен с головой. В условиях, когда существовала опасность складывания в Европе против Франции новой коалиции, когда нападение на Египет могло вызвать (и

вызвало) войну и с Турцией, Бонапарт зачем-то провоцировал на вооруженный конфликт еще и Россию, как будто ему было мало врагов! Неясно, зачем Наполеону, действовавшему в согласии с Талейраном, это было нужно, но они своего добились. Хотя Директория формально войну России ни в 1798, ни в 1799 г. так и не объявила, но ее враждебные действия в Средиземноморье и на Балканах побудили оскорбленного Павла вступить во 2-ю анти-французскую коалицию и послать против французов свои войска и флот [10, с. 57–58, 63; 13, с. 456–457].

И хотя военные действия с обеих сторон начались, и весьма кровопролитные, Павел I формально войну Франции также не объявил, правда по другой причине. В те времена в мире существовали такие термины и понятия, как вспомогательные войска и вспомогательная («помощная») держава. По союзному договору одно государство передавало другому, вступившему в войну, в помощь ограниченный контингент войск (обычно 12–20-тысячный корпус и/или небольшую эскадру). При этом считалось, что этот вспомогательный корпус, содержимый принимающей стороной, как бы временно передается ей на службу и действует от ее имени. Поэтому это не считалось общим нарушением мира между страной, пославшей свой вспомогательный корпус союзнику, и той державой, против которой этот «помощный» корпус был использован. Между такими государствами сохранялись обычно дипломатические и торговые отношения и считалось, что между ними нет прямой войны, а только ограниченная, опосредованная (через вспомогательный корпус, переданный на временную службу союзнику) [14, с. 45–46, 75–76, 88–89, 297–298, 301; 20, с. 79–80, 82, 83; 31, с. 729].

В 1798–1799 гг. Россия была именно «помощной» державой, послав на поддержку союзников по коалиции вспомогательные корпуса (А.В. Суворова, А. Германа и А.М. Римского-Корсакова) и вспомогательную эскадру (Ф.Ф. Ушакова). Поэтому по правилам она объявлять Франции войну и не должна была, так как вела опосредованную борьбу. Объявление войны считалось обязательным лишь когда держава вступала в прямую войну, открыто и от своего имени, и использовала в борьбе все свои силы, без ограни-

чений [17, с. 77; 20, с. 86, 87; 23, с. 48; 27, с. 54; 30, с. 56–57; 31, с. 408, 410, 421, 438]. Правда, в революционных и наполеоновских войнах и это стало не всегда соблюдаться. Так, в войне 1805 г. Наполеон напал на австрийские войска в Баварии и Италии, не предупредив заранее о начале войны, в итоге послы обеих стран выехали из враждебных столиц не перед началом военных действий, как было положено, а уже после. Это дало повод журналистам связать, что раньше такое сакральное действие как война сопровождали торжественными извещениями, теперь же дерутся уже без всяких церемоний [4, т. 2, с. 635, 681; 33, с. 257; 34, т. 11, р. 109].

В войне 1805 г. Россия опять выступала как «помощная держава» для Австрии, поэтому официально войны французам не объявляла, как и они нам. Правда, Наполеон нарушил традицию, по которой граждан вспомогательной державы нельзя было трогать. При начале военных действий с австрийцами и «помощной» армией Кутузова Наполеон велел арестовать во французских портах все бывшие там русские торговые корабли, а их команды отправить внутрь Франции как военнопленных. И это несмотря на то что по русско-французскому торговому соглашению 1802 г. было условлено даже в случае возникновения прямой войны не задерживать коммерческие суда. Александр I поступил благороднее и не стал мстить, выполнив условия соглашения: все французские торговые суда в 1805 г. были свободно выпущены из русских портов после начала военных действий [8, с. 17, 27; 15, с. V, VIII, 3, 9–17, 21–22, 25; 17, с. 78; 19, с. 84–88].

Кстати, Бонапарт в 1805 г. опять нарушил принцип неприкосновенности дипломатов. Заняв Штутгарт, он арестовал там русского посланника при Вюртембергском дворе, после чего русский посланник в Баварии К.Я. Бюлер, желая избежать подобной участи, спешно выехал из Мюнхена при вступлении туда французов и сумел добраться до Браунау к армии Кутузова, куда его брат, тоже дипломат, поступил дипломатическим агентом [1, л. 63; 15, с. 87; 22, с. 74–76].

После разгрома австрийской армии Маке при Ульме и соединения армии Кутузова у Ольмюца с русской гвардией и корпу-

сом Ф.Ф. Буксгевдена русские фактически выдвинулись в военных действиях на первое место, но формально Россия продолжала оставаться лишь «помощной» державой Австрии, почему Александр I предписывал русским генералам выполнять австрийские планы и указания, что и привело к поражению при Аустерлице. После же заключения Никольсбургского перемирия именно потому, что Россия официально считалась в этой войне лишь «помощной», Наполеон начал переговоры о мире именно с Австрией, с которой он был в прямой войне, а Александр I, отведя по просьбе австрийцев свои вспомогательные войска обратно на территорию России, вошел тем самым снова полностью в нейтральное положение [8, с. 268–270; 11, с. 33, 53, 54, 59; 15, с. 203, 220–222, 274–278, 289–293, 303–306; 29, т. 2, с. 85, 90–91, 94–95].

Тем не менее, поскольку Россия в начале 1806 г. возобновила уже самостоятельные военные действия против французов на Адриатике в Далмации (эскадра и войска Д.Н. Сенявина), Наполеон заключил в июле 1806 г. в Париже и с Россией отдельный мир. Но царь этот мир не утвердил, поскольку он был невыгоден для России [27, с. 54–56, 60, 81; 30, с. 236–240].

В войне 1806 г. с Пруссией Наполеон также не удостоил пруссаков официального объявления войны. В ответ на предъявленное ему Берлинским двором почти ультимативное требование вывести французские войска из западной Германии он просто, не дожидаясь истечения срока ультиматума, перешел границу и начал военные действия против пруссаков [16, с. 235–236; 33, с. 291]. Россия в эту войну по условиям русско-прусской военной конвенции от сентября 1806 г. тоже сначала вступала как вспомогательная держава для Пруссии, но после молниеносного разгрома Пруссии в самом начале войны Россия волею судьбы выдвинулась на 1-е место в борьбе с Наполеоном. И после того как наполеоновские войска, подойдя к Висле, вступили в бои с русской армией, Александр I манифестом от 18 ноября 1806 г. объявил о начале прямой войны с Францией! [3, с. 40–42; 4, т. 3, с. 337; 18, с. 396–405; 27, с. 62–63, 67].

Испанию в 1807–1808 гг. Наполеон, как и Египет, пытался захватить исподтишка, введя в нее свои войска под предлогом

совместной войны с Португалией, а затем арестовал всю испанскую правящую династию и объявил испанским королем своего брата Жозефа, что вызвало возмущение и восстание испанского народа [12, с. 189–195; 16, с. 332–335; 33, с. 368–371, 373–376].

Англичане, недовольные несоблюдением Наполеоном Амьенского мира, тоже перестали соблюдать военный этикет. Так, в мае 1803 г. сразу после разрыва дипломатических отношений с Францией они начали захватывать в своих портах и море французские корабли, а войну Наполеону официально объявили лишь через несколько дней. Наполеон тоже не соблюдал правила и в отместку, при объявлении войны, велел арестовать всех английских граждан на территории Франции, даже туристов [12, с. 39, 475; 29, т. 1, с. 106–107].

В октябре 1804 г. английские корабли еще более бесцеремонно среди моря напали на испанский флот, перевозящий золото и серебро из Южной Америки в Испанию, и захватили сокровища, после чего возмущенная Испания объявила Англии 12 декабря войну. Также нагло англичане поступили в сентябре 1807 г. и с датчанами, внезапно бомбардировав Копенгаген, а затем захватив и уведя с собой датский флот, после чего раздраженная Дания заключила 30 октября союз с Наполеоном и объявила затем Англии войну [12, с. 49, 475–476, 479].

Войну 1809 г. с Наполеоном первой начала Австрия, поэтому основные правила были соблюдены. Уже 2 марта австрийский посол в Париже знаменитый К.В. Меттерних предупредил французского министра иностранных дел Ж.Б. Шампаньи, что Австрия в ближайшее время начнет войну с французами. А 8 апреля 1809 г. эрцгерцог Карл отправил на другой берег пограничной реки Инн на французские аванпосты офицера с запиской и уведомлением, что на следующий день австрийцы перейдут границу и начнут военные действия [16, с. 374, 390, 393].

Такое объявление войны хотя и было не совсем по правилам, но по сути было честнее и благороднее. Ведь когда война объявлялась послом враждебной державы путем вручения специальной ноты в столице будущего врага, пересылка этого важного сообщения к войскам, стоящим на границе, могла запоздать (и

часто опаздывала), и для пограничных войск нападение врага нередко оказывалось неожиданным [21, с. 417; 24, л. 229–230; 25, л. 1; 26, л. 83 об.].

А в данном случае передача объявления войны шла в обратном порядке. Первыми о ней предупреждались вражеские пограничные войска, а они уже пересылали это сообщение дальше по инстанциям все выше и выше вплоть до своей столицы и самого императора. С военной точки зрения, конечно, не очень разумно, зато честно!

Войну 1812 г. с Россией Наполеон начал первым и официально войну царю на этот раз объявил, но при этом схитрил. Он прекрасно знал, что Александр I со свитой и министр иностранных дел Н.П. Румянцев еще в апреле 1812 г. прибыли в приграничный город Вильно в Литве, так как царь намеревался лично присутствовать при армии в надвигавшейся войне [5, с. 251, 336, 338, 340, 346; 7, с. 134–135; 23, с. 49]. Следовательно, гонца с объявлением войны надо было присылать в Вильно. Но Бонапарт намеренно сделал такое уведомление окольным путем через Петербург, где французский посол Ж. Лористон сделал соответствующее заявление остававшемуся в столице заместителю министра иностранных дел Алексею Салтыкову 10/22 июня 1812 года. Между тем уже вечером следующего дня Наполеон начал переправу своей армии через пограничную реку Неман в Литве [4, т. 6, с. 441–442, 444, 756; 5, с. 352]. Расчет был на то, что русские войска, стоявшие близ западной границы, не успеют к этому времени получить из Петербурга сообщение о начале войны и будут захвачены врасплох, что и случилось [21, с. 417; 23, с. 64–66, 69–70]. Известие об объявлении французами войны пришло в Вильно из Петербурга через 3 дня – 13/25 июня, когда армия Наполеона уже два дня вела боевые действия на территории России и находилась на подступах к Вильно [4, т. 6, с. 439, 441–442]. Понятно, что царь и все русское общество оценили нападение Наполеона как вероломное, поскольку его считая белыми нитками хитрость была слишком очевидна [4, т. 6, с. 443, 444, 756].

Таким образом, почти все свои войны Наполеон начинал без всяких торжественных церемоний объявления войны. Лишь для

России в 1812 г. он сделал исключение, вручив соответствующую дипломатическую ноту, но и то фактически было сделано задним числом, уже после состоявшегося вторжения. В итоге после наполеоновских войн традиция предварительного объявления войны стала соблюдаться в Европе гораздо реже.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 11. – Оп. 4. – Д. 11.
2. Безотосный, В. М. Россия в наполеоновских войнах 1805–1815 гг. / В. М. Безотосный. – М. : Полит. энцикл., 2014. – 631 с.
3. Бескровный, Л. Г. Русское военное искусство XIX в. / Л. Г. Бескровный. – М. : Наука, 1974. – 360 с.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века (ВНР). – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 1. – 800 с. ; Т. 6 (1962). – 866 с.
5. Война 1812 г. и русское общество («Осведомительные письма» тайной полиции) // Русско-французские культурные связи в эпоху просвещения. – М. : РГГУ, 2001. – 381 с.
6. Всеволодов, И. В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем / И. В. Всеволодов. – М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. – 336 с.
7. Дженкинс, М. Аракчеев. Реформатор-реакционер / М. Дженкинс. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. – 271 с.
8. Документы штаба М.И. Кутузова 1805–1806. – Вильнюс : Гос. изд-во лит. и науч. лит., 1951. – 340 с.
9. Дробан, А. Т. Отечественная война 1812 г.: Россия и «большая игра Европы» императора Наполеона / А. Т. Дробан. – М. : Ленанд, 2015. – 224 с.
10. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 256 с.
11. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. – М. : Высш. шк., 1991. – 463 с.
12. Исдейл, Ч. Д. Наполеоновские войны / Ч. Д. Исдейл. – Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 544 с.
13. История дипломатии. – М. : Госполитиздат, 1959. – Т. 1. – 896 с.
14. Керсновский, А. А. История русской армии / А. А. Керсновский. – М. : Голос, 1992. – Т. 1. – 304 с.
15. Кутузов, М. И. Документы : в 5 т. / М. И. Кутузов. – Т. 2. – М. : Воениздат, 1951. – 609 с.

16. Лашук, А. Наполеон. Походы и битвы. 1796–1815 / А. Лашук. – М. : Эксмо, 2004. – 960 с.
17. Ливен, Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / Д. Ливен. – М. : РОССПЭН, 2012. – 679 с.
18. Мартенс, Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Ф. Ф. Мартенс. – СПб. : [Б. и.], 1885. – Т. VII. – 441 с.
19. Мезенцев, Е. В. Война России с наполеоновской Францией в 1805 г. (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции) / Е. В. Мезенцев. – М. : ИРИ РАН, 2008. – 365 с.
20. Окунь, С. Б. История СССР. Ч. 1. Конец XVIII – начало XIX века / С. Б. Окунь. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1974. – 222 с.
21. Поликарпов, Н. П. Боевой календарь – ежедневник Отечественной войны 1812 года / Н. П. Поликарпов. – М. : РОССПЭН, 2011. – 525 с.
22. Политический журнал. – СПб., 1805. – Ч. 1. – Кн. 1.
23. Рей, М. П. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812 год / М. П. Рей. – М. : Полит. энцикл., 2015. – 312 с.
24. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. ВУА. – Оп. 2. – Д. 1875.
25. РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 118.
26. РГВИА. – Ф. 474. – Оп. 1. – Д. 1349.
27. Сироткин, В. Г. Наполеон и Россия / В. Г. Сироткин. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 380 с.
28. Соколов, О. В. Армия Наполеона / О. В. Соколов. – СПб. : ИД «Империия», 1999. – 586 с.
29. Соколов, О. В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. / О. В. Соколов. – М. : Рус. импульс, 2006. – Т. 1. – 320 с. ; Т. 2. – 240 с.
30. Станиславская, А. М. Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX века. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. / А. М. Станиславская. – М. : Наука, 1976. – 375 с.
31. Суворов, А. В. Документы / А. В. Суворов. – М. : Воениздат, 1949–1953. – Т. 1 (1949). – 792 с. ; Т. 3 (1952). – 676 с. ; Т. 4 (1953). – 676 с.
32. Суворов, А. В. Письма / А. В. Суворов. – М. : Наука, 1986. – 808 с.
33. Чандлер, Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя / Д. Чандлер. – М. : Центрполиграф, 2001. – 693 с.
34. Correspondance de Napoleon I. – Paris : Imprimerie Imperiale, 1863. – Т. 11. – 742 p.

**INTERNATIONAL PRACTICE OF DECLARING WAR
DURING THE NAPOLEONIC ERA (TO THE QUESTION
OF INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF WARS)**

Mezentsev Eugeny Vyacheslavovich

Candidate of Sciences (History),
Senior Researcher (Senior Scientific Cooperator),
Centre of Russian Military History, Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences
mezevg2013@yandex.ru
Dmitry Ulyanov St., 19, 117036 Moscow, Russian Federation

Abstract. The author examines the ritual declaration of war in Europe in the late 18th century and the change of this ritual and other military traditions in the era of the Napoleonic Wars. Interpreted the practice of such great powers as Britain, Russia, France, Austria and Prussia. It highlights the role of “ancillary” powers. The reasons of vilations of conventional military rules in the Napoleonic era analyzed.

Key words: Napoleonic era, international military laws and customs of war, law of war (military law).

УДК 94(430)“1920”:327

ББК 63.3(4Гем)611

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ПОЛЬСКО-СОВЕТСКАЯ ВОЙНА 1920 ГОДА

Станков Николай Николаевич

Доктор исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
nsh@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград,
Российская Федерация

Аннотация. Основываясь на архивных материалах, документальных публикациях и современной литературе, автор рассматривает политику Германии в Восточной Европе в период польско-советской войны 1920 года. Основное внимание уделено политике Германии в отношении советской России, Польши и Чехословакии. Обременительные условия Версальского договора и вражда с Польшей подталкивали Германию к сотрудничеству с советской Россией. В статье освещаются развитие германо-советских и германо-чехословацких отношений летом 1920 г. и реакция Польши.

Ключевые слова: польско-советская война 1920 г., восточная политика Германии, нейтралитет, советско-германские отношения, германо-чехословацкие соглашения.

Правящие круги Германии предвидели возможность вооруженного конфликта между Польшей и советской Россией. Выступая 16 февраля 1920 г. на заседании комиссии рейхсрата по иностранным делам, министр иностранных дел Г. Мюллер подчеркнул, что «война между Россией и Польшей не исключена». Он отметил, что военные «очень высоко оценивают мощь русской армии», по его мнению, «даже слишком высоко». Тем не менее министр считал возможной победу советской России над Польшей и не исключал, что эта победа «благоприятно повлияет на наше положение в Верхней Силезии и в Данциге». Он предполагал, что

советское руководство осознает, что «Россия и Германия, как великие державы, потерпевшие поражение в Первой мировой войне, должны проводить свое восстановление, не борясь друг против друга, а вместе друг с другом». Министр высказался за установление отношений с Москвой и его поддержали члены комиссии [5, с. 167–168].

За установление отношений с советской Россией выступали и деловые круги Германии, о чем свидетельствует записка руководителей германской Всеобщей электрической компании (АЭГ) Ф. Дейча и В. Ратенау рейхсканцлеру Г. Бауэру от 17 февраля 1920 года. Обосновывая необходимость переговоров с Москвой о политическом и экономическом сотрудничестве, Дейч и Ратенау выражали обеспокоенность, что, промедлив, «Германия упустит момент для создания основы успешной германской политики в Восточной Европе» [5, с. 159].

За развитие отношений с Москвой выступало и германское военное командование. В условиях начавшейся польским вторжением войны и произошедшего в ходе ее перелома в результате контрнаступления Красной армии, командующий рейхсвера генерал Ганс фон Сект 26 июля направил рейхспрезиденту Ф. Эберту, рейхсканцлеру К. Ференбаху, министру иностранных дел В. Симонсу и военному министру О. Гесслеру памятную записку о германо-советских отношениях. Проанализировав внутривнутриполитическую ситуацию в Германии и международное положение страны, Сект считал, что Берлин должен заверить Москву в своем миролюбии и заявить, что мы «хотим жить с Россией в дружбе и поддерживать двусторонний экономический обмен на основе полной взаимности» [5, с. 207]. Руководство рейхсвера рассчитывало, что благодаря наступлению Красной армии удастся ликвидировать «польский коридор», вернуть потерянные территории и восстановить германо-русскую границу 1914 г., перечеркнуть Версальский договор и предпринять с советской Россией совместные действия против Франции [6, с. 182–184; 15, S. 117]. Несмотря на фантастичность этих надежд, некоторые из них были поддержаны Москвой. Советская сторона заявила, в частности, о готовности признать границы 1914 года [2, с. 43; 12, S. 324, 325].

В Берлине не без удовлетворения отмечали проблемы, с которыми сталкивались польские власти при наборе в армию немцев из вновь присоединенных областей, так как они были тесно связаны с вопросом о гражданстве – одним из важнейших в польско-германских отношениях того времени [15, S. 144–148]. Большинство немцев в Польше с радостью приветствовало наступление Красной армии летом 1920 г., рассматривая ее как освободительницу, которая поможет им присоединиться к Германии [15, S. 152]. Когда 15–16 августа 1920 г. немецкая пресса опубликовала ошибочные сообщения о падении Варшавы, в Катовицах и в других населенных пунктах Верхней Силезии начались выступления против поляков и оккупационных войск Антанты [14, s. 132].

Варшава с тревогой наблюдала за опасной игрой, которую вел Берлин. Польская разведка в изобилии поставляла информацию о военном сотрудничестве между Германией и советской Россией [13, s. 197–198]. В агентурных сводках сообщалось о создании в Берлине совместной «большевистско-немецкой контрразведки», о командировании в советскую Россию офицеров Войскового управления и военных инструкторов для оказания помощи командованию Красной армии, квалифицированных рабочих, которые должны были трудиться на Путиловском заводе и других предприятиях оборонной промышленности, о вербовке добровольцев в Красную армию. Отмечалось также, что Германия поставила для Красной армии большое количество военного снаряжения и, несмотря на собственные трудности, оказала советской России финансовую помощь [3, л. 36–37; 13, s. 201–203]. Примечательно, что Берлин стремился расширить сотрудничество не только с советским правительством, но и с русской эмиграцией, из чего можно было заключить, что Германии «для восстановления ее былой военной мощи и экономического процветания необходим самый тесный союз с Россией», независимо от того, кто будет у власти [3, л. 36].

Обеспокоенность в Варшаве вызывали заявления со стороны Германии, что она ни в коем случае не допустит, чтобы Польша была буфером между Германией и Россией. Польская сторона расценивала подобные заявления как угрозу нового раздела Польши [3, л. 37].

Большое беспокойство польской общественности вызвали слухи о создании «русско-чешско-германского» альянса, подхваченные и растиражированные польской прессой [7, и. 53]. Слухи появились не на пустом месте. 29 июня 1920 г. Чехословакия и Веймарская республика подписали экономическое соглашение, которое предусматривало интенсивный товарообмен, урегулировало проблемы транспортного сообщения, финансовые отношения. Восстанавливалось так называемое малое приграничное сообщество, чрезвычайно важное для развития экономических отношений Чехословакии, Саксонии и Баварии. Одновременно с соглашением об экономическом сотрудничестве представители Германии и ЧСР подписали соглашения о гражданстве и о применении статьи 297 Версальского договора. В соответствии с последним немцы Глучинской области, отошедшей к Чехословакии, получили право выбирать гражданство. В том случае, если они избирали германское гражданство и выражали желание переселиться в Германию, то могли беспрепятственно вывезти все движимое имущество и сохраняли права собственности на свое недвижимое имущество в Чехословакии [9, S. 313–317]. В Берлине это по достоинству оценили, рассматривая «заключенное соглашение как хорошую примету в качестве первого шага на пути примирения народов» [9, S. 317]. Тогда же советская дипломатия настойчиво добивалась расширения сотрудничества с ЧСР. Советские представители в Берлине В. Копп и И. Райх буквально осаждали чехословацкого посланника М. Кобра [7, и. 51, 53]. Но об установлении тесных отношений между Чехословакией и советской Россией в то время не могло быть и речи [7, и. 53]. Тем не менее, очевидно, страх перед созданием «русско-чешско-германского» союза заставил поляков вступить в переговоры с Германией, пытаясь нащупать почву для возможного соглашения.

Польский министр иностранных дел Е. Сапега, беседуя 8 июля 1920 г. с германским посланником в Варшаве А. Оберндорфом, подчеркнул, что он не одобряет стремление западных держав возложить на Германию непосильные репарационные платежи, что он не желал бы, чтобы Польша была барьером между Германией и Россией, она должна стать «мостом, который их соединит».

Польский министр дал понять германскому посланнику, что в Верхней Силезии «было бы лучше обойтись без плебисцита», а «гданьский вопрос» оставил открытым [9, S. 360–361]. При приближении Красной армии к Варшаве польская дипломатия через посредников зондировала вопрос о военной помощи со стороны Веймарской республики, в качестве ответного шага намекая на возможность достижения соглашения в территориальных вопросах. 8 августа Оберндорф сообщал в Берлин о встрече с папским нунцием в Варшаве, который спрашивал посланника о возможном участии германских военнослужащих в защите Польши. 9 августа Оберндорфа посетил В. Студницкий, которого в своем донесении в Берлин германский дипломат представил как «активного приверженца дружбы с Германией». Студницкий также выяснял возможности получения помощи с германской стороны в обмен на соглашение в вопросах «коридора», Верхней Силезии и транзита в Россию [11, s. 47]. Однако германские политики, будучи убеждены в скорой победе Красной армии, уклонялись от переговоров с Варшавой. В тех условиях, по их мнению, было важнее договориться с Москвой, тем более что советский представитель в Берлине В.Л. Копп уверял германских дипломатов, что при подписании мирного договора с Польшей РСФСР будет выступать за решение вопросов о «польском коридоре» и Верхней Силезии в пользу Германии [9, S. 430]. 22 июля 1920 г. министр иностранных дел Веймарской республики В. Симонс обратился к Г.В. Чичерину с предложением незамедлительно обсудить вопрос «о возобновлении нормальных отношений между Германией и Россией». Но советское руководство, надеявшееся не только на скорую победу над Польшей, но и на революцию в Германии, не воспользовалось этой возможностью. Ответ Г.В. Чичерина не удовлетворил Берлин [4, с. 34–35]. Обмен мнениями «об урегулировании территориальных вопросов на востоке» между Коппом и сотрудниками МИД Германии хотя и продолжался, но после поражения Красной армии не имел реального значения [6, с. 179, 180–181].

Итальянский посланник в Варшаве Ф. Томмазини считал, что Берлин допустил летом 1920 г. большую ошибку. Он не удовлетворился соглашением с Польшей, охватывавшим «гданьский кори-

дор» и Верхнюю Силезию, полагая, что Антанта, спасая Польшу и Европу от большевизма, за германскую поддержку уступит ей не только «коридор» и Верхнюю Силезию, но и разрешит создать миллионную армию и примет Германию в Лигу наций [14, s. 125–126].

Однако, несмотря на враждебное отношение к полякам, усиление советского влияния в Центральной Европе вызывало беспокойство в определенных кругах Германии. Глава гражданской самообороны Баварии Г. Эшерих предостерегал рейхсканцлера К. Ференбаха, что наступление Красной армии представляет большую опасность для Германии. Поражение Польши привело бы к установлению там большевистского правительства. Из-за неопределенной окончательно границы между Германией и Польшей, по мнению Эшериха, многие немцы стали бы «жертвами польского красного режима», возникла бы угроза большевизма для Восточной Пруссии. Эшерих считал, что к сопротивлению большевизму мало способна и Чехословакия. В результате Силезия оказалась бы с трех сторон окруженной «красным валом», а Бавария – в непосредственном соседстве с «красной Чехословакией». Эшерих призывал правительство Германии в кратчайшие сроки провести мероприятия по укреплению границ с Польшей и Чехословакией, используя для их защиты не только подразделения рейхсвера, но и силы самообороны [8, S. 86–87].

В отличие от Эшериха министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш не склонен был столь пессимистически оценивать положение своей страны. Он не исключал в тех условиях отдельных локальных выступлений, но был убежден, что до установления в ЧСР «большевистской системы» дело не пойдет [10, s. 20]. На случай поражения польской армии Прага произвела ряд подготовительных военных мер, чтобы не допустить Красную армию на территорию ЧСР и воспрепятствовать большевистской пропаганде внутри страны. В то же время внутривосточная ситуация в Веймарской республике вызывала у чехословацкого руководства серьезные опасения. По мере продвижения Красной армии к границам Германии там усилилась коммунистическая агитация, возросли надежды на мировую революцию. 18 июля 1920 г. чехословацкий посланник М. Кобр писал из Берлина:

«...Крайне левые партии устремили свои взоры на Восток в ожидании момента, когда Красная армия советской России приблизится к границам Восточной Пруссии» [7, и. 65]. Коммунисты и независимые социал-демократы требовали прекратить транзит через германскую территорию военных грузов для Польши [1, с. 17; 15, S. 240]. В тех условиях не могло быть и речи об осуществлении правительством Германии каких-либо акций против советской России без риска «приблизить большевистскую революцию в своей стране» [8, S. 34]. 20 июля 1920 г. Германия заявила о своем нейтралитете [8, S. 75]. Она запретила провозить военные грузы в Польшу и советскую Россию через свою территорию [5, с. 199–200]. Но и после этого коммунисты, не доверяя властям, создавали рабочие советы, которые контролировали, как правительство выполняет свое обещание. Все транспортные средства, направлявшиеся на Восток, подвергались досмотру. В конце июля 1920 г. немецкие железнодорожники остановили транзитный поезд с чехословацкими легионерами, возвращавшимися из России через США и Германию в Чехословакию. Этот случай стал предметом обсуждения на заседании кабинета и в рейхстаге. В министерство иностранных дел Германии, требуя разъяснений, обратился чехословацкий посланник М. Кобр [7, и. 66]. Опасаясь осложнений в отношениях с ЧСР, в дело вынужден был вмешаться рейхсминистр иностранных дел В. Симонс. Он старался убедить депутатов левых партий и совет железнодорожников в том, что речь шла не о переброске чехословацких войск на советско-польский фронт, а о «частных лицах» – участниках Первой мировой войны, возвращавшихся на родину. Но рабочих не удалось переубедить. Чехословацким транспортам было разрешено следовать дальше лишь после того, как были выгружены оружие и боеприпасы [1, с. 20–21; 15, S. 241–242].

Однако эти меры предосторожности были излишними. Отношение правительства Чехословакии к советско-польской войне было сходным с позицией Германии. 7 августа 1920 г. министерство иностранных дел ЧСР сообщило своим дипломатическим представительствам за границей, что Прага в отношении польско-советской войны придерживается строгого нейтралитета [10, с. 20].

Вопреки ожиданиям Берлина польско-советская война закончилась поражением Красной армии. Тем не менее именно во время польско-советской войны 1920 г. были заложены основы восточной политики Германии. Главным ее звеном стало развитие отношений с советской Россией, и несмотря на то что Москва уклонилась от выполнения ряда условий германской стороны, были созданы предпосылки для политического и военного сотрудничества. Для развития добрососедских отношений Германии и Чехословакии важное значение имели соглашения об экономическом сотрудничестве, о гражданстве и о применении статьи 297 Версальского договора, подписанные 29 июня 1920 года. ЧСР была единственной европейской страной-победительницей, которая отказалась от своего права безвозмездной ликвидации германской собственности на своей территории. С 1920 г. Германия заняла первое место во внешней торговле Чехословакии.

Список литературы

1. Гинцберг, Л. И. Друзья новой России / Л. И. Гинцберг. – М. : Наука, 1983. – 232 с.
2. Горлов, С. А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия) / С. А. Горлов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 352 с.
3. Российский государственный военный архив. – Ф. 461-к. – Оп. 1. – Д. 146.
4. Случ, С. З. Германия и СССР в 1918–1939 гг.: мотивы и последствия внешнеполитических решений / С. З. Случ // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М. : Гея, 1995. – С. 26–94.
5. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора : сб. док. В 2 т. Т. 2 (1919–1922 гг.). – М. : Политиздат, 1971. – 596 с.
6. Черноперов, В. Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии в 1918–1921 гг. / В. Л. Черноперов. – Иваново : Изд-во Иван. гос. ун-та, 2006. – 436 с.
7. Archiv Ministerstva zahraničních věcí. – Praha : Politické zprávy. Vyslanectví ČSR v Berlíně, 1920.
8. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Das Kabinett Fehrenbach. 25. Juni 1920 bis 4. Mai 1921. – Boppard am Rhein : Boldt, 1972. – 720 S.

9. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. A: 1918–1925. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. – Bd. 3. – 690 S.
10. Beneš, E. Cirkulární telegramy 1920–1935 / E. Beneš. – Praha : Společnost Edvarda Beneše, 2002. – 278 s.
11. Jonca, K. Wojna polsko-sowiecka 1920 roku w dokumentach niemieckiej dyplomacji / K. Jonca. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. – 616 s.
12. Meier-Welcker, H. Seeckt / H. Meier-Welcker. – Frankfurt a. M. : Verlag für Wehrwesen, 1967. – 744 S.
13. Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. – L. : Polska fundacja kulturalna, 1990. – 324 s.
14. Tommasini, F. Odrodzenie Polski / Francesco Tommasini. – Warszawa : Nakładem Księgarni F. Hoesicka, 1928. – 364 s.
15. Wagner, G. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920 / Gerhard Wagner. – Wiesbaden : Steiner, 1979. – 294 S.

THE EASTERN POLICY OF GERMANY AND POLISH-SOVIET WAR OF 1920

Stankov Nikolay Nikolaevich

Doctor of Sciences (History),
Professor, Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Volgograd State University
nnsh@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The policy of Germany in Eastern Europe during the Polish-Soviet War of 1920 based on the archival materials, the documentary publications and the modern literature is considered in the paper by the author. The author pays special attention to the policy of Germany towards the Soviet Russia, Poland and Czechoslovakia. The burdensome conditions of the Versailles treaty and the conflict with Poland turned Germany to collaboration with the Soviet Russia. In the article the development of the German-Soviet and the German-Czechoslovakian relations and the Polish reaction to them in the summer of 1920 are investigated.

Key words: Polish-Soviet War of 1920, the eastern policy of Germany, neutrality, the Soviet-German relations, the German-Czechoslovakian relations.

УДК 94(100):327

ББК 63.3(0)51

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
И ОБРАЗ ДИПЛОМАТА
В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Циватый Вячеслав Григорьевич

Кандидат исторических наук, доцент,
заслуженный работник образования Украины,
первый проректор по научно-педагогической и учебной работе
Дипломатической академии Украины при МИД Украины
tsivatyy@i.com.ua, tsivatyi@gmail.com
ул. Большая Житомирская, 2, офис 219, 01001 г. Киев, Украина

Аннотация. В статье анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) во время военных конфликтов. Особое внимание уделяется институциональному развитию общественно-политической мысли и институционально-дипломатической практики в Западной и Центральной Европе. Сделан акцент на институциональном развитии дипломатических служб, дипломатическом инструментарии, переговорах, нормах протокола, этикета и церемониала ведущих государств Европы. Определены направления эволюции теории и практики дипломатии в исторической ретроспективе и международно-политическом контексте. Проанализированы профессиональные требования к дипломатам и государственным служащим, которые занимаются вопросами внешней политики, в контексте особенностей исторического периода их деятельности и преемственности дипломатической практики.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, модели дипломатии, институционализация, война, Европа, раннее Новое время (XVI–XVIII вв.).

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств дипломатия и ее институты всегда рассматривались как часть социополитической

культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн [7, р. 236–239].

Среди войн раннего Нового времени особое место занимают – Итальянские войны (1494–1559 гг.) и Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.). В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», усовершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата раннего Нового времени и Нового времени [19].

Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XVI–XVIII веков [16].

С одной стороны, политические итоги этих войн изменили европейское общество, способствовали его трансформации, а с другой – их масштабы способствовали ментальным сдвигам, то есть во время войн постепенно начинает меняться мировоззрение, появилось новое поколение и новое светское мировоззрение, в том числе – и в сфере дипломатии. Формируется образ дипломата раннего Нового времени мирного периода жизни общества, и параллельно – образ дипломата времени военного – военных конфликтов и войн.

Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти в сфере внешних сношений, моделей дипломатии и институтов дипломатии, переговорного процесса и дипломатической практики. Процесс образования институтов дипломатии – институционализация – подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое [20, р. 134–139].

Приемы и методы дипломатии раннего Нового времени – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства. Дипломатический инструментарий – это совокупность средств и

способов, применяемых для достижения или осуществления поставленных целей. Трудности дипломатической практики связаны с целым рядом факторов и условий, которые могут или благоприятствовать или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач или задач переговорного процесса.

В конце XV в. Европа вступает в новый период межгосударственных отношений. Эти тенденции и новые правила дипломатической игры нашли четкое отражение в событиях и перипетиях Итальянских войн (1494–1559). В новых политических условиях формируются и новые взгляды на внешнюю политику и дипломатию, ее инструментарий, действия дипломатов. Наиболее последовательно и теоретически обоснованно эти новые взгляды на государство и его внешнюю политику и дипломатию изложил в своих трудах Никколо Макиавелли [5, с. 271–285].

Его политический реализм и новые идеи вполне разделяли выдающиеся деятели и политики Средневековья и раннего Нового времени. События Итальянских войн стали своеобразной экспериментальной площадкой, на которой происходила апробация всех форм и методов дипломатии раннего Нового времени [8]. Дипломаты раннего Нового времени неукоснительно соизмеряли каждый внешнеполитический шаг своего государства с позицией своего государства в системе международных отношений, научились учитывать позиционное размещение внешнеполитических сил и определять необходимый дипломатический инструментарий для реализации внешнеполитических задач [18].

Дипломаты раннего Нового времени проводили прелиминарные переговоры, готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов. Уже в конце XV – начале XVI в. в Западной Европе начался быстрый переход к современной системе организации посольской службы – постоянным дипломатическим представительствам. Были заложены основы институционализации внешней политики каждого отдельного государства и европейской внешней политики в целом [15].

Характеризуя представления об эмоциях в дипломатии, надо иметь в виду, что соответствующие картины будут разными в

разных дипломатических практиках государств, но при этом в них можно выделить некоторые универсалии, связанные с универсальностью человеческого опыта, на примере переговорного процесса (переговоров) в европейских странах раннего Нового времени. Эмоциональная окраска переговоров всегда играла важную роль при достижении поставленных задач: как в мирное время, так и во время военных конфликтов и войн. При этом также необходимо учитывать, что здесь также присутствует дилемма «эмоции – чувства», но уже в этот период их следует разделять, делая акцент на когнитивной и деструктивной составляющих в эмоциях. Однако можно показать, что когнитивная составляющая в эмоциях является следствием их социокультурной обусловленности.

Наиболее распространенные эмоции в дипломатической практике связаны с определенными внешними проявлениями (дипломату страшно, или дипломат сердится, или дипломат радуется и т. д.), которые затем переносятся и в дипломатический диалог.

Теория и практика дипломатии раннего Нового времени нашла свое отражение в следующих трудах дипломатов: Н. Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о послахе», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла» и т. д. [2; 10].

В своем произведении «Государь» (1513), сделавшем его известным на века, итальянский дипломат Никколо Макиавелли анализирует и подробно описывает свойства характера, приемы, методы и инструментарий дипломатии для управления государством, необходимые идеальному правителю. Макиавелли убежден в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идет о средствах, а не о целях. Государь (Правитель) в идеальном образе Никколо Макиавелли все время должен осознанно или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических сравнений. Государь должен научиться умению отсту-

пать от добра и справедливости и пользоваться этим в зависимости от многообразия факторов и жизненных обстоятельств.

Современник Итальянских войн (1494–1559) Никколо Макиавелли приводит многочисленные примеры из своей дипломатической деятельности, когда степень заинтересованности государств в том или ином варианте решения проблем развития может варьироваться в зависимости от военного потенциала и уровня экономического развития государств-участников переговоров или военных действий, их роли и места в системе международных отношений на рубеже Средневековья и раннего Нового времени, внутренней и внешнеполитической ситуации и т. д.

Это, в свою очередь, осложняет выработку консенсуса и может привести к асимметричному, неравному, разрешению проблемы, то есть к неравному распределению выгод и издержек (например, Като-Камбрезийский мирный договор 1559 года).

Дальнейшая история форм и методов дипломатии и институтов дипломатии XVI–XVIII вв., дипломатии XIX в. полна примеров создания разного рода альянсов, блоков и союзов государств, противостоящих друг другу. В подобной ситуации, основной заботой дипломатии является сохранение существующего баланса сил. Века шли вперед, но теоретическое и практическое наследие Никколо Макиавелли незримо оставляло свой след в истории межгосударственных отношений и его дипломатический инструментарий всегда находил благодарных исполнителей как во благо, так и во вред. Внешняя политика государства есть, была и будет самостоятельной и независимой, но всегда сохраняющей дипломатическую и институциональную преемственность [1; 3; 4; 6, с. 245–249].

Дипломатический инструментарий – это совокупность средств и способов, применяемых для достижения или осуществления поставленных целей. Никколо Макиавелли всегда старался и теоретически обосновывал, что его дипломатический инструментарий должен быть гибким и прагматичным.

Идеи и правила дипломатического инструментария Никколо Макиавелли стали привычным элементом современности, и зачастую те, кто их использует, и не догадываются, кто был их истин-

ным автором. Национальный эгоизм, этно- и другие формы централизма также не исчезли с политической арены и часто проявляются в ходе переговоров по выработке коллегияльных соглашений, нацеленных на защиту интересов государств [14, р. 76–94].

Теоретики и практики дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) в своем большинстве были уверены в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идет о средствах, а не о целях. Дипломат и политик обязан осознанно или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических сравнений.

В работах современников исследуемого периода мы можем проследить зачатки классификации инструментов внешней политики государства: мирные инструменты внешней политики (многосторонние и односторонние) и силовые (военные) инструменты внешней политики. В своих трудах они описывают плюрилатеральные (многосторонние) контакты: прямые переговоры; дипломатия – как средство; медиация (посредничество); переговорный процесс [11; 12].

Также уместны и рекомендации по управлению эмоциями во время переговоров, которые получают дипломаты от своих наставников в указанных выше трудах. Вполне естественно, что во время переговоров они не только обмениваются информацией, но еще обмениваются эмоциями. И поэтому очень важно уметь управлять своими эмоциями и эмоциями партнера по переговорам.

В источниках анализируемого периода можно проследить следующие типы эмоционального сопровождения процесса дипломатических переговоров:

– начало и конец переговоров характеризуется следующим набором эмоций и чувств: доброжелательность, радость, приподнятое настроение;

– набор эмоций (эмоциональное состояние) в ходе переговоров: спокойствие, собранность, повышенная концентрация внимания, внимательность;

– в кульминационный момент переговоров эмоциональное состояние: решительность, всплеск эмоций, напор, уверенность в себе, энергичность;

– при трудных переговорах или в военное время (во время военных конфликтов): упорство, уверенность в себе, решимость, стойкость, крик, истерика, страх, психологический напор или прессинг.

Предложенные модели описания поведения в дипломатическом переговорном процессе и, соответственно, традиционные модели описания эмоций и эмоциональности в целом, не учитывают всей сложности эмоциональных процессов, предложенный выше подход дает возможность более полного и корректного их описания для дальнейшего изучения указанных проблем эмоциональности в исторической ретроспективе [9, р. 277–307; 13; 17].

В дипломатических переговорах следует прислушиваться и к разуму, и к сердцу, опираться на трезвый расчет и эмоции. Дипломату никуда не деться от своих эмоций, так что придется принимать их во внимание, как и эмоции своих коллег-дипломатов.

Эмоции бывают положительные и отрицательные, испытывая первые, дипломат ощущает прилив сил. Позитивные эмоции – например, гордость, надежда или облегчение – влияют очень хорошо на ход переговоров. А злость, раздражение, страх и другие негативные эмоции мешают выстраивать деловые дипломатические отношения.

Таким образом, можно констатировать, что важными составляющими характеристики эмоциональности в дипломатических практиках раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) являются внешние силы, воздействующие на дипломата извне или проникающие в его душу. В отличие от других чувств эмоции имеют социокультурную обусловленность, они возникают в процессе коммуникации и предполагают не рациональный анализ, а внутреннюю включенность в процессе (переговоры, общение и т. д.) и особую интуицию, выявляясь иногда по отчетливым, а иногда чуть заметным или внутренним признакам.

Разделение эмоций и разума и трактовку эмоций как силы в дипломатических практиках можно считать доминирующим мо-

тивом в европейской дипломатии и в формировании образа дипломата раннего Нового времени (мирного и военного).

Рациональные и иррациональные эмоции – их сочетание и составляет особенности дипломатических практик и деятельности дипломатов раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), и в этот период уже ставится вопрос о требованиях контроля над эмоциями, хотя взгляды на пределы такого контроля различаются в дипломатических и ментальных установках системы ментальных координат в международно-политическом контексте.

В период раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) в дипломатических практиках всегда присутствовала эмоциональная дилемма, главным образом влияющая на образ дипломата раннего Нового времени – дилемма социального и индивидуального. Она не утратила актуальности и сегодня...

Приемы и методы дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) – это весьма сложный дипломатический инструментарий, который нацелен на выполнение внешнеполитических задач государства и формирование его институтов дипломатии и в военное, и в мирное время.

Цели дипломатической деятельности на практике, однако, зачастую сопряжены со значительными трудностями (яркие примеры чему мы находим в описаниях Никколо Макиавелли, Филиппа де Коммина, Франческо Гвиччардини и др.), и результаты могут не совпадать с ожиданиями и чаяниями. Связано это с целым рядом факторов и условий, эмоциями и эмоциональным состоянием в целом, которые могут или благоприятствовать, или препятствовать выполнению поставленных перед дипломатией задач в мирное и военное время.

Список литературы

1. Искусство и культура Европы эпохи Возрождения и раннего Нового времени : сб. тр. в честь Всеволода Матвеевича Володарского. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 416 с.

2. Кальер, Ф. де. О способах ведения переговоров с государями : перевод первого французского издания 1716 г. / Ф. де Кальер. – М. : [Б. и.], 2000. – 208 с.

3. Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал / отв. ред. Н. А. Хачатурян. – М., 2004. – 544 с.
4. Собираательство и меценатство в эпоху Возрождения / ред.-сост. А. В. Доронин, О. Ф. Кудрявцев. – М. : Полит. энцикл., 2015. – 231 с.
5. Циватый, В. Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) / В. Г. Циватый // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны : сб. науч. ст. / под ред. М. А. Юсима. – М. : ИВИ РАН, 2013. – С. 271–285.
6. ARS HISTORICA : сб. в честь Олега Федоровича Кудрявцева / сост. и отв. ред. А. К. Гладков. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 566 с.
7. Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / B. Barbiche. – Paris : Presses Universitaires de France, 2012. – 369 p.
8. Black, J. A History of Diplomacy / J. Black. – Reaktion Books, 2010. – 312 p.
9. Chartier, R. Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectories et questions / R. Chartier // Revue de Synthèse. – Sér. 3. – 1983. – V. 8. – P. 277–307.
10. Commines, Ph. de. Mémoires / Ph. de Commines. – Paris, 1924–1925. – Т. 3.
11. Dumont, J. Corps universelle diplomatique du droit des gens / J. Dumont. – Amsterdam, 1726. – Т. 3. – Pt. 2.
12. Flassan, G. Histor général et raisonnée de la diplomatie française, ou de la politique de la France, depuis la fondation de la Monarchie, jusqu'a à la fin du règne de Louis XVI / G. Flassan. – Paris, 1811. – Т. 1.
13. Lannoy, G. de. Oeuvres / G. de Lannoy ; ed. Ch. Potvin. – Louvain, 1878.
14. Le Goff, J. Les mentalités: une histoire ambiguë / J. Le Goff ; eds. J. Le Goff, P. Nora // Faire de l'histoire. – III. – Paris, 1974. – P. 76–94.
15. Lecointe, J. L'Idéal et la Différence: La perception de la personnalité littéraire la Renaissance / J. Lecointe. – Genève, 1993. – 323 p.
16. Livet, G. L'équilibre européen de la fin du XV e à la fin du XVIII e siècle / G. Livet. – Paris, 1976. – 299 p.
17. Masselin, J. Journal des Etats Généraux de France tenus à Tours en 1484 / J. Masselin ; ed. A. Bernier. – Paris, 1835.
18. Mattingly, G. Renaissance diplomacy / G. Mattingly. – Boston, 1955. – 284 p.

19. Mowat, R. B. A History of European Diplomacy (1451–1789) / R. B. Mowat. – L. : Hamden-Connecticut, 1971. – 311 p.
20. Nordmann, C. La montée de la puissance européenne (1492–1661) / C. Nordmann. – Paris : Presses universitaires de France, 1974. – 325 p.

**DIPLOMATIC PRACTICE AND THE IMAGE
OF THE DIPLOMAT IN THE MILITARY CONFLICTS
OF THE EARLY MODERN PERIOD: INTERNATIONAL
AND INSTITUTIONAL ASPECTS**

Tsivatyi Viacheslav Grigorievich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Honored Worker of Education of Ukraine,
The First Vice-Rector for Scientific and Educational Work of the Diplomatic,
Academy of Ukraine of the Ministry of Foreign Affairs of Ukraine
tsivatyy@i.com.ua, tsivatyi@gmail.com
Velyka Zhytomyrska St., 2, office 219, 01001 Kyiv, Ukraine

Abstract. The article deals with the analysis of the foreign policy and diplomacy of the European states of the early Modern period (XVI–XVIII centuries) during military conflicts. Particular attention is given to the institutional development of public and political opinion as well as to the institutional and diplomatic practices in Western and Central Europe. Emphasis is placed on the institutional development of the diplomatic service, the diplomatic tools, standards of the protocol, the etiquette and the ceremony of the leading countries in Europe. The directions of the evolution of the theory and practice of diplomacy in the historical retrospective and international political context. The professional demands to the diplomats and government employees, who are engaged in the foreign policy in the context of particular historical period of their activities and continuity of diplomatic practice, are analyzed.

Key words: foreign policy, diplomacy, models of diplomacy, institutionalization, war, Europe, early Modern period (XVI–XVIII centuries).

УДК 94 (327)

ББК 66.4(4/8)

«МНОГОВЕКТОРНАЯ» ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ В ОТНОШЕНИИ КАТАРА

Цыплин Виталий Геннадьевич

Кандидат исторических наук,
профессор кафедры международных отношений
и внешней политики России
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского
v.tsyplin@yandex.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются формы, основные направления, некоторые результаты сотрудничества Беларуси с государством Катар в XXI веке. Автором делаются попытки выяснить причины сложившейся ситуации. В статье приводятся выводы относительно прагматической точки зрения республики Беларусь, которая делает упор в своей внешней политике на сотрудничество с богатыми нефтью монархиями Персидского залива и воздерживается от поддержки России на международной арене.

Ключевые слова: внешняя политика Беларуси, интересы Катара на постсоветском пространстве, поставки вооружения.

С каждым годом Катар пытается расширить свое присутствие на постсоветском пространстве, вмешиваясь в отношения России с наиболее значимыми для нее соседями из числа бывших советских союзных республик. На это монарх получил особое согласие. Известно, что эмир Катара несколько последних десятилетий пользуется широкой поддержкой США. Они же одобрили действия Катара по поддержке чеченских боевиков в России, с которой у монарха окончательно испортились межгосударственные отношения после задержания сотрудников ГРУ в 2004 г., судебного процесса над ними и приговора к пожизненному заключению. В последнее десятилетие действия Катара все чаще затрагивают российские интересы. У Катара всегда прослеживались

попытки некими блоковыми договоренностями или односторонними действиями подменить универсальные принципы Устава ООН. Так, шейх Хамад бен Халифа Аль-Тани с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН призвал группу арабских стран в обход якобы недееспособного Совбеза ООН вмешаться в ситуацию в Сирии.

Дипломатические отношения между Беларусью и Государством Катар установлены в январе 1996 года. Эмир Катара в начале 2009 г. посетил Беларусь. В ходе визита были обсуждены вопросы экономического сотрудничества и крупных инвестиций в белорусскую экономику. Был и ответный визит довольно представительной белорусской делегации. Катар как крупнейший мировой поставщик сжиженного природного газа давно привлекал внимание официального Минска. А согласно версии белорусского МИДа это государство относится к «странам мирового Юга» [11], оно находится в русле политики укрепления и расширения дальней «внешнеполитической дуги» союзников и партнеров. Это не может не беспокоить российское руководство, так как катарские газовые кампании стремительно пытаются увеличить свое присутствие на европейском рынке. Когда-то Катар принял во внимание желание ряда европейских и постсоветских стран избавиться от зависимости от поставок газа из России и предложил свои альтернативные проекты, касающиеся строительства стратегического газопровода в Евросоюз через Сирию и Турцию. Хотя, по мнению некоторых аналитиков консалтинговых компаний, любые проекты по доставке катарского газа в Европу сухопутным путем экономически проигрывают поставкам сжиженного газа морем. Они так же считают, что все старые заявления о намерениях по поводу катарских труб можно отнести к категории политических деклараций, не имеющих реальной перспективы, а доводы на эту тему рассматривают как пустословие. Но есть и противоположное мнение по этому вопросу [4].

Национальный банк Катара приводит данные о подтвержденных запасах природного газа в Катаре в размере 25,06 трлн кубометров, что, по мнению экспертов, позволит ему добывать газ в больших объемах в течение 160 лет. Это и притягивает к

Катару многие государства, среди которых просматривается и Беларусь. Можно ли заподозрить официальный Минск в стремлении к развитию контактов с откровенно враждебно настроенными к России государствами? Факты – вещь упрямая. А. Лукашенко 14 апреля 2016 г. встретился с эмиром Катара шейхом Тамимом бен Хамадом аль-Тани на полях стамбульского саммита Организации исламского сотрудничества. Туда глава белорусского государства был приглашен в качестве специального гостя, где участников Саммита лично встречал Президент Турции Р.Т. Эрдоган. Эмир Катара отметил, что отношения с Беларусью носят стратегический характер, а вопросы экономики находятся в центре внимания. В то же время он заявил о готовности выстраивать взаимодействие с Беларусью по всем направлениям [14], что для него очень актуально в условиях газовой конкуренции с Россией на европейском, а теперь и на азиатском рынках.

Сделав еще один небольшой экскурс в историю, можно вспомнить, например, 2011 г., когда правительство Белоруссии планировало передать Катару месторождение железной руды, Петриковское и Октябрьское месторождения калийных солей. Об этом говорится в опубликованном 14 октября 2011 г. протоколе поручений президента Белоруссии А. Лукашенко по итогам его визита в Катар 15–16 августа 2011 года [13]. Перед этим 5 августа в Дохе было заключено рамочное соглашение о совместных продажах минеральных удобрений между катарской компанией «Мунтаджат» и белорусским госпредприятием ОАО «Беларуськалий». Суть его сводилась к готовности катарской компании продавать до 3 млн т белорусских калийных удобрений в год, при этом планировалось обеспечить присутствие белорусских удобрений на ранее не охваченных рынках. А в документе с грифом «Для служебного пользования» имелись отметки, что до 31 октября 2011 г. необходимо: определить границы земельных участков для «Катарского острова» на территории Белоруссии, заняться подготовкой меморандума о взаимопонимании в вопросах реализации данного инвестпроекта, среди ответственных были ЧУП «Технологии управления» и Национальный банк Белоруссии. Им была поручена подготовка нормативной базы и обеспечение льготного ре-

жима функционирования финансовых и банковских центров. На Виктора Лукашенко, помощника президента Беларуси по национальной безопасности, возлагалось решение вопросов по определению катарской стороной земельных участков на территории Беларуси для обустройства охотничьих угодий и строительства резиденций для членов правящей семьи Катара при непосредственном участии Миноблсполкома и Управления делами президента Белоруссии [6]. В 2014 г. белорусские власти предлагали Инвестиционному фонду ВС Катара стать собственником хоккейного клуба «Динамо-Минск». Но в дальнейшем о реализации этих сценариев ни в средствах массовой информации, ни в выступлениях руководителей долгое время ничего не говорилось [18]. А в 2013 г. появилась информация о том, что катарцам выделен участок площадью 25 га в аренду на 99 лет, поскольку иностранцы не могут владеть белорусской землей. Таким образом, Катар начал осваивать выделенные земли на берегу Дубровского водохранилища [7]. Обмен земельными участками между странами иногда практикуется, однако неизвестно, какой подарок был сделан Беларуси в ответ.

В промышленной зоне в Брестской области планировалось расположить деловые и культурные центры, катарские банки. Кроме этого, предполагалось уже начать проектирование сразу нескольких объектов недвижимости на территории Белоруссии от резиденции до зданий гостиничных комплексов. Под первый гостиничный комплекс в Минске стоимостью до \$100 млн (к концу строительства сумма увеличилась вдвое) в районе проспекта Победителей рядом с футбольным манежем было отведено место. Многофункциональный комплекс строился под патронатом инвестфонда Вооруженных сил Катара. Прием здания белорусской государственной комиссией был назначен на конец 2015 г., а прием первых гостей намечался на начало 2016 года.

Руководство Беларуси рассматривает Катар в качестве «помощника» своему государственному концерну в более успешном освоении месторождений в третьих странах, тем самым позволит избежать осечек, подобных случаю с иранским месторождением

«Джофеир». Там первой причиной расторжения контракта в феврале 2013 г. стали разногласия сторон, касающиеся методов и технологий ведения работ, в следствии чего не выполнялись обязательства по контракту по количеству добытой нефти, а уже потом финансовые загвоздки по выплатам за использование месторождения [1]. А так все хорошо начиналось, когда 30 января 2011 г. в Дохе состоялась встреча по обсуждению вопросов, представляющих взаимный интерес, между Виктором Лукашенко и эмиром Катара шейх Хамад бин Халифа Ааль Сани в присутствии главы нефтяной госкомпании «Qatar Petroleum» председателя эмирской канцелярии, заместителя премьер-министра Катара Абдулла Бин Хамад Аль-Атгья [8]. Поэтому руководство Беларуси по-прежнему привлекает доступ к передовым технологиям добычи углеводородов, которые можно почерпнуть у катарской госкомпании «Qatar Petroleum International», а с ней в свою очередь делятся американская «Exxon Mobil Corp» и британо-голландская «Royal Dutch Shell Plc» [2]. Катар проявил интерес к поставкам из Беларуси продукции Белшины, БелАЗа, МАЗа, МТЗ, Керамина и предприятий концерна «Беллесбумпром».

На этом фоне руководство Беларуси разыгрывает с Россией свои независимые комбинации, находясь в готовности использовать противоречия между Москвой и Западом в своих государственных интересах.

23 июня 2007 г. состоялся визит начальника Генштаба Вооруженных сил Катара в Минск, после чего силовые структуры Беларуси и Катара начали развивать взаимодействие. В 2008 г. состоялись совместные учения в Катаре с участием белорусских военнослужащих.

За несколько месяцев до известных событий в Ливии, согласно информации международных журналистов, спецподразделения Катара проходили подготовку в Минске. А в августе 2011 г. все мировые СМИ сообщали о том, что спецподразделения Катара инструктировали ливийских повстанцев, более того, на новостных страницах появлялась информация о беспрецедентном участии катарцев в боевых действиях, травле местного населения, захвате и убийстве Каддафи.

Евгений Сатановский обвинил Беларусь в том, что Катар и ОАЭ закупают в ней переносные зенитно-ракетные комплексы (ПЗРК), ручные противотанковые гранатометы (РПГ) и многое другое оружие советского производства, а потом это все поставляется ливийским исламистам, боевикам на Синае и сирийским сторонникам ИГ [10]. Военный эксперт Андрей Поротников трактует эти высказывания не просто как фантазии Сатановского, а как заказ, как элемент психологического давления на белорусские власти, связанные с тематикой авиабазы. Хотя Е. Сатановский связывает свои выводы не с авиабазой, а с визитом в конце июня 2015 г. в Минск министра обороны Катара Хамада бен Али аль-Аттыйи. Его переговоры с А. Лукашенко были сконцентрированы на закупках вооружения в «интересах катарской армии», которой очевидно это не надо, так как она вооружена по американским стандартам. Да и совсем недавно министры обороны США и Катара Чак Хейгел и Хамад бен Али аль-Аттыйа подписали договор о поставках американского вооружения на сумму более чем в 11 млрд долларов [17]. Таким образом, закупки осуществляются в интересах каких-то «третьих сторон». Далее директор института Ближнего Востока обозначает планы Дохи, которая старается перевести каналы поставки оружия под свой контроль с отказом от услуг сербских посредников, участие которых рискованно в силу возможного давления на них со стороны Брюсселя [15].

Беларусь в 2010 г. занимала одиннадцатую строчку в рейтинге по величине экспорта оружия в мире. В связи с этим обстоятельством, на утверждение обеих палат Конгресса США поступил законопроект «Акт об учете белорусских поставок вооружений». Это свидетельствует о том, что у американских законодателей возникла серьезная озабоченность растущими объемами поставок оружия из Беларуси. Они испытали дискомфорт в связи с укреплением связей официального Минска со странами, подозреваемыми в пособничестве терроризму.

По мнению военного эксперта А. Алексина, Беларусь может поделиться с Катаром средствами радиоэлектронной борьбы, включая средства противодействия применению современ-

ного высокоточного оружия, наводимому как по спутниковой навигации, так и без нее. Отмечаются нежелательные для России белорусско-катарские контакты в использовании радиолокационных средств, так как Беларусь в последние годы создала целый ряд радиолокаторов, обнаруживающих самолеты, изготовленные по технологии «СТЕЛС», и низколетящие цели. Белорусские компании обращают большое внимание на борьбу со средствами воздушно-го нападения и высокоточным оружием, в связи с чем занимаются модернизацией уже произведенных ЗРК. Они берутся не только за советские ЗРК, но и за ЗРК стран-членов НАТО.

Очевидно, что Катар все действия совершает в интересах «третьих сторон». Армия Катара оснащена по американским стандартам и белорусское оружие им не нужно [16].

Источник информации, приближенный к деятельности российского посольства в Тунисе и обладающий данными, полученными от сирийских коллег, сообщает, что в Триполи прибыла очередная партия оружия для группировки «Рассвет Ливии», контролирующей в настоящее время крупные города на западе Ливии и ее столицу. Данный военный груз имеет белорусское происхождение и его лично встречал один из лидеров ливийских исламистов А. Бельхадж, известный ставленник Катара – проамериканского режима в Арабском мире периода свержения М. Каддафи. Он занимается финансированием исламистов в Египте, Сирии и Ливии. Поэтому из уст военных экспертов можно услышать понятие «оружейный симбиоз»: Белоруссия – Катар – ливийские исламисты [3]. Россия же, несмотря на подписанные во времена Каддафи контракты на поставки в Ливию различных видов вооружений, полностью прекратила все поставки с 2011 г., придерживаясь взятых обязательств в рамках ООН не поддерживать ни одну из сторон конфликта.

В то же время в докладе экспертов Совета безопасности ООН говорится, что в 2013–2014 гг. Беларусь уже поставляла боеприпасы ливийским вооруженным группировкам. Об этом говорится в источнике, опубликованном агентством Reuters, когда в указанный период из Беларуси прибыли 15 рейсов [17]. Правда, на сколько верна эта информация? Военные специалисты припи-

сывают Беларуси различные хитроумные схемы поставки оружия с участием сербского посредника экстра-класса Слободана Тешича, имеющего ценные связи в Ливии с разведывательными службами. Так, французский бюллетень «Intelligence online» в статье «Comment Beltech et Tesic arment le general Naftar» рисует сюжеты, связанные с поставками вооружений в Ливию. В этом издании подозревает дуэт из того же сербского оружейного барона С. Тешича и белорусского официального экспортера вооружений компании «Белтехэкспорт».

Раунд белорусско-катарских межмидовских консультаций, который проходил в Дохе в апреле 2015 г., завершился открытием второго белорусского диппредставительства на Аравийском полуострове. Заместителем министра иностранных дел Катара по вопросам международных отношений Мохаммедом бен Мутибом бен Абдаллой аль-Румейхи и заместителем министра иностранных дел Беларуси Валентином Рыбаковым была проведена церемония официального открытия посольства Беларуси в Государстве Катар. С того времени Чрезвычайный и Полномочный Посол в Объединенных Арабских Эмиратах Роман Головченко представляет Беларусь и в Катаре [12].

В 2016 г. контакты между Катаром и Беларусью на высшем уровне продолжились. Помощник президента по вопросам национальной безопасности Виктор Лукашенко 29–31 марта 2016 г. принял участие в V Международной выставке военно-морской обороны DIMDEX в Дохе. Это мероприятие было ориентировано на военно-морские силы североафриканского и ближневосточного регионов. В выставке принимали участие ведущие мировые производители техники и оборудования военного назначения. По мнению специалистов, DIMDEX является катарским аналогом азиатской выставки IMDEX Asia и проводится регулярно раз в два года начиная с 2008 года [5]. Кроме этого, В. Лукашенко встретился с премьер-министром, министром внутренних дел Катара шейхом Абдуллой бин Насером бин Халифа аль-Тани и обсудил с ним вопросы укрепления взаимодействия в области безопасности. А немного позднее уже сам Президент Беларуси А. Лукашенко на полях саммита Организации

исламского сотрудничества, который проходил в Стамбуле, провел встречу с Эмиром Государства Катар, уже упомянутую и прокомментированную нами [9].

Таким образом, А. Лукашенко давно ведет многовекторную политику, которую отличает абсолютная непредсказуемость. В то время как у России очень мало точек соприкосновения с Катаром, Лукашенко активно дружит с катарским шейхом и делает с ним бизнес, в том числе в поставках оружия.

Поэтому в сложившейся ситуации очевидна мысль, что сегодня нельзя говорить о полном нейтралитете Белоруссии. Хотя она в действительности стремится открыто не вмешиваться в чужие конфликты и периодически воздерживается от поддержки России на международной арене.

Катар, в свою очередь, хочет уменьшить экономическую привязку Минска к Москве и ослабить российское влияние в Белоруссии в условиях российско-катарского противостояния по «газовому» и «сирийскому» вопросам. Возможно, это катарская попытка нащупать российскую болевую точку и нанести в нее отвлекающий удар.

Список литературы

1. Беларусь и Иран окончательно похоронили «проект Джофеир». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2013/02/05/ic_articles_113_180735/ (дата обращения: 01.04.2016). – Загл. с экрана.
2. Белоруссия и Литва будут поставлять в Европу катарский газ? – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/1507840.html> (дата обращения: 01.04.2016). – Загл. с экрана.
3. Белоруссия опять поставила ливийским боевикам тонны боеприпасов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://rostovnews.ru/news/belorussiya_opyat_postavila_livijskim_boevikam_tonny_boepripasov/ (дата обращения: 02.04.2016). – Загл. с экрана.
4. Верейски Эдгар. Сирия – это драка за газ в Европе между Россией и Катаром. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://stop-news.com/3193-siriya-eto-draka-za-gaz-v-evrope-mezhdu-rossiey-i-katarom.html> (дата обращения: 04.04.2016). – Загл. с экрана.

5. Виктор Лукашенко оценил слет военно-морских сил в Катаре. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/politic/338579/> (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

6. Катарская компания готова продавать до 3 млн т калийных удобрений Беларусью. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: regnum.ru, 8 августа 2013 г. № 870461 (дата обращения: 01.04.2016). – Загл. с экрана.

7. Катару подарили 25 га леса под Минском под резиденцию, а рядом поселили КГБ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/410541.html> (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

8. Лукашенко в Катаре: Белоруссия обладает колоссальнейшими возможностями // Нефть России. – 2011. – 17 авг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.oilru.com/news/272516/> (дата обращения: 01.04.2016). – Загл. с экрана.

9. Лукашенко обсудил с Эмиром Катара экономическое сотрудничество. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.belaruspartisan.org/politic/340046/> (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

10. Оружие, закупаемое у Белоруссии, Катар и ОАЭ используют исключительно для снабжения террористов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://monavista.ru/news/oruzhie_zakupaeмое_u_belorussii_katar_i_oe_ispolzuyut_isklyuchitelno_dlya_/ (дата обращения: 19.04.2016). – Загл. с экрана.

11. Приоритетные направления внешней политики Республики Беларусь // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь (дата обращения: 01.03.2016).

12. Романова, Н. Доха ближе к делу / Н. Романова // Советская Белоруссия. – 2015. – 23 апр. [№ 76 (24706)]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.sb.by/politika/article/dokha-blizhe-k-delu.html> (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

13. Российский кредит «Беларуськалий» – хорошая новость для Нацбанка Белоруссии, Китая и Катара. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/1480113.html> (дата обращения: 21.03.2016). – Загл. с экрана.

14. Саммит ОИС в Стамбуле: 14 апреля выступит Александр Лукашенко. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ctv.by/sammit-ois-v-stambule-14-aprelya-vystupit-aleksandr-ukashenko> (дата обращения: 17.03.2016). – Загл. с экрана.

15. Сатановский Е. // ВПК. – 2015. – 12 дек. [№ 46 (612)]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/28275> (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

16. Содружество ударов в спину. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vpk-news.ru/articles/28276> (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

17. США продадут Катару оружия на 11 млрд долларов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/07/140715_rn_us_qatar_weapons_deal.shtml (дата обращения: 19.04.2016). – Загл. с экрана.

18. Шадурский, В. Г. Арабские государства во внешней политике Республики Беларусь (1992–2013 гг.) / В. Г. Шадурский. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/95579/1/shadurski_%202013_Trudy.pdf (дата обращения: 21.04.2016). – Загл. с экрана.

"MULTI-VECTOR" POLICY OF BELARUS IN RESPECT OF QATAR

Tsyplin Vitaly Gennadievich

Candidate of Sciences (History),
Professor, Department of International Relations and Russian Foreign Policy,
Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky
v.tsyplin@yandex.ru
Astrakhanskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. the article analyzes the forms, the main directions and some results of cooperation between Belarus and Qatar in the XXI century. The author attempts to find out the reasons for this situation. The article draws conclusions about pragmatic point of view of the Republic of Belarus, which is focusing its foreign policy on cooperation with the oil-rich monarchies of the Persian Gulf and abstained from supporting Russia in the international arena.

Key words: the foreign policy of Belarus, the interests of Qatar in the post-Soviet space, the supply of arms.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННОЕ ДЕЛО В ДРЕВНОСТИ

Балабанова М.А.

ВОЕННЫЕ ОПЕРАЦИИ И ГРАБИТЕЛЬСКИЕ НАБЕГИ
САРМАТОВ И АЛАН ПО ДАННЫМ
АНТИЧНЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ 3

Кириченко Д.А.

БОЕВЫЕ ТРАВМЫ И СКАЛЬПИРОВАНИЕ
У ПЛЕМЕН КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ
АЗЕРБАЙДЖАНА 16

Перерва Е.В.

СЛУЧАИ БОЕВОГО ТРАВМАТИЗМА
У НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НИЖНЕГО ДОНА 22

ВОЕННОЕ ДЕЛО В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Богатырев А.В.

СЕМЬЯ В ЖИЗНИ
РУССКОГО ПОЛКОВНИКА XVII ВЕКА 38

Верченкова В.В.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ОТСТУПЛЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ
ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.
ПО МЕМУАРАМ УЧАСТНИКОВ 49

Гребенкин А.Н.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАДИЦИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
С ВОЕННО-КУЛЬТУРНЫМИ ТРАДИЦИЯМИ
РУССКОЙ АРМИИ 53

Иванюк С.А.

ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ БОЯ ИРРЕГУЛЯРНОЙ КОННИЦЫ
РУССКОЙ АРМИИ В XVII – XX ВЕКАХ 61

Кочуков С.А.

- «ЧТО СТАНЕТ С РУССКИМ НАРОДОМ
ДАЖЕ В СЛУЧАЕ УДАЧИ
ГРАНДИОЗНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ?»
(К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ
РУССКОГО ОБЩЕСТВА
К РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877 – 1878 гг.) 71

Кузнецова Я.И.

- СВЯТЫЕ ВОИНЫ В ИКОНОГРАФИИ
МОНАСТЫРЯ ХОРЫ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В ВИЗАНТИИ 81

Луночкин А.В., Карагодина О.А.

- ПРЕССА ЦАРИЦЫНА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 92

Лысиков П.И.

- ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ
ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЙСК
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1321 – 1328 гг.:
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ 99

Мохов А.С.

- ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ
ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IX –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X ВЕКА 109

Трегубова М.С.

- ВОЙНА И ТУРЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В XIX в.
В ВОСПРИЯТИИ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
«РУССКИЙ ВЕСТНИК» 119

КРЫМСКАЯ ВОЙНА: РОССИЯ И МИР

Акульшин П.В.

- ДРУГ А.С. ПУШКИНА О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ:
КНЯЗЬ П.А. ВЯЗЕМСКИЙ И ЕГО КНИГА
«ПИСЬМА РУССКОГО ВЕТЕРАНА 1812 г.
О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ» 126

Дубовиков А.М.

- УРАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 134

Жолудов М.В.	
ЛОРД ПАЛЬМЕРСТОН И РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	146
Кузнецов О.В.	
КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК «МОМЕНТ ИСТИНЫ» ДЛЯ РОССИИ	154
Луночкин А.В.	
КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ЦЕНЗУРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРЕССЫ	167
Матвеев В.А.	
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВКЛАД РОССИИ В ПРОТИВОСТОЯНИЕ УГРОЗАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И УСИЛИЯ ПО ЕЕ РАЗРУШЕНИЮ КАК ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	173
Никитина Н.П., Печенкина Д.И.	
ОПОЛЧЕНИЕ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	185
Петрова И.С.	
КАМЫШИНСКОЕ УЕЗДНОЕ РЕКРУТСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ: ОБЗОР ФОНДА	199
Рябов О.В.	
ОБРАЗ ВРАГА В КАРИКАТУРЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: СЛУЧАЙ «РУССКОГО МЕДВЕДЯ»	206
Соков И.А.	
ВЛИЯНИЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	213
Харинин А.И., Хизриев Ш.Х., Юнусов В.О.	
МОДЕРНИЗАЦИЯ ТУРЕЦКОЙ АРМИИ В ПРЕДДВЕРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	225
Чешенова Т.В.	
ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ. ПЛАСТУНЫ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ	232

Шумкин Г.Н.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ПРОИЗВОДСТВО
СТРЕЛКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ В РОССИИ 240

**ВОЕННОЕ ИСКУССТВО В МЕТОДОЛОГИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ «WARGAME» ИССЛЕДОВАНИЙ**

Бухаров В.Ю.

СОЗДАНИЕ
НАСТОЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СИМУЛЯЦИИ
СРАЖЕНИЙ ПРИ РУЦУКЕ И СЛОБОДЗЕЕ
В 1811 г. — «ВАЛАХИЯ 20» («WALLACHIA 20») 248

Василенко С.В.

СИМУЛИРОВАНИЕ АСПЕКТОВ
ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ
ВО ВЬЕТНАМЕ НА ОСНОВЕ ИГРЫ
«DOWNTOWN: AIR WAR OVER HANOI, 1965 – 1972» 256

Колесников Б.В.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ
МОРСКОГО СРАЖЕНИЯ ПРИ АКЦИУМЕ
31 г. ДО Р. Х. В ИГРЕ «ANCIENTS» 274

Кондратенко С.Ю.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
НАСТОЛЬНЫХ ИГР (WARGAME)
В РАБОТЕ ДИСКУССИОННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО КЛУБА
«ЛЕД И ПЛАМЯ ИСТОРИИ» НА ПРИМЕРЕ ИГРЫ
«ПАДЕНИЕ РИМА: ВТОРЖЕНИЕ ВАРВАРОВ» 283

Харинин А.И.

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ
ДУЭЛЬНЫХ «ВАРГЕЙМОВ» ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
В КАЧЕСТВЕ РАБОЧИХ ПОСОБИЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ КЛУБОВ 290

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ
ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

Буранок С.О.

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СССР:
ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ США 299

Содержание

Голуб Ю.Г.

- НА ПУТИ К ПЕРВОЙ ВСТРЕЧЕ
И.В. СТАЛИНА, Ф. РУЗВЕЛЬТА И У. ЧЕРЧИЛЛЯ 309

Кондорский Б.М.

- СПЕЦИФИКА ВОЕННЫХ
И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
XVIII – XX вв. С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА 319

Мезенцев Е.В.

- МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ
В НАПОЛЕОНОВСКУЮ ЭПОХУ (К ВОПРОСУ
О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ВОЙН) 330

Станков Н.Н.

- ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ
И ПОЛЬСКО-СОВЕТСКАЯ ВОЙНА 1920 ГОДА 341

Циватый В.Г.

- ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И ОБРАЗ ДИПЛОМАТА
В ВОЕННЫХ КОНФЛИКТАХ
РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ 350

Цыплин В.Г.

- «МНОГОВЕКТОРНАЯ» ПОЛИТИКА БЕЛАРУСИ
В ОТНОШЕНИИ КАТАРА 360

Научное издание

**ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ**

Материалы

*III Международной научной конференции,
посвященной 160-летию окончания
Крымской войны 1853–1856 гг.*

Волгоград, 23–24 сентября 2016 года

В 2 частях

Часть 1

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *С.А. Астахова, Ю.И. Негелькина*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*
Оформление обложки *Н.Н. Захаровой*

Подписано в печать 05.07 2016 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21,9.
Уч.-изд. л. 23,5. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 84.

Отпечатано в издательстве
Волгоградского государственного университета.
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
E-mail: izvolgu@volsu.ru